Е. Н. Городецкий

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ «ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
Институт истории СССР

Е. Н. Городецкий

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

1917 — середина 30-х годов

Очерки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

В монографии рассматриваются история развития ленинской концепции Великого Октября, ее изучение в советской историографии, методологические проблемы истории Октябрьской революции, основы ее научной периодизации, становление советской историографии Великого Октября в борьбе с буржуазной идеологией, результаты научной деятельности первых поколений советских историков. Автор использует науковедческие и источниковедческие методы исследования.

Ответственный редактор
академик И. И. МИНЦ

Г $\frac{10604-204}{042(02)-81}$ 12—81 0502000000 © Издательство «Наука», 1981 г.

ОТ АВТОРА

Создание историографического исследования по истории Октябрьской революции — сложная и трудная задача. Огромен размах ее изучения, велики масштабы публикации источников, активной деятельности центральных и местных научных учреждений. Все это вызвало необходимость несколько ограничить круг поднятых вопросов.

Во-первых, в данной монографии рассматриваются труды только в рамках Российской Федерации. Работы по союзным республикам привлекаются в тех случаях, когда в них решаются общероссийские проблемы, например роль Эстонии и Латвии как ближайшего тыла Петроградского вооруженного восстания или борьба с контрреволюцией на окраинах страны, являющаяся частью общего процесса установления и укрепления Советской власти в центре.

Во-вторых, автор анализирует литературу и публикации источников, отражающие революционный процесс в хронологических рамках октябрь 1917 г.— середина 1918 г., т. е. от победы социалистической революции до принятия первой Конституции РСФСР. При этом, конечно, работы, посвященные основным этапам перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической также являются предметом изучения.

В-третьих, в центре внимания находится историческая литература. Затрагиваются также такие труды по экономическим, философским, правовым и социологическим проблемам, которые находятся на стыках исследований по истории Октября.

Историографы в большинстве случаев изучают литературу, посвященную непосредственному ходу революционных событий 1917—1918 гг. Наиболее распространенным типом историографического труда является история разработки одной из проблем, например вооруженного восстания в Петрограде или в Москве. Слов нет, эти про-

блемы имеют важнейшее значение, и без их исследования не может быть и общей историографии Октябрьской революции. Однако сама историческая наука уже давно вышла за пределы описания и анализа непосредственных революционных событий 1917—1918 гг. Крупные труды и многочисленные статьи посвящены проблемам социально-экономического переустройства общества, вопросам истории государства, культуры и науки.

Таким образом, речь идет о проникновении в глубокие слои тех исторических изменений, которым подверглись все стороны общественной жизни уже в самом ходе революционного процесса. Без рассмотрения результатов исследований по этим проблемам не может быть историографии Октябрьской революции. Вот почему современная работа в этом направлении неизбежно должна быть многоплановой. Однако такая задача настолько сложна и трудоемка, что первая попытка ее решения, естественно, возможна в виде очерков, в которых рассматриваются узловые проблемы историографического процесса.

Автор ставит целью исследовать основные этапы поступательного развития советской науки по истории социалистической революции, освоение ленинской концепции, зарождение и смену проблематики на различных этапах, закономерности идеологической борьбы по истории Октября. В монографии рассматриваются также такие вопросы, как история научных центров, подготовка и развитие кадров исторической науки, соотношение проблем археографии, источниковедения и историографии по истории Великого Октября.

ВВЕДЕНИЕ

Характерной чертой развитого социалистического общества является подъем всех отраслей общественных наук. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии было отмечено: «Серьезные достижения имеются в философской, экономической, исторической науках, в изучении социальных и политических проблем». На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев с особой силой подчеркнул необходимость ускорения научно-технического прогресса, улучшения всей системы научных исследований [1]. В этих условиях возрастает интерес к истории науки, к ее самопознанию, к изучению закономерностей ее развития. Важное значение приобретают науковедческие и историографические исследования.

Историография как научная дисциплина — одна из самых молодых отраслей исторической науки. Историография Великого Октября и того моложе. Работы по этой тематике можно разделить на две группы. Общими ее проблемами занимались И. И. Минц, Г. Н. Голиков, М. Е. Найденов, В. П. Наумов, В. Г. Руслякова и др.

Вторая группа охватывает труды по проблемной историографии. Она разрабатывалась большим отрядом историков, специалистами соответствующих отраслей исторической науки. Историко-партийной проблематикой занимались М. С. Волин, Н. Н. Маслов, Д. К. Шелестов, И. Ф. Петров; историографией рабочего класса — Л. С. Гапоненко, И. Е. Ворожейкин, Т. А. Игнатенко, М. Л. Иткин, Р. М. Савицкая, И. Ш. Черномаз; крестьянства — И. М. Волков, В. П. Данилов, В. И. Погудин, Л. П. Смышляев, П. Н. Соболев, А. М. Чинчиков; национального вопроса — М. И. Куличенко, С. И. Якубовская; политических партий — Х. М. Астрахан, К. В. Гусев, Л. М. Спирин; вооруженных восстаний в Петрограде

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 72; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 38, 42.

и Москве — А. Я. Грунт, Е. Ф. Ерыкалов; исторической периодикой — А. И. Алаторцева, Н. В. Комаренко; по проблеме «Октябрь и историческая наука» — Г. Д. Алексеева, Л. В. Иванова.

Вопросам историографии Октября видное место отводится в трудах по истории исторической науки в союзных и автономных республиках, таких, как работы А. К. Бирона, Ц. П. Агаяна, Я. С. Гросула, В. Г. Сарбея, Г. Ф. Дахшлейгера, М. А. Ахуновой, С. Н. Покровского, Б. В. Лунина, В. П. Шерстобитова. То же можно сказать о Сибири, Урале, Поволжье, Доне и Северном Кавказе. Историографические работы по автономным республикам РСФСР, а также отдельным регионам дают значительный материал для общей историографии Октябрьской социалистической революции. Без этих исследований невозможно воссоздать картину научного процесса изучения истории революции, выявить закономерности этого процесса, основные его этапы, общее и особенное в развитии науки об Октябре. Между тем данные этих исследований еще очень медленно входят в общие историографические работы по истории Октября [2].

Необходимость развития историографии рассматриваемой проблемы диктуется, во-первых, возросшим объемом накопления исторических знаний. За последние пять лет в СССР ежегодно публикуется от 300 до 400 книг, брошюр, статей по истории Октябрьской революции. Библиографию называют лоцией для ориентации в море исследований. Историография — инструмент для познания глубинных процессов в раскрытии закономерностей развития исторических знаний. Во-вторых, в связи с острой идеологической борьбой в современном мире историография дает незаменимое оружие против фальсификаторов истории Октябрьской революции и советского общества.

Возможность развития историографических исследований определяется быстрым ростом кадров историков, в особенности историков Октябрьской революции. В 1974 г. (более поздних данных пока нет) в стране насчитывалось 309 тыс. кандидатов наук, из них кандидатов исторических наук 11 700, или 4% общего количества кандидатов. Докторов наук по всем специальностям к 1974 г. было 31 700, из них докторов исторических наук — 1700, или 5,3% [3]. Из этой армии историков отряд историков Октября насчитывал более 1400 кандидатов наук, или 12% всех кандидатов исторических наук. Из

общего количества докторов исторических наук 150, т. е. около 9%, посвятили себя главным образом изучению истории Октябрьской революции. Эти данные свидетельствуют о том, что проблематика по истории социалистической революции занимает ведущее место в наиболее перспективной квалификационной группе историков [4].

Последние международные конгрессы исторических наук выявили две генеральные, противостоящие друг другу концепции историографии. Современная буржуазная историческая мысль фиксирует состояние «неполноценности исторической науки», «отвращение к истории», «кризис метода» и отсюда — отрицание научного значения историографии [5]. Историография истории Октябрьской революции низведена некоторыми буржуазными историками до универсального средства фальсификации истории СССР.

Советская историография строится на строгой научной основе. Она рассматривает развитие исторической науки как закономерный процесс, неразрывно связанный с жизнью общества. Ее функцией является познание движения исторической науки, основных этапов развития научной мысли как в целом, так и по отдельным проблемам.

Историография истории Великого Октября — комплексная дисциплина, в которой объединены историческая лениниана как методологическая основа; структура проблематики и процесс ее изменения на различных этапах развития науки; история организации науки, научных

---

[2] Остается почти не изученной история историографических исследований по этой проблематике. Можно назвать лишь единственную статью: *Рутман Р. Е.* Великий Октябрь в работах советских историков: (Обзор историографических работ за 1957—1967 гг.).— В кн.: Материалы X научной конференции Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1967, с. 94—119.

[3] Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР/Под ред. Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинского, С. А. Кугеля. М., 1973, с. 81—84; Народное хозяйство СССР в 1974 г.: Стат. ежегодник. М., 1975, с. 144.

[4] Подсчеты количества кандидатов и докторов исторических наук, изучающих историю Октябрьской революции, сделаны нами по каталогу диссертаций Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

[5] Более подробно см.: *Нечкина М. В., Городецкий Е. Н.* Развитие советской историографии истории СССР.— В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 1. Советский период. (Далее: Изучение отечественной истории...)

центров, периодики, научных кадров. Проблемы истории организации науки — это те звенья, которые связывают данный раздел историографии с науковедением.

Современная лениниана по истории Великого Октября опирается на всю совокупность трудов В. И. Ленина, опубликованных в Полном собрании его сочинений, в Ленинских сборниках и огромном комплексе таких источников, как «Декреты Советской власти», «Переписка Секретариата ЦК», в стенографических отчетах партийных съездов и конференций. Советские историки создали большую группу исследователей о В. И. Ленине как историке Великого Октября (И. И. Минц, В. И. Астахов, И. Л. Шерман, И. Б. Берхин, В. Н. Котов, Р. М. Савицкая, А. Г. Черных). В них раскрывается ленинская методология изучения истории революции, его лаборатория научного исследования, история основных трудов В. И. Ленина послеоктябрьского периода. Важное место в этом комплексе занимают публикации, монографии, коллективные труды Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Вопрос об основных этапах истории изучения Великого Октября связан, конечно, с общей периодизацией истории советской исторической науки. Что касается первого этапа — 1917 — середина 30-х годов, то тут у историков особых разногласий нет или они не очень существенны. В дискуссии по проблеме периодизации советской исторической науки были предложения ограничить первый этап концом 20-х годов или началом 30-х, но в целом все же были приняты хронологические рамки 1917 — середина 30-х годов как период утверждения марксистско-ленинской концепции в исторической науке и окончательного краха буржуазной и мелкобуржуазной историографии.

Разноречия наиболее сильно обозначились в современной историографической литературе при определении хронологических границ второго этапа, а также в общей его характеристике. Наиболее содержательный материал по этим вопросам мы находим в историографических монографиях, посвященных крупным проблемам, например историографии истории партии большевиков, рабочего класса, крестьянства, экономического строительства 1917—1918 гг., гражданской войны [6].

В монографии Т. А. Игнатенко хронологические рамки второго этапа определены как вторая половина

30-х — середина 50-х годов [7]. Р. М. Савицкая относит второй период в изучении экономической проблематики к 1938—1958 гг., т. е. исходит из общей историко-партийной периодизации [8], И. Е. Ворожейкин разделил первый период на два этапа — с 1917 до середины 20-х годов и от середины 20-х до середины 30-х годов [9]. Второй же период он датирует со второй половины 30-х до середины 50-х годов [10]. Примерно таких же хронологических рамок второго этапа придерживается В. И. Погудин, а также авторы коллективной историографической работы «Партия и Великий Октябрь» [11]. В. П. Наумов разработал периодизацию применительно к изучению истории гражданской войны. Гранью между первым и вторым периодом он считает начало 30-х годов, точнее даже 1931 г. Конечная грань второго периода — середина 50-х годов [12].

Выделим те черты этого периода, которые отмечают почти все историографы по проблематике истории советского общества. Это, во-первых, формирование новых кадров историков по истории Октября, особенно в послевоенное десятилетие. Во-вторых, подготовка к широкой публикации источников, реализация которой отмечена серединой 50-х годов. В-третьих, бурное развитие локальной проблематики, что способствовало значительному накоплению знаний по истории революции на местах.

---

[6] Партия и Великий Октябрь. Историографический очерк. М., 1976. Авторы: *И. Ф. Петров, Е. Ф. Ерыкалов, Н. Я. Иванов, Х. М. Астрахан, М. Н. Потехин, М. И. Шумилов; Наумов В. П.* Летопись героической борьбы: Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972; *Плотникова М. Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 — первая половина 30-х годов). Томск, 1974, *Игнатенко Т. А.* Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР (1917—1967 гг.). М., 1971; *Погудин В. И.* Путь советского крестьянства к социализму: Историографический очерк. М., 1975; *Савицкая Р. М.* Деятельность В. И. Ленина в области экономического строительства. Октябрь 1917 — июль 1918 г.: Историографический очерк. М., 1975; *Ворожейкин И. Е.* Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975; *Поликарпов В. Д.* Начальный этап гражданской войны: (История изучения). М., 1980.

[7] *Игнатенко Т. А.* Указ. соч., с. 129.

[8] *Савицкая Р. М.* Указ. соч., с. 92.

[9] *Ворожейкин И. Е.* Указ. соч., с. 48.

[10] Там же, с. 77.

[11] *Погудин В. И.* Указ. соч., с. 13; Партия и Великий Октябрь, с. 116.

[12] *Наумов В. П.* Указ. соч., с. 7.

В-четвертых, недостаточное использование достижений предыдущего этапа, распространение иллюстративного метода, а также догматических и субъективистских оценок в историографии.

Таким образом, с теми или иными незначительными отклонениями историографы принимают периодизацию, которая была выработана в итоге дискуссии в начале 60-х годов.

Третий период почти все авторы начинают с середины 50-х годов, обозначая его как «Современный период» (В. П. Наумов), или с начала 60-х годов (Р. М. Савицкая, коллективная монография «Партия и Великий Октябрь»).

Интересные общие соображения о периодизации истории исторической науки высказывает в своей монографии М. Е. Плотникова. «Взаимосвязь историографии истории советского общества с развитием объекта ее исследования закономерно приводит к тому, что основные периоды в истории исторической науки в СССР совпадают в целом с основными этапами истории нашего государства»[13]. Как видно из этого, автор отождествила историографию истории советского общества с историей исторической науки в целом. Но как применить этот принцип, если речь пойдет об историографии периода капитализма? Или феодализма? В этих областях науки непосредственная связь с этапами истории советского общества не так уж очевидна. Между тем разработка вопросов социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, а также методологических проблем (например, теории социально-экономических формаций, перехода от одной формации к другой и т. д.) проводится в значительной мере на материале дооктябрьской отечественной и всемирной истории. То же относится и к методам работы над историческими источниками — опыт, накопленный в наиболее традиционных отраслях исторического знания (например, в медиевистике) весьма важен и для историков советского общества и, следовательно, для историографов. М. Е. Плотникова все это понимает и делает поэтому существенную оговорку: «Принцип взаимосвязи истории общества и истории исторической науки не должен подменять принципов периодизации, лежащих во внутренних процессах развития самой науки». И далее: «На периодизации истории исторической науки непосредственно и существенно отражаются лишь наиболее зна-

чительные по времени и кардинальные по существу процессы, характеризующие развитие общества» [14].

М. Е. Плотникова очертила весьма широкий круг историографических источников, дала определение предмета историографического исследования. Она попыталась сформулировать критерии периодизации, выделив такие, как становление и развитие исторической концепции, уровень ее на разных этапах, определяемый степенью овладения марксистским методом исторического исследования, ленинской концепцией; расширение проблематики; состояние научных кадров и процесс расширения источниковой базы [15].

В приведенном довольно полном перечне овладение ленинской концепцией рассматривается как приближение к некоему уже существующему уровню, который нужно только освоить. Ускользает то положение, что речь идет о методе, применяя который и постоянно его совершенствуя, можно получить новые знания, развить новые положения. Иначе невозможно и определить теоретический уровень того или иного направления в историографии.

В историографических работах по истории Великого Октября трудности возникают при характеристике второго периода — вторая половина 30-х — середина 50-х годов.

Л. А. Комиссаренко обратилась к анализу историографической литературы по истории Октябрьской революции в национальных районах. Она отметила, что наиболее обстоятельно исследована литература 20—30-х годов, менее — литература второй половины 30-х — середины 50-х годов. «Видимо, это связано с тем,— заключает автор,— что довольно немногочисленные работы 30—50-х годов, опирающиеся на сравнительно узкий круг источников и не выходящие за пределы проблем „Краткого курса истории ВКП(б)“, не дают возможности историкам дать какие-то новые интересные обобщения в плане дальнейшего углубления изучения истории Октября» [16].

---

[13] *Плотникова М. Е.* Указ. соч., с. 19.

[14] *Плотникова М. Е.* Указ. соч., с. 20.

[15] Там же.

[16] *Комиссаренко Л. А.* Основные направления развития историографии установления Советской власти в союзных республиках страны.— В кн.: Вопросы теории и практики развития национальных отношений. Л., 1974, с. 115.

Несколько подробнее и всестороннее характеризовал этот период В. И. Погудин. Хотя он рассматривал литературу по истории советского крестьянства и коллективизации, его анализ носит общий характер. «С одной стороны,— писал Погудин,— постепенно совершенствовался марксистско-ленинский подход к пониманию исторического процесса коллективизации, вырабатывалась методика создания обобщающих трудов, происходило накопление материала для дальнейшего углубленного изучения важнейших проблем истории коллективизации. С другой стороны, в литературе распространялись иллюстративный, описательный метод, элементы догматизма, цитатничества — несовместимые с марксистско-ленинской методологией» [17]. Погудин отвергает негативные оценки второго периода и ссылается при этом на характеристики ряда авторов: «несмотря на описательность и догматизм, литература поднялась на новую, более высокую ступень» (В. П. Таран); «развитие науки шло вперед» (Г. Ф. Дахшлейгер); историческая литература 30—50-х годов стоит выше предшествующего этапа «как по широте привлечения в ней фактического материала, в том числе и архивного, так и по охвату и теоретическому обоснованию рассматриваемых вопросов» (Ю. Д. Ченцов).

В. И. Погудин присоединился к этим оценкам, добавляя, что именно в эти годы сложились основные кадры историков-аграрников, которые в дальнейшем внесли весомый вклад в исследования истории крестьянства. Но когда автор перешел к более конкретному анализу характера этого периода, мы обнаруживаем некоторые противоречия. По поводу источниковой базы Погудин считал, что она не сократилась, как отмечали некоторые историки, «а существенно изменилась». В 20—30-х годах, писал Погудин, исследования «непосредственно отражали жизнь, строились на живом, еще не отстоявшемся материале, который ученые не в состоянии были сопоставить, проверить». На новом этапе (30—50-е годы) «основным инструментарием историка становится анализ архивного материала». И далее: «Переход на новую основу исследования не обошелся без потерь. Исторические труды утратили живость восприятия. Они стали „суше“, академичнее, что нередко граничило со схематизмом. Однако они приобрели новые качества — более широкий взгляд на исторические явления, более обстоятельную, точную

характеристику»[18]. Многое в этом определении остается неаргументированным. Почему привлечение архивного материала влечет за собой «сухость»? Или еще хуже — схематизм? И как эти качества совмещаются с «широким взглядом на исторические явления»?

Несколько по-иному оценивает 30—50-е годы в истории изучения рабочего класса И. Е. Ворожейкин. Он отметил такие моменты, как сужение рамок исследовательской работы по теме, ликвидация секции по истории рабочего класса, прекращение выхода сборников «История пролетариата СССР», свертывание работы по «Истории фабрик и заводов». «Творческую мысль ученых,— пишет Ворожейкин,— сковывало и то обстоятельство, что выводы „Краткого курса истории ВКП(б)“ воспринимались как последнее слово науки, которое следовало лишь подтвердить и иллюстрировать»[19]. Он обратил внимание также на узость источниковой базы и слабую степень обобщения фактического материала, невнимание к вопросам историографии и методологии исторического исследования[20].

Еще раньше, в 1962 г., по поводу того же периода в передовой статье «Вопросов истории» говорилось: «Советские историки многое делали и сделали в 30—40-е годы, но это были работы, посвященные, главным образом, далекому прошлому нашей Родины». И дальше: «„Теория бесконфликтности“ и „лакировки“ имела распространение не только в художественной, но и в исторической, и пропагандистской литературе... Критический анализ работ этого периода — одно из условий дальнейших успехов исторической науки»[21]. Эти оценки относились, конечно, и к литературе по истории Октябрьской революции.

Рассматривая проблематику по экономической истории Октября в 30—50-е годы, Р. М. Савицкая не дала общей характеристики этого периода. Но в отличие от многих других авторов, занимающихся теми же проблемами, она четко выделила вопросы, по которым были

---

[17] *Погудин В. И.* Указ. соч., с. 84—85.
[18] *Погудин В. И.* Указ. соч., с. 88.
[19] *Ворожейкин И. Е.* Указ. соч., с. 78.
[20] Там же, с. 79.
[21] Больше внимания изучению истории рабочего класса СССР.— Вопросы истории, 1962, № 6, с. 9—10.

достигнуты значительные успехи. Р. М. Савицкая отметила, что именно в названные годы началось исследование истории национализации нефтяной промышленности, водного транспорта, финансовой политики Советского государства. Внимание историков привлекли проблемы использования госкапитализма, истории аграрной революции, глубже и всестороннее стал изучаться ленинский план социалистического строительства. Впервые, указывает Р. М. Савицкая, было привлечено внимание к проблемам организации советской науки, создания новых научных центров, размещения производительных сил, вопросам научно-технического прогресса [22]. Следует, правда, оговориться, что Р. М. Савицкая конечной гранью второго периода считает конец 50-х годов, а многие из перечисленных проблем стали изучаться именно во второй половине 50-х годов.

Авторы коллективной монографии «Партия и Великий Октябрь», как уже говорилось, выделяют период второй половины 30-х — середина 50-х годов как особый в изучении истории партии. Они разделяют его на два этапа — от середины 30-х годов до конца Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. Они отмечают большое значение книги «История ВКП(б). Краткий курс» для широкого распространения исторических знаний. О VII главе, посвященной Октябрьской революции, авторы пишут: «Эта глава для своего времени была, несомненно, шагом вперед. Она не только отразила известные достижения историографии Великого Октября, но и в духе ленинского учения внесла коррективы в освещение ряда принципиальных вопросов, по которым допускались ошибки в историографии предшествующего периода» [23]. О каких ошибках идет речь, не ясно. «Вместе с тем,— говорится далее,— она (VII глава.— *Е. Г.*) не была свободна от некоторых надостатков, связанных с культом личности, а канонизация ее положений в определенной степени способствовала насаждению догматизма в научных исследованиях. Однако было бы преувеличением считать, что историко-партийная литература, изданная после „Краткого курса“, представляла собой лишь популяризацию его положений. Научная работа советских историков продолжалась и в этот период» [24].

Рассматривая первое послевоенное десятилетие, авторы отметили расширение документальной базы научных исследований по истории Октября, концентрацию сил

историков на разработке вопросов борьбы за победу революции и установление Советской власти на местах, на исследовании истории местных организаций партии. «Это имело исключительно важное значение для создания обобщающих трудов, в которых была бы представлена целостная картина деятельности всей партии на пути к победе Великого Октября, верно прослежена взаимосвязь между общим и особенным в ее тактике» [25]. Однако, продолжают они, в этой литературе на местные темы «недостаточно анализировались социально-экономические, национальные и исторические особенности отдельных регионов, упрощенно решался вопрос о соотношении революции в центре и на местах» [26].

Вопрос о периодизации советской исторической науки затронут и в новой историографической работе советских историков [27]. Авторы статьи о советской историографии аграрной истории пишут: «В большинстве историографических работ литература по проблемам аграрной истории обоснованно делится на три этапа: с 1917 до начала 30-х годов, с начала 30-х годов до середины 50-х годов и с середины 50-х годов до наших дней. В отдельных работах не без оснований высказывается мысль о том, что внутри третьего историографического периода следует выделить вторую половину 60-х — начало 70-х годов, т. е. годы, характеризующиеся особенной активностью и большей глубиной разработки истории советской деревни» [28]. К такой же периодизации склоняются авторы и других статей этого сборника.

Во всех этих характеристиках основных этапов истории исторической науки в СССР, приведенных нами из различных изданий, есть, конечно, некоторые противоречия. Но взятые в целом, они соответствуют реальному историографическому процессу и основываются на результатах дискуссии о периодизации истории советской исторической науки, проведенной на страницах журнала

---

[22] *Савицкая Р. М.* Указ. соч., с. 141—145.
[23] Партия и Великий Октябрь, с. 127.
[24] Там же, с. 128.
[25] Там же, с. 153.
[26] Там же, с. 154.
[27] Изучение отечественной истории...
[28] *Волков И. М., Вылцан М. А., Данилов В. П., Зеленин И. Е., Ивницкий Н. А., Кабанов В. В.* Советская историография социалистического преобразования деревни и развития сельского хозяйства.— В кн.: Изучение отечественной истории..., с. 104.

«История СССР». Историографы Великого Октября едины в главном — в признании поступательного развития исторической науки при всех трудностях и противоречиях, характерных для этого процесса.

Но для того чтобы проверить точность научной периодизации, необходимо обратиться к конкретно-историографическому анализу. Вопрос о всесторонней характеристике каждого периода в изучении истории Октябрьской революции остается еще открытым. Многие отрасли исторических знаний по этой проблеме или вообще не изучены, или изучены изолированно от историографии Октября в целом. Самый процесс накопления исторических знаний, структура проблематики и ее изменения, связь этих процессов с вопросами археографии и источниковедения истории Октября почти не затронуты монографическими исследованиями.

Как же проходил процесс историографического изучения научной литературы по истории Октябрьской революции? Историографическое направление в ее разработке в 20—30-е годы делало только первые шаги. В это время преобладали обзоры литературы по истории Октябрьской революции с явным уклоном в библиографию. Два таких обзора были помещены в журнале «Пролетарская революция» в 1924 г. Обзор К. Остроуховой состоял из кратких аннотаций работ мемуарного характера об Октябрьской революции в столицах [29]. Обзор И. Колычевского был посвящен революции на местах и на фронте [30]. Здесь несколько сильнее прозвучали элементы историографического подхода, чем в первом обзоре. Автора интересовал вопрос, что дают материалы мемуаров для освещения истории Октября в различных районах страны и на фронтах. В некоторых случаях в пределах аннотаций им были сопоставлены воспоминания об одном и том же районе, выявлены совпадения или противоречия в оценках революционных событий.

Оба обзора предварялись заявлением «От редакции». В нем отчетливо отразились представления о состоянии документальной базы по истории Октября, которое характеризовалось как «чрезвычайно плачевное». «Как сообщали тов. В. Воробьев, Белобородов и Е. Стасова в «Пролетарской революции» (№ 7 за 1924 г.), архив ЦК партии за 1917 год исчез на Урале. Архив МК был уничтожен при взрыве в Леонтьевском переулке. Архив Наркомпроса за то же время, по имеющимся у Истпарта сведениям,

погиб после переезда из Ленинграда в Москву. Архив ВСНХ, по сообщению тов. Ломова, также погиб. Тов. Курский передает, что архив Наркомюста не только за 1917, но и за 1918 год уничтожен. Еще хуже обстоит дело с провинциальными партийными и советскими архивами...» [31] Мы теперь знаем, что краски в этой картине состояния архивных источников чрезвычайно сгущены. Хотя часть архива ЦК партии большевиков действительно исчезла на Урале в 1918 г., сохранились протоколы заседаний ЦК за 1917—1918 гг., переписка Секретариата ЦК с местными организациями, а также материалы МК и других партийных организаций. Сравнительно хорошо сохранились фонды Наркомпроса, ВСНХ, Наркомюста. Но все это выяснилось позже. Между тем такая оценка состояния источников вынуждала журнал сделать вывод, что историку революции придется опираться главным образом на периодическую печать и мемуары, которые, как справедливо предупреждала редакция, требуют особенно критического к себе отношения.

Постепенно понимание историографических и источниковедческих задач историка революции совершенствовалось, углублялось. Об этом свидетельствуют статьи С. А. Пионтковского, опубликованные в том же журнале в 1923 и 1926 гг. [32]

Статья С. А. Пионтковского 1923 г. носит сугубо описательный, библиографический характер. Его же статья 1926 г. отмечена стремлением к историографическому анализу. В ней была дана характеристика трудов В. И. Ленина как произведений по истории Октября, поставлен вопрос о необходимости монографической разработки отдельных проблем истории революции, подчеркнуто, что условием такой разработки является выявление источников и их научное издание. И, наконец, С. А. Пионтковский подверг критическому анализу некоторые пуб-

---

[29] *Остроухова К.* 1-й обзор истпартовской литературы об Октябрьской революции: (Петроград, Москва, общие исследования об Октябрьской революции).— Пролетарская революция, 1924, № 10.

[30] *Колычевский И.* 2-ой обзор истпартовской литературы по Октябрьской революции: (Провинция и фронт).— Пролетарская революция, 1924, № 10, с. 213—239.

[31] От редакции.— Пролетарская революция, 1924, № 10, с. 200.

[32] *Пионтковский С. А.* Обзор литературы по истории пролетарской революции в России.— Печать и революция, 1923, кн.: 2; *Он же.* К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции.— Пролетарская революция, 1926, № 2.

ликации источников. В его статье отчетливо прозвучала мысль о тесной, неразрывной связи истории Октября с современностью, которая требует «пристального изучения пройденного пути» [33]. Работы первой половины 20-х годов Пионтковский рассматривал как иллюстрации к ленинской концепции (как тогда говорили «схеме») истории революции 1917 г. «До сих пор,— отметил С. А. Пионтковский,— изучение хода пролетарской революции в рабочих центрах и на окраинах, во всем его своеобразии, не становилось достоянием исторического изучения» [34]. Задача монографического исследования, считал автор, назрела, но ее решение «всецело зависит от характера того материала, который находится в распоряжении историка» [35].

С. А. Пионтковский сосредоточил свое внимание на опубликованных к тому времени источниках. Особенно резкой критике он подверг два тома из серии «1917 год в документах и материалах» — «Разложение армии в 1917 году» (М., Л., 1925) и «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов» (М.; Л., 1925). Автор отметил слабость научного аппарата этих публикаций, отсутствие указаний на то, какими критериями руководствовались издатели при выборе того или иного варианта документов, а также недопустимые приемы сводного «формирования» отдельных протоколов Исполкома Петроградского Совета из архивных, газетных и других материалов, приемы, которые Пионтковский назвал «мифотворчеством» [36]. «Текущие задачи историографии,— заключал Пионтковский,— требуют именно в первую очередь систематического и научно выполненного издания документов. Партизанщина, случайность должна быть уничтожена в области издания материалов, в области изучения Октябрьской революции» [37]. Пионтковский наметил пять основных направлений, по которым следует вести научную публикацию документов: партийные документы — от ЦК до низовых ячеек; советские документы — съезды Советов, ВЦИК, Совнарком, ВСНХ; документы по истории профессионального движения; материалы по экономике России в 1917 г.; материалы по истории контрреволюции. Предложения эти оказали влияние на дальнейшую публикацию источников и сохранили свое значение для современного этапа.

Следующую попытку историографического обзора литературы об Октябрьской революции предпринял И. Та-

таров [38]. В отличие от Пионтковского он сузил свою задачу до рассмотрения литературы в хронологических рамках «Десяти дней», т. е. периода вооруженного восстания и завоевания власти Советами в центре.

Несмотря на то что к этому времени в связи с 10-летием Октября появилось значительное количество работ и новые публикации документов, Татаров весьма нигилистически оценил состояние литературы: «То, что написано об Октябре в Советской России, сравнительно немного. А то, что уже написано, неполно, подчас неверно, изобилует массой противоречий и т. п.» [39]. И это было сказано в условиях, когда вышли серьезные труды А. М. Панкратовой, А. В. Шестакова, С. М. Дубровского, Е. Н. Игнатова и других исследователей. Упомянув некоторые из них, Татаров, однако, не остановился на их роли, не увидел качественного изменения в сравнении с предыдущим историографическим этапом. Это следует отметить, так как подобные оценки перекочевали в немногие современные историографические исследования.

В 20-е же годы стало формироваться направление, содержанием которого явилась критика буржуазных и мелкобуржуазных концепций истории Октября как внутри страны, так и за рубежом. Фундаментом для него стали труды В. И. Ленина и особенно его классическое исследование «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Развитию этого направления способствовал труд М. Н. Покровского с критикой Троцкого, а также эмигрантской литературы [40]. Эта линия была продолжена в работах С. Новикова, С. Бантке, С. Г. Томсинского и других авторов [41].

---

33 Там же, с. 234.
34 Там же, с. 236.
35 Там же, с. 237.
36 Там же, с. 240.
37 Там же, с. 241.
38 *Татаров И.* Краткий обзор литературы об Октябрьском перевороте.— Пролетарская революция, 1927, № 10.
39 Там же, с. 299.
40 Об этих работах М. Н. Покровского см. в гл. 2, часть вторая настоящей книги.
41 *Томсинский С. Г.* Октябрь в белогвардейском освещении.— Историк-марксист, 1927, № 5; *Бантке С.* 1917 г. в освещении французского историка Альфонса Олара.— Пролетарская революция, 1929, № 2/3; *Новиков С.* Австро-марксистские концепции Октябрьской революции.— Вестник Коммунистической академии, 1929, кн. 2/3.

С. Г. Томсинский показал общую концептуальную основу эмигрантской литературы об Октябре — как правых и левых эсеров, так и кадетов и буржуазных идеологов, стоявших правее кадетов. Отметив, что законы механики революции скрыты «за семью печатями» как для левого эсера И. Штейнберга, так для центриста В. Чернова и кадета П. Н. Милюкова, автор в то же время выделил те аспекты анализа, которые возможны при использовании материалов взаимных обвинений и разоблачений в лагере буржуазной и мелкобуржуазной эмиграции.

В западноевропейской социал-демократической историографии получил распространение «австро-марксизм», выступавший под личиной «левых» фраз и выражавший свое формальное несогласие с концепцией Каутского. Особенно преуспел в этом Отто Бауэр. В статье С. Новикова разоблачался миф о «левизне» Бауэра. Австро-марксистское истолкование Октябрьской революции как чисто русского, национального явления, как результата экономической и культурной отсталости России понадобилось Бауэру, чтобы прийти к выводу о буржуазном характере Октябрьской революции, «испорченной», по его мнению, «утопизмом» и «радикализмом» большевиков. Важным итогом исследования С. Новикова стал вывод о родстве концепции Бауэра с давно разоблаченными Лениным построениями К. Каутского. Советские историки подвергли критическому анализу работы буржуазных историков по Октябрьской революции. Статья С. Бантке интересна своей критической направленностью. Автор полемизировал с оценками концепции А. Олара в работах некоторых советских историков, считая, что эти оценки слишком либеральны.

На более поздних этапах развития советской исторической науки критика зарубежной историографии Октября выделилась в особое направление, которое заслуживает специального рассмотрения. Здесь же мы должны только подчеркнуть, что то направление критики буржуазной историографии, которое получило столь значительное развитие в 50—70-е годы, уходит своими корнями в 20-е годы.

Таким образом, уже в первых обзорах литературы по истории Октябрьской революции стали звучать элементы историографического анализа, стремление проследить развитие научной мысли, определить объем и характер новых исторических знаний. В это же время вышли рабо-

ты по истории организации науки таких центров, как Истпарт, Архив Октябрьской революции, Социалистическая академия общественных наук и др. В большинстве своем они были мемуарного характера.

В последующие два десятилетия историографический элемент в исследованиях по истории Октябрьской революции не получил широкого развития.

Перелом произошел во второй половине 50-х годов, особенно в 60—70-х годах. Необходимость в таких исследованиях ощущалась и раньше, но она не была определена как актуальная задача современной науки. В передовой статье журнала «Вопросы истории»[42], специально посвященной проблемам истории Великого Октября, были поставлены весьма важные и актуальные задачи ее разработки: изучение массовых революционных движений рабочего класса, крестьянства, армии; исследование объективных предпосылок победы социалистической революции; роль народных масс в революционном творчестве; соотношение революционной борьбы в центре и на местах и изменения этого соотношения в ходе революционного процесса. Но среди многих проблем, поставленных журналом перед историками, не было даже намека на задачи историографического изучения истории Октябрьской революции. Передовая статья довольно подробно охарактеризовала состояние разработки истории Великого Октября за послевоенные годы (1945—1953), не дав оценки предыдущих этапов развития историографии. Исключение составляли упоминания о первых двух томах «Истории гражданской войны в СССР» и «Истории ВКП(б). Краткий курс».

Автор этих строк с тем большим основанием может критически отнестись к передовой статье «Вопросов истории», что он являлся одним из ее составителей.

Историографические проблемы по истории Октября стали постепенно занимать все большее место в исследовательской работе историков в связи с 40-летием социалистической революции. Но главным стимулом для их изучения был быстрый рост науки об Октябрьской революции.

Историографические труды по истории Великого Октября, опубликованные в 50—70-е годы, можно разделить на следующие группы:

---

[42] Вопросы истории, 1953, № 11.

— общего характера, в которых рассматривались основные этапы разработки истории Октября;

— посвященные одному из этих этапов;

— проблемно-историографические, в которых рассматривались работы, относящиеся к лениниане и истории Коммунистической партии в революции, по истории рабочего класса, крестьянства, армии в Октябрьской революции, Советов и государственного строительства, проблемы вооруженных восстаний, национальных движений, история Октября в отдельных центрах и регионах, история изучения политических партий;

— по истории научных центров, в которых изучалась Октябрьская революция, по истории научной периодики, кадров, биоисториографические труды, посвященные отдельным историкам Октября;

— по изучению советскими историками зарубежной историографии Октября с анализом марксистской историографии, критикой буржуазной и реформистской литературы об Октябрьской революции.

Центрами историографических исследований стали кафедры истории СССР советского периода Академии общественных наук при ЦК КПСС, Московского, Ленинградского, Киевского и других университетов; координирующими центрами и стимуляторами таких исследований явились Научный совет по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» при Отделении истории АН СССР (председатель академик И. И. Минц) и Научный совет по истории исторической науки при том же Отделении (председатель академик М. В. Нечкина).

Научная и политическая значимость проблем историографии Великого Октября стала общепризнанной. К этой проблематике неоднократно обращался журнал «Коммунист», не говоря уже о специальной исторической периодике.

Общий обзор изучения истории Октябрьской революции мы находим в статьях М. Е. Найденова[43]. Автор предпринял попытку рассмотреть ленинскую концепцию истории Октября и усвоение этой концепции в советской историографии. Ему удалось восстановить ход идейно-политической борьбы вокруг проблем истории Октября. Найденов особо выделил значение разгрома троцкистской концепции Октября и роль в этой борьбе И. В. Сталина. Роли других деятелей партии и государства в критике троцкистской фальсификации истории Октября Найденов

не уделил должного внимания, а участие в ней историков вообще отрицал [43а], хотя значительный вклад в отстаивание ленинской концепции внесли такие партийные деятели и историки, как М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, Я. А. Яковлев, В. А. Быстрянский, А. С. Бубнов, С. И. Гусев, М. С. Ольминский и др.

В статьях Найденова обнаружилась тенденция рассматривать историю изучения Октября в период до середины 30-х годов как цепь ошибок и заблуждений. Хотя Найденов и отмечал элементы поступательного развития на этом этапе, однако его оценки скорее утверждают «бег на месте», чем действительное движение вперед. Автор исключил из рассмотрения журнальные статьи по истории Октября, ограничившись замечанием, что на страницах журналов публиковались мемуары и документы. Неизбежно должно было получиться и получилось неполное представление о развитии науки, так как в период 20—30-х годов результаты исследований публиковались главным образом в журналах. При таком подборе историографических источников серьезные статьи выпадали из рассмотрения, а различного рода популярные брошюры включались в научный процесс.

Результат подобного ограничения источников можно увидеть, обратившись, например, к проблемам теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Так как дискуссия по этим вопросам проходила на страницах журналов, Найденов отметил только, что такая дискуссия была. Между тем, дискуссия и ее итоги оказали значительное влияние на историографию Октября. Найденов обходится следующими характеристиками: журналы «Пролетарская революция», «Красный архив», «Летопись революции», «Историк-марксист» сыграли положительную роль в борьбе с троцкистскими фальсификаторами истории Октября, «хотя некоторые из них и сами допускали много ошибок» [44]; литература об Октябре, изданная в 1921—1926 гг., это, помимо

[43] *Найденов М. Е.* Великая Октябрьская социалистическая революция в освещении советской (русской) исторической литературы.— В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; *Он же.* Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии.— Вопросы истории, 1957, № 10.

[43а] Из истории Великой Октябрьской социалистической революции, с. 284 (далее — Из истории...).

[44] Вопросы истории, 1957, № 10, с. 170.

мемуарной литературы, «не более полутора—двух десятков книг и брошюр»[45] (счет на десятки — не самый лучший метод в историографии.— *Е. Г.*), да и то они представляют собой хроники или научно-популярные очерки. В 1927—1928 гг. литература об Октябрьской революции «значительно пополнилась». Перечислив несколько брошюр, автор заключает: «Если с фактической стороны многие из перечисленных... книг, главным образом местных изданий, сохраняют свою научную ценность, то в идейном отношении эта литература слаба, а иногда и порочна и не может вызвать серьезного интереса у советского читателя»[46]. Найденов отметил скудость проблематики в литературе, в которой якобы не освещались такие вопросы, как перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, союз пролетариата с беднейшим крестьянством, руководящая роль большевистской партии на всех этапах революции; нет даже беглого упоминания о ленинской теории империализма. Что касается двухтомных «Очерков по истории Октябрьской революции», то Найденов признает, что они «стоят много выше» ранее вышедшей литературы. Однако и эта работа «далеко не является вполне марксистско-ленинской»[47]. «История ВКП(б)» (т. IV) под редакцией Е. М. Ярославского — важное событие на идеологическом фронте, «тем не менее и эта работа не воспроизводит полностью ленинскую концепцию Октябрьской революции»[48].

Так, по Найденову, дело дошло до появления в 1935 г. (автор ошибочно указывает 1936 г.— *Е. Г.*) первого тома «Истории гражданской войны в СССР», в которой ленинская концепция истории Октябрьской революции «*впервые* получила наиболее полное и систематическое изложение»[49]. Эта победа была закреплена в VII главе «Истории ВКП(б). Краткий курс» в 1938 г. Такова концепция М. Е. Найденова. Первый том «Истории гражданской войны в СССР» по его концепции возникает как бы на пустом месте. Преемственность и поступательность в научном процессе разрывается. При негативной характеристике литературы об Октябре 20-х годов автор уделяет ей $^2/_3$ своей статьи, а о работах 40—50-х годов, которые он высоко оценивает, говорит скороговоркой, без анализа по существу.

Можно было бы объяснить все эти просчеты молодостью историографического направления, если бы мы не

имели дело с наметившейся тенденцией, которая в той или иной форме проявлялась и в последующие годы «Теория ошибок», которая историю науки трактует как цепь заблуждений, не дает возможности определить противоречия научного процесса, накапливание знаний, приоритет исследователя или научного направления. Эта теория не позволяла установить преемственность этапов развития науки, их связь и последовательность.

Общий историографический анализ трудов по истории Октября мы находим в ряде статей Г. Н. Голикова. В соответствующем разделе «Очерков истории исторической науки в СССР» [50] он дал характеристику истории изучения Октябрьской революции до середины 30-х годов. В других статьях Г. Н. Голиков рассмотрел последующие ее этапы [51], отметив, что изучение этой проблемы стало центральной задачей молодой советской исторической науки, которая решалась на основе ленинской методологии научного исследования, в острой идейной борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией [52]. Он указал на приоритет В. И. Ленина в научной разработке всего обширного круга проблем истории Октября и на то, что «творческое овладение ленинским учением и составляет основное содержание процесса становления и развития советской историографии Октябрьской революции» [53]. Говоря о слабости методологических позиций некоторых исследователей 20-х годов, Голиков подчеркнул, что речь шла о молодых кадрах, только приступивших к профессиональной научной деятельности. На это нужно обратить особое внимание, так как старые большевики, взявшие на себя, помимо огромной партийной и государственной ра-

---

[45] Там же, с. 171.

[46] Там же, с. 171.

[47] Там же, с. 172; см. также: Из истории..., с. 303.

[48] Вопросы истории, 1957, № 10, с. 173; Из истории..., с. 303.

[49] Вопросы истории, 1957, № 10, с. 174 (курсив мой.— *Е. Г.*); см. также: Из истории..., с. 306.

[50] *Голиков Г. Н.* Великая Октябрьская социалистическая революция в советской исторической литературе.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. (Далее: Очерки...).

[51] *Голиков Г. Н.* Об изучении истории Октябрьской революции.— Коммунист, 1960, № 10; *Он же.* К изучению истории Великого Октября.— Вопросы истории, 1962, № 11.

[52] Очерки..., т. IV, с. 441.

[53] Там же, с. 442.

боты, и задачу исторических изысканий, обладали высокой теоретической и методологической подготовкой.

Для этого раздела «Очерков» характерно рассмотрение движения науки, ее поступательного развития. Голиков отметил широкое привлечение архивных материалов в исследованиях второй половины 20-х годов, более основательное и творческое использование ленинского наследства, стремление преодолеть ошибки по вопросу о социально-экономических предпосылках революции [54]. Вместе с тем автор указал на крупные лакуны в проблематике 20-х — первой половины 30-х годов. Выделив как значительную веху первый том «Истории гражданской войны в СССР», он подчеркнул, что в этом издании «воплотилась победа ленинской концепции Октябрьской революции, теоретический и методологический рост марксистских кадров историков, успехи и достижения, завоеванные за почти 20-летний период развития науки. Но вместе с тем в книге обнаруживается отрицательное влияние культа личности Сталина на историческую науку, в том числе на историографию Октябрьской революции» [55].

В других статьях Г. Н. Голиков рассмотрел литературу по истории Октября, вышедшую в свет во второй половине 50-х — начале 60-х годов, указал на подъем исторических исследований и развертывание публикаций источников по Октябрю. В то же время, по мнению автора, наблюдался некоторый разрыв между выявлением и публикацией источников и работой по их анализу и обобщению [56]. Это верное наблюдение, однако дело не только в том, как полагал Голиков, что ученые не используют всех возможностей, которые предоставляют им архивы и новые публикации. Видимо, существует определенная объективная дистанция между изданием или выявлением комплекса источников и их научной, концепционной обработкой, т. е. включением источников в систему построений и выводов. Задача заключается в том, чтобы эта дистанция была как можно короче; уничтожить же ее совсем невозможно. В своих работах Г. Н. Голиков выделил направление, изучавшее международное значение Октябрьской революции.

За последние два десятилетия вышли главным образом историографические исследования по отдельным проблемам истории Октября. Осмысливание достижений развития науки породило особый тип историографических ра-

бот, главным содержанием которых явилась постановка новых, наиболее важных задач по рассматриваемой тематике.

С этой точки зрения интерес представляют доклады на сессии Научного совета по истории Великой Октябрьской социалистической революции в апреле 1958 г., в которых подводились итоги изучения Великого Октября в связи с 40-летием революции. Важное значение имело выступление академика И. И. Минца в этом же году на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук. И. И. Минц обратил внимание на огромный размах публикаций, монографий и статей по истории, сосредоточившись на очередных задачах в этой области [57]. Одной из первых из них он считал создание истории Советов. Минц опроверг распространенное до этого мнение, что лозунг «Вся власть Советам» до июльского кризиса означал создание правительства из представителей советского большинства, т. е. из партий, представленных в Совете [58]. Опираясь на работу В. И. Ленина «Один из коренных вопросов революции», И. И. Минц, подчеркнул, что лозунг «Вся власть Советам» означал радикальную переделку всего старого государственного аппарата и замену его новым «народным, т. е. истинно демократическим аппаратом Советов», а также осуществление «реформ и преобразований» [59]. Задача исследования истории Советов с этих позиций, отметил И. И. Минц, особенно актуальна.

Вторая группа проблем, требующих изучения, была связана с историей подготовки вооруженного восстания. Это прежде всего состояние партийных организаций на местах, профсоюзов, тыловых гарнизонов, партийные конференции в сентябре-октябре 1917 г., процесс большевизации Советов, история Красной гвардии и др.[60] Если мы сравним перечисленные проблемы с результатами исследований самого автора, то убедимся, что именно над ними

---

[54] Там же, с. 450.
[55] Там же, с. 453—454.
[56] См.: Коммунист, 1960, № 10, с. 85.
[57] Вопросы истории, 1958, № 7; Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М., 1958. (Далее: Материалы...).
[58] См.: Материалы..., с. 112.
[59] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 202.
[60] Материалы..., с. 113.

работал И. И. Минц в 50—60-е годы, что и нашло своё отражение в его трехтомном исследовании. Мы отмечаем данное обстоятельство, чтобы вместе с тем подчеркнуть — в ходе развития науки выдвигаются как очередные именно те задачи, решение которых вполне назрело. Если они не надуманы, реальны, то всегда связаны с современным уровнем общественного сознания, а также уровнем самой науки. Эти задачи и получают свою реализацию как в трудах отдельных историков, так и в коллективных исследованиях. Однако далеко не все историографы, указывая на те или иные проблемы истории Великого Октября, раскрывают истоки их постановки, связывают это с состоянием их современного изучения.

Возросшее внимание научных центров к историографии в целом и Великого Октября в частности явилось показателем уровня исторической науки. Историографические статьи в 50—60-х годах публикуются не только в специальной научной периодике («Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «История СССР»), но и в партийных журналах. Серию таких статей поместил орган ЦК КПСС «Коммунист». Отметим одну существенную особенность историографических статей по истории Октября. В конце 50-х — начале 60-х годов они носят характер общих обзоров основных этапов развития литературы по истории социалистической революции. Со второй половины 60-х годов в них рассматриваются отдельные проблемы или современное состояние историографии Октября.

Из всей суммы проблем в историографических статьях 60—70-х годов следует выделить, во-первых, проблему периодизации основных этапов развития исторической науки об Октябре и соотношение этих этапов, их последовательность, характерные черты каждого этапа и то, что объединяет их в едином научном процессе. Во-вторых, чрезвычайно важно проследить, как разрабатывалась проблема вклада того или иного историка или научного направления в изучение истории Октября. История науки не может быть безликой, она «делается» историками, иногда коллективом историков. В-третьих, историография выявляет различные формы борьбы с догматизмом, субъективизмом, антиисторизмом.

Рассмотрим, как решались эти и другие вопросы в проблемной историографии Октябрьской революции.

Среди ведущих была проблема истории изучения рабо-

чего класса, его роли гегемона в Октябрьской революции, его борьбы за победу социалистической революции.

Одна из первых историографических работ по этой проблеме принадлежит Л. С. Гапоненко. Он выступил с докладом на сессии Научного совета по проблеме «История Великой Октябрьской революции» в 1958 г. и опубликовал статью в 1959 г. Л. С. Гапоненко отметил, что преобладающее большинство книг, брошюр, статей по этой тематике, вышедших к 40-летию Октября, посвящено творческой деятельности рабочего класса в Советах, профсоюзах, фабзавкомах. Он подверг критическому рассмотрению два положения: во-первых, о снижении якобы размаха стачечной борьбы с марта по июнь 1917 г.; во-вторых, необоснованные утверждения о повышении жизненного уровня рабочего класса в 1917 г. Последнее, по его мнению, явилось результатом некритического восприятия сведений из журнала «Статистика труда» за 1918 г., а также ряда весьма неполных материалов промышленной переписи 1918 г. и сообщений фабричной инспекции, которые приукрашивали положение рабочего класса [61].

В статье Гапоненко развил свою аргументацию. При определении уровня зарплаты рабочих в 1917 г. неправомерно использовались индексы цен 1918 г. Не учитывалось также, что промышленная перепись 1918 г. не охватывала предприятий Урала и Юга страны, военных и морских заводов. Автор выделил статьи И. Маевского и Г. Трукана, в которых были изучены проблемы положения рабочего класса в 1917 г., слабо разработанные в литературе 30—50-х годов. Даже в большой документальной публикации «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», как показал Л. С. Гапоненко, им не было уделено должного внимания. Автор поставил вопрос о необходимости более широкого использования данных ЦСУ о распределении рабочих по губерниям, которые дают возможность выяснить степень концентрации рабочего класса в различных районах страны, возрастные группы рабочих и качественные изменения в их составе за время первой мировой войны [62]. Л. С. Гапоненко поставил также вопрос о не-

---

[61] Отчет о сессии Научного совета по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».— Вопросы истории, 1958, № 7, с. 195—197.

[62] Труды ЦСУ. М., 1921. Т. VII. Вып. 1.

обходимости создания монументальной истории рабочего класса — гегемона социалистической революции 1917 г.[63]

В конце 60-х — начале 70-х годов выходят первые монографии по историографии рабочего класса в 1917—1918 гг. Мы остановимся несколько подробнее на одной из них, принадлежащей перу Т. А. Игнатенко[64], так как эта работа весьма характерна для нового этапа историографических исследований во второй половине 60-х годов. Ряд обстоятельств способствовал повышению уровня историографических трудов. Во-первых, общий подъем советской исторической науки в 60—70-е годы. Во-вторых, результаты дискуссии о периодизации советской исторической науки, открытой статьей М. В. Нечкиной в журнале «История СССР»[65]. В-третьих, значительное накопление историографического материала по отдельным этапам и проблемам отечественной истории, в том числе и истории Великого Октября.

Монография Т. А. Игнатенко посвящена истории разработки одной, правда очень важной, проблемы — становлению социалистического способа производства в промышленности. Но решает автор свою проблему в связи со всем ходом развития советской исторической науки, в том числе и в области изучения Октябрьской революции. Эта работа — одна из первых по историографии Октября, в которой рассмотрены основные этапы развития науки по данной проблеме за 1917—1967 гг., а вопросы организации науки, характер и состояние кадров исследователей, само содержание научного процесса познания истории становления социалистического способа производства даны в единстве, в их неразрывной связи и обусловленности.

Полнота охваченной научной литературы в сочетании с характеристикой источников по проблеме позволили автору объективно оценить основные историографические этапы. Историографические факты, использованные в монографии, служат построению концепции поступательного хода развития науки, при тщательном анализе противоречий и трудностей в развитии исторической науки. Достижение автора — анализ социальных, политических, идеологических условий развития научного процесса как внутри страны, так и «глобального климата». В монографии отмечается значение таких стимуляторов творческой мысли историков рабочего контроля и национализации промышленности, как социалистические преобразования

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине 40-х — начале 50-х годов. Это привело автора к выводу, что появление крупных исследований по данной проблеме во второй половине 50-х — начале 60-х годов было подготовлено ходом мировых событий и творческой активностью ученых еще в первое послевоенное десятилетие.

Каждый историографический этап в монографии Т. А. Игнатенко получил всестороннюю оценку с точки зрения того нового, что дал этот этап: в публикации источников, в организации научных центров, в прибавлении знаний по истории рабочего контроля и национализации промышленности, в развитии методологических принципов исследования.

Особое внимание Т. А. Игнатенко уделила ленинской концепции становления социалистического способа производства. В монографии подчеркнуто, что основные положения ленинской концепции активно поддерживались и развивались в трудах историков и экономистов уже в первые годы революции, особенно в работах И. И. Скворцова-Степанова, В. П. Милютина, Р. Арского, Г. Цыперовича и др. Автору удалось восстановить историю создания трудов И. И. Скворцова-Степанова, В. П. Милютина и других зачинателей советской историко-экономической литературы по Великому Октябрю, а также тот вклад, который внесли на последующих этапах такие исследователи, как Б. М. Фрейдлин, Б. Г. Верховень, А. В. Венедиктов, И. М. Михеев, В. З. Дробижев, В. И. Селицкий и др.

Т. А. Игнатенко показала, как пагубно влияет та или иная догматическая схема на результаты исследования. Так, например, известная схема о трех слоях интеллигенции и отношении каждого из них к Октябрьской революции затруднила изучение борьбы внутри технической интеллигенции вокруг вопросов рабочего контроля и национализации промышленности, выявление тех тенденций, которые вели к сотрудничеству инженеров, техников, уче-

---

[63] *Гапоненко Л. С.* К вопросу об освещении истории рабочего движения в России в исторической литературе, изданной к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.— История СССР, 1959, № 1.

[64] *Игнатенко Т. А.* Указ. соч.

[65] *Нечкина М. В.* О периодизации истории советской исторической науки.— История СССР, 1960, № 1.

ных, естествоиспытателей с Советской властью. Автор обращает внимание также на то, к каким неожиданным результатам приводит «приглаживание» и «улучшение» исторического процесса. Так, стремление некоторых исследователей представить весь процесс национализации промышленности как исключительно планомерный приводил к тому, что, с одной стороны, принижалось идущее снизу творчество масс в проведении национализации, с другой — проявление стихийности в национализации «снизу», местничество облагораживались и втискивались в рамки «планомерности», противоречия процесса становления социалистического способа производства снимались [66].

Интерес представляют наблюдения автора о значении работ на локальные темы для восстановления общей картины истории рабочего класса и промышленности в период Октябрьской революции. Как показала Т. А. Игнатенко, такие работы дают возможность не только проверить и развить общие выводы, но и выявить специфику перехода от рабочего контроля к рабочему управлению в том или ином регионе.

Спорны попытки автора определить «темпы исследований» [67] для того или иного этапа. Замедлились ли эти темпы или, напротив, ускорились, например в 30—50-е годы? Как нам представляется, критерии для таких определений еще не разработаны. Количественный критерий (сколько выпущено книг, статей) — явно недостаточен. Для упомянутого периода, например, характерны значительные публикации источников, выдвижение новых положений о периодизации рабочего контроля и национализации промышленности, подготовка кадров исследователей. Эти явления не всегда поддаются количественным измерениям и не укладываются в понятия «темпы исследований».

Монография Т. А. Игнатенко подводит нас к проблеме определения «нормальной» дистанции между публикацией источника и его использованием в науке или, что еще сложнее, между новым научным выводом и его принятием на вооружение в науке. Почему, например, новые данные о количестве национализированных предприятий, опубликованные Михеевым еще в 1938 г., не были приняты в литературе? Почему вполне проверенные и обогащающие науку данные по экономической истории первого года Советской власти, опубликованные В. З. Дро-

бижевым, так медленно и главным образом «зеркально», иллюстративно используются некоторыми исследователями? На эти вопросы наша историография пока не дает ответа.

В историографических работах по проблеме аграрной революции и крестьянского движения в 1917 г. выделяется серия статей В. П. Данилова. В этих статьях рассматривается весь комплекс проблем по истории советского крестьянства, но центральное место занимают проблемы аграрной революции. Автор выделил литературу 20-х — начала 30-х годов, когда была проделана большая работа по публикации источников по истории крестьянского движения 1917 г., опубликованы материалы ЦСУ и другие документы [68]. Исследовательская работа, как отметил В. П. Данилов в 1960 г., отставала в 20-х годах от публикации источников. Тем не менее в 1969 г. В. П. Данилов констатировал, что «история аграрной революции в нашей стране интенсивно изучалась в 20-х годах и уже тогда были достигнуты положительные результаты. До сих пор сохранили научное значение историко-экономические исследования Б. Н. Книповича, П. Н. Першина, И. А. Кириллова, В. Келлера и И. Романенко, И. А. Конюкова, С. М. Дубровского, Л. Н. Крицмана, А. Н. Хрящевой, М. И. Кубанина, А. В. Шестакова» [69].

В. П. Данилов обратил особое внимание на решение в исторической литературе вопроса о двух этапах Октябрьской революции в деревне. В 1960 г. он писал, что «преодоление ошибочной концепции двух революций в Октябре 1917 года явилось свидетельством успешного развития марксистско-ленинской историографии. Оно сопровождалось углубленным изучением истории создания и деятельности комитетов бедноты» [70]. Для 30—50-х годов, по мнению Данилова, был характерен интерес к второму этапу революции в деревне. Однако, как считает автор, пер-

---

[66] *Игнатенко Т. А.* Указ. соч., с. 138, 151 и др.

[67] Там же, с. 139.

[68] *Данилов В. П.* К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР.— Вопросы истории, 1960, № 8; *Он же.* Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни.— Вопросы истории, 1962, № 2; *Он же.* Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. М., 1969.

[69] *Данилов В. П.* Основные итоги..., с. 2.

[70] Вопросы истории, 1960, № 8, с. 38.

вый этап Октябрьской революции в деревне в литературе 30—50-х годов стал игнорироваться. Вместе с тем в исследованиях, посвященных второму этапу, историки не обращали должного внимания на перераспределение земли, проведенное комитетами, закрепление результатов, достигнутых к весне 1918 г.

Данилов отметил, что первый этап Октябрьской революции в деревне «по своему социальному содержанию — это этап в основном буржуазно-демократических преобразований, осуществленных Советской властью «походя и мимоходом» [71]. Меньше внимания автор обратил на то, что же Советская власть совершила в деревне не «походя»? Данилов правильно подчеркнул, что и на первом этапе аграрной революции и на втором сохранялись «определенные единые черты, особенно такие, как поддержка бедняцко-середняцких хозяйств, антикулацкая направленность, содействие коллективным формам хозяйства» [72].

Книги и статьи второй половины 40-х — начала 50-х годов по истории аграрной политики Данилов относил преимущественно к научно-популярным произведениям, хотя некоторые из них (статьи М. Снегирева, Е. А. Луцкого и др.) «способствовали решению ряда конкретных вопросов аграрной революции» [73]. Интересно наблюдение В. П. Данилова о соотношении проблематики по истории аграрной революции и всей истории советской деревни. Отсутствие крупных исследований по истории аграрной революции отрицательно сказывалось на разработке последующей истории советской деревни.

Для литературы второй половины 50-х — начала 60-х годов Данилов считал характерным отказ от упрощенческой схемы, «игнорировавшей указания В. И. Ленина о сложном сочетании социалистических и буржуазно-демократических задач, решенных Октябрьской революцией в деревне, об основных этапах и характере осуществленных ею аграрных преобразований» [74]. На научной сессии по истории советской деревни в апреле 1961 г. подчеркивалось, что нельзя сводить задачу первого этапа революции в деревне только к ликвидации помещичьего землевладения. В Сибири, на Дону, на Кубани помещичьего землевладения не было, а общедемократические задачи решались и там. В скобках отметим вслед за Даниловым, что не только общедемократические. Между тем в литературе по истории аграрной революции многие авторы, говоря о решении буржуазно-демократических задач «похо-

дя и мимоходом», не задумывались над тем, что же совершалось революцией в деревне на первом ее этапе (докомбедовском) «не походя» и «не мимоходом»? Ответ на этот вопрос должен был привести к анализу характера власти, политической системы в целом.

Историографический обзор литературы о союзе рабочего класса и крестьянства принадлежит П. Н. Соболеву[75]. Автор отметил, что специальной литературы по истории союза рабочего класса и крестьянства по сути дела не было, ему пришлось извлекать материал для статьи из общих работ по истории революции. «До последнего времени,— писал П. Н. Соболев,— всесторонней разработке проблемы союза рабочего класса и крестьянства как решающей общественной силы свержения власти буржуазии уделялось недостаточное внимание...»[76] Автор рассмотрел ряд работ о деятельности большевиков в деревне и крестьянском движении. Он выделил «типичные для всех» работ недостатки: тенденция к оценке крестьянского движения как социалистического, хотя, как замечал Соболев, крестьянское движение «объективно играло важную роль в борьбе пролетариата за власть»[77]; слабо исследовалась работа большевиков в Советах. П. Н. Соболев пришел к выводу, что хронологические рамки исследований по истории союза рабочего класса и крестьянства не должны ограничиваться периодом март — октябрь 1917 г., «их следует расширить до конца 1918 года, когда были созданы необходимые условия для установления прочного союза пролетариата со средним крестьянством...»[78]. Эта идея о необходимости рассмотрения проблемы в рамках всего 1918 г. была осуществлена позже в общей работе «История Великой Октябрьской социалистической революции», подготовленной под редакцией П. Н. Соболева.

Вышедшая в свет в 1976 г. коллективная монография «Партия и Великий Октябрь» является первой попыткой

---

71 Вопросы истории, 1962, № 2, с. 23.
72 Там же, с. 24.
73 *Данилов В. П.* Основные итоги..., с. 4.
74 Вопросы истории, 1962, № 2, с. 21.
75 *Соболев П. Н.* Вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства в литературе по истории Октябрьской революции.— Вопросы истории, 1958, № 9.
76 Там же, с. 109.
77 Там же, с. 114.
78 Там же, с. 115.

дать общий очерк историко-партийных исследований по истории социалистической революции. По сути дела, содержание этой работы значительно шире названия, так как в ней рассматривается не только историко-партийная проблематика, но и довольно большой круг общей литературы по истории революции [79]. В монографии дана периодизация развития историко-партийной литературы об Октябрьской революции: 1917 — начало 30-х годов, вторая половина 30-х — середина 50-х годов, вторая половина 50-х — начало 60-х годов, современный этап, т. е. 60—70-е годы. Таким образом, историко-партийная периодизация в общем совпадает с общей периодизацией развития исторической науки. Авторы выделили основные достижения историко-партийной науки на каждом этапе, определили еще нерешенные задачи по комплексной проблеме.

Для первой историографической историко-партийной монографии неизбежны были некоторые пробелы и недостатки. Она открывается главой «В. И. Ленин — основоположник историографии Октябрьской революции», в которой излагается ленинская теория социалистической революции и его концепция истории Великого Октября. Однако в последующих главах (II—V) нет специальных разделов, посвященных лениниане, т. е. работам советских ученых о Ленине как вожде и историке социалистической революции.

В первой монографической работе на эту тему была, видимо, неизбежна склонность к обзорности, некоторая поспешность в анализе и оценках. В ряде случаев о работах по региональной тематике говорится, что в них впервые с такой полнотой раскрыты «своеобразие и особенности социалистической революции» [80] в данном районе. Однако читателю остается неизвестным, как и в чем тот или иной автор раскрыл это своеобразие. Иногда в книге подвергается критике неточный пересказ той или иной работы. Так, критикуется точка зрения, что Ленин считал возможным вооруженное восстание без общенационального кризиса [81]. Но спор беспредметен, так как никто из советских историков не утверждал о такой возможности. Не всегда последовательно проводится отбор историографических источников. Исследовательская и научно-популярная литература об Октябре рассматривается авторами в одном ряду [82]. Нечетко поставлен вопрос о промежуточных целях на путях завоевания власти рабо-

чим классом. Справедливо критикуя положение, что функции рабочей милиции ограничивались охраной порядка, авторы утверждают, что «в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции такая задача (охрана порядка.— *Е. Г.*) как самостоятельная вообще не ставилась, поскольку не могла быть в полной мере решена при сохранении власти буржуазии»[83]. Конечно, «самостоятельно», т. е. в отрыве от главной задачи, вопросы охраны революционного порядка не ставились. Тем не менее и рабочая милиция и Красная гвардия охраняли революционный порядок против погромщиков и контрреволюционных заговорщиков. И это была отнюдь не единственная промежуточная цель на пути к завоеванию власти Советами.

Серьезным недостатком монографии является преувеличение разногласий среди советских историков, у которых, как утверждают авторы, «еще не определилась единая позиция в оценке соотношения классовых сил на различных этапах борьбы за диктатуру пролетариата»[84]. С этим утверждением никак нельзя согласиться — ведь речь идет о коренном вопросе истории Октября. И если у некоторых историков были допущены ошибки по данному вопросу, то единодушная критика подобных ошибок — убедительное доказательство общности позиций советских ученых по вопросу о соотношении классовых сил на различных этапах борьбы за власть. Однако рассмотренные нами утверждения не носят концепционного характера. Скорее они — результат недостаточно глубокого и основательного историографического анализа. Сам факт выхода такой монографии имеет чрезвычайно важное значение не только для историко-партийной литературы об Октябре, но и для дальнейшего развития историографических исследований по отечественной истории в целом.

Современный этап — конец 60-х — 70-е годы — особенно выделяется в истории советской исторической науки. Это время создания крупных коллективных трудов и

---

[79] См.: Партия и Великий Октябрь.
[80] Партия и Великий Октябрь, с. 229.
[81] Там же, с. 238—239.
[82] Там же, с. 240—241.
[83] Там же, с. 269.
[84] Там же, с. 290.

монографий по основным разделам отечественной истории. Видное место в комплексе этих работ занимают исследования по истории Великого Октября.

Историографический анализ новейшей литературы по истории Октября дан в коллективном труде Института истории СССР АН СССР «Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС» [85] и в большой серии работ по отдельным проблемам истории революции 1917 г. Непосредственно историографии Октября в коллективном труде посвящена статья И. И. Минца и В. П. Наумова «Изучение истории Октября и гражданской войны». Ограничив свой анализ периодом 1971—1976 гг., авторы получили возможность глубоко исследовать историографические проблемы. Они рассмотрели литературу об установлении Советской власти в центре и на местах и показали, что эта литература отразила единство революционного процесса, взаимосвязь центра и мест. Сравнительный анализ литературы 70-х годов с исследованиями предыдущего этапа позволил авторам выделить то новое, что внесено в современную науку. Вопросы историографии Октября рассматриваются и в ряде других статей названного коллективного труда. Особенно полно они отражены в статье об историографии советской деревни.

Современному периоду (с конца 60-х годов до наших дней) посвящен труд, который завершает историографическое исследование трех русских революций [86]. Самый факт последовательного изучения историографии революции 1905 и 1917 гг. является значительным достижением авторских коллективов данной серии. На этой основе возможно дальнейшее, глубокое сравнительно-историческое изучение литературы по истории русских революций.

Современные исследования по историографии Октябрьской революции отличаются широким диапазоном проблематики. Наряду с общими работами опубликованы монографии и статьи об историках — зачинателях советской исторической науки — М. Н. Покровском, В. А. Быстрянском, Я. А. Яковлеве, А. М. Панкратовой, А. В. Шестакове, И. И. Минце [87].

Активно стали изучаться такие научные центры, как Коммунистическая академия, Истпарт, Истпроф, система научных центров в целом. Появились исследования о научной исторической периодике и ее роли в развитии историографии Октября.

Накопление историографических знаний выдвигает задачу создания труда, в котором были бы всесторонне изучены основные периоды развития исторической науки об Октябре, их взаимосвязь и особенности каждого этапа. Назрел вопрос о соединении историографического, источниковедческого и науковедческого аспектов исследования. Для этого необходимо выяснить состав и динамику развития кадров историков Октябрьской революции, систему научных центров, формирование проблематики по истории Октября и процесс изменения ее структуры.

Автор ставит своей задачей внести посильный вклад в разработку этих вопросов.

---

[85] Изучение отечественной истории...

[86] Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978; Советская историография февральской буржуазно-демократической революции. Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979; Советская историография Великой Октябрьской социалистической рkволюции. М., 1981.

[87] *Соколов О. Д.* М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; *Иллерицкий В. Е., Наумов В. П.* Творческий путь академика И. И. Минца.— В кн.: Исторический опыт Великого Октября. К 80-летию лауреата Ленинской премии академика И. И. Минца. М., 1975; *Поспелов П. Н., Трукан Г. А.* Капитальное исследование истории Великого Октября.— Там же; *Алаторцева А. И.* А. В. Шестаков — историк революции.— В кн.: История и историки, 1976. М., 1979; *Бадя Л. В.* Академик А. М. Панкратова — историк рабочего класса СССР. М., 1979; *Сиволапова Г. Ф.* Исследования Я. А. Яковлева по истории Октябрьской революции.— В кн.: История и историки. 1974. М., 1976; *Иванова Л. В.* Историк-марксист В. А. Быстрянский (Ватин).— Там же.

Часть первая

ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В конце XIX — начале XX в. мир вступил в эпоху великих революционных движений, центром которых стала Россия. Кончился период сравнительно мирного, парламентского, реформистского развития. За два десятилетия нового века мир был потрясен тремя русскими революциями и столкновениями империалистических держав в первой мировой войне, революционными волнами в Европе и Азии, борьбой угнетенных народов против колониальных устоев империализма.

В эту бурную эпоху чрезвычайно возрос интерес к истории, особенно истории революций. Крупнейшие буржуазные ученые пытались найти в истории ответ на жгучие вопросы современности, но приходили к выводу, что наука, которую они представляли, ничего объяснить не в состоянии.

Только марксистско-ленинская историческая наука дала точный и всесторонний анализ новой эпохи, анализ исторического процесса, подготовившего эту эпоху.

Так же как Маркс в своих трудах разработал историю революций XIX в., так и Ленин был первым историком новой эпохи, эпохи пролетарских революций, демократических и национально-освободительных движений, истории первого социалистического государства.

«Ленин вошел в историю как гениальный теоретик пролетарской революции и социалистического преобразования общества,— говорится в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».— Он органически соединил в себе мудрость мыслителя и опыт народной жизни, блестящее знание марксистской теории и понимание насущных потребностей рабочего движения. На рубеже двух исторических эпох, на основе нового исторического опыта, изучения борьбы международного рабочего класса и национально-освободительного движения народов Ленин творчески развил и обогатил учение Маркса. Ленинизм — это марк-

сизм новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества. Ленинизм — вечно живой источник революционной мысли и революционного действия»[1].

Исторический анализ у Ленина всегда является обоснованием революционного действия. Вот почему его труды необходимо рассматривать в связи с этим действием. Историографический подход требует держать в центре внимания факты по истории марксистской науки, истории возникновения и развития ленинской концепции по тому или иному вопросу. Но историю марксизма невозможно отделить от истории событий, от политической борьбы, в условиях которой наука и развивалась. С другой стороны, особая острота политической и идеологической борьбы требовала глубокого проникновения в суть процесса, а гениальная ленинская проницательность и зоркость это требование удовлетворяли.

Идеи, введенные Лениным в науку, опрокидывали старые схемы и понятия, установившиеся в буржуазной историографии. В то же время следует отметить, что в разработке истории социалистической революции Ленин вообще не имел предшественников, его анализ касался тех событий и процессов, которые до него не были предметом исследования в науке.

В трудах Ленина основательно разработан вопрос о характере, движущих силах и перспективах революции в России. Теоретические предвидения марксистов-ленинцев в целом оказались верными. Однако мировая война многое изменила в темпах и характере революционного движения, поставила огромное количество новых проблем, которые необходимо было изучать на конкретном историческом материале реального процесса во всех его противоречиях. Нужно было ответить на вопрос о своеобразном сочетании социальных сил, обеспечивших победу революции, дальнейших изменениях в соотношении этих сил и перспективах их развития. Необходимо было исследовать творчество революционных масс и Советы как важнейший результат этого творчества, распознать природу Советов, их роль в революции, сопоставить их с опытом

---

[1] О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Постановление Центрального Комитета КПСС. М., 1968, с. 4—5.

творчества масс в Парижской Коммуне и революции 1905 г., выделить то главное, что отличало Советы от всех других форм революционных организаций народа,— такова была задача, за которую взялся Ленин и которую оказались не в состоянии не только решить, но и поставить представители всех других политических течений. Трудность ее усугублялась еще и тем своеобразным переплетением Советов и органов буржуазно-помещичьей власти, которое в свою очередь должно было подвергнуться исследованию как весьма редкое в истории явление двоевластия.

Развитие революционного процесса поставило перед марксистской исторической мыслью задачу осмысливания ряда последовательно возникавших кризисов, особенно того всеобъемлющего кризиса, который охватил все классы и социальные группы осенью 1917 г. С особой остротой встала проблема изучения процесса сочетания пролетарской, социалистической революции с крестьянской войной и другими демократическими движениями, сочетание, давшее такую быструю и прочную победу в октябре 1917 г. Все эти проблемы решались Лениным в ходе самой революции, затем он неоднократно возвращался к ним в последующие годы. Из всего комплекса проблем мы выделили методологические вопросы и историческое обоснование Лениным основных этапов Октябрьской революции.

Глава первая

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Ленин последовательно вникал в быстро сменяющие друг друга этапы развивающейся революции. Первым из них была Февральская победа над самодержавием. Закономерность этой победы Ленин предвидел задолго до ее свершения. На точном научном анализе он подверг критике ликвидаторов, утверждавших, что проблема революции в России снята столыпинскими реформами. Ленин тогда же доказал, что задачи, поставленные революцией 1905—1907 гг., остались нерешенными и новая революция неизбежна.

Во время первой мировой войны Ленин рассмотрел эту проблему в новых условиях, ускорявших революционный

взрыв во всей капиталистической системе и в России — узловом пункте империалистических противоречий в первую очередь.

Обращение к документам не оставляет камня на камне от фальсификаторских утверждений советологов, что Февральская революция якобы была полной неожиданностью для Ленина.

Письма Ленина в начале 1917 г. полны проникновенным предвидением близости революции. В письме к Инессе Арманд от 6(19) января 1917 г. Ленин подчеркивал, что в обеих империалистических коалициях «*назрела* социалистическая революция». В январе же он отметил огромный рост озлобления среди русских солдат и военнопленных против царя и помещиков, что отражало настроение всей армии. 21 января (3 февраля) 1917 г. Ленин писал Арманд о необходимости поддержки и развития «(тотчас) всяческих *революционных* массовых выступлений *в целях* приближения *революции...*». Две недели спустя, 6(19) февраля, он передал Арманд сведения, полученные из Москвы, о боевом настроении масс: «...наверное будет на нашей улице праздник» [2]. При первом известии о свержении царизма он с полным основанием отметил: «Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно» [3]. Размышления Ленина над проблемой «государство и революция» также связаны с этим предвидением близкой революции. Первые же письма Ленина после известий о победе революции в Петрограде свидетельствуют о его усиленной работе над теоретическим и историческим осмысливанием происшедших событий. Крайне ограниченна была информация, которой мог воспользоваться Ленин для анализа событий, развернувшихся на родине. Нужно было обладать огромными знаниями истории России и законов ее общественного развития, проникновенным умом, чтобы, пользуясь только скудными сведениями русских газет не левее «Речи» и буржуазных газет Англии и Франции восстановить точную картину исторических событий в России.

В статье «Пророческие слова» Ленин выразил свое восхищение удивительным даром Энгельса, который предвидел не только неизбежность и характер, но и результа-

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 371, 381, 390.
[3] Там же, с. 399.

ты первой мировой войны. Этот дар, как отметил Ленин, не был чудом, а результатом мастерского применения научного метода.

Этот дар был присущ и Ленину. В ряде своих работ накануне революции 1905 г. он определил характер и расстановку сил в надвигающейся революции.

В октябре 1915 г. в статье «Несколько тезисов» В. И. Ленин, опираясь на исторический опыт 1905 г. и первой мировой войны, указал на условия победы социалистической революции в России, на изменения в соотношении классовых сил, которые произойдут при переходе от буржуазной к социалистической революции [4]. Он точно обозначил характер и этапы предстоящей революции и даже возможный состав буржуазного правительства, которое придет на смену царизму. В апреле 1918 г. Ленин возвращается к этому вопросу и подчеркивает, что соотношение классовых сил «полностью подтверждает то, что нам, большевикам, приходилось указывать в 1915 году еще из-за границы, когда стали приходить первые известия о том, что революция в России нарастает, что она неизбежна,— и когда нам приходилось давать ответ на вопросы — в каком положении окажется партия, если еще во время войны события поставят ее у власти» [5]. Напомнив, что большевики говорили о колебаниях руководящих элементов мелкой буржуазии в сторону пролетариата, Ленин заключил: «...так буквально и вышло, так шла и идет сейчас история русской революции» [6].

Ленин охарактеризовал Февральскую революцию как крутой поворот в истории, поворот, подготовленный всем предшествующим ходом всемирно-исторического процесса. В «Письмах из далека» он писал: «Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, всякая революция в том числе, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом» [7]. В анализе Ленина выделяются социальные условия и последовательная цепь крупнейших исторических событий, которые и привели к победе народа над царизмом. На первое место он поставил опыт, приобретенный всеми классами русского общества, прежде всего пролетариатом, в величайших битвах 1905—1907 гг. Первая русская революция не только пробудила к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян,

но и «показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей»[8]. Могучим ускорителем революции явилась империалистическая война, которая породила невиданной силы экономические, политические, национальные и интернациональные кризисы.

В «Письмах из далека» Ленин раскрыл классовое содержание Февральской революции, ее внутренние противоречия.

В ленинском анализе, который противостоит концепции «надклассовости» Февральской революции, подчеркивается слияние различных потоков — русской буржуазии, поддержанной англо-французским капиталом, глубокого пролетарского и массового народного движения городской и деревенской бедноты. Но, говоря о слиянии различных классовых потоков, Ленин обращает внимание на временный характер этого слияния и совершенно противоположные политические и социальные стремления каждого из них. Несколько позже, в мае 1917 г., Ленин отметил тот рубеж, когда слияние разнородных потоков закончилось: «Первое же соглашение первого „Временного комитета" Государственной думы и Совета означало уже *конец* слияния классов и начало классовой борьбы»[9].

У нас нет возможности рассмотреть более или менее детально все стороны ленинской концепции хода борьбы классов в развертывающейся революции. Наша задача скромнее — выяснить научную периодизацию, разработанную Лениным, периодизацию перехода от буржуазно-демократической революции в Феврале к социалистической революции в Октябре. Именно в этой периодизации Ленин обосновал закономерность такого перехода и неизбежность победы пролетарской революции в России. Пройдя через апрельский, июньский и июльский кризисы, когда возможен еще был переход власти к Советам мирным путем, развитие революции вступило в новую полосу.

---

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 48—51.
[5] Там же, т. 36, с. 244.
[6] Там же.
[7] Там же, т. 31, с. 11.
[8] Там же, с. 12.
[9] Там же, т. 32, с. 248—249.

Характеризуя первый период революции — от марта до июля, Ленин обращается к анализу такого оригинального явления, как двоевластие. В первом «Письме из далека» Ленин констатировал факт, что в России в результате победы революции были созданы два правительства: официальное Временное правительство и неофициальное — Совет. Но здесь еще не раскрывается характер отношений между этими двумя правительствами, своеобразное переплетение и соподчинение двух властей.

Буржуазная печать вначале не хотела замечать двоевластия или клеймила это двоевластие как самое большое зло революции. «Биржевые ведомости» и «Речь» даже пробовали делать вид, будто двоевластие — это призрак, который только показался и... исчез. Нежелание признать факт существования двоевластия было настолько велико, что «Речь» 22 марта 1917 г., воспроизводя некоторые положения из «Писем из далека», препарировала фразу Ленина: «Рядом с этим правительством, в сущности простым приказчиком миллиардных „фирм", *возникло главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство*». Выделенные слова «Речь» опустила, оставив читателя в недоумении — что же было «рядом»?

Однако в ходе развития революционных событий кадеты из ярых противников двоевластия на короткое время стали сторонниками системы, при которой Временное правительство делится властью с Советами на условиях совместной борьбы с «анархией», т. е. растущей революцией. «Речь», нарисовав все ужасы «Медузы Горгоны анархии», заключала: «Надо же иметь мужество признать, что не только Временному правительству необходима поддержка так называемых левых партий и организаций, но что они одни, как Совет рабочих и солдатских депутатов без Временного правительства не выведут Россию из омута бедствий, не создадут нового строя, не в силах держать власть» [10].

Только ленинский гений смог распознать подлинную природу двоевластия, его внутреннюю противоречивость, неизбежность и необходимость превращения Советов в единственные органы власти. Еще до отъезда из Швейцарии, не имея точных данных, основываясь на разрозненных фактах, Ленин обрисовал сформировавшееся в ходе революции двоевластие. В плане статьи «Революция в России и задачи рабочих всех стран» Ленин дал деталь-

ный анализ действий двух правительств, свидетельствующий о различном направлении и различном классовом характере этих правительств. В то время как правительство Гучкова — Милюкова готовило сделку с монархией, подтверждало тайком империалистические договоры, продолжало войну, правительство рабочих и крестьян в лице Советов устанавливало 8-часовой рабочий день, осуществляло выборность командного состава в армии, привлекало к организации масс рабочих и солдат. Уже в этом наброске Ленин поставил вопрос о путях превращения рабочего и крестьянского правительства в единственное правительство России [11].

Возвращение в Россию, непосредственное руководство партией и революционными массами дали Ленину огромный новый материал для развития своей концепции. В «Апрельских тезисах» и в большой группе работ, примыкающих к ним, Ленин детально исследовал процесс перехода от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму ее этапу, который должен был дать власть пролетариату и беднейшему крестьянству. Он углубляет свою характеристику двоевластия, введя в нее факты, свидетельствующие о подчинении второго правительства — Советов влиянию первого — буржуазии. Впервые термин «двоевластие» появляется в «Наброске статьи или речи в защиту Апрельских тезисов» в период между 4 и 12 апреля. Но двоевластие не прочно, развертывается борьба различных сил за единовластие: верхушка соглашателей тащит революцию назад, от Советов к единовластию буржуазии, к обычной буржуазной парламентской республике. Большевики же ведут революцию «*вперед*, от „двоевластия" *к полновластию* Советов рабочих депутатов, а это и есть коммуна в смысле Маркса, в смысле опыта 1871 г.» [12].

Ленин разработал вопрос о законченности, завершенности буржуазно-демократической революции в России. «Кто ставит вопрос о „законченности" буржуазной революции *по-старому*, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве»,— писал Ленин [13]. Он критиковал оппортунистическую схему Л. Б. Каменева (позднее на

---

[10] *Клейн И. А.* Перед лицом анархии.— Речь, 1917, 25 апр.
[11] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 478.
[12] Там же, с. 123.
[13] Там же, с. 134.

эту же позицию перешел Г. Е. Зиновьев), исходившего из того, что Россия стоит перед перспективой длительного буржуазного развития, что буржуазно-демократическая революция не закончена, так как еще предстоит борьба за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Поэтому, по Каменеву, не могло быть и речи о переходе к следующему этапу революции. Ленин называл подобную постановку вопроса в теоретическом отношении абстрактной, одноцветной, упрощенной, не соответствующей объективной действительности, а практически — переходом на позицию мелкобуржуазной революционности. «Действительность показывает нам *и* переход власти к буржуазии („законченная“ буржуазно-демократическая революция обычного типа) *и* существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет из себя „революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства“»,— писал Ленин [14]. В статье «О двоевластии» он свел воедино все элементы емкой и многогранной характеристики замечательного своеобразия второй русской революции, создавшей две диктатуры, две власти, разнородные и противоположные по своему классовому характеру. Здесь же Ленин указал на основные признаки рождающейся в виде Советов власти нового типа: источник власти — прямой почин народных масс снизу; замена полиции и армии прямым вооружением рабочих и крестьян; чиновничество, бюрократия либо заменяются непосредственной властью самого народа, либо ставятся под особый контроль [15].

В работе «Задачи пролетариата в нашей революции» Ленин указал на «*переплетение вместе, воедино двух* диктатур» [16]. Это положение имеет важное, принципиальное значение. Само по себе существование двух властей на том или ином этапе революции еще не означает двоевластия, которое Ленин понимал как определенную, хотя и временную и неустойчивую, систему. Так, возрожденные к жизни осенью 1917 г. Советы были органами власти, которые существовали рядом с органами Временного правительства. Но здесь не было ни «переплетения», ни подчинения одной власти другой. Именно поэтому и не было двоевластия в том понимании, как его характеризовал Ленин для первого, доиюльского этапа революции.

Ленин не ограничивается раскрытием сущности такого сложного явления, как двоевластие, он указывает и на

причины его возникновения. Февральская революция втянула огромные мелкобуржуазные массы в политическую жизнь, привлекла их к решению вопросов об устройстве государства. Многомиллионные мелкобуржуазные массы подавили на время пролетариат не только своей численностью, но и идейно, что объяснялось также недостаточной сознательностью и организованностью самого пролетариата на первом этапе. В связи с этим Ленин уделяет большое внимание анализу сознания пролетарских и мелкобуржуазных масс, их психологии и традиций.

Так последовательно развивался ленинский анализ Февральской революции и порожденного ею двоевластия. В первом «Письме из далека» он установил факт существования второго правительства, второй диктатуры, которую буржуазные и мелкобуржуазные концепции расценивали или как «хаос», или как одну из многих общественных организаций. В ряде других работ Ленин изучил механизм действия двоевластия как определенной системы и подошел к вопросу о противоречиях этой системы. В «Письмах о тактике», в статье «О двоевластии», в «Задачах пролетариата в нашей революции» Ленин дал всесторонний анализ двоевластия как внутренне противоречивого явления, недолговечного, временного, чреватого кризисами из-за неизбежной борьбы Временного правительства и Советов за единовластие одной из диктатур.

«Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента»,— писал Ленин в первом «Письме о тактике» [17]. Историзм предполагает особенно тщательный анализ переходных форм общественных явлений, чтобы учесть в зависимости от конкретных особенностей каждого из них, «переходом *от чего к чему* данная переходная форма является» [18]. Ленин выдвинул это положение в связи с анализом различных форм государства. Но методологическое значение его гораздо более широко.

В самом деле, переходом *от чего к чему* было двоевластие, возникшее в феврале-марте 1917 г.? Метафизический подход к этому вопросу диктовал решение, кото-

---

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 139—140.
[15] См.: Там же, с. 146.
[16] Там же, с. 155.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 132.
[18] Там же, т. 33, с. 72.

рое защищали правые оппортунисты,— двоевластие они рассматривали как переход от свержения самодержавия к демократической диктатуре. Исходя из этого, Каменев, Рыков и другие выступали против «Апрельских тезисов» Ленина.

Ленин же рассматривал исторический процесс с позиций революционной диалектики. Он установил, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже *осуществилась* в марте 1917 г., осуществилась в своеобразной форме и задача состоит в том, чтобы перейти к новому, социалистическому этапу революции. Один подход строился на стремлении приложить заранее подготовленную формулу к действительности, другой — на научном, объективном анализе самой действительности, во всем ее своеобразии. Развитие событий подтвердило верность ленинского прогноза.

Первый кризис власти разразился в апреле 1917 г. Массовые народные протесты, как подчеркнул Ленин, развернулись в связи с внешней политикой Милюкова, но именно здесь с полной ясностью обнаружилась органическая связь внешней и внутренней политики. Столкновение между добросовестным революционным оборончеством масс и империалистической политикой Временного правительства было неизбежным. Ленин раскрыл это в статье «Добросовестное оборончество показывает себя». Противоположность классовых интересов добросовестных оборонцев и сил, стоящих за Временным правительством, все еще не была осознана массами. Нота Милюкова, которая так откровенно выражала империалистическую сущность внешней политики Временного правительства, вызвала удивление, возмущение, негодование в среде массовых представителей добросовестного оборончества. Суть кризиса Ленин видел в колебаниях мелкобуржуазной массы между доверием к капиталистам и озлоблением против них, стремлением довериться революционному пролетариату. Вместе с тем Ленин раскрыл и другую сторону политического кризиса — состояние самого правительства, которое «мечется, сумасшествует, обещает одно, делает другое, то грозит насилием массам (Гучков и Шингарев), то предлагает взять у него из рук власть» [19].

Этим же вопросам была посвящена статья Ленина «Уроки кризиса». В ней ярко обрисована фактическая история возникновения и развития апрельского кризиса.

Факты взяты самые важные, решающие для характеристики социального содержания кризиса и перспектив дальнейшего развития революции. «Наша задача теперь внимательнее изучить *силы*, классы, обнаружившиеся в кризисе, и извлечь отсюда уроки для партии пролетариата. Ибо великое значение всяких кризисов состоит в том, что они скрытое делают явным, отбрасывают условное, поверхностное, мелкое, отметают прочь политический сор, вскрывают истинные пружины действительно происходящей *классовой борьбы*» [20].

Ленина интересует последовательность втягивания различных классовых групп в апрельский кризис. Началось с солдатских демонстраций с противоречивым лозунгом «Долой Милюкова!», демонстраций, выражавших колебания мелкобуржуазных масс в сторону революции. Затем в движение вступают не средние, не промежуточные силы, а крайние — буржуазия и пролетариат. Интересна в статье Ленина характеристика социальной топографии апрельских демонстраций. Буржуазные демонстрации офицеров, студентов захватывают Невский проспект и соседние богатые кварталы города и этими районами ограничиваются. Рабочие демонстрации поднимаются в предместьях, но выходят за их пределы и проникают на Невский. Именно здесь и происходят столкновения двух потоков классово различных демонстраций.

Несколько позже, в сентябре 1917 г., Ленин, возвращаясь к характеристике апрельского кризиса, особенно подчеркнул значение стихийного выступления солдатских масс 20—21 апреля, когда на улицу во главе с офицером Ф. Линде вышли 30 тыс. солдат, готовых, по сообщениям газет, арестовать Временное правительство. Ленин отметил, что «этот факт вывода войск не обследован и не изучен» [21].

К сожалению, и до настоящего времени этот факт остается слабо изученным. Как случилось, что далеко стоявший от революционного движения офицер Линде вывел Финляндский полк к Мариинскому дворцу, присоединив к себе Московский, 180-й, Кексгольмский и некоторые другие полки? Кто выдвинул в этой солдатской массе лозунги «Долой Милюкова и Гучкова!», «Долой империа-

---

[19] Там же, т. 31, с. 316.
[20] Там же, с. 324—325.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 216.

листическую политику!», «Долой завоевания!». Все эти вопросы требуют исследования. Обращение к архивным материалам не подтверждает сообщений буржуазных газет о намерении солдат арестовать Временное правительство. Солдаты Финляндского полка 20 апреля поставили своей задачей выразить решительный протест против действий Милюкова [22]. Дальше лозунга «Долой Милюкова!» демонстранты не шли. Об этом же свидетельствуют письма Линде и комитета Финляндского полка, подписанные Б. Дорошевским [23]. Однако, как видно из газетных отчетов, солдаты Финляндского, 180-го, Кексгольмского полков, 2-го Балтийского экипажа и других частей вышли на демонстрацию вооруженными. Они запрашивали Совет рабочих и солдатских депутатов Василеостровского района, как действовать дальше, так как определенного плана у них не было [24]. Замечания Ленина, что обстановка во время апрельского кризиса была более революционной, чем это казалось некоторым филистерам в момент самих апрельских событий, имеет важное методологическое значение [25].

Кризис власти, разразившийся в условиях революции, Ленин отождествлял с революционным кризисом, который вырос из классовых противоречий, из растущего недоверия масс к правительству буржуазии, из невозможности для русской буржуазии выйти из империалистической войны, из надвигающейся хозяйственной катастрофы. Создание коалиции не могло разрешить этих противоречий, и поэтому неизбежны новые кризисы.

В докладах на Апрельской конференции Ленин поставил и разрешил новые теоретические вопросы. Он обосновал необходимость снятия лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую, исходя из того, что в России первая гражданская война против царизма закончилась свержением самодержавия, а для второй гражданской войны — вооруженного народа против империализма — нет еще достаточных условий. Оружие в руках народа, пушки и винтовки у солдат, которые поддерживают Совет,— вот почему вторая гражданская война «превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду» [26]. Характеризуя объективные предпосылки социалистической революции, Ленин исходил из анализа всей мировой системы капитализма, которая в XX в. перешла к империализму, к монополиям, а затем и к государственным монополиям.

«Это все придвинуло социалистическую революцию и создало объективные условия для нее» [27].

В работах Ленина дан глубокий анализ соотношения революционных процессов в столичных центрах страны и на местах.

Ленин высоко оценил роль питерского пролетариата как руководителя, гегемона общенародной борьбы против царизма. «Этой борьбой в Петрограде устранена центральная государственная власть. Сделано гигантское дело»,— записаны слова Ленина в протоколе Апрельской конференции [28]. После огромного напряжения сил, наибольшего подъема революционной энергии в Петрограде и достижения здесь ближайшей цели — свержения самодержавия — «задача дальнейшего развития революции оказалась особенно трудной, переход к новому этапу революции особенно тяжел, противодействие буржуазии всего сильнее» [29]. Ленинская концепция начального этапа революции схематично изложена им в «Набросках к тезисам резолюции о Советах»: «Обрисовался следующий ход развития революции: (1) устранение старой власти в центре; (2) захват власти буржуазией в силу неподготовленности пролетариата к *гигантским* общегосударственным задачам; (3) переход революции на места; (4) на местах очень часто, особенно в пролетарских центрах, коммуны и развитие революционной энергии масс; (5) земля — берут etc.; (6) заводы; контроль за ними; (7) единовластие; (8) местная, муниципальная революция идет вперед; (9) бюрократизация, подчинение буржуазии в центре» [30]. Отсюда Ленин делал вывод, что места на некоторое время становятся образцом, они зашли дальше в развитии революции и подталкивают центр. Этот процесс диалектического изменения в соотношении революционного процесса в центре и на местах

---

22 ЦГВИА, ф. 15475, оп. 1, д. 2, л. 31.
23 Новая жизнь, 1917, 23 апр.
24 Там же, 21 апр.
25 В работе В. И. Старцева «Революция и власть» (М., 1979) сделана попытка исследовать этот вопрос. Однако ему не удалось установить факт намерения солдат арестовать Временное правительство.
26 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 351.
27 Там же, с. 355.
28 Там же, с. 377.
29 Там же, с. 385.
30 Там же.

явился великим стимулятором углубления революции, ускорения ее темпов.

Советы пролетарских центров проводили разоружение буржуазии, контроль за производством и распределением, обеспечение продовольствием, смещение всех старых властей. Однако Ленин отметил определенные границы для превращения местных Советов в полновластные органы в условиях, когда в центре еще существовала власть буржуазии. Непосредственным поводом для постановки этого вопроса послужила статья В. Базарова, в которой отмечалось, что Советы, хотя во многих местах и пользовались всей полнотой власти, не могли достигнуть в борьбе с разрухой сколько-нибудь удовлетворительных результатов[31]. «Говорить,— отвечал на это Ленин,— будто Советы хоть где-нибудь в России, хоть когда-нибудь пользовались „всей полнотой власти", это просто смешно (если это не повторение корыстно-классовой лжи капиталистов). Вся полнота власти требует власти над всей землей, над всеми банками, над всеми фабриками; человек, сколько-нибудь знакомый с опытом истории и с данными науки о связи политики с экономикой, не мог бы „забыть" этого „маленького" обстоятельства»[32].

В каком же направлении шло развитие взглядов Ленина на единовластие Советов и сущность этого единовластия? На Апрельской конференции он обращал внимание на те стороны деятельности Советов, которые толкали их идти по пути превращения в органы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. В сентябре Ленин рассматривал другую проблему — выход из общенационального кризиса, из которого не может выбраться отдельный Совет без свержения власти буржуазии в центре.

Второй кризис власти развернулся в середине июня. Если апрельский кризис был связан с внешней политикой Временного правительства, то новый кризис совпал с подготовкой наступления на фронте. Контрреволюция стремилась использовать наступление как средство установления своего единовластия. Ленина интересовал не военный, а политический смысл этого наступления, его политические последствия, которые неизбежны независимо от военных результатов. Он привлек два весьма характерных документа: резолюцию все еще действовавшей под видом «совещаний» IV Государственной думы и речь министра-социалиста меньшевика Церетели на I Всероссий-

ском съезде Советов. Церетели на съезде уверял, что вопрос о немедленном наступлении на фронте нельзя даже и ставить, что это-де государственная тайна [33]. Между тем совещание членов Государственной думы в своей резолюции по докладу Милюкова откровенно заявило, что «только в немедленном наступлении в тесном общении с союзниками кроется залог скорого достижения окончания войны и закрепления навсегда завоеванных народом свобод» [34].

На этом же заседании Родзянко огласил телеграмму кубанских казаков, в которой выражались требование бросить армию в наступление и угроза пойти против «изменников родины» [35]. Реакционеры — люди дела, заметил по этому поводу Ленин. Они не побоялись поставить вопрос о наступлении открыто, прямо, в то время как министр-социалист изворачивался, ссылаясь на военную тайну. Именно здесь, в вопросе о подготовке наступления русской армии на фронте, Ленин увидел борьбу двух противоположных линий, двух путей дальнейшего развития революции в России. За наступление на фронте — это значит за продолжение империалистической войны, за оживление и укрепление контрреволюции. Против наступления — это значит за переход всей власти к Советам, за пробуждение революционного почина угнетенных классов.

Меньшевиков и эсеров Ленин назвал любителями средних путей. Они стремились к примирению с буржуазией, к «согласованию» классовых противоречий. Ленин сопоставил эти поиски средней линии с позицией мелкой буржуазии во Франции во время революции 1848 г. В статье «Из какого классового источника приходят и „придут“ Кавеньяки?» Ленин писал: «...ни один историк-марксист, ни один социалист не посмеет усомниться в том, что именно слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии со стороны Луи Бланов родили Кавеньяка, дали ему успех». В России, несмотря на все своеобразие историче-

---

[31] *Базаров В.* Большевики и проблема власти.— Новая жизнь, 1917, 27 сент.

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 317—318.

[33] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1930, т. I, с. 59; см. также Известия, 1917, 6 июня.

[34] Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932, с. 120.

[35] Там же, с. 121.

ских условий (империалистическая война, аграрное и национальное движение), создалась подобная же обстановка. Это своеобразие может изменить форму, выбор момента, внешний повод выступления Кавеньяков. Но «суть дела все это изменить не может, ибо суть заключается в *взаимоотношении классов*» [36].

Взаимоотношение классов складывалось таким образом, что мелкая буржуазия колебалась в сторону буржуазии, а Церетели и Черновы своими поисками «третьей линии», своими уступками буржуазии готовили появление Кавеньяков. Церетели в речи 11 июня, которую Ленин иронически назвал исторической и истерической, обвинил большевиков в заговоре и потребовал разоружения рабочих. Речь Церетели обнаружила, по словам Ленина, «секретную болезнь» эсеров и меньшевиков. «Эта „секретная болезнь" состоит, во-1-х, в полной неспособности к самостоятельной политике; во-2-х, в боязни довериться революционному пролетариату и поддержать *его* самостоятельную политику беззаветно; в-3-х, в неизбежно вытекающем отсюда скатывании к подчинению кадетам или буржуазии вообще (*т. е. к подчинению Кавеньякам*)» [37].

Второй политический кризис, разразившийся 18 июня, полностью подтвердил ленинский анализ. В работах Ленина, посвященных этому кризису, мы находим фактическое описание его зарождения и развития и глубокий анализ его причин и последствий. В небольшой статье «Восемнадцатое июня», написанной сразу же после событий, Ленин рассмотрел сложный комплекс вопросов, связанных с историей второго кризиса. «Взаимное положение классов, их соотношение в борьбе друг с другом, их сила, в особенности по сравнению с силой партий...» — вот что стало предметом ленинского анализа [38].

Противоречия между массами, все еще идущими за меньшевиками и эсерами, и руководством этих партий возрастали и обострялись. Кадетам и их эсеро-меньшевистским друзьям недоступно было понимание объективных основ этих противоречий. Их вскрыла большевистская партия. Ленин проследил рост этих противоречий по четырем жизненно важным проблемам: земля, местное самоуправление, наступление на фронте, национальный вопрос. По всем этим вопросам меньшевики и эсеры занимали позиции, противоположные интересам и настроениям масс. Активный, революционный демократизм масс неизбежно должен был столкнуться с псевдодемократиз-

мом эсеро-меньшевистских вождей. А нарастание таких конфликтов подтачивало и вело к краху систему двоевластия.

В статьях «Расхлябанная революция» и «Как и почему крестьян обманули?» Ленин обосновал тезис о союзе двух блоков, которые правят Россией в условиях шаткого и временного двоевластия: блок кадетов с помещиками-монархистами и блок эсеров с меньшевиками. Первый блок оттягивал запрещение купли-продажи земли, поддерживал помещиков и локауты капиталистов, второй блок обманывал народ пустыми обещаниями. Внутри этих блоков все строилось на взаимном недоверии: кадеты не доверяли своим партнерам — социалистам, эсеры не доверяли меньшевикам, меньшевики — эсерам. Внутри партии эсеров и меньшевиков росли левые группировки. Из всего этого следовала неизбежность краха этих блоков, не способных сладить с разрухой, вырваться из тисков войны [39].

Июньский кризис оказался незавершенным, так как его «перерезало наступление на фронте» [40]. Но не прошло и двух недель, как разразился новый, еще более глубокий кризис. Ленинский анализ июльского кризиса противостоит буржуазной его характеристике как «заговора большевиков» и мелкобуржуазной, весьма похожей на первую своими утверждениями об авантюризме и максимализме большевиков, которые-де сами нанесли себе поражение. Ленин прежде всего выясняет классовое содержание июльского кризиса, его закономерный характер и последствия в развитии революции. Чрезвычайно интересен ход размышлений Ленина, когда он обращается к анализу кризиса. Во время самих событий, 5 июля, Ленин пишет статью «Где власть и где контрреволюция?», в которой разоблачает клевету и ложь буржуазной печати о большевиках и констатирует бездействие обеих властей — и ЦИК Советов, и Временного правительства. Ленин уже тут делает вывод, что власть находится в руках закулисной контрреволюции. Однако Ленин еще не снимает лозунг «Вся власть Советам!». Напротив, 5 июля он

---

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 346.
[37] Там же, с. 345.
[38] Там же, с. 360.
[39] См.: Там же, с. 382.
[40] См.: Там же, с. 430.

все еще говорит о необходимости перехода власти к Советам [41].

В статье «Три кризиса» Ленин дал сравнительный анализ апрельского, июньского и июльского кризисов, вскрыл их общие и индивидуальные черты. «Общая причина, общий источник, общий глубокий корень всех трех названных политических кризисов ясен — особенно, если посмотреть на них в их связи, как повелевает смотреть на политику наука... Общее, выливающееся через край недовольство масс, возбуждение их против буржуазии и е е правительства» [42]. Общим для всех трех кризисов было и то, что они показали новую в истории революции форму демонстрации, которая была взрывом революции и контрреволюции вместе, сопровождалась резким, почти внезапным «вымыванием» средних элементов. Индивидуальным в этих кризисах Ленин считал бурно-стихийный взрыв в первом (апрельском), организованную демонстрацию под большевистскими лозунгами во втором (июньском) кризисе [43].

Глубочайшие экономические и политические причины вызвали к жизни эти кризисы. Ленин отметил, что большинство населения страны по своему положению и по своим идеям принадлежит к мелкой буржуазии. «Но в стране царит крупный капитал, через банки и через синдикаты в первую голову. В стране есть городской пролетариат, достаточно развитый, чтобы идти своим путем, но еще не способный привлечь сразу на свою сторону большинство полупролетариев. Из этого основного, классового, факта вытекает неизбежность таких кризисов, как три кризиса, изучаемые нами, а равно и их формы» [44].

В ряде статей, написанных в начале июля, Ленин ясно определяет новое положение Советов (имея в виду центральные Советы в Петрограде) как безвластных органов и говорит об установлении контрреволюционной военной диктатуры. Эти несколько дней, от 5 до 10 июля, были для Ленина днями интенсивнейшего осмысливания того коренного поворота в развитии революции, который произошел во время июльского кризиса. Немалое значение для прояснения обстановки имели, казалось бы, незначительные события 6—8 июля. Ленин сам потом отметил: «После происшедшего в дни 6—8 июля ни один русский революционер не может питать более конституционных иллюзий» [45]. Какие же события имел в виду Ленин? Во-первых, роспуск под давлением контрреволюции

комиссии ВЦИК «по делу о шпионстве», т. е. ВЦИК отказался расследовать клеветнические обвинения против большевиков, предоставляя, таким образом, беспрепятственную возможность буржуазной печати распространять клеветнические обвинения. Во-вторых, тот факт, что ВЦИК отказался отменить приказ об аресте Ленина.

Завершающий вывод из анализа новой послеиюльской обстановки Ленин сделал в тезисах «Политическое положение» и в статье «К лозунгам». Именно здесь, в тезисах, впервые появляется положение о превращении Советов в фиговый листок контрреволюции и, что особенно важно, о завершении этапа мирного развития революции. «Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно,— писал Ленин.— Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны»[46]. В этом же документе Ленин показал, что лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции. После полной измены эсеров и меньшевиков этот лозунг уже неверен. Ни один вопрос революции после июльского кризиса, после установления военной диктатуры не мог быть разрешен без вооруженного восстания, без перехода власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством.

Развернутый анализ революционных событий с точки зрения смены мирного этапа революции немирным Ленин дал в статье «К лозунгам». Центральная проблема этой работы — вопрос о власти в государстве, о крахе системы двоевластия, о новом соотношении классовых сил и изменении социальной структуры власти после июльского кризиса. Ленин раскрыл самую суть коренного перелома в истории революции. Статья написана с прозрачной ясностью, проникновением в классовое содержание событий, с глубоким теоретическим осмыслива-

---

[41] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 408—409, 417.
[42] Там же, с. 429.
[43] См.: Там же, с. 430.
[44] Там же, с. 432.
[45] Там же, т. 34, с. 9.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 2.

нием совершившегося перелома и дальнейшего хода революции.

Крутой перелом в развитии событий позволил более полно раскрыть суть мирного развития революции на ее первом этапе. Советы на этом этапе представляли массы вооруженных рабочих и солдат, которые не подвергались насилию извне. «Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была *суть* дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции»,— писал Ленин [47]. Именно эти обстоятельства исключали серьезное сопротивление переходу власти к Советам, если бы последние пожелали взять власть. Эти же обстоятельства создавали возможность открытой и мирной борьбы партий внутри Советов, что означало наиболее безболезненное развитие революции.

Что же изменилось в ходе и после июльских событий? «...Контрреволюционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эсеров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере» [48].

Это не означало, что все Советы превращались в придаток контрреволюции. Речь шла о решающих местах, центрах страны, где власть оказалась в руках военщины. Это не означало также, что большевики отказываются от построения государства по типу Советов. Но это будут уже другие Советы, утверждал Ленин, «не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней». Июльским кризисом закончился определенный цикл развития классовой и партийной борьбы в России. Начался новый цикл, «в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями»,— писал Ленин [49].

В своих работах он обращает внимание на процесс накапливания элементов, подготавливавших переход от одного этапа революции к другому, постепенный процесс крушения двоевластия, переход от мирного к немирному периоду. Уже в это время мирного развития происходит

наращивание контрреволюционных сил, которые захватывают власть в государстве в июльские дни. Двумя историческими вехами отмечен путь усиления контрреволюции: созданием коалиционного правительства в мае, организацией наступления на фронте в июне. Под прикрытием коалиции, под флагом организации наступления и проходила консолидация контрреволюции.

Таким образом, в основу членения революционного процесса Ленин кладет изменения в соотношении классовых сил, которое приводит и к изменениям в характере государственной власти.

Именно в это время, когда закончился определенный цикл классовой и партийной борьбы, Ленин создал краткий очерк истории революции с февраля по июль 1917 г. Опубликованный сначала в виде статьи, а затем изданный отдельной брошюрой, очерк «Уроки революции» сыграл огромную роль в распространении точных знаний о закономерном развитии революции в России и ее перспективах. Брошюра явилась классическим образцом истории современности. Ленин шаг за шагом проследил ход революции через апрельский, июньский и июльский кризисы, обнажил классовый характер кадетской, меньшевистской и эсеровской партий, губительные для революции результаты тактики соглашательства с буржуазией, проводимой лидерами мелкобуржуазных партий, подчеркнул главный из этих результатов — сплочение контрреволюции и захват ею власти в государстве.

В этой работе мы видим существенную особенность исторического анализа Лениным внутренних противоречий революционных событий, который служит для него основой прогнозирования, раскрытия закономерностей дальнейшего их хода.

Если брошюра «К лозунгам» подводила итог ряду работ, в которых Ленин исследовал крутой поворот истории в июльские дни и необходимость изменения тактики революционной партии, то новая работа «Уроки революции» имела несколько иную задачу — выяснить историческую последовательность событий, которые вели к возникновению бонапартизма. И та и другая работы завершали определенный цикл трудов Ленина. Брошюра «К лозун-

---

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 11.
[48] Там же, с. 12.
[49] Там же, с. 16, 17.

гам» включала в себя материал и опиралась на выводы, сделанные Лениным в статьях и документах: «Где власть и где контрреволюция?», «Три кризиса», «Политическое положение» и др. Брошюра «Уроки революции» впитала в себя материал работы «К лозунгам», а также новой группы статей — «Ответ», «О конституционных иллюзиях», «Начало бонапартизма» и др. Так, Ленин, ведя свою повседневную работу историка современности, создавал обобщающие труды, которые составляют классические страницы истории революции 1917 г.

Буржуазная историческая и политическая мысль не могла что-либо противопоставить ленинскому анализу. Бессилие и нищета этой мысли нашли свое выражение в постоянных поисках чудесного спасения и «спасителя». Буржуазная пресса была заполнена слухами, рассуждениями, теоретическими выкладками о неизбежности появления нового Наполеона. Политическая мысль буржуазии видела в Наполеоне избавление от «ужасов» революции, орудие наведения «порядка». Вопрос о социальном смысле бонапартизма как исторического факта даже не ставился. Это была практическая цель, которая казалась близкой к осуществлению на Государственном совещании. На этом совещании контрреволюция избрала своим Наполеоном Корнилова. Простая мысль о повторяемости в истории казалась очень привлекательной и обнадеживающей — генерал должен был избавить Россию от якобинцев-большевиков.

В трудах Ленина мы находим точный и бесстрашный анализ социальных условий бонапартистской опасности. В статье «За деревьями не видят леса» он обличил кадетскую партию как главную политическую силу буржуазной контрреволюции. Как во Франции конца XVIII — начала XIX в., так и в России 1917 г. бонапартизм вырастал на почве контрреволюционности буржуазии, демократические преобразования отнюдь не являлись препятствием для бонапартизма. «Бонапартизм есть форма правления,— писал Ленин,— которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»[50].

С этой точки зрения Ленин исследовал «инцидент 18 августа» на заседании Петроградского Совета, на котором, по его ироническому замечанию, произошло «совершенно невероятное, исключительное происшествие». Любимчик буржуазии Церетели, этот мастер произносить

бессодержательные и пошлые речи, вдруг «обмолвился простым, ясным, дельным, правдивым словом» [51]. Во время обсуждения резолюции о необходимости отмены смертной казни на фронте Церетели произнес слова, которые привлекли внимание Ленина. «Никакие ваши резолюции не помогут,— заявил Церетели.— Здесь необходимы не бумажные резолюции, а реальные дела» [52]. Резолюция действительно была бумажкой, потому что выдвигала требование, не подкрепленное никакой силой.

Положение изменилось. Совет потерял свою силу, а «требование», не опирающееся на силу, смешно, писал Ленин. За этим, казалось бы, незначительным эпизодом он увидел существенные черты политического строя и политического положения России периода керенщины. «Как солнце в малой капле воды, отразился в инциденте 18-го августа весь политический строй России. Бонапартистское правительство, смертная казнь, каторжный закон, подслащивание этих „приятных" (для провокаторов) вещей совершенно такими же фразами, которые рассыпал Луи-Наполеон,— о равенстве, братстве, свободе, чести и достоинстве родины, о традициях великой революции, о подавлении анархии» [53].

Вопрос о характере государственной власти в послеиюльский период развития революции Ленин считал основным и неоднократно к нему возвращался. Мелкобуржуазные идеологи отмечали, что никакого перелома в июле по существу не произошло, что и после июльского кризиса преобладающее влияние в стране принадлежало «революционной демократии». Ленин подверг язвительной критике эти положения, так как в них содержалась «самая чудовищная неправда по самому важному вопросу революции» [54]. Это был вопрос о том, в чьих руках находится власть в государстве и каково отношение к ней партии эсеров и меньшевиков, за которыми в тот момент шло большинство народа. «Добровольная

---

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 83.
[51] Там же, с. 94.
[52] Речь, 1917, 19 авг. Шокированные этим откровенным заявлением «Известия» опубликовали речь Церетели в двух вариантах: 20 авг.— «Церетели говорит, что он *не* будет голосовать против резолюции, как бумажной», 22 авг.— «Церетели говорит, что он *будет* голосовать против резолюции, как бумажной».
[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 97.
[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 122.

уступка влияния» со стороны эсеров и меньшевиков была несомненным фактом. А такое действие двух крупнейших политических партий — не каприз, не случайность. «Оно не может быть случайно,— писал Ленин.— Оно не может не стоять в связи с историей развития этих партий» [55].

Коренное изменение обстановки после июльских дней Ленин видел в том, что Временное правительство впервые получило военную опору в виде калединских частей, а революционные войска и рабочие отряды разоружались. «Власть *уже* в других руках, уже не у „революционной демократии“, власть *уже* захвачена и укреплена»,— писал Ленин. А это означало, что никакой решительный поворот невозможен без новой революции, если взглянуть на вещи так, как должен смотреть историк политики вообще, а марксист особенно. В этих новых обстоятельствах основная задача заключалась в том, чтобы выяснить «все главные исторические условия новой революции, ее экономические и политические предпосылки, политические задачи, соответствующее ей соотношение классов и т. д.» [56].

Ленина особенно занимала проблема динамики развития революции, ускорение ее темпов — с «невероятной быстротой вихря или урагана» [57]. В условиях такого ускорения, особенно в связи с корниловским мятежом, все классы общества предельно ясно обнаружили свою сущность, свои цели и политическую тактику. «Историческое значение восстания Корнилова,— писал Ленин,— состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия, с партией к.-д. во главе, и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с „дикой дивизией“ во главе и т. д.— все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян» [58].

Ленинская характеристика важна и с другой точки зрения. Июльский кризис и крах двоевластия дали контрреволюции только полурешение главной проблемы — проблемы власти. Силы революции не были разбиты, партии

большевиков удалось вывести из-под удара основные революционные центры. Все это ограничивало власть буржуазии, делало ее неустойчивой. Отсюда и попытка корниловским выступлением решить возникшие острые проблемы. Однако политическая активность контрреволюции, развернувшаяся на фоне тяжелой экономической разрухи, создавала новые условия, вызывала целую цепь новых событий и неизбежно подводила рабочий класс к тому, «что он, в силу поворота событий от него не зависящего, окажется вынужденным вступить в решительный бой с контрреволюционной буржуазией и завоевать власть» [59]. Идея о возможности возникновения условий, при которых не будет иного выхода, кроме борьбы пролетариата за власть, не раз была высказана Лениным в его полемике с идеологами II Интернационала.

В связи с анализом последствий корниловского мятежа Ленин исследовал процессы, происходившие внутри мелкобуржуазных партий. Опираясь на материалы Совета партии эсеров и съезда меньшевиков, Ленин пришел к выводу о серьезном кризисе их политики соглашения с буржуазией. Около 40% голосов в этих партиях принадлежали оппозиции официальному руководству, что было явным признаком потери народом доверия к политике соглашательства.

Ленин указал еще на одну группу противоречий, вскрытых корниловским мятежом,— противоречий между армией и Ставкой, между солдатами и офицерским корпусом, генералитетом. Ленин подчеркивал, что борьба с корниловщиной обнаружила растущую ненависть армии к Ставке.

Таким образом, анализ изменений, вызванных корниловским мятежом во всех классах общества, привел Ленина к выводу, что «весь ход событий, все экономические и политические условия, все происшествия в армии подготовляют все быстрее и быстрее успех завоевания власти рабочим классом...» [60].

В сентябре — октябре 1917 г. страна вступила в полосу общенационального революционного кризиса. Через

---

[55] Там же, с. 126.
[56] Там же, с. 129.
[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 147.
[58] Там же, с. 146.
[59] Там же, с. 147.
[60] Там же, с. 150.

все работы Ленина этих месяцев проходит идея народного характера растущей социалистической революции, объединившей вокруг пролетариата подавляющее большинство народа.

Разгром корниловского мятежа послужил для Ленина отправной точкой в его анализе новой ситуации, сложившейся в начале сентября. Он провел сравнительно-исторический анализ революционных кризисов с точки зрения: «1) стихийности движения, 2) его целей, 3) сознательности масс, участвовавших в нем, 4) силы движения, 5) упорства его» [61].

События 20—21 апреля и 3—4 июля подтвердили глубокую почвенность революционного движения. Стихийность этих событий Ленин считал несомненным фактом, в то время как в корниловщине, в этом заговоре генералов, ничего похожего на стихийность не было. «Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты»,— сделал вывод Ленин по первому вопросу [62].

Второй вопрос — цели движения. 20—21 апреля и 3—4 июля партия большевиков открыто провозгласила их: диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, немедленное предложение мира, конфискация помещичьих земель. Что касается корниловщины, то главная корниловская партия — кадеты — не решалась открыто заявить народу о своих намерениях восстановить монархию, крепить полновластную диктатуру буржуазии, разогнать Советы. Напротив, корниловцы, стремясь обмануть массы, всячески маскировали свои подлинные цели.

Отсюда Ленин выводил коренное различие и по вопросу о сознательности масс. Объективные данные по этому вопросу, отмечал он, можно было получить только в связи с партийностью, т. е. с участием масс в партиях, в частности в выборах в районные и городскую думы Петрограда. Сопоставление снова идет по двум партиям — большевистской и кадетской. За время с мая по август 1917 г. число голосов, отданных на выборах в думы Петрограда за большевиков, значительно выросло, за кадетов — резко уменьшилось. Вторая группа фактов, свидетельствующих о сознательности масс, относится к денежным сборам на партийную печать. «Правда» открыто

печатала данные о взносах рабочих на партийную печать. У кадетов не было ничего подобного — их партийную работу «питали» взносы богачей.

Наконец, Ленин сопоставил силу и упорство революционного и контрреволюционного движений. События в России еще раз подтвердили, что «*сила* революционного пролетариата, с точки зрения воздействия *на массы и* увлечения их на борьбу, несравненно *больше* во *внепарламентской* борьбе, чем в борьбе парламентской. Это очень важное наблюдение по вопросу о гражданской войне»,— писал Ленин [63]. Отсюда следовало, что парламентские данные, сведения о выборах в той или иной мере преуменьшают силу угнетенных классов по сравнению с той силой, которую они фактически могут развернуть в гражданской войне.

За корниловцами стояла сила богатства, сила российского и англо-французского капитала. Руководящим политическим центром корниловщины была кадетская партия [64]. Из общественных сил у корниловцев — только обманутая «дикая дивизия» и казачество. Но даже в казачьих районах Дона Корнилову и Каледину не удалось поднять массовое движение в пользу буржуазной контрреволюции. Что касается упорства движения, то достаточно показательным является тот факт, что, несмотря на кампанию клеветы, на широкое применение репрессий против большевиков и их органов печати, ослабить революционное пролетарское движение не удалось. А корниловское движение не подвергалось репрессиям, его всячески поддерживали в печати, финансировали, прослав-

---

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 216.
[62] Там же, с. 217.
[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 219.
[64] Кадеты всячески пытались замаскировать свою руководящую роль в корниловском мятеже. Но 30 августа 1917 г., когда еще теплилась у них надежда на «благополучный» выход из положения, в передовой «Речи» должны были появиться следующие слова: «Генерал Корнилов не реакционер, его цели — не цели контрреволюции. Нам тем легче присоединиться к этой формулировке национальных целей, что мы говорили в тех же самых выражениях задолго до Корнилова... Мы не боимся сказать, что ген. Корнилов преследовал те же цели, которые мы считали необходимыми для спасения России». Но «смелые» кадеты все же не решились опубликовать эти строчки. Однако корректура передовой была предана огласке на заседании Демократического совещания 17 сентября. См.: Знамя труда, 1917, 19 сент.

ляли, но оно никакого упорства и устойчивости не обнаружило.

«Сводя вместе итоги нашего сравнения данных из истории русской революции,— писал Ленин,— мы получаем тот вывод, что начало гражданской войны со стороны пролетариата обнаружило силу, сознательность, почвенность, рост и упорство движения. Начало гражданской войны со стороны буржуазии никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило»[65].

Из этого сравнительного анализа Ленин сделал вывод, что у контрреволюции нет серьезных сил, которые они могли бы противопоставить Советам. Сопротивление буржуазии и помещиков, конечно, неизбежно, они, несомненно, выступят против безвозмездной передачи земли крестьянам, против справедливого мира и разрыва с империализмом, против социалистических преобразований. Но у буржуазии нет масс, которые поддерживали бы ее сопротивление и сделали его длительным.

В письмах «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» Ленин раскрыл существо общенационального революционного кризиса, выход из которого мог быть найден только в вооруженном восстании и переходе власти к Советам. Для доказательства объективной неизбежности вооруженного восстания Ленин снова применяет метод, который он сам называет «методом сравнения». Он проводит сравнительный анализ июльского кризиса и сентябрьских дней. Сравнение в данном случае идет по одному главному вопросу — были ли условия для вооруженного восстания в июле и существуют ли эти условия в сентябре? Для ответа на этот вопрос Ленин анализирует состояние авангарда революции — пролетариата, широких народных масс и состояние в лагере контрреволюции в июле и сентябре. Именно в сентябре, сделал вывод Ленин, массы, опираясь на опыт июля и августа, прониклись сознанием необходимости вооруженного восстания. Это был объективный процесс, и он нашел свое выражение в переходе пролетариата и солдат на сторону большевиков, во всенародном революционном подъеме и взятии власти многими местными Советами, в колебаниях в лагере врагов и среди половинчатой мелкой буржуазии.

Новый опыт дал возможность Ленину осветить некоторые стороны деятельности и характера Советов после-

июльского периода. Если в статьях «К лозунгам» и ряде других он резко и последовательно раскрыл изменения в положении Советов, превращение их в придаток Временного правительства, то после корниловщины он обратил внимание на те стороны деятельности, которые свидетельствовали о возможности их возрождения. «Достаточно было „свежего ветерка" корниловщины, обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреоборимое»,— писал Ленин. Здесь же он отметил и еще одно важное обстоятельство — эсерам и меньшевикам после июля удалось превратить в «пустые говорильни» главным образом Петроградский Совет и общерусский, т. е. ВЦИК. Это ограничение, указанное Лениным, говорит о том, что многие местные Советы не испытывали в такой степени тлетворного влияния мелкобуржуазных партий и переход их к борьбе с корниловщиной был совершен легче, чем в центре. Но и в центре, и на местах Советы в самый короткий срок за несколько дней в ходе борьбы с генеральским мятежом обнаружили главную, основную свою суть — они выступили как органы революционных масс, вполне способные заменить старый государственный аппарат.

Еще в доиюльский период Ленин скрупулезно изучал все проявления надвигавшейся экономической катастрофы. В статьях «Надо разоблачать капиталистов», «Доклады о разрухе», «Кризис надвигается, разруха растет», «Грозит разруха» и других Ленин поставил задачу собирания точных данных о состоянии экономики, конфликтах в промышленности, саботаже капиталистов. Он обратил внимание на различные формы саботажа, на сущность политики организации голода и экономического хаоса в стране. Одна только социалистическая революция могла вывести страну из экономической катастрофы, избавить ее от угрозы иностранного закабаления, дать народам России национальную независимость и свободу.

В работе Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», которая носит программный характер, дано обоснование плана экономических преобразований социалистической революции. Ленин дал в ней ретроспективную оценку экономики России и экономической политики

---

[65] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 221.

Временного правительства, раскрыл социально-экономические предпосылки социалистической революции в России. В ней были также поставлены и решены важные проблемы политического строя России периода от Февраля к Октябрю, характера войны и условия превращения войны империалистической в войну революционную, внешней политики, средних слоев и т. д. Вся эта огромная сумма вопросов истории революции и политики революционной партии подчинена одной центральной идее о народном характере растущей социалистической революции.

Ленин всесторонне обосновал необходимость и неизбежность общенародной социалистической революции, т. е. такой революции, которая проведет социалистические преобразования в интересах и руками подавляющего большинства нации. На примере финансовой и продовольственной политики он показал, что только партия большевиков последовательно защищает интересы самых широких масс, в том числе и тех, которые пока еще идут за меньшевиками и эсерами. «Большевики выступают... как представители интересов *всего* народа, интересов обеспечения дела продовольствия и снабжения, интересов удовлетворения насущнейших нужд рабочих *и крестьян...*» — писал Ленин [66], особенно подчеркивая слово «крестьян», которые и составляли подавляющее большинство населения России. Когда Ленин в этой работе говорил о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, он всегда подчеркивал, что речь идет о большинстве крестьянства.

Идеи общенародного характера социалистической революции, вырастающей из общенационального кризиса, получили свое обоснование в большой группе трудов Ленина, написанных накануне Октября: «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война», «Задачи революции» и в ряде документов, адресованных в Центральный Комитет партии. В письме «Марксизм и восстание» Ленин отметил важнейшие факторы, определявшие общенародный характер революции.

Во-первых, это способность социалистической революции решить земельный вопрос, дать крестьянам землю. «А в этом гвоздь общенародного характера революции»,— писал Ленин [67]. Во-вторых, это способность социалистической революции удовлетворить народное требование

мира, разрыва с империалистами и спасения России от «сепаратного» ее раздела империалистами обеих коалиций [68].

В статье «Из дневника публициста» Ленин показал новую расстановку классовых сил в социалистической революции. В феврале 1917 г. произошла «революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма» [69]. Февральская революция не ослабила зависимости России от иностранного капитала. Напротив, политика Временного правительства привела к усилению этой зависимости. Новая, социалистическая революция была направлена против российского и иностранного империализма, разбивала цепи зависимости России от иностранного капитала. В этом также была основа общенационального характера социалистической революции, основа для решения тех задач, которые не могла решить Февральская революция.

В статье «Кризис назрел» и брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» мы находим дальнейшее развитие идей о народном характере социалистической революции.

Ленин прежде всего выясняет общенациональный характер революционного кризиса, охватившего Россию в конце сентября 1917 г. Этот кризис был частью мирового революционного процесса, который вступил осенью 1917 г. в решающую стадию.

Начало военных восстаний в Германии, указывал Ленин, свидетельствует о великом переломе, является кануном революции в международном масштабе. Важнейшим признаком общенационального революционного кризиса в России он считал рост крестьянского восстания, вызванного столыпинской политикой Временного правительства, политикой защиты помещичьего землевладения. «Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского, эсера, Никитина и Гвоздева, меньшевиков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов!» — восклицал

---

[66] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 186.
[67] Там же, с. 244.
[68] См.: Там же, с. 245—246.
[69] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 257.

Ленин. И продолжал: «...если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к *последней черте*» [70].

Другим важным признаком общенационального кризиса Ленин считал позицию национального движения, выступившего в лице «национальной курии» Демократического совещания против коалиции с буржуазией, рост национально-освободительного движения в Финляндии, на Украине и других районах. Эти факты приобретали огромное значение как показатели того, что широкая масса населения национальных районов, масса угнетенных наций доверяет пролетариату больше, чем буржуазии. «Национальный и аграрный вопросы, это — коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время... И по обоим вопросам пролетариат „*не* изолирован“ на редкость. Он имеет за собой большинство народа» [71].

Рядом с аграрным и национальным вопросами условия мировой войны выдвинули вопрос о мире, который был кардинальным для всего народа. И именно по этому вопросу вопросов всей современной жизни пролетариат выступал поистине «как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах, гигантского большинства мелкой буржуазии...» [72].

Все это вместе взятое, как подчеркивал Ленин, ясно подтверждало, что пролетариат не только не был изолирован от остальных классов, напротив, он пользовался сочувствием и поддержкой огромного, подавляющего большинства народов, трудящихся масс.

К этим же признакам Ленин относил революционный процесс в армии, ярким проявлением которого были «полный *откол* от правительства финляндских войск и Балтийского флота» [73], голосование солдат Московского гарнизона за большевиков.

Наконец, существенным показателем «глубочайшего поворота в общенациональном настроении» Ленин считал результаты выборов в районные думы в Москве, где голоса за эсеров и меньшевиков с 70% в июне упали до 18% в сентябре, а число голосовавших за большевиков поднялось до 47%. К этому Ленин добавлял такой факт, как острый конфликт железнодорожников и почтовых

служащих с правительством, факт, имевший гигантское общеэкономическое, общеполитическое и военное значение.

Как видим, Ленин поставил на первое место те факторы, которые свидетельствовали о втягивании в кризис мелкобуржуазных масс, огромного подавляющего большинства народа — крестьянства, угнетенных наций, армии, городской мелкой буржуазии. Объединенные и направляемые пролетариатом, эти силы и явились основой общенационального характера кризиса, общенародного характера растущей социалистической революции.

---

[70] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 277.
[71] Там же, с. 299.
[72] Там же, с. 300.
[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 278.

Глава вторая

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ

В трудах Ленина, созданных им в конце 1917 — весной 1918 г., развивается его концепция истории революции 1917 г.

«Тезисы об Учредительном собрании», написанные 11 или 12 декабря 1917 г., являются первым после победы Октября опытом научной периодизации истории социалистической революции. Первый этап начинается с 24—25 октября, «когда II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, этого авангарда пролетариев и наиболее политически действенной части крестьянства, дал преобладание партии большевиков и поставил ее у власти» [1]. Затем в течение ноября и декабря революция охватила всю массу армии и крестьянства, «выражаясь прежде всего в смещении и в перевыборах старых верхушечных организаций» [2]. Этот процесс Ленин считал в середине декабря еще незаконченным. Сущность его он определил как «могучее движение эксплуатируемых масс к пересозданию руководящих органов своих организаций...» [3], дополнив данную харак-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 163.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 164.

теристику анализом нового соотношения классовых сил на национальных окраинах и в казачьих районах. На национальных окраинах развернулась борьба между силами пролетарско-крестьянской революции и буржуазного национализма. В казачьих районах Дона кадетско-калединская контрреволюция начала гражданскую войну против рабочего и крестьянского правительства. Тем самым не Советская власть, а контрреволюция «отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народами России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством» [4].

К вопросам периодизации истории революции Ленин возвращается в период Бреста. Именно в дни тяжелейших испытаний выявилась потребность рассмотреть весь путь, пройденный революцией, и выделить его основные этапы. В статье «Тяжелый, но необходимый урок» Ленин охарактеризовал развитие событий за год от свержения самодержавия до окончания триумфального шествия Советской власти. Первый этап — Февральская революция, когда русский пролетариат совместно с пробужденной ходом военных событий частью крестьянства и с буржуазией сверг монархию. Второй этап — апрельский кризис, когда пролетариат сверг единовластие империалистической буржуазии, «передвинул власть в руки мелкобуржуазных соглашателей с буржуазией». Третий этап — июльский кризис — «городской пролетариат, стихийно поднявшись на демонстрацию, тряхнул правительство соглашателей». Последовательный ход событий завершился победой 25 октября, установлением диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства [5].

Здесь периодизация дана в определенном аспекте — анализе последовательных действий гегемона революции — рабочего класса. Кризисы в апреле и июле рассматриваются Лениным как ступеньки к октябрьской победе. Новая черта появляется в оценке апрельского кризиса — речь идет не об общих его результатах, а об изменениях в структуре власти, в которой произошла передвижка власти внутри Временного правительства в руки мелкобуржуазных соглашателей.

Период триумфального шествия Советской власти Ленин рассматривал не только как процесс распространения Советской власти по всей стране, но как этап в истории революции, со всеми присущими ему социально-

экономическими, политическими и военными событиями.

В области социально-экономической диктатурой пролетариата была проведена система мероприятий, которые впоследствии Ленин назвал «красногвардейской атакой на капитал». Это образное определение имело вполне точное научное содержание. Капитал сопротивлялся по-военному, и отвечать ему приходилось методами подавления, методами «красногвардейской атаки». Намеченная Лениным в «Грозящей катастрофе...» программа не могла выполняться постепенно и равномерно в силу саботажа предпринимателей и части буржуазной интеллигенции, военных мятежей и иных форм контрреволюционного сопротивления.

Первую обобщающую характеристику социалистических преобразований в экономике Ленин дал в докладе на III съезде Советов. Уже в это время у него складывался тот план, который получил свое оформление в работах весны 1918 г. Ленин писал в январе 1918 г. об экономической возможности реорганизации России на основе национализации банков и крупной промышленности при натуральном *продуктообмене* города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян. Такая реорганизация, считал Ленин, сделает социализм непобедимым и в России, и во всем мире. Но развернувшееся сопротивление буржуазии потребовало изменения намеченных планов и на первое место выдвинуло военное подавление контрреволюции. Это отразилось и в экономической области. Потребовались чрезвычайно революционные меры для борьбы с саботажем и разрухой.

В политической области период триумфального шествия был временем изживания в народных массах иллюзий, связанных с Учредительным собранием. В начале декабря 1917 г. Ленин не исключал возможности изменения его состава при помощи использования декрета о праве отзыва. В речи на заседании ВЦИК 1 декабря он отметил, что Учредительное собрание было задумано как орудие борьбы против народа. Однако Октябрьская революция создала гарантию против такого использования Учредительного собрания. Но в случае, если оно пойдет по пути контрреволюции, интересы народа будут поставлены выше интересов демократического учреждения [6].

---

[4] Там же.
[5] См.: Там же, с. 393.
[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 137.

Ленин указал на два обстоятельства, свидетельствующих о несоответствии состава Учредительного собрания воле народа: раскол партии эсеров, получившей значительное большинство голосов, и поворот в настроении крестьянства, голосовавшего на II своем съезде за левых эсеров, сотрудничавших с большевиками. Раскол партии эсеров Ленин назвал формально-юридическим источником несоответствия между волей избирателей и составом депутатов Учредительного собрания. Еще более важным, не формальным, а общественно-экономическим, классовым источником такого несоответствия Ленин считал тот факт, что во время выборов большинство народа «не могло еще знать всего объема и значения Октябрьской, советской, пролетарски-крестьянской революции...» [7].

Подводя итоги триумфальному шествию как периоду победы Советской власти и разгрома контрреволюции на всей территории России, Ленин особенно подчеркивал внутренние закономерности борьбы с Центральной радой, калединщиной, дутовщиной и другими антисоветскими силами. «...Внутренняя опора Каледина на Дону теперь падает не столько извне, сколько извнутри» [8],— писал Ленин в январе 1918 г. Он опирался при этом на анализ фактического хода событий в казачьих районах. Рассматривая положение на Дону, Ленин указал на съезды революционного казачества в Воронеже и станице Каменской. Когда Каледин разогнал съезд в Каменской, казачьи делегаты соединились с Воронежским съездом, объявили войну Каледину и арестовали своих атаманов. Приведенные факты подтверждали главную мысль Ленина, что в районе казачьей Вандеи есть внутренние силы в самом казачестве, которые подняли знамя борьбы с Калединым [9]. Даже в районе с высоким уровнем зажиточного крестьянства обнаружилось то же самое деление, та же борьба за и против Советской власти, что и в центре страны. Такое деление, отметил Ленин, было общей закономерностью развития революции. Это определенная форма гражданской войны, но войны кратковременной, триумфальной для сил революции, так как у контрреволюции не было серьезных возможностей для длительного сопротивления. Концепция Ленина противоречит упрощенной схеме географического размежевания сил революции и контрреволюции, по которой центр является советским, а окраины — антисоветскими. Между тем ход событий свидетельствовал о другом. Ташкент — в Сред-

ней Азии, Баку — в Закавказье, Донбасс — на Украине, Ростов-на-Дону — в казачьем районе явились центрами мобилизации внутренних сил революции на окраинах.

Политическим центром контрреволюции в период триумфального шествия была партия кадетов. Концентрация антиреволюционных сил вокруг кадетской партии началась в феврале 1917 г. После Октября этот процесс усилился. «Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее кадетов» [10]. Так Ленин точно определил сущность процесса развития буржуазных и помещичьих политических партий — от кадетов, «мирнообновленцев» и октябристов до черносотенных организаций.

Революция могла утвердиться и закрепить свою победу только в борьбе с контрреволюцией. Возражая «новожизненцам», которые обвиняли большевиков в применении насилия, Ленин подчеркивал: «Вы упорно не желаете видеть, что эта железная рука, разрушая, и созидает» [11]. Приведенная мысль — одна из важнейших у Ленина в его характеристике революционного процесса. Идейные споры в социал-демократии за полтора десятилетия до революции явились как бы теоретическим предвосхищением тех классовых битв, в которых разногласия решались с оружием в руках.

Ленин раскрыл сущность различных форм саботажа и контрреволюции, в том числе и таких, как подкуп высших служащих и темных элементов, срыв перевозок продовольствия в столицы и промышленные центры, а также источник финансирования саботажников (крупные русские и англо-французские банки).

Период триумфального шествия Советской власти Ленин рассматривал как первый этап в истории социалистической революции в России, ограниченный определенными рамками — от победы вооруженного восстания до середины февраля 1918 г., когда германская интервенция изменила ход событий. Начальному этапу свойственна была определенная экономическая политика, направлен-

---

[7] Там же, с. 163.
[8] Там же, с. 269.
[9] См.: Там же, с. 296—297.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 135.
[11] Там же, с. 172.

ная на создание основ социалистической экономики. Завершился конфликт между Советами и Учредительным собранием, т. е. между советским и буржуазным демократизмом, были разгромлены основные очаги контрреволюции и установлена власть Советов по всей стране. Это был вместе с тем первый этап гражданской войны, в которой пролетариат и беднейшее крестьянство одерживали одну победу за другой, а русская буржуазия, не имея прямой помощи своих зарубежных союзников, оказалась бессильной организовать длительное сопротивление.

Экономическая и социальная политика периода триумфального шествия отнюдь не была ограничена «красногвардейской атакой на капитал». Ленин подверг серьезной критике тех, кто не понимал, что важнейшие задачи революции — социалистические преобразования в промышленности и сельском хозяйстве, подавление сопротивления буржуазии, не только русской, но и всемирной,— не могут быть решены методами красногвардейской атаки.

Между тем быстрая и сравнительно легкая победа периода триумфального шествия породила иллюзии, что и впредь революция будет развиваться так же легко и стремительно. Задача выявления закономерностей ее развития и заставляет Ленина в трудные дни февральского 1918 г. наступления немцев, дни тяжелейших поражений, обращаться к такому, казалось бы, сугубо теоретическому вопросу, как периодизация Октябрьской революции. В докладе на VII съезде партии он выделил общие и своеобразные черты каждого этапа революции. Особенно интересен ленинский анализ стихийных элементов в творчестве масс, его сочетания с процессом глубокой, внутренней переработки самим народом политического опыта, опыта борьбы за гегемонию пролетариата в освободительном движении. Отмечая, что в Февральской революции произошло «самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов», Ленин тут же подчеркивает, что в этом стихийном процессе рабочими был использован опыт 1905 г., что события развертывались при гегемонии пролетариата, за которым шла не только деревенская масса, но и буржуазия. В апрельском кризисе Ленин отметил «своеобразное сочетание демонстрации с чем-то вроде вооруженного восстания». В июльском кризисе Ленин подчеркивал его значение как разведки в стане врагов[12]. Борьба с корниловщиной — важнейший этап в

накоплении массами опыта, который закономерно привел их к Октябрю.

К этим вопросам Ленин обращается и на IV съезде Советов, когда он говорит об основных периодах истории революции. Первый — от 27 февраля до 20 апреля — период свержения самодержавия и создания Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Второй — от 20 апреля до 25 октября — Ленин называет переходным и делит его на ряд «полос», этапов: с 20 апреля до наступления на фронте, затем июльский кризис, корниловщина — и «только тогда, после долгого политического развития, после долгой подготовки и перемены в настроении и взглядах партийных группировок создалась почва для Октябрьского переворота, и наступил третий период русской революции...» [13]. В третий период Ленин включает события от победы Октябрьского вооруженного восстания до начала немецкого наступления, когда революция в России шла как бы в независимости от международного империализма.

Ленин характеризует противоречия в исходных позициях русской революции: общая экономическая отсталость страны и развитые формы новейшего капитализма в промышленности, преобладание мелкобуржуазных масс населения и высокая степень социальной и политической подготовленности пролетариата. Эти ключевые положения имеют огромное значение для понимания всей ленинской концепции истории социалистической революции.

В работах весны 1918 г. Ленин часто обращается к сравнительному анализу задач буржуазной и социалистической революции. Неоднократно он возвращается к нему и в последующих работах, особенно в «Очередных задачах Советской власти». Буржуазные экономические отношения вырастают в недрах феодального строя. Перед буржуазной революцией стоит только одна задача — разрушить все путы, сковывающие уже существующие буржуазные отношения. Таким образом, задача буржуазной революции в основном сводится к разрушению старого.

---

[12] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 3—4. Говоря о разведке, Ленин имел в виду объективные результаты кризиса, а не заранее задуманную партией операцию.

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 94.

Социалистическая революция не находит в буржуазном обществе готовых социалистических отношений. «Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные» [14]. Но особенность социалистической революции состоит еще и в том, что она сама порождает и средство, оружие, организационную форму для решения гигантских созидательных задач. Такой новой организационной формой являлись Советы. Ленин неоднократно подчеркивал спонтанный, глубоко народный характер Советов, которые были созданы массами «раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им,— вот кто создал эту форму пролетарской власти» [15].

В октябре 1918 г. Ленин впервые охарактеризовал новый этап социалистической революции в деревне, определив его хронологические рамки примерно с лета 1918 г. Первоначально это было сделано по таким признакам, как осознание массами деревенской бедноты своих классовых интересов на основе собственного опыта борьбы с кулаками [16]. Позднее Ленин указал на то, что в деревне, среди преобладающего большинства населения России, решалась судьба революции. Опыт всех революций, которые до сих пор были в Европе, наглядно подтверждал, что революция неизбежно потерпит поражение, если крестьянство не победит кулацкого засилья [17]. Причину поражений Ленин видел в том, что крестьянство не было организовано, а городское крупное производство не достигло такой ступени развития, когда оно могло бы объединить миллионы рабочих. В результате, потерпев поражение в деревне, революция не могла устоять и в городе. В Октябрьской революции положение изменилось — крестьянство получило крепкую опору в пролетариате и пролетарском государстве.

Ленин исследовал изменения в соотношении пролетарской революции и крестьянской войны. Подкрепленная в Октябре 1917 г. крестьянской войной против помещиков, социалистическая революция смогла быстро и сравнительно легко справиться с сопротивлением буржуазии. Это и был первый этап социалистической революции, когда решился главный вопрос — вопрос о власти пролетариата. По мере того как помещичье землевладение было ликвидировано и земля по принципу уравнительности была

распределена между крестьянами, развернулась и стала приобретать все более острый характер классовая борьба внутри крестьянства, борьба деревенской бедноты против кулачества. В связи с этим Ленин говорил, что социалистическая революция стала на свой настоящий базис и в деревне с лета и осени 1918 г. Второй этап социалистической революции был отмечен изменением соотношения сил в деревне. «...Пролетарской революции пришлось начать с основного отношения между двумя враждебными классами, между пролетариатом и буржуазией. Основной задачей было — передать власть в руки рабочего класса, обеспечить его диктатуру, свергнуть буржуазию и отнять у нее... экономические источники ее власти...» [18]. Но, решив вопрос о власти, совершив социалистическую революцию в стране с преобладанием крестьянского населения, рабочий класс не мог двигаться дальше, не получив поддержки беднейшего крестьянства. На втором этапе революции его поддержку можно было получить только в борьбе с кулачеством.

С конца 1918 г. начался третий этап, когда рабочий класс, опираясь на бедноту, пошел на союз со средним крестьянством против буржуазии города и деревни. Характеристика основных этапов революции, получившая обоснование в труде Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», послужила фундаментом для решений и программных документов VIII съезда партии.

Таким образом, мы видим, как последовательно Ленин применяет классовый анализ при рассмотрении истории Октябрьской революции. Главным критерием членения революционного процесса от февраля 1917 г. до конца 1918 г. у него неизменно являются изменения в соотношении классовых сил. Все другие признаки — изменения в психологии, сознании масс, состояние государственной власти, соотношение и роль политических партий — тщательным образом учитываются Лениным, но они в той или иной степени связаны с основным фактором — соотношением классовых сил в стране.

К концу 1918 г. рабочий класс и беднейшее крестьянство накопили огромный опыт во всех областях преобра-

---

[14] Там же, с. 6.
[15] Там же.
[16] См.: Там же, с. 37, с. 115.
[17] См.: Там же, с. 176.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 187—188.

зования политической, социальной, экономической жизни страны. Труды Ленина являются обобщением гигантского революционного опыта. Различные направления теоретической и политической деятельности Ленина, разработка сложной проблематики истории революции и гражданской войны, истории рабочего класса и социалистических преобразований в промышленности, истории крестьянства и развития двух этапов революции в деревне соединились в единую концепцию истории социалистической революции. Осенью 1918 г. она была обоснована в гениальном ленинском труде «Пролетарская революция и ренегат Каутский», который можно назвать первым обобщающим трудом по истории Октябрьской революции.

Ленинский замысел создания книги по истории Советов в революциях 1905 и 1917 гг. созрел еще накануне Октября. В подзаголовке книги «Государство и революция» было обозначено «Выпуск I». Как известно, книга состояла из шести глав. В послесловии к первому ее изданию Ленин писал: «Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: „Опыт русских революций 1905 и 1917 годов". Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: „помешал" политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой „помехе" можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный „Опыту русских революций 1905 и 1917 годов"), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее „опыт революции" проделывать, чем о нем писать» [19].

Несколько строк текста VII главы Ленин все же успел написать. Они являются ключом к ленинскому замыслу второго выпуска книги: «Государство и революция». Воспроизведем эти строки:

«Глава VII

Опыт русских революций 1905 и 1917 годов

Тема, указанная в названии этой главы, так необъятно велика, что об ней можно и должно писать томы. В настоящей брошюре придется ограничиться, разумеется, только самыми главными уроками опыта, касающимися непосредственно задач пролетариата в революции по отношению к государственной власти» [20].

Главные уроки опыта пролетариата в революциях 1905 и 1917 годов в такой важнейшей области, как отношение к государственной власти,— таков был перво-

начальный замысел второй части «Государства и революции». Советы как органы власти — вот что интересовало Ленина.

Сохранившиеся варианты плана VII главы дают возможность несколько конкретнее представить себе ленинский замысел. Он предполагал дать анализ народного творчества в революции 1905 г., охарактеризовать отношение большевиков и меньшевиков к Советам 1905 г., подвергнуть критике западноевропейскую литературу по этим вопросам. Центральное место в VII главе должен был занять анализ опыта революции 1917 г. Из вариантов плана видно, что Ленин строил изложение в строго исторической последовательности. В плане главы выделялись такие события, как возникновение Советов и их роль в марте-апреле 1917 г., период упадка Советов в мае—августе, затем корниловщина и массовый подъем в сентябре 1917 г.[21] Анализ сущности Советов и их исторического развития на протяжении первого полугодия революции Ленин предполагал вести в двух аспектах. Во-первых, рассмотрение Советов как органов власти, их функции, особенно создание рабочей милиции и проведение мер, выходящих за рамки буржуазно-демократического характера[22]. Во-вторых, разоблачение предательской роли эсеров и меньшевиков, политики проституирования Советов[23].

Вплоть до ноября 1918 г. Ленину не удалось осуществить свой замысел. Однако это не означает, что замысел вообще не был реализован.

Ленин выполнил эту задачу, прежде всего в такой классической работе, как «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Конечно, в условиях, когда коренным образом изменилась обстановка, ограничивать новую работу планом, составленным до Октября, не было смысла. Центр тяжести в новой книге Ленина естественно переносится с обобщения опыта революции 1905 г. и дооктябрьского периода 1917 г. на период победы и развертывания социалистической революции, когда Советы стали органами диктатуры пролетариата.

---

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 120.
[20] Там же, с. 119.
[21] См.: Там же, с. 323.
[22] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 314.
[23] См.: Там же, с. 323—324.

В предисловии к книге Ленин обратился к истории вопроса. Он напомнил, что еще в ряде статей 1914—1917 гг. ему многократно пришлось выступать против искажения марксизма Каутским, указывать на разрыв Каутского с марксизмом. Ленин выделил критику каутскианства в таких своих работах, как «Социализм и война» (1915), «Империализм, как новейший этап капитализма» (1916), «Государство и революция» (1917).

Новый труд Ленина был обобщением огромного материала, накопленного за год пролетарской диктатуры, который равен десятилетиям мирного развития. События исторического значения сменяли друг друга с огромной быстротой. Триумфальное шествие Советской власти, германское наступление и Брестский мир, короткая передышка и планы мирного социалистического строительства, героическая борьба с кулацкими мятежами и интервенцией Антанты — все эти события могли быть поняты и правильно оценены при условии глубокой, точной и правильной характеристики всемирно-исторического поворота, происшедшего в Октябре.

К концу 1918 г. резкий перелом в развитии всемирной истории — укрепление Советского государства, поворот середняка в сторону союза с рабочим классом, крушение австро-венгерской и германской монархий — определил новую обстановку и благоприятные условия для реализации ленинского замысла, намеченного еще в плане VII главы «Государства и революции». Ленин взялся за создание крупной работы, в которой впервые была дана в обобщенном виде политическая и экономическая история возникшего в Октябре Советского государства.

Еще до завершения работы над книгой Ленин, считая задачу разоблачения оппортунистических фальсификаций Каутского делом очень важным и срочным, 11 октября 1918 г. выступил в «Правде» со статьей «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

В статье Ленин сообщил, что он начал работу над брошюрой под таким же названием, но так как его работа затягивается, то он решил предварительно выступить со статьей. Ленин прежде всего отметил, что ничтожная часть книги Каутского посвящена собственно русской революции. Там, где автор этого вопроса касался, он, извращая факты, пытался доказать, что Октябрьская революция являлась по своему характеру революцией буржуазной. Ленин вскрыл фальсификаторский характер книги

Каутского, его полную зависимость в материалах и их трактовке от меньшевиков, эсеров и кадетов. Такая же зависимость перешла «в наследство» в более поздние фальсификации буржуазных «советологов».

Статья Ленина разоблачала полный переход Каутского в лагерь ренегатов марксизма. Позиции, подобные Каутскому, занимали лонгетисты во Франции, независимцы в Англии, Турати и его последователи в Италии. Нужно было дать решающий бой международному оппортунизму по коренным вопросам о характере и всемирно-исторической роли Октябрьской революции — и Ленин взялся за решение этой задачи.

Работа над книгой была закончена в ноябре 1918 г. Это была первая научная история Великой Октябрьской революции. Труд Ленина насквозь историчен, от «Предисловия», в котором он излагал историю борьбы большевизма с оппортунизмом Каутского, до последнего раздела, содержащего анализ экономических преобразований за год после Октября.

Вся книга пронизана острой, последовательной критикой каутскианской фальсификации истории пролетарской революции в России. Но эта критика для Ленина является только исходным пунктом позитивной разработки основных проблем истории социалистической революции, изучения огромного опыта созидания нового общества за первый год со дня выстрелов «Авроры».

Первый раздел книги «Пролетарская революция...» прямо связывает этот труд с исследованием Ленина «Государство и революция». В разделе Ленин рассматривает историю разработки Марксом и Энгельсом теории диктатуры пролетариата на основе опыта революций 1848 и 1871 гг.

Анализируя сущность буржуазной и пролетарской демократии, Ленин глубоко раскрыл историю возникновения и развития подлинной социалистической демократии в таких трудных для анализа областях, как внешняя политика, устройство государства, непосредственное участие народных масс в управлении государством. Вывод, сделанный Лениным, охватывает важнейшие изменения, происшедшие в области государственного управления за первый год революции: «...в России совсем разбили чиновничий аппарат, не оставили на нем камня на камне, прогнали всех старый судей, разогнали буржуазный парламент — и дали *гораздо более доступное* представитель-

ство именно рабочим и крестьянам, *их* Советами заменили чиновников, или *их* Советы поставили над чиновниками, *их* Советы сделали избирателями судей. Одного этого факта достаточно, чтобы все угнетенные классы признали Советскую власть, то есть данную форму диктатуры пролетариата, в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики» [24].

Впервые в истории науки Ленин исследовал особенности избирательной системы Советской республики, показал, как она складывалась исторически и как возникла такая черта этой системы, как лишение избирательных прав эксплуататоров. Ленин отметил, что в его работе «Государство и революция» ни слова не было сказано о каком бы то ни было ограничении избирательного права. Этот вопрос есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая особые условия русской революции, особый путь ее развития [25]. «*Эта* составная часть диктатуры явилась на свет не „по плану“ какой-либо партии, а *выросла* сама собой в ходе борьбы. Историк Каутский этого, конечно, не заметил» [26],— иронически писал Ленин. Как же выросла эта избирательная система? Буржуазия сама отделила себя от Советов, бойкотировала их, противопоставляла себя Советам. До июля 1918 г. Советы существовали без всякой конституции. И все это время буржуазия (от кадетов до правых эсеров) вела самую беззастенчивую, корыстную, грязную борьбу против Советов, организовывала антисоветские заговоры. Все это подготовило формальное исключение буржуазии из Советов.

Книга Ленина — образец глубокого и всестороннего анализа конкретно-исторического пути развития социалистической революции в России. Он избрал для анализа наиболее характерное столкновение пролетарской и буржуазной демократии в России — конфликт между Советами и Учредительным собранием.

Характеристика Каутским Советов в России, их истории в 1905 г. и 1917 г. была рабски переписана из статей меньшевиков Мартова, Аксельрода, Штейна и др. Каутский искажал и фальсифицировал факты. Его концепция была точным слепком с меньшевистской: Советы имеют «великую и славную историю», но они не должны, не смеют превращаться в государственные организации. Но так как революция не послушалась Мартовых и Каут-

ских и Советы превратились в органы государственной власти, в органы диктатуры пролетариата, то Каутский стремился, фальсифицируя факты, доказать, что такой путь развития является гибелью Советов и, главное, гибелью «демократии». А эта «демократия» воплощалась по меньшевистско-каутскианской схеме в Учредительном собрании.

Буржуазные и мелкобуржуазные историки пытались превратить вопрос об Учредительном собрании в главный, основной при изучении истории Октябрьской революции. По такому пути пошел и Каутский. Вопрос этот действительно интересный и важный, отмечал Ленин. Но в чем его интерес? «...Соотношение буржуазной и пролетарской демократии здесь предстало перед революцией *практически*»[27]. Ленин разоблачил измышления Каутского о том, что к признанию Республики Советов более высоким типом государства большевики пришли якобы только тогда, когда оказались в меньшинстве в Учредительном собрании. Шаг за шагом Ленин анализирует важнейшие факты и исторические документы — от Апрельских тезисов до тезисов об Учредительном собрании, написанных 26 декабря 1917 г. Везде большевики утверждали, что Советы являются более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием. В тезисах об Учредительном собрании Ленин дал историю классовой борьбы и гражданской войны в октябре—декабре 1917 г. «Из этой конкретной истории,— писал он,— мы сделали вывод... что лозунг „вся власть Учредительному собранию" стал *на деле* лозунгом кадетов и калединцев и их пособников»[28].

Для того чтобы раскрыть суть расхождения Советов с Учредительным собранием, Ленин обратился к истории этого расхождения. Эту историю, отмечал Ленин, «не мог бы обойти даже историк, не стоящий на точке зрения классовой борьбы. Каутский и этой фактической истории не пожелал *коснуться*»[29]. По концепции Каутского выходило, что расхождение Советов с буржуазным парламентом не имеет своей истории, проявилось сразу, вне-

---

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 258—259.
[25] См.: Там же, с. 282.
[26] Там же.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 274.
[28] Там же, с. 279.
[29] Там же, с. 280.

запно и беспричинно, в силу дурного поведения большевиков. Между тем весь путь развития Советов от 28 февраля до 25 октября 1917 г., как это блестяще доказал Ленин, привел к неизбежному расхождению Советов с буржуазным парламентом, неизбежному краху политики соглашения с буржуазией. Закономерность роспуска Учредительного собрания достаточно ясно проявилась в том факте, что Советы с 28 февраля по 25 октября успели созвать «*два* всероссийских съезда гигантского большинства населения России, всех рабочих и солдат, семи или восьми десятых крестьянства, не считая массы местных, уездных, городских, губернских и областных съездов. За это время буржуазия не успела созвать ни одного учреждения, представляющего большинство...» [30].

Есть строгая логика и внутренняя историческая последовательность в том, что от анализа закономерного процесса крушения Учредительного собрания Ленин перешел к глубокому исследованию Советской Конституции, ее происхождения и характера. Конституция возникла в ходе гражданской войны в России и естественно отразила условия этой войны. Вот почему первая Советская Конституция рассматривала буржуазию и ее политические партии не как «оппозицию», а как беспощадного врага, организующего контрреволюционные восстания и саботаж. Каутский «критиковал» Советскую Конституцию с позиций «чистой демократии». Ленин показал, что за этой «чистой демократией» стоит обычное буржуазное государство с сотнями томов законов и разъяснений к законам, притесняющих рабочего, бедняка, простого человека из народа. Тут Каутский, как и все буржуазные либералы, видел только «порядок» и «законность». Когда же трудящиеся и эксплуатируемые классы стали создавать свои законы, свою конституцию — вся буржуазия и ее наемники завопили о «произволе».

Ленина в этой книге интересовал международный аспект истории Октября. Он видел прежде всего такие моменты, которые имеют общезначимый, международный интерес. Таковы принципы внешней политики Советского государства, его борьба за выход из империалистической войны. Такова политика слома старой военной машины — закостенелого инструмента поддержки свергнутого строя, политика создания новой армии, являющейся организационной ячейкой нового общественного строя. Такова была тактика большевиков, единственно интерна-

ционалистская, ибо она «проводила максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*» [31].

Идеи о международном значении опыта большевизма получили свое блестящее развитие в другой ленинской работе «Детская „болезнь левизны" в коммунизме».

Центральное место в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» занимает анализ характера Октябрьской революции и ее движущих сил. Ленин детально исследует историю социалистических преобразований в промышленности и сельском хозяйстве, особенно выделяя два этапа развития социалистической революции в деревне.

Вопрос о развитии социалистической революции в деревне — один из наиболее трудных.

Ленинское положение о двух этапах революции в деревне отнюдь не означает, что первый этап был буржуазно-демократическим и только на втором этапе революция приобрела социалистический характер. Это означает только, что Октябрьская социалистическая революция была дополнена и поддержана, как это предвидел Энгельс, новым изданием крестьянской войны. Ленин говорит о двух этапах *социалистической* революции. На первом этапе социалистическая революция походя, мимоходом решала буржуазно-демократические задачи. Крестьянская война против помещиков и на этом этапе уже несла в себе другую, внутреннюю войну — крестьянской бедноты против кулачества. Эта война развернулась летом и осенью 1918 г., и именно она доказала закономерность и зрелость социалистической революции в России. «Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана „незрелость" России для социалистической революции...» — писал Ленин [32].

Наиболее полно раскрыл Ленин свое понимание соотношения буржуазно-демократических и социалистических задач в ходе пролетарской революции при конкретном анализе аграрного законодательства.

---

[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 281.
[31] Там же, с. 304.
[32] Там же, с. 315—316.

Важнейшее завоевание аграрной революции — ликвидацию помещичьего землевладения Каутский изображал как акт, который закономерно вытекал из всей дооктябрьской истории 1917 г. Ленин решительно опроверг это утверждение. История революции доказала, что коалиционное правительство буржуа с меньшевиками и эсерами вело политику сохранения крупного землевладения. Это особенно доказал закон С. Маслова и аресты членов земельных комитетов. «Без диктатуры пролетариата „крестьянское население" не победило бы помещика, объединившегося с капиталистом»,— писал Ленин [33].

Каутский стремился охарактеризовать Октябрьскую революцию как революцию буржуазную, фальсифицируя при этом прежде всего советское аграрное законодательство. Он пытался внушить читателю мысль, что большевики отдали всю землю в пределах каждой волости в полное распоряжение крестьян. Для этого он замалчивал такие важнейшие пункты декрета о земле и наказа, как отмену права частной собственности на землю, как объявление образцовых имений и сельскохозяйственных предприятий «национальным достоянием», не подлежащим разделу. В законе о социализации земли, опубликованном в феврале 1918 г., говорилось, что Советская власть ставит своей задачей развитие коллективного хозяйства в земледелии за счет хозяйств единоличных. Ленин привел все эти факты как наиболее характерные для истории советского аграрного законодательства.

Ленин провел глубокий анализ сущности национализации земли, проведенной декретом 26 октября 1917 г. Исторический опыт 1905 г. и 1917 г. показал, что огромное большинство крестьян стоит за национализацию всей земли. Октябрьская революция осуществила национализацию земли. Это и было доведением до конца буржуазно-демократической революции в деревне. Но не только. Национализация земли в то же время означала, что «создан земельный строй, *наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму» [34]. Ленин решил труднейший вопрос об отношении уравнительности землепользования и национализации земли к социализму. Он показал, как исторически действовал механизм революции: чем решительнее и последовательнее доводила диктатура пролетариата до конца решения буржуазно-демократических задач, тем сильнее, быстрее и глубже развертывалась социалистическая революция в деревне.

Путем всяческих фальсификаций Каутский пытался изобразить политику диктатуры пролетариата в области промышленности как анархо-синдикалистскую. С этой именно целью он утверждал, что промышленные предприятия в России передаются отдельным рабочим. «Вот как пишется история! — восклицал Ленин.— ...Ни одного из бесконечного количества фактов, свидетельствующих, что фабрики передаются *только* республике, что распоряжается ими составленный с преобладающим участием выборных от профессиональных союзов рабочих орган Советской власти, Высший совет народного хозяйства,— ни одного из таких фактов Каутский не желает и касаться» [35]. Все эти измышления нужны были Каутскому для того, чтобы сделать вывод о предпочтительности демократии с Учредительным собранием во главе диктатуре пролетариата с Советской республикой. Революция без революции, демократия без диктатуры пролетариата — вот что лежало в основе концепции Каутского. Ленин с исчерпывающей ясностью показал, что эта концепция либерального чиновника, а не марксиста.

«Пролетарская революция и ренегат Каутский» — первый в истории науки труд, исследующий ход и результаты социалистической революции в политической и экономической областях за год существования Советской власти. Так Ленин осуществил свой замысел, сформулированный еще в подготовительных материалах к книге «Государство и революция». Он глубоко раскрыл сущность пролетарской демократии в таких областях, как экономические отношения, система государственного управления, избирательное право. Ленин раскрыл общие и особые черты в закономерном ходе социалистической революции и показал ее огромное международное значение.

Вся работа Ленина построена на резком, контрастном противопоставлении марксистской концепции истории Октября каутскианской, буржуазно-реформистской. По реформистской концепции Октябрьская революция являлась буржуазной, и только авантюристская политика большевиков заставляла ее выходить за пределы буржуазно-демократических границ. Ленин показал, что

---

[33] Там же, с. 317.
[34] Там же, с. 326.
[35] Там же, с. 329.

Октябрьская революция по отношению к старому государственному аппарату, по характеру нового государственного аппарата, по характеру проведенных ею преобразований в промышленности, сельском хозяйстве — революция социалистическая. Реформистская концепция считала высшей формой демократии в России Учредительное собрание с принятыми этим собранием законами. Ленин противопоставил этому Советы как подлинно демократическую государственную систему и Советскую Конституцию как основной закон этого государства. Реформистская концепция увидела в аграрной политике Советской власти утверждение крестьянской частной собственности, Ленин же показал социалистическую сущность национализации земли, отмены всякой собственности на землю, проведенные Октябрьской революцией. Реформистская концепция характеризовала советскую политику в области промышленности как анархо-синдикализм. Ленин же противопоставил этому подлинную историю создания социалистического сектора в промышленности, перехода всей крупной и средней промышленности в руки социалистического государства и создания этим самым могучих рычагов для перестройки сельского хозяйства.

Глава третья

С ВЫСОТЫ НОВОГО ОПЫТА

Опыт, накопленный в годы гражданской войны и мирного строительства, позволил Ленину открыть новые грани в истории Октябрьской революции.

Многие из проблем, намеченных Лениным еще в декабре 1917 г. в наброске «Из дневника публициста. (Темы для разработки)», ждали своего решения. Неоценимым вкладом в такое решение явилась ленинская работа «Великий почин». Еще до ее создания Ленин написал статью «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» (при жизни Ленина не была опубликована). В ней был рассмотрен опыт социалистического строительства в Весьегонском уезде Тверской губернии, изложенный в широко известной теперь книге А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом». На фактах истории одно-

го уезда Ленин показал необходимость строительства социализма из материалов, созданных капитализмом, и закономерность использования в социалистическом строительстве старого культурного аппарата, который был взращен буржуазным обществом.

В «Великом почине» взят широкий круг проблем — творческая роль самих масс в создании новых экономических отношений, нового общества, руководящая роль пролетариата по отношению ко всем слоям трудящихся масс в ходе этого процесса, рождение нового отношения к труду. «Великим почином» назвал Ленин коммунистические субботники, организованные весной 1919 г. по инициативе московских железнодорожников, а затем проводимые по всей стране. В субботниках Ленин увидел всемирно-историческое событие, знаменующее собой важный шаг в творчестве новых экономических отношений. Он исследовал процесс рождения новых условий труда, новой трудовой дисциплины, новых общественных отношений. В этом процессе Ленин выделил возникновение таких ячеек нового общества, как образцовые производства, образцовые столовые, ясли, детские сады, образцовую заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовую чистоту рабочих домов, кварталов.

Взяв как центральный вопрос исследования рождение нового, более высокого типа общественной организации труда, Ленин решает эту проблему на широком фоне мирового исторического процесса. Он сопоставляет три социальных типа общественной организации труда. Крепостническая организация труда держалась на дисциплине палки; капиталистическая — на дисциплине голода. Новая, социалистическая организация труда держится на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся. «Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них», [1] — писал Ленин.

Но это отнюдь не означает, что новая общественная организация труда сразу же приводит к повышению его производительности. Ленин раскрыл общую закономерность переходных периодов от одной формации к другой — живучесть старого, трудности его искоренения,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 14.

трудности укрепления новой общественной организации труда [2].

Переход к новой экономической политике, разработка ее теоретических основ опять поставили вопрос о характере экономических преобразований, проведенных партией в период Октябрьской революции.

В своих трудах периода 1921—1923 гг. Ленин вернулся к истории политики «штурма» — конец 1917 — начало 1918 г., к характеристике периода триумфального шествия Советской власти, когда проводилась красногвардейская атака на капитал. Чрезвычайно интересные экскурсы Ленина в историю 1917—1918 гг. позволяют нам более глубоко и всесторонне понять этот этап революции. Он привел официальные и неофициальные заявления, сделанные партией с конца 1917 и до начала 1918 г., из которых следовало, что и тогда предусматривались две возможности: «развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым» [3]. Ленин сослался на пример с оплатой буржуазных специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям. Таким образом, организуя штурм капитализма, партия уже тогда не отвергала возможность на отдельных участках обходных движений и приспособления старых экономических отношений к новым. Это особенно отчетливо видно из ленинского анализа декрета о государственной монополии на объявления [4]. «Что означал этот декрет? — говорил Ленин.— Он означал, что завоевавший государственную власть пролетариат предполагает переход к новым общественно-экономическим отношениям возможно более постепенным — не уничтожение частной печати, а подчинение ее известному государственному руководству, введение ее в русло государственного капитализма. Декрет, который устанавливал государственную монополию на объявления, тем самым предполагал, что остаются частнопредпринимательские газеты, как общее явление, что остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности — остается целый ряд частных заведений, нуждающихся в рекламах, в объявлениях» [5]. Такой же характер, подчеркивал Ленин, носили и декреты, касающиеся банкового дела. Эти декреты как бы говорили буржуазии: «Подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти, и вместо полного

уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования» [6]. Буржуазия на это ответила гражданской войной и интервенцией.

Чем труднее становилась борьба, тем меньше оставалось места для осторожного перехода. «Припомните условия развития нашей борьбы,— говорил Ленин,— и вы поймете, в чем состояла эта, кажущаяся неправильной и случайной, смена, почему, опираясь на всеобщий энтузиазм и на обеспеченное политическое господство, мы могли легко совершить разгон учредилки, и почему в то же время мы должны были испробовать ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим преобразованиям, почему, наконец, логика борьбы и сопротивления буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы, которая разоряла Россию три года» [7].

Существенным элементом ленинской концепции истории Октябрьской революции являлось точное обозначение ее социалистического содержания или, как говорил Ленин, ее социалистической работы. Он назвал три главных вида этой работы: революционный выход из первой мировой войны; создание советского строя как формы диктатуры пролетариата, открывшего начало новой эпохи всемирной истории, во время которой советский строй будет совершенствоваться, а в других странах будут возникать и развиваться всяческие формы диктатуры пролетариата; экономическое строительство основ социалистического уклада [8].

В связи со злободневными задачами усовершенствования и демократизации управления Ленин неоднократно обращается к истории советского государственного аппарата. В докладе на IV конгрессе Коммунистического Интер-

---

[2] См.: Там же, с. 20.
[3] Там же, т. 44, с. 197.
[4] Декрет от 8 ноября 1917 г. за подписью В. И. Ленина устанавливал публикацию объявлений в периодических и иных изданиях государственной монополией. См.: Декреты Советской власти. М., 1957, т. I, с. 55—56.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 200.
[6] Там же, с. 201—202.
[7] Там же, с. 204.
[8] См.: Там же, с. 224.

национала Ленин открыл новую грань в этой истории. Он напомнил период саботажа чиновников и указал на то, что возвращение саботажников в советские учреждения в конце 1917 г.— начале 1918 г. «было нашим несчастьем» [9], так как многие из них пытались повернуть аппарат против рабочего класса и крестьянства, особенно на местах. Советские школы, рабочие факультеты, в которых учились сотни тысячи молодых людей, были призваны изменить положение, подготовить новые кадры для органов Советской власти. Ленин глубоко вскрыл корни бюрократизма в государственном аппарате. Он указал на социальный состав чиновничества и низкую культуру крестьянства как на основные причины бюрократических извращений в государственном аппарате.

Для правильного понимания ленинской концепции истории Октября необходимо обратиться к его решению проблемы соотношения революции в центре и на местах. Для такой огромной страны, как Россия, эта проблема приобретала особо важное значение. Ее разработка была связана с пониманием народного характера революции. «И если... революция с такой быстротой в несколько месяцев, даже в несколько недель, сделала свое дело, то это потому, что мы всецело полагались на местные элементы, что мы открывали им полный простор действий, что мы именно с мест ждали того энтузиазма, который создал непреоборимость и быстроту действий нашей революции. Я знаю, что с тех пор нашим местам приходилось переживать много весьма различных, так сказать, пертурбаций. Отношение мест к центру составляло нашу немалую задачу, и я вовсе не хочу сказать, что эта задача всегда решалась нами идеально: при общем уровне культуры, который мы имеем, нам о таком идеальном решении мечтать нечего. Но что она решена искреннее, правдивее и прочнее, чем в каком бы то ни было другом государстве,— это мы можем сказать смело» [10].

Главным вопросом революции является вопрос о власти в государстве. Когда этот вопрос решен победой пролетариата, главным становится укрепление его власти и использование ее для защиты революции и созидания нового социалистического общества. Ленин прозорливо определил основные тенденции всего переходного периода, различные стороны и функции диктатуры пролетариата в течение этого периода. Ленин показал, что диктатура пролетариата является не только и не столько органом

насилия, подавления контрреволюции, но и главным образом орудием социалистического строительства, орудием творчества новых экономических отношений. С точки зрения соотношения классовых сил диктатура пролетариата — форма союза рабочего класса и всей массы трудящихся, форма руководства рабочего класса этой массой. Вместе с тем диктатура пролетариата является периодом классовой борьбы, «которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной» [11]. Ленин развил это положение, работая над брошюрой «О диктатуре пролетариата» [12]. Он выделил пять задач и соответственно пять новых форм классовой борьбы рабочего класса в период его диктатуры: подавление сопротивления эксплуататоров; гражданская война; нейтрализация мелкой буржуазии, особенно крестьянства: «использование» буржуазии, буржуазных специалистов; воспитание новой дисциплины [13].

Великим открытием Ленина являлась его идея о возможности использования старого аппарата учета и распределения, связи и коммуникаций, созданного в эпоху капитализма и особенно монополистического капитализма.

На опыте Коммуны Маркс и Энгельс поставили вопрос об использовании старого государственного аппарата при условии немедленного отсечения худших его сторон [14]. В работе Ф. Энгельса «К жилищному вопросу» была поставлена та же проблема: «...всякая социальная революция должна будет брать вещи такими, какими она их найдет, и бороться с наиболее вопиющим злом при помощи имеющихся налицо средств» [15]. Еще более близко подошел к этой проблеме Маркс, который в «Гражданской войне во Франции» поставил вопрос об отсечении чисто угнетательских органов старой власти и о пере-

---

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 290.
[10] Там же, с. 249.
[11] Там же, т. 39, с. 14—15.
[12] Сохранились черновые наброски этой брошюры и варианты ее плана. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 261—268, 453—461; Ленинский сборник, т. III, с. 493—518. Работа «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» явилась частичной реализацией этих планов.
[13] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 262—264.
[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд, т. 22, с. 201.
[15] Там же, т. 18, с. 239.

даче ее «правомерных функций» ответственным слугам общества.

Это был только подход к проблеме, общая ее постановка. Как, какие звенья старого аппарата можно использовать, при каких условиях — на это дал ответ Ленин. При этом он опирался на новый материал эпохи империализма. «Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-*капиталистической* монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа... механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от „паразита" высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров... Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам...» [16]

Эти идеи Ленин развил и конкретизировал в работах, написанных одновременно с книгой «Государство и революция», таких, как «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть?». Ленин впервые в науке открыл, что капитализм создал не только производительные силы, но и аппарат по управлению ими, и при условии отсечения нитей, связывающих этот аппарат со всей системой капиталистической эксплуатации и угнетения, при условии его демократизации он вполне может быть использован пролетарской революцией.

В первые годы после Октября выявились две основные опасности в изучении истории Октябрьской революции и социалистического строительства. С одной стороны, реформистская фальсификация советского опыта, отрицание исторической закономерности революции, подчеркивание ее национально ограниченного характера. На этой концепции сходились русские меньшевики и зарубежные «герои II Интернационала».

С другой стороны, в международном коммунистическом движении наметилась опасность догматического истолкования опыта социалистической революции в России и построения «левых», сектантских выводов на основе одностороннего, искаженного понимания истории Октябрьской революции и созданного ею Советского государства.

В борьбе с этими идейными направлениями и создавал Ленин свои труды, послужившие основой для марксистской историографии истории революции.

В статье «Два года Советской власти» он обратил главное внимание на историю органов диктатуры пролетариата и ее политику, поставив своей задачей «извлечь общие уроки из двухлетнего героического строительства» [17]. Здесь также весьма важно подчеркнуть метод, которым пользуется Ленин в своем анализе. «...Нам не надо,— говорил он,— ограничиваться теми конкретными, отдельными фактами, касающимися работы того или иного комиссариата... нам надо теперь, бросая взгляд на пережитое, извлечь общий урок из этого строительства...» [18]. История советского строительства позволила Ленину сделать два важнейших вывода. Во-первых, только участие рабочих в управлении государством позволило Советской республике устоять в неимоверно трудных условиях. Во-вторых, только правильное отношение к громадной массе многомиллионного крестьянства обеспечило ей успех и указало путь к победе.

Во всех областях государственного строительства — военной, политической и экономической — рабочему классу приходилось завоевывать пядь за пядью каждую позицию для создания настоящего аппарата власти. Каждую отрасль управления нужно было переделывать таким образом, чтобы авангард пролетариата взял в свои руки строительство власти. В качестве примеров Ленин привел военный аппарат, железнодорожный транспорт, кооперацию, продовольственный аппарат. Во всех звеньях государственного аппарата появились тысячи представителей рабочих, «которые прошли весь огонь борьбы, шаг за шагом выталкивая представителей буржуазной власти» [19]. Во всех областях государственного управления десятки тысяч рабочих прошли школу строительства и научились вести самостоятельно все дела государственного управления.

Здесь важный элемент концепции Ленина: с одной стороны, творческая роль народных масс, созидательная роль государства ограничивались условиями начавшейся

---

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 50.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 293.
[18] Там же, с. 294.
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 296.

гражданской войны. Но этими же условиями энергия народных масс и их творчество перемещались в область военную, в сферу защиты Советской республики.

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» Ленин сделал ряд важных выводов методологического характера. Он дал определение революции и реформы, как *методов* преобразования. «...Революция,— писал Ленин,— есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше»[20]. Социалистическая революция в зависимости от обстановки применяет тот или иной метод, революционный или реформистский. Переход от революционного метода системы политики к реформистскому в условиях диктатуры пролетариата отнюдь не означает отказа от революции. «Откуда следует,— спрашивал Ленин,— что „великая, победоносная, мировая" революция может и должна применять только революционные приемы?»[21] Неверность этого положения ясна, если не сходить с почвы марксизма, и доказана опытом социалистической революции. Ленин ссылался при этом на исторический опыт Бреста, который «был образцом действия совсем не революционного, а реформистского...»[22].

На основании этого исторического анализа Ленин сделал общий теоретический вывод о новом соотношении революционных и реформистских методов преобразования общества. «До победы пролетариата реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они (будучи в международном масштабе тем же самым „побочным продуктом") являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода»[23].

Ленин рассмотрел вопрос о сущности и исторической обусловленности применения диктатурой пролетариата революционного насилия. В условиях войны столь необходимое единство воли не могло быть осуществлено без принуждения тех, кто его нарушал. «Единство воли на войне,— говорил Ленин,— выражалось в том, что если кто-либо свои собственные интересы, интересы своего села, группы ставил выше общих интересов, его клейми-

ли шкурником, его расстреливали, и этот расстрел оправдывался нравственным сознанием рабочего класса, что он должен идти к победе» [24]. Советская республика была осажденной крепостью. «...В этой осажденной крепости,— говорил Ленин,— мы должны действовать с военной беспощадностью, с военной дисциплиной и самопожертвованием» [25]. При этом он был далек от абсолютизации революционного насилия. Обязательным условием такого насилия Ленин считал сочувствие трудящихся масс, поддержку ими самых острых форм борьбы.

Но революционное насилие отнюдь не является главной функцией диктатуры пролетариата. Ленин неоднократно подчеркивал, что главным является созидание нового общества, а в связи с этим он выдвигал и проблему управления, создание научно обоснованной системы управления. В чрезвычайно усложнившемся современном обществе с его многосторонними связями различных областей экономики и техники, транспорта и средств информации проблема управления приобретала особое значение. Не с такой остротой эта проблема существовала и ранее, при переходе от феодализма к капитализму. «...Уменье управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению,— говорил Ленин.— Мы видим на примере: пока буржуазия побеждала, она для управления брала выходцев из другого, феодального класса, да иначе и взять было неоткуда» [26].

Для рабочего класса вопрос об использовании для аппарата управления выходцев из свергнутого класса стоял во сто крат острее, чем в предшествующих революциях, в которых буржуазия уже обладала опытом экономического господства. Вот почему Ленин так резко выступал против демагогов и упрощенцев, которые нигилистически относились к проблеме управления и использованию специалистов по технике управления. Опыт, приобретенный Советами в военной области, опыт использования старых военных специалистов, предстояло еще освоить в области управления хозяйством.

---

[20] Там же, т. 44, с. 222.
[21] Там же, с. 223.
[22] Там же, с. 224.
[23] Там же, с. 228—229.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 307—308.
[25] Там же, с. 297.
[26] Там же, с. 252.

Труды Ленина нанесли сокрушительный удар по эсеро-меньшевистской фальсификации истории Октября. Он внимательно следил за эмигрантской литературой, читал статьи и выступления Базарова и Мартова, Юшкевича и Балабанова, Вишняка и Пешехонова. Статья «В лакейской» [27] отражает основные направления ленинской критики эсеро-меньшевистской фальсификации истории.

Сохранившиеся наброски планов этой статьи передают нам более полно замысел Ленина. В набросках отмечается «претензия Мартова встать „выше" обеих крайностей: буржуазии и пролетариата, обеих диктатур» [28]. Классовую суть этой претензии Ленин видел в позиции реакционных мелких буржуа, которые в 1848 г. были жалки и смешны, а в 1918 — отвратительны, омерзительны. В статье был затронут широкий круг вопросов — о характере буржуазной и пролетарской демократии, об отношении к гражданской войне, о соотношении реформы и революции. Статья «В лакейской» осталась незаконченной, но эти вопросы получили позитивную разработку в других трудах Ленина.

В декабре 1919 г. он написал одно из самых замечательных своих исторических исследований «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата». Эта работа была направлена против оппортунистической, реформистской фальсификации истории Октябрьской революции. По своему содержанию она продолжает ленинский труд «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

История созыва и роспуска Учредительного собрания является исходной позицией для решения Лениным вопроса об условиях победы Октябрьской революции, условиях укрепления диктатуры пролетариата. Он не имел готовых выводов, когда в конце 1919 г. взялся за исследование итогов выборов в Учредительное собрание. Эти выводы были им получены в *результате, в итоге* исследования. Ему не понадобилось привлекать новый фактический материал — он воспользовался теми данными, которые были приведены в статье эсера Н. В. Святицкого «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание», опубликованной в 1918 г. [29] Однако ленинская методология исследования этого фактического материала полностью противоположна эклектической методологии Святицкого, который не пошел дальше внешней сводки

фактов. Ленин проник в классовую суть этих фактов, в их социальную обусловленность и закономерную взаимосвязь. Он взял как исходный факт, приведенный в статье Святицкого: большевики получили на выборах в Учредительное собрание $^1/_4$ голосов, мелкобуржуазные и буржуазные партии — $^3/_4$ голосов.

Как же могло в этих условиях произойти такое «чудо», как победа большевиков не только в Октябре 1917 г., но и в двухлетней гражданской войне (работа Ленина была написана в конце 1919 г.)?

Святицкий соединил данные о промышленных губерниях, мало промышленных и вовсе не промышленных и тем самым преуменьшил влияние большевиков в пролетарских районах. Ленин выделил данные о промышленных губерниях и в таких промышленных, политических и культурных центрах, как столицы — Петроград и Москва. Это позволило ему сделать вывод, что большевики имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, революционную часть, авангард передового класса. Другой стороной и особенностью такого методологического подхода является ленинский анализ соотношения города и деревни в условиях капитализма и перехода от капитализма к социализму. «Город неизбежно *ведет за собой* деревню,— писал Ленин.— Деревня неизбежно *идет за городом.* Вопрос только в том, *какой класс*, из „городских" классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это *руководство города примет*» [30].

Ленин взял для анализа решающие пункты: промышленные центры, столицы и наиболее важные участки фронта. Из этого методологического анализа закономерно следовало ленинское положение о трех условиях победы большевизма в октябре 1917 г.: «1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру» [31].

Затем Ленин перешел к решению главного вопроса — как большевикам удалось отвоевать на свою сторону не-

---

[27] См.: Там же, т. 39, с. 139—145.
[28] Там же, с. 445.
[29] Год русской революции (1917—1918). М., 1918.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 5.
[31] Там же, с. 10.

пролетарские трудящиеся массы, без чего они добились бы только кратковременной и непрочной победы. И здесь, на новой ступени своего методологического анализа, Ленин связывает воедино прошлое (борьбу за победу социалистической революции), настоящее (гражданскую войну) и будущее (победу социализма). Исторический опыт показал, что государственная власть в руках пролетариата может и должна стать орудием отвоевания трудящихся масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий, орудием организации социализма на развалинах капитализма.

Таким образом, материалы по истории выборов в Учредительное собрание Ленин использовал не только для того, чтобы выяснить условия победы большевиков в крестьянской стране, но и для того, чтобы решить важнейший теоретический вопрос о роли пролетарской диктатуры как орудия построения нового социалистического общества.

Если обратиться к методологии исследования в этой крупной работе Ленина, то прежде всего бросается в глаза принципиально новая группировка статистических данных. В основу своей группировки Ленин кладет *классовый* принцип, позволяющий выяснить действительное соотношение в стране политических партий и классов. Сила этой методологии состояла именно в ее соответствии исторической реальности. Метод группировки Ленина давал ее точное воспроизведение. Выделение им данных о выборах в Учредительное собрание по промышленным губерниям, столичным центрам, Северному, Западному фронтам и Балтийскому флоту дало точную картину соотношения сил в решающий момент, в решающих пунктах. Введя при этом анализ роли пролетарского государства, реально действующую государственную власть рабочего класса, Ленин разрешил самый важный вопрос — о путях завоевания пролетариатом крестьянских масс.

Ленинскую концепцию истории социалистической революции венчает анализ международного значения Великого Октября. Указав на то, что Россия служит рубежом между Европой и Азией, между Западом и Востоком, Ленин сделал вывод, что именно народам России выпала великая честь быть застрельщиком борьбы против империализма. Ленин показал, что опыт русской революции опрокинул реформистскую концепцию мировой истории XX в. и подтвердил марксистскую концепцию. Реформи-

сты считали, что история первых двух десятилетий исчерпывается борьбой двух групп всемирного империализма. «...Они считали,— говорил Ленин,— что эта борьба заполнила собой историю, что нет сил, которые могли бы дать что-либо иное...» [32]. Но за последний год «мировая история пережила... невиданные явления, широкие и глубокие» [33]. То, что зрело в недрах народных масс в Европе и Америке, вышло наружу, подтвердив тем самым, что в мировой истории есть еще другие силы, кроме империалистов,— силы социалистической революции, силы освободительного, антиимпериалистического движения.

Проблема международного значения Октябрьской революции получила свое классическое решение в труде «Детская болезнь „левизны" в коммунизме». В этой книге Ленин подвел итоги своей 27-летней гигантской работы по изучению истории России. Начиная от первых работ 1893—1894 гг. и до этого изумительного по богатству и многогранности труда мы видим развитие единой в своей основе концепции истории России как центра мирового революционного движения. От проникновенных, пророческих слов в работе «Что такое „друзья народа"...» о русском рабочем, который во главе всех демократических элементов «свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» [34], до обобщенной характеристики всех этапов этого пути в труде «Детская болезнь...» развивалась и обогащалась ленинская концепция истории России.

В «Детской болезни...» Ленин показал, что большевизм на всех этапах своей истории боролся не только с реформизмом, но и с мелкобуржуазной революционностью. Если история первой борьбы была широко известна в России и за границей, то история борьбы с мелкобуржуазной революционностью известна значительно хуже, а основные направления этой борьбы были мало изучены.

Анархизм, мелкобуржуазный догматизм отвергали возможность компромиссов, соглашений, уступок, отвергали исторический опыт. Ленин указал на методологиче-

---

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 322.
[33] Там же.
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 312.

скую основу решения этих вопросов: «Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов» [35]. Но обращение к конкретной истории вовсе не означало для Ленина выработки рецепта, «который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни...» [36].

Ленин опирался на конкретные исторические факты о компромиссах, сопоставлял их и обнажал глубокие корни *различных типов* компромиссов. В 1918 г. партия большевиков пошла на компромисс с германскими империалистами, подписав Брестский мир. Это был компромисс партии, последовательно проводившей принципы интернационализма, партии, осуществившей великие социалистические преобразования. Такой компромисс содействовал укреплению завоеваний социалистической революции и ускорял крах германского империализма. Компромисс же меньшевиков и эсеров с русской буржуазией, как и вождей II Интернационала со своей буржуазией, был предательством, переходом на сторону буржуазии против пролетариата. «*Их* компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя *соучастниками* империалистского бандитизма» [37],— писал Ленин.

В книге Ленина вопрос об истории тактики революционной партии превращается в весьма важный вопрос о внутренних закономерностях революционного движения. С этой точки зрения он рассмотрел вопрос о парламентском опыте большевизма на материалах Государственных дум и Всероссийского Учредительного собрания. Опираясь на свое исследование «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», Ленин показал значение созыва и участия большевиков (уже после Октября!) в этом буржуазном парламенте. «Что в России в сентябре — ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгрому самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики *не* бойкотировали Учредительного собрания, а участвовали в выборах и до *и после* завоевания пролетариатом политической власти. Что эти выборы дали чрезвычайно ценные (и для пролетариата в высокой степени

полезные) политические результаты, это я, смею надеяться, доказал в названной выше статье, подробно разобравшей данные о выборах в Учредительное собрание в России»[38].

Ленин указал на то, что опыт целого ряда, если не всех революций свидетельствует о том, как «особенно полезно во время революций *соединение* массового действия извне реакционного парламента с сочувствующей революции (а еще лучше: прямо поддерживающей революцию) оппозициею внутри этого парламента»[39]. Исторический анализ позволил Ленину показать, что большевизм вырос, окреп и закалился в борьбе с оппортунизмом и мелкобуржуазной революционностью, в борьбе с ревизионизмом и догматизмом. Он решительно выступал против сектантов и догматиков, которые абсолютизировали борьбу внутри рабочего движения, внутри партии. Именно такое абсолютизирование *одной* стороны опыта русского рабочего движения, русской революции и привело «левых» в международном рабочем движении к совершенно неверному лозунгу «никаких компромиссов». Обращаясь к истории рабочего движения в России, Ленин дал обобщенную характеристику тех этапов, событий, фактов, когда большевики в ходе революционной борьбы лавировали, использовали противоречия интересов между врагами пролетариата, шли на соглашение с временными, непрочными, шаткими союзниками.

Большевики никогда не прекращали идейной и политической борьбы с меньшевиками, но во время первой мировой войны заключили некоторый компромисс с левыми меньшевиками (Мартов) и частью эсеров (Чернов, Натансон). Наконец, в самый момент Октябрьского переворота большевики предложили «левым эсерам» и осуществили с ними формальный политический блок с участием в правительстве. Весьма характерно, что Ленин подчеркнул факт распада этого блока по инициативе левых эсеров, а отнюдь не большевиков.

В «Детской болезни...» Ленин обозначил различные формы борьбы пролетарской власти против консервативных сил, определил роль партии в системе диктатуры

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 20.
[36] Там же, с. 21.
[37] Там же, с. 22.
[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 43.
[39] Там же, с. 45.

пролетариата. «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» [40]. Ленин раскрыл подлинно демократический характер советской государственности, созданной Октябрьской революцией. Он показал, как исторически складывалась эта демократическая система, как партия осуществляет связь с массами через профсоюзы, беспартийные рабочие и крестьянские конференции, через Советы, рабоче-крестьянскую инспекцию, постоянное направление передовых рабочих на работу в деревню.

В заключительной главе книги Ленин дал общую характеристику истории трех революций в России, с точки зрения роли в этих революциях рабочего класса и развития различных форм пролетарской борьбы, особенно рождения и развития Советов. Отметив закономерность борьбы с оппортунизмом и «левым» догматизмом, неизбежность повторения этой борьбы во всех странах, он подчеркнул, что в каждой стране этот процесс будет проходить по-своему. Главной задачей при этом Ленин считал: «Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...» [41].

Последние труды Ленина — «Письмо к съезду», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Лучше меньше да лучше», «Как нам реорганизовать Рабкрин» — являются не только политическим, но и научным завещанием вождя революции. Гений Ленина поднимается в них до огромной высоты. Он обозревает весь пройденный социалистической революцией путь и намечает на многие десятилетия основные направления дальнейшего развития советского общества.

В этих работах Ленин раскрыл суть диалектического метода изучения истории революции, который основан на исследовании не только общих закономерностей, но и особенностей, своеобразия формы проявления этих закономерностей, порядка или темпа развития. «...Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые...

войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских... могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным» [42],— писал Ленин. В чем же Ленин видел это своеобразие? Во-первых, в том, что революция в России 1917 г. была связана с мировой войной. Во-вторых, развитие России проходило в условиях, когда оказалось возможным осуществить союз «крестьянской войны» с рабочим движением. В-третьих, рабочий класс России в союзе с беднейшим крестьянством использовал свою государственную власть для перехода к созданию основных предпосылок социалистической цивилизации.

Так Ленин завершил разработку своей концепции истории Октябрьской революции. Он дал строгую научную картину развития революции от одного этапа к другому, борьбы классов и политических партий, закономерно ведущей к победе пролетариата и его союзников. Ленин показал вместе с тем социалистическую революцию как начало мирового исторического процесса великого преобразования современного общества на социалистических началах.

* * *

История Октябрьской революции в трудах В. И. Ленина тесно связана с его исследованиями до 1917 г. В созданных им в 90—900-х годах фундаментальных произведениях была дана научная предыстория Октября. Открытие характерных черт и особенностей эпохи империализма как преддверия социалистической революции, определение места России в системе империализма и выявление особых условий, создавших возможность победы социалистической революции в этой части системы, анализ соотношения классовых сил в России и классовой борьбы, в которой рабочий класс может получить поддержку крестьянской войны — все это было научно обосновано в до-

---

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.
[41] Там же, с. 77.
[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.

октябрьских трудах В. И. Ленина. Мирный этап революции, характеризующийся двоевластием, как показал Ленин, закономерно сменился немирным, когда все растущий общенациональный кризис вплотную подвел страну к вооруженному восстанию.

Изучение ленинских трудов дает возможность для вывода, что принятая им периодизация не была застывшей схемой. Он рассматривает революционный процесс в динамическом движении. Внутри каждого из этапов, выделяемых Лениным, постоянно происходит накопление новых элементов, событий, в которых переплетаются мирные и немирные формы борьбы, парламентские и внепарламентские, массовые народные выступления, революционные стачки, демонстрации, вооруженные выступления, вооруженные восстания.

В России сложилось такое сочетание демократических и социалистических задач революции, при котором демократические преобразования оказалось возможным решать методами социалистической революции в условиях ее победы.

Формула Ленина о решении демократических задач социалистической революции «походя, мимоходом» имела и то значение, что она указывала на обратную связь: решая демократические задачи, социалистическая революция получала огромную поддержку широчайших народных масс.

В концепции Ленина революционный кризис сентября-октября 1917 г. является общенациональным прежде всего потому, что он охватывает все классы, все социальные группы русского общества. Его общенациональный характер, как показал Ленин, глубоко коренился в состоянии экономики, надвигающейся экономической катастрофе, угрожавшей подавляющему большинству народа, в угрозе потери национальной независимости, опасности закабаления России иностранными империалистами. С анализом общенационального кризиса связано ленинское положение о народном характере социалистической революции, в которой большевики выступают «как представители интересов *всего* народа...» [43].

Ленин разоблачил каутскианскую легенду, что такое демократическое преобразование, как аграрная реформа, было предрешено действиями Временного правительства. Напротив, как доказал Ленин, политика всех составов Временного правительства в крестьянском вопросе была

антинародной, так же как и в вопросах о мире и защите национальной независимости России. Между тем именно эти вопросы были центральными при определении общенародного характера социалистической революции. Важнейшими показателями общенационального кризиса Ленин считал крестьянское восстание, быстрый подъем революционного движения в национальных районах, борьбу за выход из войны, революционизирование армии — по всем этим вопросам пролетариат выступал «как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах, гигантского большинства мелкой буржуазии...» [44].

Вопрос о перерастании Февральской революции в Октябрьскую — это прежде всего вопрос о противоречиях, которые не могла разрешить Февральская революция. Концепция реформистов что Октябрьская революция просто доделывала то, что начал Февраль, относится не только к аграрному вопросу. В. И. Ленин подчеркивал, что основные вопросы буржуазно-демократической революции: сословность, бюрократический строй, старый судебный аппарат, офицерский корпус в армии, национальный вопрос, положение женщины — все эти проблемы не только не решались, но проводилась явная тенденция к сохранению дореволюционных норм или к полурешениям, которые не подрывали интересов класса помещиков. Историк не может заниматься вопросом о том, «что было бы, если бы...». Но сама жизнь создала модель той политики, которую начало и планировало проводить Временное правительство. Эта модель явно обнаружилась в программе Корнилова—Каледина, а затем в реальной действительности на территории, временно захваченной Колчаком, Деникиным, Врангелем.

В период от Февраля к Октябрю периодизация революционного процесса проводится Лениным в ходе самих событий. Конечно, и здесь присутствует ретроспекция (как, например, характеристика апрельского и июньского кризиса в июльский период), но эта ретроспекция в общем не выходит за пределы определенного цикла революционного процесса.

Принцип периодизации после победы Октябрьской революции остается тот же: определение соотношения классовых сил внутри страны и на международной арене.

---

[43] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 186.
[44] Там же, с. 300.

Задача периодизации заключалась в том, чтобы выявить закономерности процесса развития революции, осознать для партии и масс содержание прошедшего и очередного нового этапа и выработать программу действия на этом этапе. Характеризуя соотношение классовых сил на новом этапе после Октября, Ленин выделил период триумфального шествия Советской власти, которому в экономической области соответствовала «красногвардейская атака» на капитал, в военной области — подавление военных очагов контрреволюции, в политической области — укрепление Советов как государственных органов и разгром саботажа. В целом же он рассматривал этот период как первый период гражданской войны, когда в ответ на законно созданное II Всероссийским Съездом Советов Советское правительство буржуазия ответила военным сопротивлением и развязыванием гражданской войны.

Вместе с тем, по концепции В. И. Ленина, экономическая политика периода триумфального шествия не сводилась к «красногвардейской атаке», а предусматривала систему постепенных социалистических преобразований, реализация которых тормозилась из-за военного сопротивления капитала.

Наиболее полное воплощение ленинская концепция получила в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский». В этой книге мы ощущаем глубокую и всеобъемлющую веру в силу теории, в роль идеологического воздействия на ход революционного процесса.

Определяющим фактором для создания этого труда была международная обстановка, подъем мирового революционного движения, вызвавший необходимость обоснования закономерности Октябрьской революции и общих законов развития революционного движения, открытие формирующимся коммунистическим партиям путей выхода из кризиса, созданного войной.

Непреходящее значение книги в том, что в ней В. И. Ленин не только раскрыл весь комплекс теоретических «опровержений» Октябрьской революции, но и выработал метод, пользуясь которым, можно проникнуть в суть, содержание различных модификаций этих теорий.

Сущность ленинского метода заключается в обнажении социальных и гносеологических корней буржуазных и реформистских концепций, в раскрытии их первоначальной источниковой базы, которая в основном поставлялась меньшевиками. Метод Ленина состоит в диалектическом

раскрытии взаимосвязи социалистических и революционно-демократических преобразований Октябрьской революции. Он показал это на примере анализа актов о национализации земли, внешней политики и борьбы за выход из войны, проведения рабочего контроля и национализации промышленности. Упрощенное понимание этой взаимосвязи, отступления от диалектического метода привели некоторых историков к теории «двуликого Януса», по которой Октябрьская революция в городе была социалистической, а в деревне — буржуазной.

Каутский был избран Лениным как центральная фигура правой германской социал-демократии и различных течений международного реформизма: лонгетистов — во Франции, «независимцев» — в Англии, последователей Туратти — в Италии.

Книга Ленина оказала и оказывает огромное влияние на всю советскую и зарубежную историографию Октябрьской революции. Критическая направленность книги служит для Ленина только исходной позицией для позитивной, конкретно-исторической разработки истории Октябрьской революции за первый год ее развития.

Широта проблематики, взятая Лениным для исследования, поразительна: сущность Советов, Советского государства, пролетарской демократии, ее сравнительный анализ с буржуазным устройством общества, государство нового типа, опыт непосредственного участия народных масс в управлении, избирательная система, общие и особенные черты революционного процесса в России, анализ Советской Конституции и ее международного значения.

Есть внутренняя связь между теорией двух социальных войн в деревне и ленинской концепцией постепенного изменения соотношения демократических и социалистических задач на различных этапах революционного процесса. Ленинская периодизация обогащается новыми положениями, исходящими из того, что первая социальная война — крестьян против помещиков — была исчерпана к лету 1918 г. и с этого момента не только стала преобладать, но превратилась во всеобъемлющую, вторая социальная война — деревенской бедноты против кулачества.

До сих пор очень слабо изучен вопрос о соотношении преобразований Октябрьской революции и той политики, которая проводилась правящим блоком буржуазных и мелкобуржуазных партий в период от Февраля к Октяб-

рю. Между тем он имеет большое принципиальное значение. Ленин показал это на примере аграрной политики. Попытка Каутского изобразить ликвидацию помещичьего землевладения как акт, который закономерно вытекал из всей дооктябрьской истории 1917 г., Ленин последовательно и доказательно опроверг. Вопрос был очень важен, поскольку при его решении как бы создавалась модель возможного развития России в условиях продолжающейся буржуазно-демократической революции. Аграрная политика коалиции не была в состоянии решить аграрный вопрос, так как она основывалась на принципе сохранения крупного помещичьего землевладения. «Без диктатуры пролетариата „крестьянское население" не победило бы помещика, объединившегося с капиталистом»[45]. Этот вывод Ленина был подтвержден всем ходом исторических событий. В районах, где временно хозяйничали белогвардейцы и интервенты, восстанавливалась помещичья собственность, не говоря уже о капиталистической собственности в промышленности. Такую же модель можно построить на опыте решения национальной проблемы. Политика Октябрьской революции в этой области не продолжала национальную политику Временного правительства, а противостояла ей, так же как великодержавной политике Колчака и Деникина.

Мы уже отмечали выше, что в своих работах В. И. Ленин применял метод контрастного сопоставления буржуазно-реформистской и марксистской концепции Октябрьской революции. Этот метод был не просто средством сталкивания двух концепций для доказательства их полной противоположности. Ленин раскрыл фактическую несостоятельность и теоретическую беспомощность концепции Каутского и других буржуазных и реформистских идеологов и обосновал свою концепцию историческими фактами и обобщением опыта деятельности Советского государства, большевистской партии и многомиллионных масс трудящихся.

---

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 317.

Глава четвертая

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

История человечества знает ряд революционных переворотов, во главе которых стояли деятели, оставившие неизгладимый след в жизни современников и последующих поколений. Но истории допролетарской эпохи неизвестны революционные лидеры, которые взяли бы на себя и ответственную задачу историка этих переворотов.

По самому своему характеру социалистическая революция как движение организованного пролетариата и его союзников, как целеустремленные действия огромных коллективов, руководимых коммунистической партией, требовала исторического осмысливания событий, точного анализа каждого этапа борьбы за диктатуру пролетариата. История революции уже в ходе ее свершения становилась необходимым элементом политического руководства, средством выработки правильной стратегии и тактики, орудием идейной борьбы.

Ленин — первый в истории руководитель и вдохновитель народной революции, создавший ее историю. Из-под его пера вышли непревзойденные труды, которые одновременно являются монументальными памятниками революции. Он сочетал в себе вождя масс, полководца и стратега революционных действий, гениальность пролетарского мыслителя, глубину, смелость и точность теоретического и исторического анализа.

Задолго до победы Октября Ленин в ряде крупных основополагающих трудов доказал закономерность буржуазно-демократической революции и неизбежность ее перерастания в революцию социалистическую. В работах «Развитие капитализма в России», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.», «Империализм, как высшая стадия капитализма», он дал всесторонний анализ экономических и политических предпосылок революции, обосновал руководящую роль в ней российского пролетариата — вождя многомиллионных крестьянских масс и угнетенных народов России. Работы, написанные Лениным в ходе самой

революции, до победы Октября 1917 г., создавались в связи с задачами большевистской партии, борющейся за власть. В них содержится глубокий исторический анализ революционных событий, их последовательности и закономерной смены. Основные этапы мирного периода революции, июльский перелом, корниловщина и большевизация Советов подверглись всестороннему историческому исследованию в трудах Ленина дооктябрьского периода.

Несколько по-иному складывается работа Ленина по этим сюжетам после победы Октября. Теперь речь идет не только об анализе событий в ходе их свершения, а о ретроспективном раскрытии характера революции, социального облика классов, ее совершивших, международного значения революции.

От теоретического обоснования диктатуры пролетариата и ее советской формы в книге «Государство и революция» Ленин перешел к рассмотрению хода и значения социальных преобразований Октябрьской революции, завершив эту работу в конце 1918 г. созданием труда «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Растущее международное влияние Октября, интерес к условиям победы социалистической революции вызвали к жизни крупные произведения Ленина: «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Первое из них было направлено против реформистской «тактики выжидания» и раскрывало расстановку революционных сил накануне Октября в решающих пунктах — в промышленных центрах и на фронтах. В «Детской болезни...» Ленин направил свой удар против догматического истолкования опыта Октября, показал значение компромиссов и соглашений в ходе революции и ее победе, роль средних слоев.

В работах 1921—1923 гг. он обратился к изучению социально-экономических преобразований Октябрьской революции, ее «главной работы» в области государственного строительства и реализации новых принципов внешней политики.

Все эти труды объединены не только единством концепции, последовательно развиваемой Лениным на основании нового опыта, но и единством метода, ленинской методологией исторического исследования.

При разработке политики и тактики пролетариата Ленин обращался к истории, и прежде всего к истории революций, искал в ней ответ на животрепещущие во-

просы современности. Обращение к истории, учил Ленин, необходимо не только для *выработки* правильной политики и тактики, не только для *проверки* уже разработанной и проводимой в жизнь политики. В ходе ее осуществления современность сталкивается с историей, и строгая проверка правильности политики обеспечивается принципиальным критическим отношением к пройденному пути как к части единого исторического процесса со свойственными ему закономерностями. Именно в этом и заключается существо ленинского принципа проверки политики историей: точный научный анализ пройденного пути, объективный учет *всех* сторон исторического процесса.

В своих трудах «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Великий почин», «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» В. И. Ленин развил теорию исторического материализма, особенно теорию социалистической революции и диктатуры пролетариата.

В ряде послеоктябрьских работ он особенно подчеркнул функции диктатуры пролетариата, которые коренным образом отличают ее от всех известных в истории классовых диктатур. «Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие»,— писал Ленин [1]. Он выделял организаторскую и воспитательную роль диктатуры пролетариата при анализе отношений рабочего класса и крестьянства. «Тут классовая борьба продолжается, и перед нами выступает значение диктатуры пролетариата в новом свете. Здесь она выступает не только и даже не столько, как применение средств принуждения всего аппарата государственной власти для подавления сопротивления эксплуататоров». И далее Ленин отмечал, что в области экономики, хозяйственного строительства «можно победить в том случае, если пролетариат свою диктатуру осуществит, как величайшую организованную, организационную и моральную силу для всех трудящихся и в том числе трудящихся непролетарских масс» [2]. Ленин дал теоретическое обоснование руководящей роли рабочего класса по отношению к крестьянству. «Это тот класс,— говорил он,— который

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 13.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 304—305.

экономикой капитализма создан экономическим объединителем, который миллионы разбросанных, распыленных крестьян объединяет своей промышленностью»[3].

Ленинский анализ был направлен на раскрытие общих закономерностей революционного процесса новой эпохи и своеобразного их проявления в различных исторических условиях. Классическим примером такого анализа является ленинская работа «О нашей революции». Поводом для написания этой небольшой, но удивительно емкой статьи послужили семитомные «Записки о революции» Н. Суханова. В своей статье Ленин вел войну против буржуазно-реформистской концепции истории Октябрьской революции и поставил коренные методологические вопросы этой истории. Ревизионистам и догматикам из II Интернационала совершенно чужда была мысль, «что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»[4]. В России это своеобразие определялось двумя факторами: во-первых, всемирной, империалистической войной, создавшей особую обстановку кризиса и развала буржуазных отношений; во-вторых, положением России, стоящей на границе западноевропейских государств и стран Востока, впервые втягиваемых в современную цивилизацию[5].

Весь пафос статьи «О нашей революции» был направлен против тех «ученых», которые догматически усвоили бесспорное марксистское положение об экономических предпосылках социализма, но не поняли живой, революционной души марксизма, его революционной диалектики, не увидели своеобразия обстановки, созданной в России в эпоху империализма, в силу которой большевики сумели осуществить союз крестьянской войны с рабочим движением, о котором писал Маркс в 1856 г.

Крушение капитализма в одной из самых крупных стран мира вызвало в буржуазной историографии стремление доказать, что гибель капитализма влечет за собой гибель цивилизации. С этих позиций буржуазные идеологи и повели наступление на теорию прогрессивно-поступательного развития общества. Ленин показал, что падение старой Европы является только началом в истории падения мировой буржуазии. Пробуждение народов Азии и втягивание их в активное историческое творчество ги-

гантски ускоряли темпы развития человеческого общества [6].

«...*Только* с социализма,— писал Ленин накануне Октября,— начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» [7]. Ускорение темпов исторического развития, как показал Ленин, определяется расширением массы, творчески участвующей в революционном процессе, а затем и строительстве нового общества, зрелостью революционной партии, возглавляющей движение масс и сознательно направляющей их борьбу [8].

На новом материале Ленин показал действие открытого Марксом исторического закона взаимосвязи *величины массы*, втянутой в историческое творчество, глубины и основательности *исторического действия и темпов* развития человеческого общества. В этой связи Ленин подчеркивал, что сила рабочего класса определяется степенью его влияния на непролетарские слои трудящихся масс.

Опыт мировой истории, опыт истории России показал, что возрастание массы населения, втягиваемого в процесс исторического творчества, сопровождается ростом сознательности этой массы, превращением ее в исторического деятеля [9]. Социалистическая революция явилась ускорителем развития народных масс как творцов истории. «Революции — локомотивы истории. Разогнать локомотив и удержать его на рельсах» [10],— писал Ленин. В наброске «Из дневника публициста» он рассмотрел различные аспекты этой методологической и практически-политической проблемы. Здесь же Ленин обозначил такой важный в методологическом отношении вопрос, как неравномерность исторического развития революции: «Волны революции набегают одна на другую не гладко, не равномерно, не по-одинаковому» [11]. В числе первоочередных намечается

---

[3] Там же, т. 42, с. 249—250.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.
[5] См.: Там же.
[6] См. там же, с. 174.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 99—100.
[8] См. там же, т. 45, с. 247.
[9] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 539—540.
[10] Там же, т. 35, с. 189.
[11] Там же, с. 188.

Лениным и проблема периодизации: «Ступени или стадии в революции»[12].

Обобщая опыт движения народных масс в трех русских революциях, опыт международной революционной борьбы, В. И. Ленин развил учение о революционной ситуации, основы которого были им изложены еще в дооктябрьских трудах. Развернутое обоснование этого учения он дал в работе «Детская болезнь „левизны" в коммунизме». Основываясь на опыте всех революций в истории человечества и в особенности на опыте трех русских революций XX в., В. И. Ленин сформулировал основной закон: «...революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»[13]. Известные уже по дооктябрьским работам признаки революционной ситуации он конкретизировал. Важным признаком революционного состояния «низов» Ленин считал осознание большинством политически активных рабочих необходимости переворота и их готовность идти на смерть ради него. Состояние «верхов» Ленин теснее связал с первым признаком, указав, что правящие классы в условиях революционной ситуации переживают правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы. Переход от революционной ситуации к революции сопровождается быстрым удесятерением или даже увеличением во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной[14].

В этой же работе Ленин выделил объективные основы общенационального кризиса, охватывающего в условиях революционной ситуации миллионы и десятки миллионов людей, все социальные слои, группы, классы данного общества. «Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард революционного класса,— а еще и о том, размещены ли исторически действенные силы *всех* классов, обязательно всех без изъятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим...»[15]

Опираясь на исторический опыт революции 1917 г., Ленин особенно подчеркнул важнейший тезис своей теории революции: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве»[16]. В этом ленинском положении соединяются познавательное и действенное его значение. «Без уяснения этого вопроса (о власти в

государстве.— *Е. Г.*) не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею» [17]. Маленькая статья Ленина «О двоевластии» [18] явилась замечательным образцом такого развития исторического материализма, которое служит основой для революционного действия, сливается с этим действием, освещает путь революционному классу.

Ленинская методология основана на принципе коммунистической партийности. Для Ленина партийность исследователя — высшее выражение его классовых позиций, партийность — это открытая защита интересов народных масс и передового класса (класса в целом, а не отдельных его групп), интересов, наиболее полно выражаемых авангардом класса — партией.

Анализ исторических явлений только тогда будет правильно, объективно отражать действительность, прошлое и настоящее, если он охватит всю сумму общественных отношений. Ленин показал полную невозможность отстоять интересы пролетариата при анализе того или иного исторического события без учета классовых сил в целом, не только в масштабе страны, но и во всемирном процессе. «Наша сила — полная ясность и трезвость учета *всех* наличных классовых величин, и русских и международных, а затем проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы» [19].

Ленин последовательно критиковал и изобличал вульгаризацию классового подхода у экономистов, затем меньшевиков и различного рода реформистов. Полная неспособность изучить отношения всех классов общества, выхватывание отдельных примеров и фактов из процесса их борьбы, стремление сблизить позиции антагонистических классов, расширить толкование противоположности классов и групп не антагонистических — таковы характерные черты «классового» анализа представителей либеральной и реформистской историографии.

---

[12] Там же.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 70.
[14] См.: Там же, с. 69—70.
[15] Там же, с. 79.
[16] Там же, т. 31, с. 145.
[17] Там же.
[18] Там же, с. 145—148.
[19] Там же, т. 43, с. 240.

Стоять на позициях пролетариата, оценивать исторический процесс с точки зрения его интересов — отнюдь не означает игнорирования тех сторон процессов и явлений, которые противоречат этим интересам. Классовый анализ только тогда будет точным, учил Ленин, когда он проводится «совершенно трезво, независимо от наших симпатий и желаний...» [20]. Он требовал от исследователя всестороннего обозрения всех общественных сил, которые стоят друг против друга и борьба которых определяет судьбу Советской власти и ход социалистической революции во всем мире. «Каковы эти силы? Как они группируются друг против друга? Каково в данное время расположение этих сил» [21] — вот на какие вопросы должен ответить исследователь. Анализ состояния и соотношения сил пролетариата, крестьянства, буржуазии и помещиков позволил Ленину точно определить источники сил Советской власти, задачи ее дальнейшего укрепления.

В основе такого анализа должен быть точный фундамент объективных фактов, независимо от того, кому эти факты могут понравиться или послужить. «Мы гораздо больше пользы извлечем из прямой и открытой правды,— говорил Ленин,— потому что мы уверены, что если это и тяжелая правда, то, когда она ясно слышна, всякий сознательный представитель рабочего класса, всякий трудящийся крестьянин извлечет из нее единственный верный вывод» [22]. Как неоднократно подчеркивал Ленин, противоположная позиция, тот или иной отход от правды фактов не только искажает картину прошлого и действительности, но и приносит огромный практический вред. «...Пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела, как благовидная, благоприличная, обывательская ложь» [23]. В письме к Е. С. Варге 1 сентября 1921 г., где речь шла о постановке информации в международном коммунистическом движении, Ленин писал: «Нам нужна *полная* и *правдивая* информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить» [24]. Таким образом, как мы видим, Ленин не подразделял информацию на различные категории, в зависимости от того, кому и для чего она предназначена. Объективные факты — вот универсальное требование для информации.

Лицемерный отказ буржуазных историков от партийности общественной науки, подмена ее идеей судьбы, бога, круговорота, стремление обозреть всю историю чело-

вечества как цепь горных вершин, освободив, якобы, наблюдателя, исследователя от «партийных предрассудков» — есть не что иное, как признание краха буржуазной партийности, вступившей в кричащее противоречие с исторической действительностью.

«Весь опыт новейшей истории и в особенности более чем полувековая революционная борьба пролетариата всех стран мира со времени появления „Коммунистического Манифеста“ доказали бесспорно,— писал Ленин,— что только миросозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата» [25].

В работах «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906) и «К истории вопроса о диктатуре» (1920) дан классический образец сравнительной характеристики пролетарской, коммунистической и буржуазной, кадетской партийности. Речь шла об оценке «периода вихря» в первой русской революции (октябрь—декабрь 1905 г.) и последовавшего за ним периода спада революционной борьбы. «Дело в том,— писал Ленин в 1906 г. и повторял в 1920 г.,— что *в анализе свойств* того или иного периода (совершенно независимо от нашего предпочтения или от наших симпатий) господа Бланки бессовестно *извращают правду*» [26]. Кадетские историки изображали периоды революционного подъема как периоды безумия, исчезновения всех принципов, мысли и простого разума, а периоды подавления революции и мещанского «прогресса» как эпоху разумной, сознательной и планомерной деятельности. Ленин называл это вопиющим искажением истории вчерашнего дня, бессовестным извращением правды, которое было продиктовано позицией кадетских историков. Партийный же подход революционных марксистов приводил к выводу, что «именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещан-

---

[20] Там же, с. 131.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 131.
[22] Там же, т. 38, с. 246.
[23] Там же, т. 39, с. 97.
[24] Там же, т. 54, с. 446.
[25] Там же, т. 41, с. 336—337.
[26] Там же, с. 390.

ского, кадетского, реформистского прогресса»[27]. Кадетская партийность ведет к тому, что у Струве или у Бланка «везде одно и то же, везде эта ограниченная, профессорски-педантская, чиновнически-мертвенная оценка революционных и реформистских периодов»[28]. Большевистская партийность позволяет наиболее объективно, полно, всесторонне раскрыть соотношение этих периодов и их место в историческом процессе.

Характеризуя взгляды Маркса на всемирную историю, в частности на историю Парижской Коммуны, Ленин подчеркивал, что «Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*... а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует „легко было предвидеть... не надо было браться...“»[29].

Партийность Ленина внутренне присуща его методологии исторического исследования. Вот он пишет историю первых четырех лет революции («К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»)[30]. Перед нами не летописец, стоящий «над схваткой». Эта работа Ленина, как и все его труды, является убедительным опровержением тезиса современной буржуазной историографии, что человек, творящий историю, не может быть ее историком. Мы слышим голос народного вождя, голос гневный и страстный, когда речь идет о победах революции, презрения и ненависти, когда дело касается ее врагов. Именно последовательная партийность позволила Ленину дать глубокий анализ истории Октябрьской революции, определить соотношение буржуазно-демократических и социалистических задач в ходе ее развития, роль мелкобуржуазной демократии в революции, основные методы социалистических преобразований. И на этом Ленин строит свой гениальный прогноз о будущих социалистических революциях, которые вырвут из капиталистического мира все человечество.

Ленин всегда подчеркивал, что принцип партийности не имеет ничего общего с волюнтаризмом и субъективизмом, насаждаемыми ревизионистами и догматиками. Ленинский принцип партийности исторической науки не противостоит объективному ходу исторического процесса, а позволяет правильно, точно отразить этот процесс. Меньшевистская, эсеровская, различного рода буржуазная партийность неизбежно искажает объективную реальность.

Существенная черта ленинского метода — раскрытие

классовых корней того или иного исторического явления, срывание всех и всяческих масок, прикрывающих интересы враждебных пролетариату классов. Этот метод Ленин применял и при историографическом рассмотрении трудов буржуазных ученых и их мелкобуржуазных последователей. Достаточно напомнить его выступления против Н. Суханова, П. Сорокина, К. Каутского, О. Бауэра и многих других историков, социологов, экономистов.

Ленин широко применял сравнительно-исторический метод в трудах по истории социалистической революции. В одной из первых своих работ он указал на диалектико-материалистические основы применения сравнительно-исторического метода, связав его с теорией социально-экономических формаций. «...Анализ материальных общественных отношений,— писал Ленин,— сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации.* Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что́ отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что́ обще всем им» [31]. Он подчеркивал необходимость исследования и сопоставления различных моментов, ступеней развития и их последовательность [32].

В своем знаменитом письме «Марксизм и восстание» Ленин провел сравнительный анализ различных исторических событий, который он сам назвал «методом сравнения». Для понимания своевременности, необходимости вооруженного восстания, для выработки отношения к нему как к искусству «лучше всего,— писал он,— пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями» [33]. Ленин и провел такой анализ июльских дней и общенационального кризиса в сентябре 1917 г. по важнейшим вопросам: позиция передового класса и его отношение к большевикам в июле и сентябре; сопоставление революционного подъема на этих двух

---

[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Там же, т. 14, с. 379.
[30] См.: Там же, т. 44, с. 144—152.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.
[32] См.: Там же, с. 167.
[33] Там же, т. 34, с. 243.

этапах; колебания среди врагов и половинчатых союзников; позиция Петрограда, армии, провинции. Сравнение событий июля и сентября по всем этим вопросам и конкретный анализ каждого этапа позволили ему подтвердить свой вывод о благоприятных условиях для победы вооруженного восстания.

В исследованиях Ленина такой анализ никогда не сводится к формальным историческим параллелям. Обращение к опыту прошлого, сравнение его различных ступеней служит выявлению закономерностей настоящего, современности.

В работе «Государство и революция» Ленин рассмотрел в сравнительно-историческом плане различные формы бонапартизма. Он напомнил высказывание Энгельса о формах государственной власти, выступавшей как кажущаяся посредница между классами: абсолютная монархия XVII и XVIII вв., бонапартизм первой и второй империи во Франции, империя Бисмарка в Германии. «Таково...— писал он,— правительство Керенского в республиканской России после перехода к преследованиям революционного пролетариата, в такой момент, когда Советы благодаря руководству мелкобуржуазных демократов *уже* бессильны, а буржуазия *еще* недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их» [34]. В данном случае Ленин взял только один момент — равновесие борющихся сил. Но сравнительный анализ помог понять особенности обстановки в послеиюльской России — равновесие создалось весьма неустойчивое, оно не могло быть длительным. На этом анализ не завершался. Нужно было выяснить основные особенности бонапартизма в период керенщины. Он возвращается к этим размышлениям в статье «Начало бонапартизма», отметив ряд условий, который отличает русский бонапартизм 1917 г. от начала французского бонапартизма в 1799 г. и 1849 г. Во-первых, в России ни одна из коренных задач революции не была решена. «Борьба за решение земельного и национального вопроса только еще начинает разгораться» [35]. Во-вторых, авангард рабочего класса России сумел выйти из июньского и июльского кризисов «без массового обескровления». Наконец, бонапартизм в России возник в условиях быстрого роста, ускоренного темпа развития революционных событий, революционного развития самих масс. Отличия в условиях возникновения русского бонапартизма по сравнению с 1799 г. и 1848 г., выявленные в ходе

сравнительного анализа, и говорили о неизбежности его гибели.

Сравнивая изменения в государственном аппарате в период буржуазных революций на Западе и после Февральской революции в России, Ленин показал, что в европейских революциях 30—40-х годов XIX в. мелкая буржуазия подчинялась крупной в значительной степени посредством государственного аппарата, который дал верхним слоям крестьянства, мелким ремесленникам, торговцам выгодные, почетные местечки. Что же произошло в России за полгода после Февральской революции? Чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. «Такой ход событий,— писал Ленин,— вынуждает революцию „*концентрировать все силы разрушения*" против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее» [36]. В западноевропейских революциях (1848—1851 гг., 1871 г.) этот вывод сделали великие умы того времени — Маркс и Энгельс. В данном случае сравнительно-исторический метод позволил выявить закономерную повторяемость событий и подтвердить обоснованность вывода о необходимости слома старой государственной машины.

Сопоставив историю государственного аппарата периода керенщины с опытом революций 1848 г. и 1871 г., Ленин показал всеобщий характер закона революционной ломки старой государственной машины. В русской революции это важнейшее теоретическое открытие, острейшее оружие классовой борьбы стало достоянием революционных масс, которые взялись за разрушение старого государственного аппарата. В отличие от Парижской Коммуны массы действовали не стихийно, а сознательно, просвещенные большевистской партией.

До сих пор мы рассматривали применение сравнительно-исторического метода Лениным «по вертикали», т. е. при сопоставлении социальных явлений разных эпох, но сходных в каких-то существенных чертах. Он применял этот метод и «по горизонтали», сравнивая различные события и формы организации масс, порожденные

---

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 13.
[35] Там же, т. 34, с. 51.
[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 31.

одной эпохой — революционным процессом 1917 г. Так, Ленин стремился выяснить особенности послеиюльских Советов, проституированных соглашателями, и Советов, возрождающихся после разгрома корниловщины. Его анализ шел по двум направлениям: выяснение функций Советов и их характера как нового типа государственной власти.

Когда Советы в сентябре 1917 г. начинают возрождаться, Ленин сравнивает их с Парижской Коммуной. Он отмечает особенности пролетарской демократии, как они проявились в Коммуне: активное участие большинства трудящихся масс в государственных делах вместо чиновников, пролетарское руководство массами, соединение производительного труда с участием в государственном управлении и т. д. В этом же направлении развивалось народное творчество в революции 1917 г.

Сравнительный анализ позволил Ленину проследить некоторые общие закономерности развития революции в Европе и России и сделать выводы о тактике пролетариата, буржуазии и мелкой буржуазии. После каждой западноевропейской революции у рабочих оставалось оружие, «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих» [37],— писал Энгельс. Ленин считал это положение Энгельса кратким, но выразительным итогом опыта буржуазных революций, который всегда обходят буржуазные ученые. Но то, что удалось сделать буржуазии в западноевропейских революциях, не удалось русской буржуазии — оружие оставалось у рабочих. Революция 1917 г. шла своим путем.

Ленин сравнивал русскую революцию 1917 г. с западноевропейскими революциями в различных аспектах — роль классов и партий, характер государственных форм, эволюция государственного аппарата и т. д. Сравнительно-исторический метод является важным вспомогательным средством в ленинском классовом анализе истории и современности. На основе такого анализа он получил возможность выявить общие черты, общие закономерности революций XIX и XX вв., а главное — сформулировать те особенности, те черты русской революции, которые свидетельствовали об иных формах, иных темпах, ином направлении ее развития.

Ленина интересовал весьма важный методологический вопрос об условиях и границах использования сравни-

тельно-исторического метода. Открытие Маркса о необходимости слома старой государственной машины было сделано на опыте революции 1848—1851 гг. во Франции. «Здесь может возникнуть вопрос,— писал Ленин,— правильным ли является обобщение опыта, наблюдений и заключений Маркса, перенесения их на пределы более широкие, чем история Франции за три года, 1848—1851 годы?» [38] Ленин указал на обстоятельства, которые делали это обобщение вполне закономерным. Франция в конце XVIII и в XIX в. являлась классической страной буржуазного развития, в которой борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. «Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты» [39],— писал Энгельс.

Но для того чтобы проверить этот вывод Энгельса, его действенный характер для современности, Ленин считал нужным провести сравнительный анализ истории Франции с историей передовых стран Европы и Америки в конце XIX и начале XX в. Он приходит к выводу, что процесс выработки «парламентской власти», усовершенствования и укрепления «исполнительной власти», чиновничьего и военного аппарата, «это — общие черты всей новейшей эволюции капиталистических государств вообще. За три года, 1848—1851, Франция в быстрой, резкой, концентрированной форме показала те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру» [40]. Эпоха империализма, банкового капитала, гигантских капиталистических монополий и перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм принесла с собой дальнейшее усиление «государственной машины», неслыханный ее рост во всех капиталистических странах. «Всемирная история,— заключил свой анализ Ленин,— подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к „концентрации всех сил“ пролетарской революции на „разрушении“ государственной машины» [41]

[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. т. 22, с. 191.
[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 31.
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 259.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 33.
[41] Там же.

В основе ленинского использования сравнительного метода лежит принцип историзма. Сопоставление событий различных эпох является для него средством выявления тех особенностей, которые присущи историческому событию или процессу, находящемуся в центре анализа. Сравнивая Брестский мир с Тильзитским, Ленин отмечает, что и тот и другой принесли с собой унижение и тяжелейшие условия и в то же время послужили исходными пунктами для поворота к величайшему национальному подъему. Но на этом Ленин не останавливается, он выделяет коренное отличие периода Брестского мира: «Тогда историческая обстановка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к *буржуазному* государству. Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью.

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма» [42].

Отсюда следовал вывод, что национальный подъем в России имеет своим выходом не буржуазное государство, а социалистическое отечество, войну за это отечество.

Таким образом, сравнительно-исторический метод послужил Ленину средством выявления темпов развертывания событий в эпоху Тильзита и эпоху Бреста, объема масс, участвующих в этих событиях, и, главное, для установления коренного отличия социального содержания исторического процесса двух эпох.

Анализируя и сопоставляя процессы, события, организации различных эпох, Ленин выясняет систему связей, соподчинения, исторического места каждого из этих процессов или событий. Такой сравнительный анализ можно было бы назвать ступенчатым по характеру определения места события или организации как соответствующей ступеньки в историческом процессе.

Если до Октября, особенно в период господства соглашательских Советов, Ленин часто прибегал к сравнениям революционного процесса в России с революциями 1848 г.

в Европе, а политики Керенского с политикой Кавеньяка, то в первые месяцы после Октября мы чаще всего встречаем сопоставление революции в России с французской революцией конца XVIII в. Ленина интересовали в первую очередь отличительные черты Октябрьской революции как социалистической от революции буржуазной, специфические закономерности их возникновения и развития. Когда же Ленин проводит сопоставление Октябрьской революции и Парижской Коммуны, то его интересуют прежде всего общие закономерности слома старого аппарата власти и создание нового государства. При этом он особенно тщательно изучает не только позитивный опыт, но и ошибки Парижской Коммуны. Здесь историческое сопоставление служит средством подтверждения правильности избранного пути и предостережения от повторения ошибок, однажды уже допущенных.

Чем дальше развивалась социалистическая революция, тем шире становилась возможность ее исторического познания исходя из ее собственной внутренней истории, из сравнительной хаактеристики различных этапов революции. В 1917—1918 гг. мы часто встречаем у Ленина сопоставления Октябрьской революции с революцией во Франции конца XVIII в., Брестского договора с Тильзитским или со «столыпинским договором» в III Государственной думе. В 1920—1923 гг. наряду с подобными сравнительными характеристиками появляются новые. Передышку 1920 г. он сопоставляет с мирной передышкой 1918 г., новую экономическую политику с политикой во время предшествующих мирных передышек, кульминационные пункты гражданской войны 1919—1920 гг. с этапами гражданской войны 1918 г. и т. п. Этот сравнительный исторический анализ служит прежде всего определению особенностей различных этапов развития революции.

Ленин применял сравнительно-исторический метод и для выяснения повторяемости определенных общественных явлений при сходных исторических условиях, с тем чтобы установить тенденцию развития и возможные его результаты, оставаясь на почве конкретно-исторического анализа.

При сравнении политического и экономического развития разных стран необходимо прежде всего устано-

---

[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 81—82.

вить — сопоставимы ли исторические эпохи этих стран по их внутреннему содержанию, по их структуре.

В феврале 1918 г. «левые коммунисты», стремясь обосновать свой лозунг революционной войны, сравнивали положение Советской республики с событиями во Франции 1792—1793 гг. Ссылаясь на военные успехи французской революционной армии, они делали вывод, что революционная война против милитаристской Германии все излечит, всех воодушевит и приведет к победе. Ленин подчеркивал, что исторические сравнения «левых коммунистов» не *схватывали новой* общественно-экономической и политической ситуации, не учитывали *изменения условий* [43]. Бухарин и другие «левые коммунисты» дали как бы классический образец нарушения марксистских принципов применения историко-сравнительного метода. Ленин показал всю антиисторичность этой аналогии и ошибочность выводов из нее. Для того чтобы подобная аналогия имела смысл, нужно было обратиться к экономической основе «чудес» 1792—1793 гг. в военной области. Такой основой явилась ликвидация феодального землевладения, утверждение буржуазных отношений, нового способа производства, надстройкой над которыми была революционная армия. В России в октябре 1917 г. произошла революция более высокого социального типа. Однако крестьянин еще не вкусил плоды этой революции, он еще не имел ни одного года работы, свободной от помещика. Рабочий только начал сбрасывать капиталиста, не успел и не мог еще успеть организовать производство. «Вот почему,— писал Ленин,— всяческие воспоминания 1792 года и т. п.— одна революционная фраза. Повторяют лозунги, слова, боевые клики, а анализа объективной действительности боятся» [44].

Из всего этого очевидно, что Ленин считал возможным сопоставление явлений, событий разных исторических эпох или в пределах одной эпохи. Такие сравнения допустимы, если строго придерживаться определенных границ сопоставляемых явлений, вскрывать их экономическую основу, анализировать объективную действительность, из которой они выросли.

В связи с этим он рассмотрел и некоторые проблемы социальной психологии. Вопреки буржуазным «критикам» марксизма, которые утверждали, что последователи Маркса не интересуются якобы психологией масс, Ленин показал образцы анализа социально обусловленных перело-

мов в психологии трудящихся. «Возьмите психологию среднего, рядового представителя трудящейся и эксплуатируемой массы, сопоставьте эту психологию с объективными, материальными условиями его общественной жизни»[45]. Из такого сопоставления он сделал вывод, что человек из народа никогда еще не видел, не испытал, не почувствовал на деле, чтобы имущие классы поступились чем-нибудь в его пользу — будь то земля, воля, мир, интересы «великодержавности», прибыли. Он увидел это только после 25 октября, когда все это было завоевано его силой. «Понятно,— писал Ленин,— что известное время все его внимание, все помыслы, все силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшие блага жизни, которые можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплуататоры»[46].

Буржуазные социологи увидели в психологии рядового труженика стремление к анархической разнузданности, к хаосу. Ленин не отрицал подобных фактов, характерных для мелкобуржуазной среды. Но он рассматривал эти черты психологии не как нечто застывшее, окаменевшее. Необходимо было известное время, чтобы рядовой представитель массы почувствовал, что всякое нарушение дисциплины, покушение на социалистическую собственность ведет к контрреволюции, разрухе и реставрации власти корниловых. Ленин считал, что после революции, особенно в период первой мирной передышки, начался перелом в условиях жизни (а следовательно, и в психологии) трудящейся массы.

В продиктованном Лениным тексте брошюры «Очередные задачи Советской власти» этот вопрос был рассмотрен еще и с точки зрения оценки черт психологии, которые складывались в связи с положением рядового представителя массы в капиталистическом производстве. Дисциплина в этом производстве осуществлялась угрозой голода, которая в сознании трудящихся соединялась с тем, что они работают не на себя, а на чужое благо. «...Обстановка труда,— записал он в стенограмме,— превращалась в постоянную борьбу громадного большинства

---

[43] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 253.
[44] Там же, с. 346.
[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 200—201.
[46] Там же, с. 201.

трудящихся против руководителей производства. На этой почве было неизбежно создание такой психологии, что общественное мнение трудящихся не только не преследовало плохую работу или отлынивание от работы, а, напротив, видело в этом неизбежный и законный протест или способ сопротивления непомерным требованиям эксплуататора» [47].

Стихия мелкобуржуазной анархичности все еще давала известный простор для проявления этой психологии и в новых условиях, когда эксплуататоры были свергнуты. В сознании масс было еще очень слабо развито «сознание народнохозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины...» [48]. Отсюда Ленин выводил и особые функции диктатуры пролетариата, особенно таких органов диктатуры, как суд и печать, которые объединяют в себе функции принуждения и воспитания.

Исходной методологической позицией во всяком вопросе истории и теории революции являлась для Ленина проблема гегемонии рабочего класса в народной, социалистической революции. Меньшевистские теоретики всячески подчеркивали отсталость рабочего класса, низкую степень его организованности, крепкие связи с деревней, деклассирование пролетариата во время войны. По сути все это было продолжением тех споров, которые с такой силой разгорелись между большевиками и меньшевиками в период первой русской революции. Те, кто отрицал возможность гегемонии пролетариата в демократической революции, еще с большей яростью нападали на идею гегемонии пролетариата в революции социалистической, которая вообще отвергалась меньшевиками.

Однако эта революция победила, и вопрос о роли рабочего класса стал вопросом не только теоретических споров, но и той политики, которая затрагивала интересы десятков миллионов людей.

«Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — Советского — переворота состоит в том,— писал Ленин,— что передовой рабочий, *как руководитель* бедноты, *как вождь* деревенской трудящейся массы, *как строитель государства труда*, „пошел в народ“. Тысячи и тысячи лучших рабочих отдал деревне Питер, отдали ей другие пролетарские центры» [49]. Анализируя творчество масс, его величайшее историческое значение, Ленин глубоко вскрывал и ошибки, слабости, недостатки этого твор-

чества. Рабочие организовывали деревенскую бедноту, но сами они отнюдь не святые. Рабочие вели вперед народные массы, но они же заражались болезнями мелкобуржуазного развала [50].

Ленина особенно интересовал процесс формирования новых черт психологии и политического облика пролетариата в условиях его диктатуры, таких, как чувство хозяина, высокое понимание общегосударственных интересов, сознание своей роли и ответственности как руководителя трудящегося крестьянства.

Рассматривая роль рабочего класса в целом, Ленин выделял передовые отряды питерцев, москвичей, иваново-вознесенцев, ярославцев и др. На первом месте по своему объединяющему и руководящему значению он поставил рабочих Петрограда. «Питер — не Россия,— писал в своем письме «О голоде» Ленин.— Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они – один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги» [51].

Период после завоевания власти Ленин рассматривал как исторический этап, когда от рабочего класса потребовался героизм не меньший, чем в январе и октябре 1905 г., в феврале и октябре 1917 г. И этот героизм должен был проявиться и проявился не только на полях сражений, но, как писал Ленин, и в организации миллионных масс, в умении «прямо смотреть в лицо самой горькой опасной действительности, не делая иллюзий, а точно учитывая силы» [52]. После Октябрьской революции передовой рабочий почувствовал себя хозяином на своем заводе, но в этом Ленин видел только первую ступень изменения психологии рабочего класса. «Вопрос

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 145.
[48] Там же, с. 197—198.
[49] Там же, с. 363.
[50] См.: Там же, с. 364.
[51] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 361.
[52] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 369.

состоит в том,— писал он,— чтобы сознательный рабочий чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность» [53]. В то же время Ленин был весьма далек от утверждения, что такое чувство хозяина уже сложилось в сознании рабочих. Он видел трудности на этом пути. Рабочие, привыкшие и приученные буржуазией в течение сотен лет рабски исполнять приказания господствующих классов, не так легко и просто привыкают к новому положению, к тому, что они являются хозяевами промышленности, хлеба, всех продуктов в стране.

«Рабочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной,— говорил Ленин.— И у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи» [54]. Процесс постепенного изменения психологии рабочего класса не мог быть быстрым, он проходил постепенно, в острой борьбе, в которой угнетенные ранее массы избавлялись от робости, неуверенности, неумения, чуждых классовых влияний. Особенно большую опасность представлял анархо-синдикализм «левых коммунистов», которые использовали стремление отдельных групп рабочих завладеть данным предприятием и подчинить его групповым, а не государственным интересам. Позднее, в январе 1919 г., Ленин охарактеризовал «подпочву» «левокоммунистических» тенденций. «В этой борьбе,— говорил он,— много сепаратистских старых мелкособственнических привычек и навыков и еще имеет место старый лозунг: „каждый за себя, один бог за всех“. Этого было слишком достаточно в каждом профессиональном союзе, на каждой фабрике, которая думала сплошь да рядом только о себе...» [55]

При разработке вопросов социалистического переустройства деревни весьма важным был учет особенностей психологии крестьянства. Самым пагубным, самым опасным Ленин считал иллюзии, что крестьянин вполне готов к социалистическому переустройству сельского хозяйства. «Крестьяне социалистами не являются. И строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке, значит не понимать наших задач...» [56] Но в крестьянстве, разбуженном рево-

люцией и просвещенном острой классовой борьбой, зрели глубокие процессы, которые постепенно вели его к пониманию невозможности вести хозяйство по-старому. Ленин дал красочную социально-психологическую характеристику крестьянину, прошедшему школу империалистической войны и революции. «Он пережил все эти шесть лет, мучительных и тяжелых, недаром. Он не похож на довоенного мужика. Он тяжело страдал, он много размышлял и много перенес таких политических и экономических тягот, которые заставили его забыть многое старое» [57].

Исследуя отношения двух основных классов советского общества на раннем этапе его развития, Ленин рассматривал их в динамике, в движении. Это были уже не те классы, какими они сложились до 1917 г. Ленинский анализ был направлен на то, чтобы выявить изменения, происшедшие в основных классах не только в их социальной структуре, но и в психологии.

Рабочий класс из угнетенного, эксплуатируемого превратился в господствующий, в класс, осуществляющий свою диктатуру в крестьянской стране «с наибольшей твердостью, с наибольшей непреклонностью» [58—59]. Но именно этот класс больше всех пострадал, перенес лишений, бедствий, крайнее обострение голода и всяческой нужды, «как никогда ни один класс в истории» [60]. И этот же класс проявил чудеса героизма, самоотверженности, энтузиазма, революционного размаха в созидании нового общества и защите его от врагов.

Другим стало и крестьянство. Опираясь на труды советских экономистов, статистиков, Ленин впервые в науке проследил и охарактеризовал изменения, которые он определил как процесс осереднячивания деревни.

Для правильного классового анализа, как показал Ленин, важны не только количественные соотношения двух основных классов, но и качественные их показатели. Уже в первых послеоктябрьских работах он исследовал процесс замены труда подневольного трудом на себя, показав, что при планомерно организованном труде в

---

[53] Там же, с. 369—370.
[54] Там же, т. 37, с. 449.
[55] Там же.
[56] Там же, т. 42, с. 146.
[57] Там же.
[58—59] Там же, т. 43, с. 132.
[60] Там же.

общегосударственном масштабе необходимы громадные организационные, организаторские усилия со стороны рабочего класса.

Может ли рабочий класс в крестьянской стране решить эти исторические задачи? Меньшевики отвечали на этот вопрос отрицательно. Их «классовый» анализ деформировал историческую действительность. Они подчеркивали, что пролетариат России не имеет необходимого опыта, навыков, заражен крестьянской психологией, склонен к анархии и т. д. и т. п. Меньшевистский анализ был односторонен, статичен, полностью игнорировал историю революционной борьбы рабочего класса и накопленный в ней опыт.

Ленинский анализ был динамичен, он исходил из всестороннего учета тех великих перемен, которые произошли в рабочем классе в ходе трех русских революций. «...Организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества» [61],— писал Ленин в декабре 1917 г. Конечно, эти качества людей труда столетиями подавлялись и гасились. «Но в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, что она *будит* эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни» [62].

Проблема социально-экономических и политических предпосылок социалистической революции была теоретически и конкретно-исторически разработана В. И. Лениным еще в его дооктябрьских работах. Начиная с 90-х годов до периода исследований империализма как новейшего этапа капитализма он изучал противоречия, неизбежно ведущие к революции. В «Развитии капитализма в России» показано, что главным для понимания социально-экономических противоречий, сложившихся в пореформенной России, являются не темпы развития капитализма, а его генезис, направление, формы этого развития.

«...Несравненно более важное значение,— писал В. И. Ленин,— имеет вопрос: *как именно*? и вопрос: *откуда*? (т. е. каков был докапиталистический хозяйственный строй в России?)» [63]. Ленинский ответ на поставленные вопросы обнажал суть противоречий социально-

экономического развития, противоречий, ведущих Россию по революционному пути. Историки обращали внимание на эти положения Ленина, привлекая их для характеристики докапиталистических порядков в России. У Ленина они служат исходным пунктом для характеристики условий и социальных сил, которые вызывают с неизбежностью революционный взрыв и определяют состав союзников пролетариата.

В статье «Наша программа» Ленин отметил, что теория Маркса «выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, *а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества*» [64].

Важнейшим методологическим принципом анализа предпосылок революции Ленин считал характеристику всей мировой системы империализма, а на этом фоне — исследование положения в России. «С точки зрения марксизма нелепо останавливаться на положении только одной страны, говоря об империализме, тогда как капиталистические страны так тесно связаны друг с другом. А теперь, во время войны, эта связь неизмеримо сильнее» [65],— говорил он на VII Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б). И далее: «Объективное положение дел показало, что война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к огосударствлению. Это все придвинуло социалистическую революцию и создало объективные условия для нее. Таким образом, социалистическая революция придвинута ходом войны» [66].

В материалах по пересмотру партийной программы в 1917 г. Ленин снова возвращается к этой проблеме: «И чрезвычайно высокая ступень развития мирового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а рав-

---

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 198.
[62] Там же, с. 199.
[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 380.
[64] Там же, т. 4, с. 183.
[65] Там же, т. 31, с. 353.
[66] Там же, с. 355.

но союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы; и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистской войной,— все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской, социалистической революции.

Эта эра началась» [67].

При общей подготовленности стран системы империализма к социалистической революции решающее значение приобретали социально-политические факторы, соотношение классовых сил в определенном звене системы, наиболее подготовленном к выпадению из нее. В феврале 1917 г. революционная ситуация в России превратилась в революцию, которая уничтожила самодержавие и явилась исходным пунктом для дальнейшего развития по направлению к диктатуре пролетариата.

Сложилась особая расстановка классовых сил в России, ярким выражением которой стало двоевластие. Рождение Советов как органов власти наряду с буржуазно-помещичьим Временным правительством — характерная черта первого этапа революции. Но Ленин видел дальше — будущее Советов. «...Советы рабочих и солдатских депутатов — такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было» [68],— говорил он на Апрельской конференции.

Конкретно-историческое обоснование социально-экономических предпосылок пролетарской революции в России Ленин дал в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». В этом исследовании соединены в единое целое характеристика предпосылок социалистической революции, история краха экономической политики правящих в России партий и программа действий Советской власти после ее победы.

Ленин раскрыл основное противоречие русской революции на том ее этапе, который был отмечен общенациональным кризисом. Это противоречие заключалось в том, что из кризиса было только два выхода: «Либо быть революционным демократом на деле. Тогда нельзя бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, осуждать их по-плехановски, по-дановски, по-черновски доводами, что наша революция буржуазная, что нельзя „вводить" социализма и т. п.,— и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т. е. *реакционно-бюрократически* подавлять „революционно-демократические" стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции» [69].

Сверхзадача дооктябрьских трудов Ленина — обоснование возможности, необходимости, закономерности революции в России, обоснование путей, методов борьбы, стратегии и тактики, ведущих к победе. Он определил двойную задачу рабочего класса России — свержение абсолютистского режима и переход к социалистической революции против буржуазии и кулачества. С этой точки зрения труды В. И. Ленина являются программой и историческим обоснованием теории перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической.

Троцкистская теория перевооружения большевизма утверждала, что Ленин и большевики выдвинули идею перехода к социалистической революции только во время первой мировой войны. Опровергая эту теорию, Сталин считал, что ленинская идея перерастания была обоснована в 1905 г. В действительности же она была высказана еще к середине 90-х годов XIX в., и основные ее положения мы находим в первых же работах Ленина. Достаточно обратиться к «Друзьям народа...», работе, в которой доказано положение, что борьба против абсолютизма в России является только «расчисткой дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся» — капиталом. Эта идея получила все большее обоснование и развитие в последующих его работах.

В ленинской концепции Октября первейшее значение имеют вопросы характера и движущих сил революции, ее места в мировом революционном процессе, ее значения как исходного пункта преобразования России, созидания нового, социалистического общества. При рассмотрении ленинской концепции истории Октябрьской революции мы особенно детально остановились на проблемах периодиза-

---

[67] Там же, т. 32, с. 139—140.
[68] Там же, т. 31, с. 356.
[69] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.

ции, на характеристике основных этапов развития революции.

Весь период от Февраля к Октябрю В. И. Ленин рассматривал как период перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. Этот период изучен В. И. Лениным как цепь непрерывно развивающихся кризисов, каждый из которых являлся ступенькой к общенациональному революционному кризису осенью 1917 г. Вобрав в себя всю сумму противоречий, накопившихся на предшествующих этапах, кризис в сентябре-октябре 1917 г. подвел страну к решающей битве – к Октябрьскому вооруженному восстанию, к победе социалистической революции.

Начался новый период – триумфальное шествие Советской власти, который в экономической области характеризовался «красногвардейской атакой» на капитал, первыми социалистическими преобразованиями, в политической – быстрым распространением Советской власти по всей территории страны, сломом старого государственного аппарата, активным созиданием новых органов управления. Ускоренные темпы этого процесса определялись тем историческим обстоятельством, что во всех районах, даже самых отдаленных от центра, происходил процесс классового размежевания и сплочения сил революции. Такое размежевание явилось общей закономерностью революционного процесса, который на этом этапе принял форму гражданской войны, войны кратковременной, триумфальной для сил революции. Данный период был «перерезан» германской интервенцией в феврале 1918 г.

Выделение этих проблем дает возможность проследить ленинский анализ закономерной смены этапов, пройденных революцией, изменения в соотношении классовых сил на каждом из них, иными словами, движущие силы революции в их динамике, а также содержание, внутренне присущее каждому этапу, и задачи, которые революция решала, переходя от одного этапа к другому.

Часть вторая

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОКТЯБРЯ В 20—30-е ГОДЫ

Глава первая

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Правильность исторической концепции проверяется не только тем, насколько верно она отражает прошлое, но и тем, как она подводит к пониманию настоящего, как проецирует будущее.

Чем более революционным становится исторический процесс, тем меньше он доступен пониманию буржуазии, тем меньше у нее сознания связи прошлого и современности, тем сильнее она ощущает «распад времен». «Не умеют понять исторической перспективы те, кто придавлен рутиной капитализма, оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, „хаосом“ (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращением в гражданскую войну...» [1] — писал Ленин.

Кризис буржуазной исторической науки, начало которого относится к 90-м годам прошлого века, стал развиваться быстрыми темпами после победы Октября. Если окончательный крах буржуазной историографии относится ко второй половине двадцатых — началу 30-х годов, то в такой отрасли исторических знаний, как история трех русских революций, этот завершающий этап кризиса развернулся значительно раньше.

Неспособность буржуазной и мелкобуржуазной историографии проникнуть в закономерности развития основных этапов революционного движения в России, фальсификация движения декабристов, революционных демокра-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 191—192.

тов, изображение этих движений как чуждых всему характеру русского исторического процесса или «причесывание» этапов революционной борьбы в духе либерализма — все это проявилось очень рано и уже во второй половине XIX в. было отмечено кризисными явлениями. Процесс кризисного вырождения усилился после революции 1905 г., которую буржуазные историки стремились представить как бессмысленный бунт, пугачевщину, а мелкобуржуазные авторы «Общественного движения в России в начале XX в.» увидели в ней один из шагов на пути «европеизации» России.

Серьезным испытанием для буржуазных историков и публицистов явилась Февральская революция.

Буржуазных наблюдателей поражали та быстрота и сравнительная легкость, с которыми была свергнута трехсотлетняя династия Романовых и рассыпался в прах монархический строй. Для публицистов и историков меньшевистского и кадетского толка, которые игнорировали историю революционной борьбы в России, свержение царизма казалось непостижимым «чудом». Весьма характерной для такого понимания была статья А. Вершинина. «На наших глазах,— писал он, произошло сотворение русской свободы, почти как сотворение мира: стихийной силой, внезапно, без видимой связи с кануном бытия, почти без перехода от прошлого к настоящему». И дальше: «Февральская революция совершилась с такой быстротой, силой и непредвиденностью, которые приближают ее к сотворению мира. Она также изначальна потому, что до нее были известные мрак, рабство и смерть и накануне ее никто не думал, не ждал, не смог думать и ждать, что свет, свобода и жизнь ждут *завтра*» [2]. В этой взволнованной до косноязычия тираде, облеченной в библейские термины, совершенно явная политическая направленность. «Чудо» понадобилось буржуазной публицистике для того, чтобы снять вопрос о классовых силах, совершивших революцию, создать миф об общенациональном характере Февраля.

Уже в эти дни стала складываться до сих пор действующая традиция буржуазной историографии рассматривать Февральскую революцию как революцию, в которой народ действовал не разделенный на классы. Известный «мирнообновленец», а затем далеко не «мирный» сподвижник Деникина философ-идеалист князь Евг. Трубецкой писал в марте 1917 г.: «Бывали революции буржуаз-

ные, бывали и пролетарские. Но революции *националь-ной*, в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете» [3]. Трубецкой не скрывал смысла своей концепции. Раз революцию «делали все» — и пролетариат, и буржуазия, и объединенное дворянство — значит «никто не имеет на нее исключительного права». Из этого вытекал его тезис о необходимости тесного единения Государственной думы, войска, рабочих и Совета. Те же мотивы звучали в воззвании Центрального комитета кадетской партии: «Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей. Да воспрянет в высоком порыве единый русский народ...» [4]. Сохранить «священное единение» (разумеется, под эгидой кадетов) — таков был призыв буржуазии [5].

Эта схема была подкреплена авторитетом крупных буржуазных историков. Так, Н. И. Кареев писал: «Многие революции побеждались реакцией только потому, что вместо прочного закрепления результатов победы начиналось сведение старых счетов, возникала усобица среди самих победителей... История с 1789 г. и по сей день полна примерами крушений из-за внутренних раздоров» [6].

Кадеты с удовлетворением отмечали, что меньшевики и эсеры стоят на тех же позициях. «Что русская революция носит характер национальный, общенародный, что переворот мог произойти с такой легкостью только благодаря тому, что старый режим в момент национальной войны оказался невозможным для всех классов населения,— этот основной факт чувствуют и социалистические группы и так или иначе считаются с ним в своей тактике» [7],— писала в передовой статье «Речь», которая наиболее последовательно выражала классовую точку зрения буржуазии.

Идея «чудесного» превращения царской России в революционную на разные лады варьировалась меньшевиками. Меньшевик М. И. Скобелев назвал Февральскую революцию «волшебной сказкой». Кадетская «Речь» отмечала: «На наших глазах развертывается величайшее чу-

---

² *Вершинин А.* Чудо.— Биржевые ведомости, 1917, 5 марта.
³ *Трубецкой Евг.* Народно-русская революция.— Речь, 1917, 5 марта.
⁴ Воззвание партии народной свободы.— Там же.
⁵ Страна и революция.— Там же, 7 марта.
⁶ *Кареев Н. И.* Уроки истории.— Речь, 1917, 9 марта.
⁷ Речь, 1917, 6 апр.

до, наполняющее душу трепетной радостью и глубокой верой в светлое будущее»[8]. Д. Философов со свойственной ему религиозной мистикой также твердил о «великом чуде», которое произошло с 27 февраля по 2 марта, о «воскресении России», об исчезновении «международной борьбы», т. е. борьбы классов внутри народа. Даже о Всероссийском совещании Советов, которое проходило в конце марта под руководством меньшевиков и эсеров, тот же Философов писал как о «вселенском соборе» и «источнике величайших чудес»[9].

Этим мистическим туманом буржуазные идеологи пытались защититься от назревающих конфликтов и столкновений тех сил, которые в той или иной мере приняли участие в Февральской революции. Страх перед неотвратимыми битвами заставлял идеологов вчерашнего дня твердить о «чуде». Кадетские идеологи считали, что революция выросла из «национальной» войны, которую плохо, бесталанно, изменнически вело правительство Николая II, за что оно и было свергнуто. Революция останется национальной, если она будет продолжать эту войну. «Революция началась войной, победила во время войны и восторжествует окончательно при условии достойного, почетного окончания войны»,— писал Философов[10].

В основе этой схемы лежала концепция, выдвинутая кадетами и меньшевиками-оборонцами. На этой исторической основе и строилась тактика буржуазии — сохранение «единства» во что бы то ни стало, т. е. подчинение пролетариата буржуазии. С порога отвергая возможность социалистической революции в России, Милюков называл ленинскую идею перехода к социализму «утопической». Меньшевиков же он снисходительно награждал титулом «социалисты-реалисты», так как они считали революцию, победившую в России, буржуазной, из рамок которой она не должна выходить[11]. Однако в эту меньшевистскую схему Милюков вносил некоторые поправки. Лидер буржуазии, профессиональный историк лучше меньшевиков понимал настроения масс и невозможность овладеть ими под знаменем буржуазной революции. «Наша революция...— говорил Милюков 3 июня 1917 г. на совещании членов Государственной думы,— есть революция национальная, революция всенародная, т. е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит перед собой задачи, которые должен осуществить весь народ... Революция, построенная на одном только социалис-

тическом фундаменте, была бы слишком слаба, ибо этот фундамент в России слишком узок»[12]. Но в этой «общенациональной» революции руководящая и организующая роль, по Милюкову, принадлежала буржуазии, идейный центр которой находился в Таврическом дворце, т. е. в Комитете Государственной думы.

Милюков стремился доказать, что этот «идейный центр» примирил всю Россию с русской революцией. Характерен сам термин, применяемый Милюковым. Та Россия, о которой говорил лидер кадетов, Россия буржуазии и помещиков, в этот момент только «примирилась» с совершенной народом революцией, но примирилась формально. «Идейный центр» во главе с Милюковым с самого начала Февральской революции стал готовить контрреволюцию и реставрацию монархии. Чувствуя иллюзорность своей схемы, Милюков с некоторой грустью констатировал: «В этот момент (февраль.— *Е. Г.*) русская революция была действительно национальной. К несчастью, продолжение не соответствовало этому светлому началу»[13].

Мелкобуржуазная концепция Февральской революции наиболее полно была обоснована на Всероссийском совещании Советов в конце марта 1917 г. Исходя из своей догмы, что в буржуазной революции руководящая роль должна принадлежать буржуазии, И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе, Б. О. Богданов и другие лидеры меньшевиков решительно отклоняли тезис о двоевластии, утверждали, что Временное правительство и есть орган революционной власти, на который воздействует, давит, влияет революционная демократия в лице Совета. Меньшевик Богданов, выступивший на совещании со специальным докладом о Советах, характеризовал их не как органы власти, классовой политики и классовой борьбы, а как «органы, созданные специально с целью отстаивания и защиты дела революции, подталкивания и углубления»[14]. Таким образом, Советы могли «защищать» и «подталки-

---

8 Там же, 7 марта.

9 *Философов Д.* Воскресшая Россия.— Речь, 1917, 23 марта. *Он же.* Золотые сны.— Там же, 1 апр.

10 Речь, 1917, 22 марта.

11 Россия в плену у Циммервальда: Две речи П. Н. Милюкова. Пг., 1917, с. 36.

12 Там же, с. 37.

13 Там же, с. 38.

14 Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1929, с. 213.

вать», но ни в коем случае не становиться органами власти.

Буржуазная, а также мелкобуржуазная политическая и историческая мысль обнаружила свою беспомощность при анализе революционных кризисов 1917 г. уже в ходе их развертывания. Буржуазная историография не видела в революционных кризисах 1917 г. закономерных этапов развития революционного процесса. В апрельском кризисе они усмотрели только досадную случайность, вызванную злонамеренными агитаторами, темнотой и невежеством масс, неумением социалистических партий повести за собой Совет.

Анализ причин апрельского кризиса Милюков предпочел ограничить внешнеполитической сферой. Для него, как и для многих других буржуазных историков, характерно выделение внешней политики как особой области, ни в какой связи с внутренней политикой не состоявшей. В речи 4 мая 1917 г., подводя итоги апрельского кризиса, он заявил: «В области внешней политики положение стоит совершенно иначе, чем в области внутренней политики. Я исходил из мысли, что у нас нет царской дипломатии и дипломатии Временного правительства, а есть одна дипломатия: дипломатия союзническая, которую мы ведем вместе с союзными государствами» [15]. Собственно, и сама Февральская революция, по мнению Милюкова, произошла только потому, что царское правительство не обеспечило победоносного ведения войны. «Мы... постоянно говорили, что прежнее правительство не в состоянии организовать страну для победы. Именно это было ближайшей целью нашего участия в перевороте»,— признавался Милюков. А когда он вошел в правительство в качестве министра иностранных дел, то союзники заключили, что «революция достигла своей цели». И хотя массы не посчитались с этой кадетско-союзнической концепцией и, как с горечью говорил Милюков, не он ушел из Временного правительства, а «его ушли», тем не менее лидер кадетов после апрельского кризиса кое-что разглядел в обратной связи внутренней и внешней политики. В передвижке меньшевиков и эсеров из Совета в состав Временного правительства Милюков увидел новую, хотя и полную опасности, возможность для буржуазии достигнуть ближайших своих целей: создать сильную власть и подготовить наступление на фронте.

Дальнейшее развитие революции усиливало у буржу-

азных идеологов тревожное ощущение близкой катастрофы. У некоторых из них даже наметился подход к реальному, трезвому анализу, что отметил В. И. Ленин[16]. «Приходится признать,— писала в передовой статье «Речь»,— что та цель, для которой было создано коалиционное правительство,— создание твердой власти, пользующейся полным доверием и поддержкой „революционной демократии" (в переводе на обыкновенный язык: Совета рабочих депутатов), не достигнута»[17]. Политический провал заставил Милюкова увидеть слабость коалиции. Он отметил, что меньшевики и эсеры «проникались началами государственности и, выступая с кадетскими заявлениями на съезде Советов, только дискредитировали себя в среде собственных последователей» и в результате «принуждены были круто повернуть курс и плыть на всех парах в направлении большевизма»[18]. При таких условиях, заключал Милюков, коалиция не может сохраниться. «Если при прежнем составе правительства возможно было хотя некоторое руководство ходом русской революции, то теперь, видимо, ей суждено развиваться далее по стихийным законам всех революций... Вопрос о нецелесообразности дальнейшего существования не оправдавшей себя правительственной комбинации ставится уже не одними большевиками... и не одним только большинством Совета... Вопрос должен быть поставлен и самими министрами-капиталистами»[19].

Ленин в связи с этим отметил: «Правильное признание историка, что *не* одни большевики, а все взаимоотношение классов, вся жизнь общества поставила на очередь вопрос о „нецелесообразности дальнейшего существования не оправдавшей себя правительственной комбинации"»,[20] т. е. коалиции. Либо наступление на фронте, поворот к контрреволюции, ее торжество, либо то, что Милюков называл

---

[15] Россия в плену у Циммервальда, с. 3—4.
[16] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 382.
[17] Передовая «Речи» 18 июня 1917 г. не подписана, но, по всей вероятности, автором ее был Милюков. Ленин подчеркнул, что в этой статье «выступил как раз *историк* рядом с озлобленным контрреволюционным буржуа» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 373).
[18] Речь, 1917, 18 июня. Именно эту цель определил Милюков теми же словами в своей речи 4 мая при создании коалиции. Это лишний раз подтверждает догадку Ленина, что автором передовой был историк.
[19] Речь, 1917, 18 июня.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 373—374.

«якобинством», определяя его как упадок революции: «скатиться вниз до якобинства и террора». «Историки буржуазии видят в якобинстве падение...— писал Ленин.— Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение...» И дальше: «„Якобинство“ в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся» [21]. Здесь мы видим столкновение двух концепций, двух диаметрально-противоположных пониманий революционного процесса и его результатов.

Борьба различных идейно-политических течений по вопросу о характере революционных кризисов в ходе их совершения была весьма острой и рельефно обнаружила существенные стороны исторического мышления буржуазии и пролетариата. Особенно ярко это проявилось в оценке июльских событий, означавших крутой перелом в развитии революции 1917 г.

Милюков изложил свою концепцию июльского кризиса на IX съезде кадетской партии 25 июля. Это выступление лидера кадетов и главы буржуазной исторической науки в России интересно еще и тем, что оно было произнесено в момент торжества (недолгого!) кадетов, когда им казалось, что большевизм разбит. Тем не менее Милюкова не оставляет тревога: «Теперь нам уже не только грозит катастрофа, мы находимся в ее водовороте»,— заявил он [22]. В июльских событиях Милюков увидел только действие «большевистской толпы», в руках которой на несколько часов оказался Петроград. Однако буржуазный историк и политик оказался более сильным в критике позиции своих мелкобуржуазных союзников — меньшевиков и эсеров. Он упрекал их в бесконечных колебаниях, указывал на то, что министры-социалисты выступили на I Всероссийском съезде Советов с вполне кадетскими речами, затем они почувствовали, «что зашли слишком далеко в приближении к нам, что почва у них уходит из-под ног». Пытаясь спасти свое положение, эсеры и меньшевики снова колебнулись влево. В результате «Хаос в армии, хаос во внешней политике, хаос в промышленно-

сти, хаос в национальном вопросе, хаос на путях сообщения». Провал наступления на фронте, по мнению Милюкова,— результат демократизации армии и «революционной дисциплины». И все же итоги июльских событий Милюков оценивал оптимистически. «Несомненно,— говорил он,— что мы находимся в динамическом процессе, который основывается на изменениях в соотношении сил, происшедших в особенности на протяжении июля, в связи с событиями на войне, с одной стороны, и явно обнаружившимся бессилием большевиков и даже самого Совета здесь в столице — с другой»[23]. Милюков в отличие от своих коллег из эсеро-меньшевистского лагеря вполне явно обнаружил упадок и бессилие Советов после июля. Советы, по его мнению, в июльские дни перешли от сознания своего всемогущества к полному упадку, когда стали настаивать на применении силы против большевиков. «Апогей власти Советов остался уже позади... высшая точка уже пройдена, вновь высшей власти Советам уже не достигнуть»[24]. Итак, Милюков, который с точки зрения своего класса довольно точно оценивает сложившуюся в результате июльских событий ситуацию, оказывается слеп и глух, когда характеризует большевиков и будущее Советов.

Лидер меньшевиков Церетели изложил позицию своей партии по вопросу об июльских событиях предельно ясно: «Основной смысл событий 3—5 июля: мятеж в тылу революции, удар в спину, нанесенный революционной демократии»[25]. Этот миф правительство Керенского приняло как официальную версию, обвинив большевиков в попытке захватить власть путем вооруженного восстания. Для подтверждения этого обвинения была создана Особая следственная комиссия, но ей так и не удалось собрать какие-либо факты и документы для доказательства этой лживой версии. Тем не менее она перекочевала в кадетскую и эсеро-меньшевистскую историографию и прочно держится в современной американской и западноевропейской исторической литературе. Причина такой устойчивости заключается в том, что подобная оценка июльских событий для буржуазных историков является важным

---

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 374.
[22] Речь, 1917, 26 июля.
[23] Речь, 1917, 26 июля.
[24] Там же.
[25] Известия ВЦИК и Петроградского Совета, 1917, 6 авг.

звеном их общей концепции Октябрьской революции, которая построена на отрицании ее народного характера, на отрицании стихийности взрывов народного возмущения в апреле и июле, почвенности и глубины революционного кризиса в сентябре-октябре 1917 г. Оценка июльских событий как заговора понадобилась буржуазным фальсификаторам, чтобы подтвердить свою клевету о большевиках как бланкистах и перенести эту оценку на все последующие события 1917 г. Буржуазная историография оказывается совершенно бессильной, когда речь идет о выяснении социальных основ июльского кризиса, о классовых силах, обнаруживших себя в ходе кризиса.

Представители мелкобуржуазной идеологии стремились «примирить» классово противоположные точки зрения, выступали против социального «эгоизма» буржуазии и пролетариата, упорно игнорировали переломный характер июльских событий. По существу же они плелись в хвосте буржуазии и перепевали Милюкова. Один из теоретиков меньшевизма, Потресов, выступая на объединенном съезде меньшевиков в августе 1917 г., доказывал, что так как Россия страдает от недостаточности капитализма, то нужно отбросить всякие утверждения, что буржуазия перешла в лагерь контрреволюции. Главной задачей революции в России он считал развитие производительных сил буржуазного общества. Что касается русского пролетариата, то, по мнению Потресова, он не показал своего «государственного лица» [26].

Буржуазная историография в период революции 1917 г. проявила острый интерес к истории революций XVIII—XIX вв. в Западной Европе. Она часто обращалась к опыту революций 1848 и 1871 гг., которые якобы показали гибельность борьбы классов.

Известный историк Н. И. Кареев выпустил в 1917 г. ряд брошюр на эту тему. В одной из них он пытался ответить на вопрос о причинах поражения революции 1848 г.: «Все шло вразброд. Племена, области, сословия, классы нередко противодействовали одни другим или даже оказывали содействие общим врагам» [27]. В другой работе, посвященной истории Парижской Коммуны, Кареев поставил своей задачей рассеять «легенды» вокруг Коммуны. Автор ополчился против двух тезисов марксистской историографии: во-первых, что Коммуна была прообразом диктатуры пролетариата; во-вторых, что она явилась детищем I Интернационала. «Если рассматривать

Коммуну как опыт диктатуры пролетариата, он оказался неудачным... Сами сторонники указанной диктатуры соглашаются, что предприятие было преждевременным, но, в сущности, тут и предприятия-то по-настоящему не было» [28]. Таким образом, серьезный историк пришел к выводу, что ничего по существу и не было в Париже в 1871 г., кроме хаотичных, противоречивых и просто нелепых действий руководителей Коммуны и самих коммунаров.

Интересна эволюция Н. И. Кареева по вопросу о Французской революции конца XVIII в. Еще в 1916 г. он опубликовал статью о романе А. Франса «Боги жаждут» [29]. Тогда Кареев взял под защиту Франса от нападок реакционной прессы. Французские реакционеры после публикации первых глав романа полагали, что Франс даст художественное воплощение концепции Тэна и осудит якобинский террор и республику. «Есть основание думать,— писал в 1916 г. Кареев,— что временные поклонники романа поторопились сделать общее свое о нем заключение... Когда успели познакомиться с произведением в его целом, то тотчас же прикусили язык» [30].

Прошло только два года, и Н. И. Кареев изменил свое мнение о якобинском терроре, полностью присоединившись к концепции Тэна. «Революционный трибунал возник во Франции в ту эпоху, когда революция откровенно отказалась на практике от проведения в жизнь принципа индивидуальной и общественной свободы во имя государственной необходимости и прибегла к политическим средствам свергнутого ею старого порядка» [31]. Эта идея Тэна о якобинской диктатуре как возвращении к старому режиму проходит через всю статью Кареева. Посылка комиссаров Конвента в провинцию была, по его мнению, возвращением к интендантам старого порядка или даже к римским проконсулам, а учреждение революционного

---

[26] Известия ВЦИК и Петроградского Совета, 1917, 22 авг.

[27] *Кареев Н. И.* Отчего кончилась неудачей европейская революция 1848 г.? Пг., 1917, с. 31.

[28] *Кареев Н. И.* Чем была Парижская Коммуна 1871 г.? Пг., 1917, с. 16.

[29] *Кареев Н. И.* Психология якобинца в изображении романиста-эпикурейца.— Вестник Европы, Пг., 1916, № 6/7.

[30] Там же, с. 93.

[31] *Кареев Н. И.* Французский революционный трибунал 1793—1795 годов.— Вестник культуры и политики. Пг., 1918, № 3, стб. 4—5.

трибунала — возвращением к чрезвычайным судам старого порядка. Вся статья Кареева должна была доказать бессмысленность, нелепость, жестокость революционного трибунала. Причину этого Кареев видел в якобинской доктрине, «которая в основе своей была тем же неуважением к достоинству и правам человеческой личности, которое характеризует старый абсолютизм»[32]. Таким образом, круг замкнулся, и Н. И. Кареев перешел на позиции критикуемых им в 1916 г. реакционеров, которые смешивали в одно абсолютизм и революционную диктатуру, насилие реакционной монархии и якобинский террор.

Другой буржуазный историк А. Мейендорф более откровенно связал оценку революций XVIII в. во Франции и 1917—1918 гг. в России. «Приходится признать,— писал он о якобинском терроре,— что ни число жертв, ни порядок суда не могут быть отнесены к необходимым, неизбежным элементам исторического процесса; для всего этого требовался сверхкомплект трусости, жестокости, кровожадности, угодливости и прочих качеств в отдельных деятелях, т. е. причины случайные и индивидуальные. Аналогия с нашими событиями напрашивается сама собою»,[33] — заключал Мейендорф.

Таким образом, тенденциозно истолкованная история якобинской диктатуры в руках буржуазной историографии становилась орудием борьбы с социалистической революцией. В этом сказалась существенная черта глубокого кризиса буржуазной историографии: она вынуждена была отказаться от революции, которая составляла гордость ее класса, ее истории[34].

Ленину не пришлось отказываться от своих оценок Великой французской революции. Он снова, как и в дореволюционных работах, подчеркивал, что эта революция «называется великой именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы...»[35].

Решимость и последовательность Французской революции, ее способность «задавить до конца» силы феодальной реакции, неустранимость ее результатов постоянно отмечались Лениным. «...Весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...»[36].

Полный развал буржуазной исторической науки обнаружился, как только ее представители соприкоснулись с новой проблематикой, рожденной Октябрьской революцией. Показательными являются попытки буржуазных историков исследовать причины краха Учредительного собрания или раскрыть характер внешней политики Советского государства[37]. И в том и в другом случае обнаружилось полное непонимание сущности исторических событий, жалкая беспомощность в их анализе. Ничего, кроме оплакивания буржуазной демократии, всяческого затушевывания ее классового характера и «осуждения» всей внутренней и внешней политики диктатуры пролетариата, мы не найдем ни у либерала Арсеньева, ни у «народника» Чекина.

Однако подобный ход рассуждений об Октябрьской революции отнюдь не был свойствен только русской буржуазной историографии. В этом же направлении развивал свою аргументацию и Каутский, что блестяще показал В. И. Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Как писал В. И. Ленин, Каутский «докатился... до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о „чистой демократии", прикрашивая и затушевывая классовое содержание *буржуазной демократии,* чураясь всего более *революционного насилия* со стороны уг-

---

32 Там же, стб. 6.

33 *Мейендорф А.* Гора и Жиронда.— Вестник культуры и политики, Пг., 1918, № 5, стб. 12.

34 Современный исследователь буржуазной историографии Великой французской революции конца XVIII в. А. В. Адо отметил характерные ее черты: отрицание буржуазного, антифеодального содержания революции, утверждение, что революция способствовала экономическому отставанию Франции в XIX в., якобинский период революции — это период «буксования». «Общеметодологическое значение развернувшейся ныне борьбы вокруг проблем Великой французской революции подчеркивается и тем,— пишет А. В. Адо,— что объектом поразительно схожих интерпретаций становятся и другие буржуазные революции XVII—XIX вв.».. (*Адо А. В.* Современные споры о Великой французской революции: (Историографический обзор).— В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977, с. 179).

35 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 52.

36 Там же, с. 367.

37 *Арсеньев К.* Учредительное собрание.— Вестник Европы, 1918, № 1/4; *Нольде Б.* Брестские переговоры и Брестский мир.— Вестник Европы, 1918, № 1/4; *Чекин А.* Брестский мир.— Русское богатство, 1918, № 1/3.

нетенного класса»[38]. Попытки буржуазных историков заняться историей Октябрьской революции в 20-х годах не дали ничего нового. Русская буржуазная историческая наука, от Милюкова до Суханова, силясь создать историю Октября, продемонстрировала свою полную деградацию.

Ленин восстановил преемственность исторического процесса, разорванную историками буржуазии. Его идеи лежали в основе работ историков-большевиков, посвященных французской революции XVIII в.[39]

Представители буржуазной и мелкобуржуазной историографии уже в 1917—1918 гг. предприняли ряд попыток осмыслить великие исторические события, которые они воспринимали как катастрофу. Из большого круга материалов, принадлежащих перу различных представителей этой историографии, мы остановимся на концепциях П. Струве, А. Преснякова, Н. Рожкова, В. Чернова и некоторых близких к этим направлениям историков и публицистов.

П. Б. Струве — бывший «легальный марксист» и будущий министр врангелевского правительства — представлял в это время правое, монархическое крыло русской буржуазии. Взгляды этого направления были выражены в книге Струве «Размышления о русской революции», в основу которой легли лекции, прочитанные автором в 1919 г. в захваченном деникинцами Ростове. Вряд ли потребуются более убедительные доказательства полного ослепления классовой ненавистью, чем эти «размышления» Струве. Революция в России, по мнению автора, это революция «подстроенная и задуманная Германией»[40]. Струве даже считает возможным упрекнуть Германию в том, что если бы она вместо того, чтобы «подстраивать» революцию вступила в контакт и добилась бы компромисса с «государственными силами России»,[41] то ее бы ждало не поражение, а победа в войне на Западе.

П. Струве решительно отвергал всякие сопоставления русской революции с западноевропейскими. Понять революцию в России, по его мнению, можно было, только сопоставив ее со «Смутным временем» в России. Отметим сразу же, что этот метод сопоставления революции 1917 г. со «Смутой» остался излюбленным методом и в позднейшей буржуазной историографии. «...То же духовное шатание не только народных масс, но и высших классов, то же использование чужеземцами внутренней борьбы...— писал Струве.— Отсутствие нравственной твердости и

подлинного патриотизма в высших классах, слабость национального сознания в классах средних, анархические настроения народных масс»[42]. Создав такую схему «Смуты» и отождествив с ней революцию 1917 г., Струве и дальше пошел по пути плоских аналогий. Так он сравнивал добровольческую белогвардейскую армию с нижегородским ополчением, а кадетскую интеллигенцию с духовенством начала XVII в., принявшим участие в борьбе со «смутой». Крушение монархии для Струве — это крушение всякой государственности в России. Он понимал, что такая переоценка требует пересмотра всей либеральной концепции истории общественного движения в России. Он не прочь был бросить ком грязи в Герцена, который-де идеализировал русское революционное движение, тогда как несчастье России в том, что это движение не было задушено в зародыше.

Причину революции Струве видел в том, что общество (т. е. буржуазия) «не было в надлежащей постепенности привлечено и привлекаемо к активному и ответственному участию в *«государственной* жизни и государственной *власти»*[43]. Он считал, что с того момента, как в 1730 г. курляндская герцогиня Анна Иоановна восторжествовала над князем Д. М. Голицыным, русская история пошла ложным путем. «Это отсрочило политическую реформу в России на 175 лет и обусловило собой ненормальное, извращенное отношение русского образованного класса к государству и государственности»,— глубокомысленно замечал Струве. Но и после введения реформы, установления «народного представительства», 175 лет спустя, т. е. в 1905 г., русская интеллигенция, по Струве, не поняла, что «опасность свободе шла не от „исторической власти“, а от революционного движения»[44].

Вывод Струве сделал в полном соответствии со своей концепцией. Революция должна быть раздавлена силой извне, т. е. интервенцией. Если же это не удастся, то

---

[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 250.
[39] *Скворцов-Степанов И. И.* Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией. Пг., 1918; *Лукин Н.* Максимилиан Робеспьер. М., 1919.
[40] *Струве П.* Размышления о русской революции. София, 1921, с. 4.
[41] Там же, с. 6.
[42] *Струве П.* Указ. соч., с. 21.
[43] Там же, с. 26—27.
[44] Там же, с. 29.

нужно ориентироваться на силы, созданные самой революцией, т. е. на крестьян, превратившихся в собственников и жаждущих утверждения института частной собственности. Так буржуазная наука пыталась исторически обосновать необходимость реставрации путем интервенции.

Меньшевистская концепция сущности Октябрьской революции была неразрывно связана с определением вооруженного восстания как заговора, солдатского бунта. Большевики по этой схеме опирались только на часть рабочего класса и незначительные слои крестьянства, и в силу этого революция и последовавшая за ней гражданская война явилась войной внутри рабочего класса, внутри крестьянства.

Ленин показал несостоятельность эсеро-меньшевистской концепции. Он обратился к фактам, свидетельствующим о единстве рабочего класса и сплоченности его вокруг партии большевиков. «Рабочий класс России в своем гигантском, подавляющем большинстве,— это вам показывают все выборы в Советы, в фабрично-заводские комитеты, конференции,— они на 99 процентов из 100 стоят на стороне Советской власти, зная, что эта власть ведет войну против буржуазии, против кулаков, а не против крестьян и рабочих»[45]. Он особо выделил для подтверждения этого тезиса данные о результатах выборов в Петроградский Совет в июне 1918 г. «Посмотрите на питерские выборы — и вы увидите, как, несмотря на то, что там свирепствует голод еще больший, чем в Москве, что там бедствия обрушились с еще большей тяжестью, там растет преданность рабочей революции, там растет организованность и сплоченность...»[46]

В отличие от буржуазных историков Н. А. Рожков не отказывался от анализа классовых сил и их соотношения. Но этот анализ поставлен был Рожковым на службу меньшевистской концепции. Бывший большевик, все еще считавший себя марксистом, ликвидатор в годы реакции и активный меньшевик в период революции 1917 г., Рожков был одним из немногих профессиональных историков, который обратился к истории Октябрьской революции вскоре после ее победы. В 1918 г. А. Л. Попов составил сборник документов по истории Октябрьской революции[47]. Ему была предпослана статья Н. А. Рожкова под названием «Ход революции». «Составитель книги и ее редактор,— говорилось в предисловии,— не имеют намере-

ния скрывать свои взгляды на совершившиеся и совершающиеся события»[48]. Н. А. Рожков пытался вывести общий закон развития революций XVIII—XX вв. По его мнению, успех или поражение революций 1789, 1848, 1871 и 1905 гг. зависел от соотношения сил правых, центра и левых в революции. Во всех этих революциях положение определялось главным образом соотношением левого крыла революционного движения и центра. Как только левое крыло отделялось от центра — революция погибала. Таким образом, схема Рожкова отличалась от милюковской только тем, что на место правого, буржуазного крыла был поставлен мелкобуржуазный «демократический» центр, которому в интересах революции должны были подчиниться левые силы.

Но так как этого не произошло, то Н. А. Рожкову оставалось только объяснить причины столь неразумного хода истории. «Наш пролетариат,— писал Рожков,— в массе своей отличался всегда максималистическими тенденциями и склонностью к анархизму»[49]. Рожков проходил мимо того несомненного факта, что анархизм в русском рабочем движении никогда не имел сколько-нибудь прочных позиций. Чтобы доказать приверженность пролетариата России к анархизму, Рожков объявил анархистами большевиков. Из этого следует ряд других тезисов, связанных с приписываемым российскому пролетариату анархизмом. Так, например, Рожков не может оспаривать очевидное положение о важной роли моряков в революции и факт более пролетарского состава флота по сравнению с армией. Но и здесь он шел по тому же пути: «Матросы представляют собой деклассированную часть пролетариата, и это усиливает наклонность к максимализму и анархизму, свойственные российскому пролетариату в целом»[50].

---

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 462.

[46] Там же, с. 467—468. Выборы проходили 16—25 июня 1918 г. в обстановке разнузданной контрреволюционной агитации и террора. 20 июня правоэсеровским террористом был убит Володарский. Из 677 депутатов 477 были большевики и им сочувствовавшие, 84 — левые эсеры и им сочувствовавшие, 35 — меньшевики и им сочувствовавшие, 35 — беспартийные. См.: Северная Коммуна, 1918, 5—6 июля.

[47] Октябрьский переворот: Факты и документы, Пг., 1918, с. 3.

[48] Там же.

[49] *Рожков Н.* Ход революции.— В кн.: Октябрьский переворот, с. 17.

[50] Там же, с. 18.

С такой же точки зрения Рожков рассматривал классовую борьбу в деревне. Он усматривал суть ее в антагонизме зажиточного и среднего крестьянства. Зажиточный крестьянин, по его мнению, держался за Советскую власть, так как она санкционировала проведенные им земельные захваты. Что касается бедноты, то он презрительно именовал ее «голотой», босяцким пролетариатом, охваченным такими же максималистскими, потребительскими стремлениями, что и весь рабочий класс [51]. Старая меньшевистская идея о реакционности крестьянства несколько трансформировалась. Выделив в крестьянстве три группы, Рожков с надеждой взирал на среднюю и зажиточную группы.

В творчестве революционного народа, в стремлении масс самостоятельно решать вопросы своей жизни Рожков увидел только синдикализм, «колокольный» патриотизм, т. е. местничество.

Схема истории Октябрьской революции у Рожкова до удивления совпадала со схемой Каутского. Меньшевистский историк не увидел в Советах нового государственного аппарата. В угоду своей концепции о чисто разрушительной силе Октябрьской революции Рожков соответственно конструировал и трактовал факты. Какого бы мероприятия Советской власти ни коснулся Рожков, все они оказывались анархо-синдикалистскими, а то и просто бессмысленными. Национализация банков — это разрушение финансовой системы и поощрение спекуляции, демократизация армии — поощрение солдатской стихии и полное отрицание возможности создания вооруженных сил.

Это писалось в 1918 г., когда Красная Армия уже показала свою силу в сражениях с контрреволюцией на Волге и Урале, на Дону и Украине.

Как историк, Рожков не мог не признать, что объективные условия требовали объединения всех советских республик. Он даже пришел к выводу, что на долю большевиков выпала та же историческая задача, какая была решена в свое время во Франции якобинцами. Но меньшевик Рожков не мог не добавить, что достижение этого единства было якобы возможно «менее болезненными средствами, чем гражданская война» [52].

Общий вывод Рожкова звучал примерно так, как и выводы Плеханова после декабря 1905 г.— не надо было браться за оружие в отсталой стране, в которой низкий

уровень культуры и сознания масс являются источником анархизма.

В этом же направлении развивали свою аргументацию эсеровские историки и публицисты в вышедших в 1918 г. двух сборниках: «Год русской революции» и «Большевики у власти». В этих сборниках выступил весь «цвет» эсеровской партии — В. Чернов, Н. Кондратьев, М. Вишняк, О. Минор, Д. Розенблюм, А. Минин и др. В обоих сборниках господствует одна и та же идея: Октябрьская революция — это стихийный бунт солдат против затянувшейся войны, бунт, который несет с собой политический, экономический, культурный распад страны.

В статье В. Чернова «Советы в нашей революции» лидер эсеров готов признать, что Советы «суть рабочие парламенты»[53]. Однако превращение Советов в органы новой государственности, в органы диктатуры вызывает его решительные возражения. А. Минин, Д. Розенблюм и другие эсеровские «теоретики» увидели в Октябрьской революции «дух разрушения», который привел большевиков к власти, а это, по мнению эсеров, еще больше усилило стихию разрушения. Ф. Ртищев в другом эсеровском сборнике пытался доказать, что партия большевиков опиралась на стихию демобилизующейся армии[54].

Таким образом мы видим, что круг идей буржуазной и мелкобуржуазной историографии был крайне беден и свидетельствовал о полной несостоятельности историков, пытавшихся «опровергнуть» закономерность Октябрьской революции.

В то же время из буржуазной историографии стала выделяться другая группа историков, которая пыталась честно разобраться в происходивших исторических событиях и понять их закономерную связь с прошлым России и всемирной истории. Наиболее характерным ее представителем был А. Е. Пресняков. К 1917 г. это был уже вполне сформировавшийся ученый, результаты трудов которого стали появляться в печати уже после победы Октября. Но для характеристики взглядов А. Е. Преснякова первого послереволюционного этапа важны не столько его монографические исследования, которые им написаны до 1917 г., сколько статьи, появившиеся в печати в 1918 г.

---

[51] Там же, с. 27.
[52] Там же, с. 43.
[53] Год русской революции (1917—1918). М., 1918, с. 65.
[54] Большевики у власти. Пг.; М., 1918, с. 73.

Особый интерес представляют его «Заметки историка»[55]. Повторив в этих «Заметках» ряд положений вышедшей к этому времени монографии[56] о характере государственной власти в России, автор по важнейшему вопросу о закономерности революции в России занял позицию, отличающую его от буржуазного лагеря. Он напомнил, что в общественном мнении долгое время была принята концепция противоположных путей развития России и Европы «как разных типов культурно-исторической жизни»[57]. Была и другая точка зрения, что перед нами-де «не два типа, а две разные ступени эволюции»[58]. Одна точка зрения приводила к утверждению «самобытности» и иных путей социально-политического развития; другая требует «запоздалого прохождения тех фаз эволюции, какую в прошлом проделала Европа».

А. Е. Пресняков отвергал обе эти концепции, в которых, по его мнению, не было «истины», так как они игнорировали глубокое значение мировых связей и взаимодействий. «С социологической точки зрения,— писал он,— Россия переживала на всем протяжении своей истории соответственные „среды" развития почти одновременно с Западной Европой, но переживала их иначе, в иных условиях и, главное, с иной степенью полноты и интенсивности»[59]. И далее: «Киевская Русь (IX—XII вв.) — ценный материал для изучения типа варварских государств раннего средневековья, Великороссия и Литовская Русь XIV—XV столетий — для процессов феодализации и перехода (в XVI—XVII вв.) к типу так называемых сословных монархий. Московское царство XVII в. дает сравнительному изучению вариант теоретически необоснованного абсолютизма... вплоть до полицейского государства „просвещенного" абсолютизма XVIII в.»[60] История России прошла, по Преснякову, те же стадии развития, что и Западная Европа, но не в столь ярко выраженной форме, с рядом своеобразных особенностей и противоречий. Главнейшими противоречивыми особенностями Пресняков считал эксцентричность государственной жизни России, отчужденность государства от «бытовых» соков и жизненных настроений народных масс, отчужденность народных масс от высоких культурных ценностей, скованность народной жизни формами самодержавного властвования и т. д.

Однако «скованность» самого Преснякова рамками буржуазной методологии не позволила ему увидеть в

революционной борьбе масс путь выхода из этих противоречий. Он пришел к выводу, весьма характерному для всей буржуазной и мелкобуржуазной историографии, что борьба революционных сил России за власть «вырождалась в борьбу против власти, против государственного начала... в стремление к анархическому распаду» [61]. И все же уже в это время А. Е. Пресняков делает первые шаги к отходу от традиционных схем буржуазной историографии. «Переживаемый нами великий кризис,— писал он,— поставил на очередь все основные проблемы вековой исторической жизни, протекавшей на пространствах восточноевропейской равнины. В такой исторической перспективе его роковые отношения понятны и закономерны. Резко поставлена ими и проблема дальнейшего взаимоотношения России и Европы. Разумение их относительной противоположности в ее коренных причинах — необходимый элемент правильной концепции нашего прошлого и настоящего» [62].

Распад буржуазной исторической науки проявился не только в ее неспособности понять сущность и характер Октябрьской революции, но и в крахе всей ее методологии.

Неверно предполагать, что буржуазные историки в это время отказываются от работ обобщающего характера. Вопрос в том, какого рода обобщения они делают. В довольно обширной «социологической» литературе, вышедшей из-под пера буржуазных историков, мы наблюдаем полный отказ от признания исторических закономерностей, сочетаемый с бесплодным социологизированием антимарксистского характера. Таковы теоретические труды Вен. Хвостова, Р. Ю. Виппера [63] и др., которые, стремясь опровергнуть исторический материализм, представили только лишнее свидетельство полного краха буржуазной историографии. Так, Р. Ю. Виппер с грустью отмечал,

---

55 *Пресняков А.* Россия и Европа: (Заметки историка).— Вестник культуры и политики, Пг., 1918, № 4.
56 *Пресняков А.* Московское царство. Пг., 1918.
57 *Пресняков А.* Россия и Европа, с. 16.
58 Там же.
59 Там же.
60 *Пресняков А.* Россия и Европа, с. 17.
61 Там же, с. 19.
62 Там же.
63 *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса. М., 1919; *Он же.* Основы социологии. М., 1920; *Виппер Р. Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921.

что историки «притягивали (!) историю для выяснения того, как выросло русское государство и чем оно держится...». Он вынужден был признать, что Октябрьская революция — факт, «весьма плохо предусмотренный» буржуазной исторической наукой,— опрокинула все построения представителей этой науки. Революция, которую Виппер называл «падением России»,— это, по его мнению, такой «факт», который «властно требует объяснения». «Надо найти,— писал Виппер,— его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования исторической науки»[64]. Но все «изменения», предлагавшиеся Р. Ю. Виппером, сводились к стремлению стать «над» материализмом и идеализмом, что так резко осудил В. И. Ленин[65].

В сборнике статей «Гибель европейской культуры» Виппер стремился выдать крах буржуазного общества за гибель всего общества, государства, всей культуры, цивилизации. Чрезвычайно характерно для буржуазной исторической науки стремление принизить роль революционных деятелей, свести их до уровня «статистов, спешно избранных историческим роком для страшного финала»[66].

Власть, созданную социалистической революцией, Виппер характеризовал как «внезапно взнесенную на вершину силой солдатской анархии»[67], предрекал этой власти кратковременный успех. Один из начинающих тогда советских историков Ф. Кипарисов, противопоставил в 1921 г. этой характеристике прогноз Ленина, сделанный им в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», его предвидение прочной победы рабочего класса. «Прошло четыре года,— писал Кипарисов,— и мы можем сейчас уже на основании пережитого исторического опыта проверить, какой из этих двух анализов оказался более правильным и точным и вместе с тем проверить правильность того метода, применение которого к конкретной исторической ситуации давало возможность не только определить более или менее точно основные тенденции хода исторических событий, но и класть выводы анализа в основу практической политики сегодняшнего дня»[68]. Кипарисов отметил, что серьезные историки, всю свою жизнь посвятившие изучению исторических процессов, оказались не в состоянии понять законы истории.

В 1923 г. Виппер опубликовал новую работу «Круговорот истории», в которой еще ярче проявились глубина и разрушительный характер кризиса буржуазной историо-

графии. Книга подверглась критическому анализу в статье Ц. Фридлянда [69]. Автор статьи отметил, что по сравнению со своей книгой «Кризис исторической науки» Виппер сделал еще один шаг назад. «Виппер-историк,— писал Фридлянд,— искал закономерности в историческом процессе, но Виппер, автор „Круговорота истории“ — фаталист. Он знает стихию и случаи в общественном развитии» [70]. Виппер заимствовал некоторые положения своей концепции русской революции у меньшевиков. В объяснении причин Октябрьской революции он сравнивал рабочий класс России с рабочим классом Западной Европы. Там, на Западе, рабочий класс вырос из ремесленников, из интеллектуальных профессий. В России же рабочие вышли из земледельческой «серой массы», не сознающей государственной связности и цельности.

Как справедливо подчеркнул Фридлянд, Виппер в «Круговороте истории» отказался от теории исторического прогресса и заменил ее «теорией исторического круговорота», т. е. попытался вернуть историческую мысль к теории Дж. Вико, к первой четверти XVIII в. [71]

Одним из коренных вопросов, который был поставлен самой действительностью перед исторической наукой, был вопрос о роли народных масс, массовых революционных движений в истории общества. До победы Октябрьской социалистической революции буржуазная историческая наука принижала или попросту игнорировала эти движения, стараясь при этом доказать, что они всегда заканчивались поражением. Коренные изменения в жизни общества, которые являлись результатом революционной борьбы народа, или замалчивались или оценивались как последствия благодетельных реформ «сверху». После Октябрьской социалистической революции такая фальсификация лишилась всякой видимости правдоподобия, так как связь между революционной борьбой в прошлом и победой народных сил в Октябре была слишком очевидной.

---

[64] *Виппер Р. Ю.* Указ. соч., с. 3.
[65] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.
[66] *Виппер Р. Ю.* Гибель европейской культуры. М., 1918, с. 4.
[67] Там же, с. 80.
[68] *Кипарисов Ф.* Четыре года русской истории.— Работник просвещения и искусства, 1921, № 1, с. 3.
[69] *Фридлянд Ц.* Круговорот профессора истории.— Печать и революция, 1923, № 6.
[70] Там же, с. 10.
[71] Там же, с. 12.

Таким образом, самый характер революции, историческая и логическая связь ее с народными движениями прошлого взрывали изнутри буржуазную историческую науку, ставили ее перед задачами, которые она не в состоянии была разрешить. Вот почему буржуазная историография становилась на позиции отрицания фактов революционного движения масс или фальсификации этих фактов, что в одинаковой степени свидетельствовало о ее разложении.

Всякая историческая наука проверяется как наука в познании революционной действительности, революционных переворотов современности. Историческая наука, которая отворачивается от современности, которая не хочет или не умеет дать объективный научный анализ истории современности обнаруживает себя как псевдонаука. Именно такой оказалась буржуазная историография в лице видных своих представителей — П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера и др.

Рождающейся советской исторической науке не понадобился «пафос дистанции»; она сразу же взялась за разработку истории Октябрьской революции. И в решении основных вопросов этой важнейшей проблемы советская наука проявила беззаветную преданность народу и революции, она повела бескомпромиссную и последовательную борьбу с врагами пролетариата.

Остановимся детальнее на характеристике первого поколения советских историков Октябрьской революции. Именно это поколение определяло лицо советской историографии Октября в 20—30-е годы, оказывало огромное влияние на идущие за ними новые поколения историков.

В своем большинстве представители первого поколения историков Октября — это люди, вступившие в жизнь в конце XIX в. и начавшие свою революционную деятельность накануне и в период революции 1905 г. Многие из них — участники вооруженных восстаний в декабре 1905 г. и в октябре 1917 г. Они принадлежали к деятелям высокой культуры и широкой образованности. Многие из них получили образование в России и за границей на историко-филологических, юридических и естественных факультетах. Школа революционной деятельности, а затем эмиграции приобщила их к народной жизни в России и за ее рубежами, к ее запросам и требованиям, к вершинам русской и западноевропейской культу-

ры, к последнему слову современного научного социализма.

Они прошли школу партийной публицистики, сотрудничали в таких ленинских изданиях, как «Искра», «Звезда», «Правда», «Просвещение» и др. После победы Октября они выступили организаторами общественно-политической и научной периодики, возглавили новые научные центры, в сферу деятельности которых входило и изучение Октябрьской революции. К таким организаторам новых научных центров относится блестящая плеяда старых большевиков: М. Н. Покровский, М. С. Ольминский, П. Н. Лепешинский, И. И. Скворцов-Степанов, В. А. Быстрянский, Е. М. Ярославский, В. А. Адоратский, П. Ф. Куделли, В. И. Невский, Н. Н. Авдеев, К. С. Еремеев и др.

Характерная черта деятельности этого поколения, вышедшего из партийных кадров дореволюционной эпохи,— универсальность преобразовательной партийной и государственной работы, высокая теоретическая подготовка, широкий диапазон проблематики, которую они разрабатывали в своих произведениях.

Философия и экономика, история и право, литература и искусство, научная организация труда и военное дело — все эти отрасли знания находились в сфере их интересов. Велик вклад этой когорты революционеров в различные отрасли науки.

И все же в деятельности каждого из представителей этого поколения можно обнаружить некую центральную проблему, которая соединяла, связывала, организовывала все остальные стороны их теоретической и практической деятельности. В. В. Адоратский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, В. Д. Бонч-Бруевич, М. Н. Покровский внесли огромный вклад в Лениниану. Исследования Н. И. Подвойского, Н. В. Крыленко по истории Красной гвардии и армии в 1917 г., Е. М. Ярославского, Я. А. Яковлева по истории партии, А. В. Луначарского и Н. К. Крупской по истории культуры, П. И. Стучки и Д. И. Курского по истории Советского государства и Конституции, Н. Н. Авдеева по проблемам источниковедения во многом определили структуру проблематики советской историографии Октябрьской революции.

Почти все историки старшего поколения выступали и как мемуаристы. Их воспоминания — ценнейший источник по истории Октябрьской революции. Это можно от-

нести и к произведениям, написанным ими в ходе революционных событий. Они являются не только историографическим, но и историческим источником, содержат уникальную информацию о событиях 1917 г.

В идеологической борьбе приняли активное участие многие из тех, кого можно назвать творцами Октября. К комплексу работ подобного типа, вышедших в 1918 г., можно отнести интересную брошюру Б. Бреслава [72]. Это одна из наиболее ранних работ по истории Октября, написанная ее активным участником.

Автор выделил кризисные моменты в истории революции, особенно остановился на апрельском, июньском и июльском кризисах и корниловщине. Движущими силами революционного процесса после свержения самодержавия автор считал пролетариат и беднейшее крестьянство. Социалистический характер Октябрьской революции Б. Бреслав выводил из характера классовых сил, ее совершивших: придя к власти, пролетариат и беднейшее крестьянство должны были проводить свою социалистическую программу. Кроме того, Бреслав подчеркивал, что иного пути выхода из кризиса, созданного войной, кроме социалистических преобразований, не было. Автор энергично подчеркивал враждебность кулачества к революции и неизбежность развертывания борьбы с ним. Это представляет особый интерес, так как работа Бреслава написана в марте 1918 г., задолго до создания комбедов. В целом же она интересна как своеобразный показатель понимания истории Октябрьской революции в момент и сразу после ее победы.

Работы историков-марксистов Н. Батурина, В. Быстрянского, В. Карпинского, К. Новицкого, В. Невского, М. Ольминского, Ем. Ярославского [73] носили боевой, партийный характер, были адресованы массовому читателю — рабочему, крестьянину, красноармейцу, жадно стремившимся познать великие исторические события, творцами которых они были. Мы находим в них последовательное изобличение предательской роли меньшевиков и эсеров, страстную борьбу с буржуазными фальсификаторами истории Октября. Историк обнаружит много интересных данных о революционной деятельности питерских рабочих в книге В. И. Невского «В буре деяний», об особенностях организации Советов в работе Н. Н. Батурина «Борьба за Советы...», об эволюции мелкобуржуазных партий в работах В. А. Быстрянского,

Важнейшим вкладом в разработку истории Октября являлись статьи, выступления и отчеты руководителей партийных и советских органов. Таковы работы Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, М. И. Калинина, Ф. Э. Дзержинского, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, М. Ф. Владимирского и других деятелей социалистической революции.

Историки Октября первого призыва считали главной своей задачей научно-популяризаторскую работу, пропаганду идей социалистической революции, и эту свою задачу они выполняли великолепно. Нельзя без волнения читать вдохновенно написанную брошюру Ем. Ярославского «Великий вождь рабочей революции Владимир Ильич Ульянов-Ленин» (М., 1918), на страницах которой воссоздан яркий образ гениального вождя Октябрьской революции.

Вместе с тем труды историков первых лет Советской власти являются не только публицистическими, пропагандистскими произведениями. Научное историографическое значение этих работ заключается в том, что они нанесли первые сокрушительные удары по буржуазной фальсификации истории социалистической революции и были первыми попытками освоения и разработки ленинской концепции Октября. Воинствующая партийность, которой проникнуты все труды Ленина, дух борьбы против Каутского, Милюкова, Суханова, Мартова пронизывает и работы В. Быстрянского, Ем. Ярославского, М. Ольминского, И. Скворцова-Степанова и др.

Историографу не к лицу становиться в позу судьи, оценивающего труды историков первых лет революции с позиций состояния теперешнего, современного ему уровня науки, состояния источниковой базы, современного опыта и методов исследования. Мы должны судить об историках по тому, что они дали науке в сравнении со своими предшественниками, какой вклад внесли в борь-

---

[72] *Бреслав Б.* Характер и этапы русской революции: К 1-й годовщине русской революции. 27 февраля 1917 г.— 27 февраля 1918 г. Витебск, 1918.

[73] *Батурин Н.* Борьба за Советы как органы пролетарской диктатуры. Л., 1925; *Быстрянский В.* Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; *Карпинский В.* Два года борьбы. М., 1919; *Новицкий К.* Октябрьская революция и контрреволюция. М., 1919; *Он же.* Год революции (1917 — февраль 1918 г.). М., 1918; *Невский В.* В буре деяний. М.; Пг., 1922; *Ольминский М.* 1917 год. М., 1926; *Ярославский Ем.* Третья сила. М., 1932.

бу с буржуазной идеологией и в разработку марксистско-ленинской историографии в условиях своего времени. У первых советских историков Октябрьской революции не было предшественников. Но у них были яростные и упорные враги, в боях с которыми оттачивалось оружие советской исторической науки. Неправильно было бы требовать от историков первых лет Советской власти такого уровня и такой полноты понимания ленинских трудов, какие достигнуты в настоящее время. Безграничная широта и богатство ленинских идей познавались постепенно, их познание и дальнейшее раскрытие продолжалось на последующих этапах и будет продолжаться еще многими грядущими поколениями историков.

Следует отметить некоторые особенности развития идейной борьбы в период становления советской исторической науки. В первые годы после Октября борьба на историческом фронте была составной частью борьбы, которую рабоче-крестьянское государство вело против интервентов и белогвардейцев, их агентов и пособников из рядов эсеров, меньшевиков, зарубежных правых социал-демократов. Такие работы В. И. Ленина, как «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и др., были сильнейшим идеологическим оружием в борьбе с контрреволюцией. Вместе с тем эти гениальные труды Ленина являлись и являются непреходящей ценностью, огромным вкладом в сокровищницу марксистско-ленинской исторической мысли, гранитной основой, на базе которой и происходит дальнейшее развитие советской исторической науки.

Работы кадетско-меньшевистских и эсеровских историков этого времени — Милюкова и Рожкова, Святицкого и Кондратьева — были оружием белогвардейщины и остаются документальным свидетельством той антинародной, отчаянной и свирепой борьбы, которую вели свергнутые классы против революции.

После окончания гражданской войны и введения новой экономической политики буржуазия перешла к новым формам идеологической борьбы. Такой новой формой явилось сменовеховство, которое нашло свое отражение и в исторической науке.

Сменовеховцы предприняли попытку дать свое толкование истории Октябрьской революции. Это толкование

нельзя признать оригинальным. Истоки взглядов сменовеховцев мы находим в издававшемся в 1918 г. еженедельнике «Накануне», где выступали те же кадетские деятели — Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, Ю. Н. Потехин, Н. А. Бердяев, А. А. Кизеветтер, П. Б. Струве и др. В передовой статье первого номера еженедельника авторы требовали от интеллигенции «решительного разрыва с революционной романтикой всех форм и видов», отказа от «иллюзий чрезмерного демократизма». Революция в этой статье рассматривалась как разрушение России. Авторы заявляли о своем стремлении бороться за «великие идеи государства, нации, отечества, культуры» [74]. Они не скрывали своих надежд на термидорианское перерождение Октябрьской революции [75].

Новое кредо в значительной мере было составлено из обрывков кадетских и меньшевистско-эсеровских оценок революции. Однако угол зрения изменился, так как сменовеховцы поставили своей задачей дать историческое обоснование «принятия» ими Советской власти. Можно отбросить туманные славянофильские рассуждения сменовеховцев о мистике «творящей себя революции», о вечной и непознаваемой силе государства, которое «создало из России Страну Советов, из Москвы — столицу Интернационала, из русского мужика — вершителя судеб мировой культуры» [76]. Авторы «Смены вех» сравнивают Октябрьскую революцию со «смутой» начала XVII в. и приходят к выводу, что в 1917 г., как и в «Смутное время», для создания прочной власти было «использовано» крестьянство. Вот на это крестьянство, точнее, кулачество, на его «национальное самосознание» и возлагали надежды сменовеховцы [77].

Более определенно выразил их настроения Н. В. Устрялов. В статье «Patriotica» он тщится представить Октябрьскую революцию как обычный буржуазный переворот, именуемый им «национальной революцией». В чем же Устрялов видит ее национальный характер? Тут сразу же звучат знакомые нам, но несколько трансформированные, кадетско-меньшевистские мотивы: Октябрьская

---

[74] Накануне (еженедельник), М., 1918, № 1 апр.
[75] *Устрялов Н.* Мнимый тупик.— Накануне, 1918, № 2, апр.
[76] *Ключников Ю. В.* Смена вех.— В кн.: Смена вех. Прага, 1921, с. 5, 16.
[77] *Лукьянов С. С.* Революция и власть.— В кн.: Смена вех, с. 72, 77.

революция — это «бессмысленный и беспощадный бунт во имя „правды", это сочетание герценовского революционного романтизма с писаревским утилитаризмом и ткачевским якобинством». «Творческая идея» революции состоит, по Устрялову, в том, что она «открывает путь к обычной европейской буржуазной эволюции». «Революция гибнет, бросая завет поколениям. А принципы ее с самого момента ее смерти начинают эволюционно воплощаться в истории. Она умирает, лишившись жала» [78]. Приняв новую экономическую политику как шаг вперед в развитии Советской республики по пути к капитализму, сменовеховцы были готовы оценить самую Октябрьскую революцию как начало этого пути. Нужно было, по их замыслу, только лишить революцию ее «жала», т. е. диктатуры пролетариата.

Оказало ли сменовеховство какое-либо влияние на историческую литературу? Политические выводы зарубежных сменовеховцев казались представителям кадетско-меньшевистской исторической науки в России слишком «радикальными». Реакционной профессуре было чуждо какое бы то ни было «признание» Советского государства, созданного Октябрьской революцией. И все же сменовеховство оказало несомненное влияние на буржуазных историков.

Эволюцию взглядов буржуазных историков можно проследить на примере Н. А. Рожкова. В 1921—1923 гг. его концепция несколько видоизменяется в сменовеховском духе, хотя и сохраняет свою основу. В XII томе «Русской истории» Н. Рожкова мы не найдем, конечно, того охаивания революции, которое пронизывает каждую строку его работы «Ход революции». Изложение велось сдержанно, с претензией на объективность. Многочисленные ссылки на труды В. И. Ленина должны были свидетельствовать об изменении взглядов автора. Однако в своем существе позиция Рожкова остается прежней. Говоря об июньской демонстрации, он отметил, что «здесь и позднее огромное значение имела психология российского пролетариата, подвергшегося притом влиянию энергичной и искусной большевистской агитации» [79]. Какая же это психология? На этот вопрос Рожков дает вполне определенный ответ: «...психология рабочего неквалифицированного, массовика всецело господствовала у нас». Суть вопроса, как мы видим, вовсе не в «психологии», а в том, что движущей силой Октября, по Рожкову,

явились те же «отсталые массы», которые занимали столь видное место в его схеме в 1918 г.

Н. А. Рожков отрицает социалистический характер революции. Это видно из его оценки декретов Октября: декрет о рабочем контроле оказался утопией, национализация промышленности носила стихийный характер [80] и т. д. В лучшем случае это были, по Рожкову, только попытки перехода к социализму. Эту старую, меньшевистскую схему он пытался соединить со сменовеховской оценкой революции. По-прежнему оценивая движущие силы и характер революции, Н. Рожков склонен был рассматривать Октябрьскую революцию как переход от «азиатского» капитализма к «государственному» капитализму, капитализму «культурному», «европейскому». В таком же духе трактовалась и новая экономическая политика [81].

Основные идеи меньшевистской и сменовеховской оценки Октябрьской революции были впоследствии подхвачены троцкистско-зиновьевскими «теоретиками».

В 1921—1923 г. появились и первые крупные работы по отдельным проблемам истории Октября, к числу которых следует отнести «Очерки русской революции» С. М. Дубровского [82]. Автор задался целью изучить социально-экономические предпосылки социалистической революции и первую часть своей работы посвятил характеристике сельского хозяйства.

К работе С. М. Дубровского примыкает монография А. М. Панкратовой о фабрично-заводских комитетах в 1917—1918 гг. Это одна из лучших работ по истории рабочего класса, не потерявшая своего научного значения и в настоящее время. На большом фактическом материале в работе прослеживается борьба русского рабочего класса в течение XIX—XX вв., показано, как возникали новые формы и методы борьбы, исторически подготовившие создание фабрично-заводских комитетов. На этом прочном фундаменте построено исследование зарождения и развития фабрично-заводских комитетов, контрольно-

---

[78] *Устрялов Н.* Patriotica.— В кн.: Смена вех, с. 46, 53.

[79] *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. М., 1928, т. XII, с. 294—295.

[80] Там же, с. 287—303.

[81] Там же, с. 394—395. 317.

[82] *Дубровский С. М.* Очерки русской революции. 2-е изд. М., 1923. Вып. 1. Сельское хозяйство.

хозяйственных комиссий и перехода к рабочему управлению. Широкий охват событий, смелая постановка и решение вопросов отличают эту монографию. А. М. Панкратова вскрыла анархо-синдикалистский характер деятельности отдельных фабзавкомов, стремившихся превратить фабрики в «автономные федерации» [83], убедительно показала закономерность перехода к более высоким формам социалистического управления народным хозяйством. В этом смысле монография А. М. Панкратовой являлась прямым продолжением интересной работы И. И. Скворцова-Степанова [84].

Одной из первых общих работ по истории Октябрьской революции была книга С. А. Пионтковского «Октябрьская революция в России. Ее предпосылки и ход» [85], вышедшая несколькими изданиями в России и за рубежом в 1923—1926 гг. Эта книга по своему уровню и проблематике стоит выше, нежели общие работы А. Арского, Ю. Бочарова и др. Автор дал в общем правильную характеристику экономических предпосылок революции, исходя из особенностей монополистического капитализма в России и наличия глубокого экономического и политического кризиса накануне 1917 г. С. А. Пионтковский опирался на ленинские труды, привлекал документальные публикации.

Однако ленинская концепция истории революции еще не была освоена автором. Он преувеличил роль иностранного капитала в России, не понял ленинского положения о побочных, буржуазно-демократических задачах, выполненных социалистической революцией «походя, мимоходом». Вот почему его наиболее существенной ошибкой стала характеристика Октябрьской революции как «двуликого Януса»: с одной стороны, революция буржуазная, с другой — социалистическая. Выбор источников носил в значительной мере случайный характер, некритически использовались некоторые материалы.

Выступивший с критикой Пионтковского В. Астров отметил, что хотя автор взял за исходную позицию статью Ленина «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», однако он ее не понял и даже исказил положение Ленина о решении задач буржуазно-демократической революции «походя, мимоходом» как побочный продукт главной, социалистической работы Октября. Однако показателен тот факт, что и сам рецензент обнаружил ошибочность своих позиций. Астров критиковал

Пионтковского за толкование тезиса о «двуликости» Октябрьской революции, а не за самую постановку вопроса о двуликости. «Говоря о „двух ликах“,— писал Астров,— надо отличать характеристику революции по ее объективно-историческому смыслу от характеристики по движущим силам. „Социалистический лик“ — это характеристика по объективному смыслу. „Мелкобуржуазный лик“ — по субъективному содержанию, по движущим силам, если иметь в виду крестьянство»[86]. Таким образом, Астров усугубил ошибку Пионтковского, разорвав единство характера и движущих сил Октябрьской революции. Непоследовательно критикуемая Астровым «теория двуликости» снова оказалась на поверхности.

Эти и подобные им ошибки были присущи и другим работам первых советских историков. Исправление их началось на новом этапе, когда партия развернула борьбу против троцкизма.

Глава вторая

М. Н. ПОКРОВСКИЙ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Историк советской исторической науки первых 10—15 лет ее развития неизбежно сталкивается с личностью и творчеством Михаила Николаевича Покровского. Один из ведущих представителей советской исторической науки, он был в то же время одним из ее организаторов. Активнейший лектор, он часто выступал перед жаждущими знаний красноармейцами и учителями, рабфаковцами и партийными работниками. Он инструктировал преподавателей истории и обществоведения, читал лекции

---

[83] *Панкратова А.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923, с. 238.

[84] *Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. Подробнее о работах И. И. Скворцова-Степанова и А. М. Панкратовой см.: *Игнатенко Т. А.* Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР, 1917—1967. М., 1971.

[85] *Пионтковский С. А.* Октябрьская революция в России: Ее предпосылки и ход. М., 1923.

[86] *Астров В.* Рец. на кн.: Пионтковский С. Октябрьская революция: Ее предпосылки и ход. М. 1923.— Большевик, 1924, № 2, с. 91.

на курсах Наркомпроса, выступал со статьями на страницах «Правды» и других центральных газет, руководил созданием новой архивной системы и подготовкой кадров историков. Его влияние далеко выходило за рамки исторической науки и сказывалось во многих областях советской культуры.

Роль, которую этот крупный государственный деятель и ученый сыграл в развитии советской историографии, была большой и сложной, порой противоречивой, что отразилось и в исследовательской литературе о нем, в частности в анализе его взглядов и оценок, относящихся к истории революционного 1917 г. Юбилейное, некритическое восприятие характеризовало статьи на эту тему П. Горина и Д. Кина, опубликованные в 1928 г. в связи с 60-летием М. Н. Покровского [1]. В то же время в двухтомнике, посвященном критике «школы Покровского», вообще не оказалось статьи о Покровском как историке Октября. Критическая статья И. Викторова в «Историке-марксисте» была полна необоснованных обвинений [2]. В новейших статьях о Покровском С. М. Дубровского, М. Е. Найденова и Е. А. Луцкого так же, как в монографии О. Д. Соколова, вопросы трактовки им истории Октябрьской революции затрагивались только вскользь [3]. Между тем крупная фигура Покровского воплотила в себе многие черты первого этапа советской исторической науки, историографии Октября, в частности отразила особенно остро противоречия историографического процесса. Без анализа деятельности и исторических трудов Покровского, относящихся к истории Октября, наше представление о развитии советской исторической науки было бы явно неполным.

Рассмотрим вначале общие вопросы стиля и метода М. Н. Покровского как исторического писателя. Под стилем мы понимаем не только язык, форму изложения, но и характер исторического повествования. Стиль и повествовательный метод Покровского ярко охарактеризовал А. В. Луначарский. Он выделил у него одну черту — полемичность, острую, страстную полемичность: «Когда является человек и говорит: „Все это неверно, все ваши построения надо поставить в известной степени на голову, вы все наврали, хотя часто и сами не знаете, что наврали, вы накопили кучу материала, который полезен, но создали такую гору, которую надо разворотить, ибо она бременем лежит на груди истинной науки“, то кри-

чат — это полемика»[4]. Так Луначарский характеризовал Покровского. Ниспровержение авторитетов буржуазной науки, стремление к «коренному пересмотру» идей буржуазной историографии, огромного фактического материала, накопленного ею, острая полемичность, доведенная до утверждений «все это неверно» — таков был стиль Покровского.

Во всех своих статьях, книгах, выступлениях Покровский всегда отталкивался от документа, источника, строя на них свою концепцию.

В статье, посвященной Н. Н. Авдееву, Покровский отметил важную особенность историка-специалиста — любовь к фактам. «Без этой любви к живому, конкретному историческому материалу, такой же, как любовь живописца к краскам, музыканта к звукам, нет историка»[5]. Но зачастую в своих исторических построениях Покровский исходил не из совокупности фактов. Он свободно препарировал отдельные источники или группы документов. Иногда он прибегал к догадкам о возможном существовании документов, хотя и не имел их в своем распоряжении. Так, например, выдвигая положение о закулисных переговорах русского императорского двора с немцами о сепаратном мире во время первой мировой войны, Покровский ссылался на полученную П. Н. Милюковым, в бытность его министром иностранных дел Временного правительства, информацию из Швейцарии, в которой сообщалось, что до свержения самодержавия «в Берлине уже были совершенно уверены в близком сепаратном мире с Россией». Он привел также две записи

---

[1] *Горин П. О.* Историческое обоснование Октябрьской революции в работах М. Н. Покровского.— Пролетарская революция, 1928, № 10; *Кин Д. Я.* М. Н. Покровский как историк Октябрьской революции.— Историк-марксист, 1928, № 9.

[2] *Викторов И.* Ошибки М. Н. Покровского в оценке Октябрьской революции.— Историк-марксист, 1938, № 5.

[3] *Дубровский С. М.* Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки.— Вопросы истории, 1962, № 3; *Найденов М. Е.* М. Н. Покровский и его место в советской историографии.— История СССР, 1962, № 3; *Луцкий Е. А.* Развитие исторической концепции М. Н. Покровского.— В кн.: История и историки. М., 1965; *Соколов О. Д.* М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

[4] На боевом посту марксизма. М., 1929, с. 15.

[5] *Покровский М. Н.* Н. А. Авдеев как историк.— Пролетарская революция, 1926, № 5, с. 220.

из дневника Николая II за 10 и 11 марта 1917 г.: «Просматривал, приводил в порядок и жег бумаги»; «Продолжал сжигать письма и бумаги»[6]. На этом основании Покровский предполагал, что сжигались бумаги, свидетельствующие о попытках заключения сепаратного мира. Догадка, может быть, и имеющая основания, но все же только догадка...

Документ, мемуарное свидетельство, дневниковые записи — излюбленные материалы в историческом повествовании Покровского. Статью «12 марта 1917 года» он начинает с выдержек из дневника французского посла в Петербурге Палеолога. Эти дневниковые записи свидетельствуют, что буржуазные лидеры в момент свержения самодержавия были растеряны и напуганы размахом движения. Для Покровского изложение этого факта — только способ перехода к характеристике главной движущей силы революции — рабочего класса. И тут он находит яркие краски и выразительную лаконичность: «Теперь, следя за бегом исторических событий на протяжении 20 лет, легко прощупываешь скелет истории. Рабочий класс существовал в России сто лет. Всегда его ненавидел царизм и всегда боялся. Но была одна группа, которой судьба вложила в руки заступ могильщика — и царизма и буржуазии. И, как нарочно, эта группа жила и росла у самого порога царского дворца»[7]. Такой группой Покровский считал авангард российского пролетариата — металлистов.

В своих работах о революции 1917 г. Покровский обнаружил умение «строить концепцию», отбирая при этом яркие факты, выпукло обрисовывая характеры людей, стоявших в центре событий. Концепционность — это характерная черта метода Покровского. Однако концепционность нередко переходила у него в схематизм, а само построение, основанное на ограниченном круге источников, оказывалось ошибочным, что зачастую признавал впоследствии и сам автор. Но ярко сформулированная концепция делала статьи и выступления Покровского доходчивыми, запоминающимися. А схематизм толкал подчас на поверхностные, а иногда и просто ошибочные выводы об историческом процессе. В той же статье «12 марта 1917 года» Покровский писал: «Трудно найти лучший образчик исторической диалектики: помещичье имение вызывает к жизни железную дорогу, чтобы добраться до наиболее выгодного, широкого европейского

рынка; железная дорога родит металлургию; металлургия создает наиболее революционный отряд пролетариата, хоронящий прадеда всей системы — помещичье имение»[8]. Именно из этой схемы, утверждавшей несомненный факт революционности пролетариата, Покровский и сделал ошибочный вывод об установлении 12 марта 1917 г. диктатуры пролетариата де-факто, вывод, от которого он впоследствии отказался.

Почти все частные концепции Покровского восходят к одной его общей концепции о борьбе в России торгового и промышленного капитала как основе исторического процесса нового времени. Эта основная концепция, пережив некоторые метаморфозы, являлась для Покровского своего рода универсальным ключом, которым автор пытался раскрыть причины отмены крепостного права, первой мировой войны и Февральской революции.

Стилю Покровского органически присущ метод исторических аналогий. Применение им этого метода далеко не всегда носило научный характер. Сравнительные характеристики В. И. Ленина и М. Робеспьера, В. И. Ленина и Кромвеля; прокламации «Молодая Россия» с большевистскими программными документами, библиотечной реформы, проведенной Наркомпросом, с методом распространения листовок Степаном Халтуриным — воистину Покровский был неистощим на проведение самых неожиданных, рискованных аналогий. Ценой этих аналогий являлась модернизация далекого прошлого, равно как смещение перспективы в трактовке недавнего прошлого.

Следует учесть, что многие послеоктябрьские работы Покровского выросли из его докладов перед самой различной аудиторией. По данным архивного фонда М. Н. Покровского, мы знаем, что он тщательно работал над стенограммами таких докладов, готовя их к печати. Тем не менее основа давала себя знать: парадоксальность изложения, неожиданность исторических параллелей, отсутствие строгой последовательности в освещении проблем — все эти черты были особенно присущи Покровскому как лектору.

Но главным, определяющим в стиле и методе творчества Покровского как историка был антимонархический

[6] *Покровский М. Н.* Пролог Октябрьской революции.— Вестник агитации и пропаганды, 1921, № 7/8, с. 3.
[7] *Покровский М. Н.* 12 марта 1917 года.— Правда, 1924, 12 марта.
[8] Там же.

и антибуржуазный пафос всех его произведений. Вместе с тем в его работах проявлялись элементы национального нигилизма. Стремление пересмотреть всю историю России с позиций разоблачения антинародного характера царизма и буржуазии сопровождалось порой перечеркиванием или недооценкой исторических традиций, которые составляли предмет национальной гордости русского народа.

Странную для современного читателя парадоксальность стиля Покровского, его заостренную полемичность невозможно понять, если не обратиться к некоторым особенностям его эволюции. Он был постоянно окружен неприязнью, а еще чаще открытой враждебностью со стороны буржуазной, кадетской профессуры, подвергался преследованиям царской цензуры. Его историческая концепция складывалась в острой борьбе с буржуазной, особенно монархической историографией. Это не исключает того факта, что некоторые элементы своей концепции Покровский заимствовал у буржуазных историков, как, например, его оценка Киевской Руси как торгово-капиталистического государства совпадает с оценкой В. О. Ключевского.

Можно и следует говорить об односторонности и ошибочности некоторых суждений Покровского. Но необходимо также понять, что как его достоинства революционного публициста-историка, так и недостатки, связанные со схематизмом и упрощениями исторического построения, были порождены временем, острейшей идеологической борьбой, прямыми классовыми схватками, ведущими свое начало от первых лет XX в., сражениями в трех революциях и гражданской войне. Радикализм в исторических оценках Покровского был реакцией на российский реформизм с его ежеминутным оглядыванием на прошлое, с его фаталистическим пониманием исторического процесса, реакцией на монархизм и шовинизм идеологов буржуазии и помещиков, на «кошмар прошедшего». Сам Покровский об этом писал: «Именно революция — есть тот момент, когда настоящее освобождается от кошмара прошедшего, сбрасывает с себя его иго. И даже короткое время, несколько лет без ига „традиций", на целый ряд поколений является маяком, освещающим дорогу вперед. Они (реформисты.— *Е. Г.*) не поняли того, что прошлое внесет свое, будьте покойны, и без всякого содействия с нашей стороны. Нам заботиться при-

ходится о том, чтобы его было как можно меньше»[9].

Как же общая концепция М. Н. Покровского и особенности его облика как историка отразились в работах по истории революции 1917 г.?

В литературном наследстве Покровского, среди работ, посвященных 1917 г., центральное место занимает история Февральской революции. Возможно, что тут сказалась общая антицаристская направленность творчества Покровского: свержение самодержавия как бы увенчивало в реальной действительности его историческую концепцию — борьба промышленного капитала с торговым завершилась-де победой промышленного, но воспользоваться этой победой буржуазия не смогла.

Еще в 1917 г. (до Октябрьской революции) Покровский опубликовал статью «Царизм и революция» (год спустя, в 1918 г., эта статья вышла отдельной брошюрой). Покровский рассмотрел в ней весь путь революционного движения в России, движения, которое неуклонно и последовательно шло к ликвидации царизма. Однако историю дальнейшего развития революции, ведущего к победе пролетариата, Покровский не включил и в издание 1918 г.

Мы уже отмечали, что резко критические статьи, направленные против концепции Покровского, почти не касались его работ, специально посвященных истории двух революций 1917 г. Главным объектом критики по этим (и многим другим) вопросам были его лекции, прочитанные в 1923—1924 гг. и опубликованные в 1924 г.[10] Однако критика касалась только некоторых общих вопросов истории Октября и строилась на обыгрывании отдельных ошибочных формулировок. Общий замысел лекций ускользал от критиков. Между тем основная идея его лекционного курса — единство и последовательность этапов революционного движения в России, закономерное развитие которого привело от этапа дворянской революционности к разночинской, а затем к пролетарскому этапу революционной борьбы.

Покровский подверг критике концепцию М. С. Ольминского, который утверждал, что декабристы — это по-

---

[9] *Покровский М. Н.* Ленин и Маркс как историки.— Правда, 1926, 22 апр.

[10] *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв.: Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимой 1923—1924 гг. М., 1924.

мещики, обманным путем выведшие солдат на Сенатскую площадь [11]. Покровский подчеркнул значение республиканской традиции, которая так ярко выступала у Пестеля и «Соединенных славян». Народников Покровский назвал «нашими первыми социалистами» [12], он видел связь этого движения с интересами крестьянских масс. Тогда же, в 1924 г., напомнив о статье Ленина «О национальной гордости великороссов», Покровский подчеркнул, что Ленин, «начиная с декабристов, соединяет все революционное движение в одну нить» [13]. Однако Покровский, исходя из правильной идеи — связи и преемственности основных этапов революционного движения в России, несколько упрощал и модернизировал эти связи. В основе модернизации лежало стремление находить в прошлом корни современных революционных событий. Но стремление это приобретало иногда антиисторические формы. Так, П. И. Пестеля Покровский называл якобинцем, Н. Г. Чернышевского — родоначальником аграрной программы большевиков и в то же время — предтечей меньшевистской тактики, П. Н. Ткачева — первым русским марксистом и т. д. При этом лектор постоянно напоминал слушателям о пресловутой «борьбе промышленного капитала с торговым», которая представлялась ему основой основ исторического процесса.

На таком фоне Покровский изложил свое понимание Февральской и Октябрьской революций. Именно в этих лекциях возникло положение о двух заговорах против революции: заговоре дворцовой камарильи, стремившейся при помощи сепаратного мира выйти из войны и ликвидировать угрозу революции, и заговоре военных и буржуазных кругов, направленном к предупреждению революционного взрыва при помощи смены Николая II другим царем, к победоносному продолжению войны и подавлению революции. Если первый заговор, по Покровскому, был связан с интересами торгового капитала, то второй уходил своими корнями в интересы промышленного капитала. Это было натяжкой, как и вся концепция двух заговоров, однако вполне справедливо отмечался тот факт, что рабочий класс опередил буржуазию, которая не приняла в расчет силы пролетариата. Но следовавший затем вывод позднее подвергался обоснованной критике со стороны советских историографов: «Февральская революция была не только рабочей по социальному составу той массы, которая низвергла самодержавие и фактиче-

ски стала у власти, но неизбежно была и социалистической революцией совершенно объективно»[14]. Для того чтобы отмежеваться от троцкистского тезиса «без царя, а правительство рабочее», Покровский выдвинул положение, что буржуазия в лице прогрессивного блока фактически взяла власть еще в 1915 г.[15]

Эта схема была бесспорно ошибочной. Но в некоторых случаях (в противоречии со своей схемой) Покровскому удалось дать глубокую трактовку исторической роли русского рабочего класса, спасшего страну от экономической катастрофы[16]. Он разоблачил легенду буржуазной историографии о решающей якобы роли Думы и прогрессивного блока в Февральской революции.

Ошибки Покровского в характеристике Февральской революции обнаруживают непонимание им ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. То, что эти ошибки в лекциях не были случайностью, видно и из других его работ, в которых он, правда, уже не говорил об объективно социалистическом характере Февраля. Покровский подчеркивал, что революция в Феврале *могла* стать социалистической и если этого не случилось, то только потому, что подлинные руководители пролетариата — большевики находились в тюрьмах и ссылке. Представители же мелкобуржуазных партий, возглавивших Советы, больше всего боялись очутиться перед необходимостью взять власть. «Восемь месяцев ушло на завоевание того, что само шло в руки уже в марте 1917 года»,— писал он[17].

1927 год — это год уточнения позиций Покровского по многим вопросам истории Февральской и Октябрьской революций. Видимо, тут решающую роль сыграли два фактора. Во-первых, публикация первого издания Сочинений В. И. Ленина, тома которого тщательно изучались Покровским. Во-вторых, своеобразным катализатором для перестройки концепции Покровского явился руководимый

---

[11] Там же, с. 18—19.
[12] Там же, с. 42.
[13] *Покровский М. Н.* Ленин в русской революции.— Вестник Коммунистической академии, 1924, № 7, с. 11.
[14] *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв., с. 223.
[15] Там же, с. 201.
[16] Там же, с. 184—185.
[17] *Покровский М. Н.* Пролог Октябрьской революции, с. 6.

им семинар по истории Октябрьской революции, в котором проходили школу не только слушатели Института красной профессуры, но и сам руководитель. Покровскому принадлежит заслуга подготовки первых профессиональных историков Октябрьской революции из числа слушателей ИКП.

Однако можно ли говорить о «школе Покровского», когда речь идет о проблемах истории Октябрьской революции? Это была весьма своеобразная школа. Покровский пришел в советскую историческую науку из прошлого, дореволюционного этапа развития марксистской историографии. Он сразу занял в ней ведущее положение как организатор науки. До 1917 г. учеников у него не было. Впервые возможность подготовки новых кадров по истории Октября появилась у Покровского, когда он стал преподавать в Коммунистическом университете, Институте Красной профессуры и других центрах. Но если он и создал «школу», то это была школа с учениками, стремившимися поспорить со своим учителем и переосмыслить его положения. Надо сказать, что Покровский постоянно поощрял своих учеников в этих стремлениях, будучи непримиримым только в тех случаях, когда он усматривал в критике попытки реставрации буржуазной историографии или ревизионистских взглядов. Кадры, подготовленные Покровским, сыграли важную роль в дальнейшем развитии советской историографии Октябрьской революции.

Работы Покровского второй половины 20-х годов являются как бы продолжением его семинаров. В статьях Покровского мы находим ссылки на работы учеников, «подготовляемые к печати» или «пока неизданные». В ряде случаев он полемизирует с «молодыми товарищами», и эта полемика также продолжает дискуссии в семинарах.

В 1927 г. Покровский пересмотрел ряд ошибочных положений в своей характеристике Февральской революции. Он подверг критике положение, что Февральская революция являлась началом социалистической революции. Покровский решительно заявил, что это «не ленинская точка зрения» [18]. В этой же статье он, с другой стороны, все еще вел бой в защиту своего тезиса о неизменной социальной сущности царизма, о «торговом капитале в шапке Мономаха». Он знал работы В. И. Ленина об эволюции самодержавия, но относил эту эволюцию

только к форме царизма, а не к его социальной структуре.

В это же время, во второй половине 20-х годов, Покровский интенсивно изучает ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В статье, написанной в 1927 г., Покровский, опираясь на ленинские работы «Две тактики...», «Письма издалека», утверждал, что «никаких непроницаемых переборок между буржуазной и социалистической революциями, никаких „антрактов“ между ними Ленин не ставил: конец буржуазной революции и начало борьбы за социализм — это один акт»[19]. Однако на весьма важный вопрос — как понимать «конец буржуазной революции» — Покровский ответа не дал. Ошибочным было также положение об «одном акте», тогда как речь шла о процессе перехода от одной революции к другой. Тем не менее можно сказать, что внутренние противоречия Февральской революции, ведущие к победе пролетариата, Покровский охарактеризовал весьма основательно. Пересмотр взглядов в оценке Февральской революции проходил в результате большой внутренней работы историка.

В личном фонде М. Н. Покровского сохранился автограф тезисов его доклада на тему «Две концепции Октябрьской революции» и стенограмма этого доклада[20] с правкой автора. Эти материалы относятся к августу 1927 г. В тезисах и в докладе он подверг критике концепции Л. Д. Троцкого и Л. Б. Каменева, их отказ от классовых принципов исторического анализа, от ленинской теории социалистической революции. В центре доклада — изложение ленинской концепции Октябрьской революции, ее связь с общеисторической концепцией, характеристика мирного этапа развития революции до июля и курса на вооруженное восстание после июля. Особенно подчеркивал Покровский ленинское положение о недопустимости разделения буржуазной и социалистической революций «китайской стеной» или, как говорил Покровский, «на два отрезанных ломтя», ссылаясь при этом на произве-

---

[18] *Покровский М. Н.* Исторический смысл Февраля: (Царизм и буржуазия в Февральской революции).— Пролетарская революция, 1927, № 2/3, с. 5.

[19] *Покровский М. Н.* Буржуазная революция против буржуазии.— Известия, 1927, 12 марта.

[20] Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (ОРФИИ), ф. 5 (М. Н. Покровского), оп. 1, д. 213.

дения В. И. Ленина. Отметив, что В. И. Ленин развил свою теорию перерастания еще в 1905 г., Покровский самокритично заявил: «Но мы до этой ленинской точки зрения начинаем добираться только в 1927 году, ибо старое социал-демократическое представление о буржуазной и социалистической революции очень крепко сидело у нас в мозгу» [21].

Непосредственно истории Октябрьской революции Покровский посвятил две крупные статьи: «Большевики и фронт в октябре-ноябре 1917 года» и «Как возникла Советская власть в Москве». Начиная свой рассказ об Октябре в Москве, Покровский — сам участник событий — предупреждал читателя, что «перед ним не мемуары», что автор выступает как объективный историк и только [22]. Покровский даже утверждал (что противоречило истине), будто он и не может выступать как мемуарист, так как свидетелем описываемых событий не был: «Октябрьские события я пережил в Москве... в качестве советского журналиста, „военного корреспондента", как в шутку называли меня другие...» [23]. Он подчеркивал свою весьма скромную роль в Октябрьском восстании в Москве. Из этой посылки Покровский сделал весьма характерный для него вывод: «Я могу говорить дальше в третьем, а не в первом лице, и в этом, конечно, большая моя выгода как историка» [24]. Иными словами, Покровский считал, что не следует смешивать мемуары и историческое исследование, что непосредственному участнику событий трудно выступать в роли историка этого события. Нельзя не признать действительных трудностей, которые возникали перед участником событий, когда он брался за дело историка.

Из всей суммы вопросов по истории Октября в Москве Покровский избрал только один — формирование органов власти в результате победы вооруженного восстания. Из огромной массы источников он выбрал неопубликованные еще тогда протоколы Московского Военно-революционного комитета (ВРК).

Представляют интерес некоторые источниковедческие наблюдения Покровского. Протоколы Московского ВРК сохранились только в черновиках. Отметив трудности работы с черновиками, написанными с массой сокращений и помарок, Покровский писал: «И, может быть, даже очень хорошо, что до нас дошли черновые записи. В одном случае сохранился беловой протокол, и в нем сразу бросается в глаза литературная обработка. Разновремен-

но сказанные речи одного оратора объединены в одно целое искусственной связью, именно так и именно это он не говорил, а лишь приблизительно похожее. Кое-что, не поддававшееся обработке, выкинуто и т. д.» [25].

Свой анализ проблемы «конструирования власти» в Москве Покровский начал с характеристики позиций мелкобуржуазных партий. Делегация этих партий появилась на заседании Московского ВРК 1(14) ноября 1917 г. Опираясь на протокольные записи, Покровский показал, как представители меньшевиков и эсеров пытались навязать победоносному восстанию такие условия, которые по сути дела означали отказ от требования передачи всей власти Советам. Они предлагали включить в новый орган власти представителей Московской городской думы и земства, которые только что потерпели поражение в вооруженной борьбе на улицах Москвы. Эти требования были решительно отвергнуты. Однако, как отмечал Покровский, Московский ВРК согласился отпустить арестованных и захваченных в плен юнкеров, предварительно их разоружив. В результате, получив в Московском Совете пропуска, многие юнкера отправились на юг, составив кадры будущей Добровольческой армии. Яркими красками нарисовал Покровский провал попыток меньшевиков-объединенцев навязать Московскому ВРК «коалицию из всех социалистических партий».

Статья Покровского явилась своеобразным вкладом в борьбу партии против антипартийного троцкистско-зиновьевского блока накануне XV съезда партии. Покровский на историческом материале еще раз напомнил о той опасности, которая угрожала революции со стороны оппортунистических, соглашательских элементов, стремившихся растворить Советскую власть в коалиции с мелкобуржуазной, «демократической» контрреволюцией.

В статье о фронте [26] Покровский также избрал только один аспект — провал попыток контрреволюции направить армии фронта против Советской власти. Автор опи-

---

[21] Там же, л. 17.
[22] *Покровский М. Н.* Как возникла Советская власть в Москве.— Правда, 1927, 6—7 нояб.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Там же.
[26] *Покровский М. Н.* Большевики и фронт в октябре-ноябре 1917 г.— Красная новь, 1927, № 11.

рался на очень важный комплекс документов — переговоры Ставки Главковерха, ставок фронтов и Военного министерства с 25 октября по 20 ноября 1917 г., которые вскоре после публикации статьи были напечатаны в «Красном архиве».

Работа Покровского имеет вполне определенную направленность. В ней разоблачается пущенная в оборот Троцким легенда, что вооруженное восстание в Петрограде совершили солдаты Петроградского гарнизона, а рабочие якобы только присоединились к ним тогда, когда нужно было отбить поход Керенского—Краснова на Петроград. Покровский приводит свидетельство генерала Марушевского, который в своем донесении генералу Духонину отметил, что «на улицах дрались только матросы и вооруженные рабочие, солдаты запасных полков были апатичны...». К сожалению, он не счел нужным опровергнуть неверное утверждение царского генерала об «апатичности» солдат, что отразило явную упрощенность классового подхода Покровского: пролетарскую революцию совершили-де исключительно рабочие и матросы, которые, по его утверждению, «больше представляли пролетариат, чем крестьянство» [27].

Вместе с тем документы, приведенные Покровским, дали ему возможность показать, как армии Северного и Западного фронтов выступили в поддержку Октябрьской революции, как командование Ставки и этих фронтов оказалось бессильным что-либо противопоставить победоносной социалистической революции. Покровскому удалось раскрыть тактику контрреволюции: не сумев бросить против Петрограда армии фронта, она прибегла к обману и провокациям. В обращениях различных верхушечных организаций к армии утверждалось, что единственным препятствием к заключению мира являются... большевики! В этой провокации, как показал Покровский, генеральскую контрреволюцию поддержали военные миссии союзников при Ставке в Могилеве во главе с французским генералом Лавернем. Вывод, который сделал Покровский из большого документального материала, важен не только как итог исторического исследования, но и как своеобразное признание ошибочности той «левой» позиции, которую автор отстаивал во время Брестских переговоров. «Этот эпизод с попыткой украсть лозунг мира у большевиков чрезвычайно интересен не только исторически, но и политически. ...Он напоминает нам, какое ог-

ромное значение в ноябре-декабре 1917 г. имело действительное заключение мира и как опасно было с этим играть...»[28].

Особо следует выделить в работах Покровского серию статей на тему «Интеллигенция в революции». Вопрос этот достаточно сложен. У Покровского он получил свою окраску и определенную тенденциозность. Известную роль сыграло и то обстоятельство, что реакционная университетская профессура еще до революции презрительно третировала Покровского как ученого, а после Октября усматривала в нем «перебежчика», изменившего своему ученому «сословию». Бойкот, саботаж, а затем участие кадетской профессуры в контрреволюционных заговорах последовательно разоблачались Покровским. Таковы его статьи «Заговор шпионов Антанты», «Наши спецы в их собственном изображении», «Кающаяся интеллигенция», «Разложение продолжается» и др. Однако, захваченный этой борьбой, Покровский зачастую рассматривал всю старую интеллигенцию как сплошную реакционную массу, не всегда распознав в ней представителей различных групп и направлений, представителей ее прогрессивной части, которая поставила свои знания и талант на службу революции. Покровский сам отметил этот недостаток в своей речи в ноябре 1928 г. на юбилейном заседании, посвященном его 60-летию[29].

В этой связи следует остановиться еще на одной особенности исторических произведений Покровского. Его работы являются своеобразным источником по истории революции, свидетельством современника, активного участника событий. Сам Покровский как-то отметил: «Во всякой книге историка, который пишет о своем времени, неизбежно вкрапливаются автобиографические моменты мемуарного характера»[30]. Так, в лекции «Ленин как тип революционного вождя» Покровский рассказал о своих беседах с В. И. Лениным в период столыпинской реакции — о думской тактике, об использовании легальных возможностей и т. д. В этой же лекции приводятся интересные мемуарные свидетельства о внутрипартийной борьбе в период Брестского мира, когда сам автор зани-

---

[27] Там же, с. 158.
[28] Там же, с. 170.
[29] ОРФИИ, ф. 5, оп. 1, д. 273, л. 17.
[30] *Покровский М. Н.* Буржуазная концепция пролетарской революции.— Историк-марксист, 1927, т. 3, с. 77.

мал «левокоммунистические» позиции. У Покровского мы найдем воспоминания о его беседах с В. И. Лениным по библиотечному делу и изложение ленинского плана создания единой библиотечной сети, о преподавании истории революций.

Особенно ценные мемуарные свидетельства содержатся в статье Покровского «Ленин и народное просвещение». Даже в статье «Как возникала Советская власть в Москве», в которой автор специально оговаривает, что он пишет не мемуары, тем не менее имеются многочисленные мемуарные отступления. В них Покровский часто передает такие нюансы настроений участников событий, которые мы вряд ли сможем обнаружить в других источниках; так, он говорит о «жертвенном» настроении некоторых членов советской делегации в Бресте, готовности погибнуть во имя интересов «мировой революции». Интересны его наблюдения о психологии тех групп интеллигенции, которые, не желая видеть «воскресшего помещика при правлении воскресших Романовых», пошли за В. И. Лениным. «И пошли — иные не без тоскливых предчувствий. С тоской смотрели они, как сначала национализировали банки, потом разогнали учредилку... Безумие, утопия. И они готовились к честной революционной смерти: может быть, завтра, может быть, через месяц. Мы свой долг исполнили, а за „эксцессы“, за увлечения, кто же отвечает! Какая же революция без них обходилась?» [31] В данной характеристике психологии «попутчиков» много верного, но в то же время проглядывает и скептическое отношение Покровского даже к той части интеллигенции, которая пошла на службу революции.

В освещении важной проблемы о роли интеллигенции у Покровского явно преобладали злоба дня и раздражение, на недопустимость которого указывал Покровскому В. И. Ленин. Если сравнить ее решение Покровским с тем, как она звучала в творчестве такого его современника, как поэт А. А. Блок, то при общем их критическом отношении к той части интеллигенции, которая не поняла революции, мы обнаружим существенную разницу в их позиции. Все статьи, выступления и поэтическое творчество Блока содержали страстный призыв «слушать революцию». У Покровского не только нет этого призыва, у него — твердая уверенность в политической глухоте старой интеллигенции, в ее неумении и нежелании слушать «музыку революции» и тем более принять

ее. Свою трактовку постоянной конфронтации интеллигенции и революции Покровский сохранил до второй половины 20-х годов.

Покровскому принадлежит инициатива в разработке проблемы о Марксе и Ленине как историках. Статья о К. Марксе была им опубликована еще в 1918 г. Первая работа, в которой Покровский объединил проблему истории социалистической революции и характеристику ее вождя — В. И. Ленина, появилась в 1920 г.[32] В ней выделена одна важнейшая черта В. И. Ленина: умение предвидеть ход исторических событий. Эта черта личности В. И. Ленина как революционного вождя, подчеркивал Покровский, не только врожденный талант, но и результат «совершенной цельности мировоззрения», результат применения марксистской теории, научного прогнозирования. Потрясение, пережитое Покровским в связи со смертью В. И. Ленина, нашло свое отражение в большом цикле статей, написанных в 1924—1927 гг. Он показал В. И. Ленина как революционного вождя, основателя Советского государства. Ему же принадлежала инициатива характеристики В. И. Ленина как историка[33]. Этот цикл статей обнаружил все более глубокое проникновение Покровского в ленинское идейное наследие. Но тут выявилось важное обстоятельство: молодые советские историки — ученики Покровского — овладевали ленинским наследием быстрее и полнее, чем их учитель. И естественно, что, вооруженные ленинской методологией, они стали придирчиво присматриваться к тому, что предлагал Покровский, к его исторической и теоретической концепциям и критиковать то, что их не удовлетворяло.

М. Н. Покровский один из первых поставил вопрос о значении исторических трудов В. И. Ленина и его соратников: «Им нужно было найти тот рычаг, при помощи которого они могли оказать влияние на ход исторического процесса, а для этого им нужно было разобраться в том вихре событий, которым они были охвачены или который хотя бы надвигался на них. От того, насколько правильно нащупают они операционную линию истории, зависела судьба не только их самих, но всего их дела, дела гро-

---

[31] *Покровский М. Н.* Вождь.— Правда, 1920, 23 апр.
[32] *Покровский М. Н.* Вождь.— Правда, 1920, 23 апр.
[33] *Покровский М. Н.* Ленин как тип революционного вождя.— Под знаменем марксизма, 1924, № 2; *Он же.* Ленин в русской революции; *Он же.* Ленин и Маркс как историки.

мадных общественных слоев, целых общественных классов. И, вовсе не желая писать историю, делая эту историю, они вынуждены были строить определенные исторические схемы, которые в одинаковой степени могли и должны были стать и руководством практической деятельности и основными вехами будущего исторического исследования» [34].

В этой очень глубокой и правильной постановке вопроса о революционной практическо-политической функции марксистской исторической науки вместе с тем отразилось характерное для Покровского, а отчасти и для времени, понятие «схемы». Оно применяется им не в уничижительном смысле; это не просто скелет решения той или иной исторической проблемы. «Схема» у Покровского — синоним концепции. Слабость представлений Покровского в этом вопросе заключалась в том, что у него «концепция» предшествовала конкретно-историческому исследованию, а не вытекала из него. Когда он говорил о ленинской «схеме» русского исторического процесса, эта схема существовала для него вне связи с такими крупными исследованиями В. И. Ленина, как «Развитие капитализма в России», серия работ по аграрному и национальному вопросам, «Государство и революция» и др. В ряде случаев у Покровского происходила подмена понятий — он говорил об исторической «схеме» Октябрьской революции, созданной В. И. Лениным еще до Октября, что звучит парадоксально. В действительности же Покровский имел в виду тактический план В. И. Ленина, прогнозирование им событий, а не историческую «схему». Впрочем, сам Покровский подчеркивал разницу между историей событий и «схемой», основанной на прогнозе. Он отмечал, что автор «схемы» — В. И. Ленин «был в высшей степени далек от того, чтобы рассматривать свой прогноз как конкретное изображение того, что должно случиться. Он великолепно сознавал, до какой степени действительность капризна и до какой степени конкретные детали картины — а в них все для практической борьбы — могут измениться даже с сегодня на завтра» [35].

Историографические исследования всегда занимали видное место в работах Покровского. Свой семинар в ИКП он построил на историографическом пересмотре русской исторической науки XVIII—XX вв. Историю исторической науки в России он рассматривал как поле

острой идеологической борьбы, борьбы за марксизм. Пафос его историографических трудов — это пафос разоблачения монархистских, великодержавных концепций как крайне правого крыла реакционной исторической науки, так и либерально-буржуазных и мелкобуржуазных историков.

После победы Октября историографические задачи Покровского несколько видоизменились, хотя главное направление его работы осталось тем же. Октябрь выдвинул как центральную задачу изучение истории революции. Фальсификация этой истории буржуазными и мелкобуржуазными историками опиралась прежде всего на кадетскую концепцию истории России. Особую опасность представляла любая попытка протащить эту концепцию в партийную печать, причесать ее под «марксизм». Именно такую попытку предпринял в 1922 г. Троцкий; и первым, кто поднял оружие исторической критики против Троцкого, был Покровский.

Сейчас же нам необходимо выяснить, как Покровский сражался с главным источником всех «левых» и правых исторических фальсификаций — с кадетской историографией.

Историографическое исследование проблем истории Октября Покровский начал с критики концепций П. Н. Милюкова. Именно отсюда черпали свои аргументы меньшевики, неонародники, троцкисты. Эту роль буржуазной историографии Покровский отмечал еще в своей полемике с Троцким в 1922 г. Милюкову, как историку революции 1917 г., посвящены две работы Покровского [36]. Он сразу же оговаривает, что как историческое исследование рассматриваемая им книга Милюкова [37] не представляет ценности. Автор этой книги не имел в своем распоряжении необходимых источников или пользовался источниками недоброкачественными. Тем не менее она заслуживает рассмотрения, во-первых, по своей концепционной сущности. Во-вторых, она является своеоб-

---

[34] *Покровский М. Н.* Октябрьская революция в изображениях современников.— Историк-марксист, 1927, № 5, с. 3.

[35] Там же.

[36] *Покровский М. Н.* Противоречия г-на Милюкова. М., 1922; *Он же.* Буржуазная концепция пролетарской революции. М., 1927.

[37] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. София, 1921, Т. 1, ч. 1. Противоречия революции.

разным памятником понимания или, вернее, непонимания буржуазным идеологом характера и хода революции. В-третьих, весьма полезна для выяснения позиций русской буржуазии в 1917 г., для характеристики российской контрреволюции и раскрытия причин краха белогвардейщины. И, наконец, подчеркивал Покровский, книги Милюкова содержат весьма интересный мемуарный материал, который служит ценным источником по истории буржуазной мысли революционной эпохи.

«Противоречия г-на Милюкова» — одна из самых ранних историографических работ в советской исторической науке. Брошюра Покровского под таким названием вышла в 1922 г. Будущие советские историографы в большинстве своем еще проходили «школу», историографические выступления В. А. Быстрянского, В. И. Невского и других носили ярко выраженный публицистический характер. Работа Покровского против Милюкова отличалась прежде всего тем, что в ней критически рассматривалась не только концепция Милюкова, но и ее фактическая основа. И Покровскому удалось блестяще доказать несостоятельность этой основы.

Работы Покровского интересны тем, что в них показан крах всей исторической концепции Милюкова. Когда Милюков пытался объяснить причины и ход революции 1917 г., то от его старой теории «народной обороны от степи», о государстве как демиурге истории не оставалось и следа. Возникла «новая» теория, по которой государство было «наложено» сверху на родовой строй, государственная власть на Руси всегда оставалась чуждой народу, а сам народ по своей природе был склонен к анархии и бунтам. Покровский показал, что «новая» теория явилась перепевом славянофильских концепций, шагом назад от школы В. О. Ключевского. Но и на этих позициях, отмечал Покровский, Милюков не удержался. Противореча своей же «теории», Милюков вынужден был признать, что в основе борьбы крестьянства в 1917 г. лежала отнюдь не склонность к анархии, а вполне реальное стремление ликвидировать помещичье землевладение и получить землю. Покровский считал это признание Милюкова весьма важным, так как оно свидетельствовало, что буржуазный историк вынужден был привнести в свою концепцию элемент классового анализа. Вместо теории, утверждавшей, что безликая народная масса прикрыта, как колпаком, государственной властью, «выра-

стает другая теория, что русская история — крестьянская история...»[38].

В этой теории Милюкова М. Н. Покровский распознал ее реставраторскую сущность. Крестьянство понадобилось Милюкову потому, что в нем кадетский лидер увидел единственную реальную силу, на которую может опереться контрреволюция. Покровский назвал эту концепцию Милюкова антипролетарским, контрреволюционным пониманием русской истории. Милюков, писал Покровский, «хватается за те классы, которые кажутся ему враждебными социалистическому строю, но которые в действительности враждебными не являются»[39].

Блестяще разоблачил М. Н. Покровский клеветнические контрреволюционные измышления о некоей «роли германского Генерального штаба» в революционном движении 1917 г. Если в книге «История второй русской революции» Милюков строил свою «схему» на этом мифе, основываясь на «показаниях» заурядного шпиона царской разведки Ермоленко, то после статьи Покровского «Противоречия г-на Милюкова» последнему пришлось отказаться от этой версии. В новой книге Милюкова «Распад России» о Ермоленко не было уже ни слова. Покровский не без иронии писал по этому поводу, что Милюков, «когда ему доказали, что Ермоленко бывший царский шпик, бывший охранник... после этого Милюков, поскольку в нем остались следы исторической совести, не мог воспроизвести Ермоленка»[40].

М. Н. Покровский явно преувеличил «добросовестность» Милюкова, который взамен показаний Ермоленко взял на вооружение миф о том, что большевистский лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения подсказан был... теми же немцами. Покровский отметил, что история сыграла злую шутку с Милюковым — этот некогда «разоблачитель» германского Генерального штаба стал в 1918 г. придерживаться германской ориентации, видя в кайзеровской Германии силу, способную сокрушить большевизм. Об этой странице своей биографии, как правильно подчеркивал Покровский, «патриот» Милюков умалчивал.

---

[38] *Покровский М. Н.* Буржуазная концепция пролетарской революции.— Историк-марксист, 1927, т. 3, с. 76.

[39] Там же, с. 77.

[40] Там же, с. 69.

Справедливо усмотрел М. Н. Покровский характерную черту буржуазной контрреволюции — ее готовность пойти на союз с любым вчерашним «врагом» против пролетарской революции. «Милюкову не приходит в голову, что настоящий распад старой России в таких фактах и выражается, как выражался, впрочем, и во время Великой французской революции, когда поступление французских эмигрантов на службу в Австрии, в России означало их духовную смерть»,— писал Покровский [41].

В 1927 г. Покровский предпринял наиболее результативную попытку изложить свое понимание ленинской концепции Октября. В статье «Октябрьская революция в изображениях современников» он решал двоякую задачу: стремился показать сущность ленинской концепции истории Октября и с этих позиций подвергнуть критике концепцию Троцкого. Статья была задумана как первая в серии историографических очерков по истории Октября. Об этом говорит сам Покровский, который называл свою статью «первым очерком» и отметил его знаком «1» [42]. Две концепции, две «схемы» революции противостояли друг другу, «как два метода руководства революцией» [43]. Покровский считал невозможным изучение истории Октябрьской революции, «не выяснив во всех подробностях своего отношения как к ее действительно марксистской схеме, так и к искажению последней» [44]. Исходные идейные основы ленинской концепции Покровский видит в «Двух тактиках...», в «Итогах дискуссии о самоопределении» и других работах В. И. Ленина. Ценность этой работы Покровского заключается в том, что он предпринял попытку изучить «ход мыслей» В. И. Ленина в их историческом развитии.

Остроумно, последовательно, то с иронией, то с сарказмом Покровский вскрывает несостоятельность троцкистских утверждений о «перевооружении» большевизма. Он не оставляет камня на камне от этих построений Троцкого, доказав, что в работах 1905—1917 гг. В. И. Ленин последовательно разрабатывал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Работы В. И. Ленина до 1905 г. Покровский не использовал, видимо тогда еще не зная многих из них. Он особенно подчеркивал такие положения В. И. Ленина, как роль первой мировой войны в ускорении революционного процесса, в сближении буржуазно-демократического и социалистического этапов революцион-

ного процесса. В ленинских тезисах 1915 г. Покровский подчеркнул те положения, которые свидетельствовали, что ближайшим этапом революции в России будет этап буржуазно-демократический, который принесет с собой и новую расстановку классовых сил: «Коалиция пролетариата и беднейшего крестьянства намечается в тезисах 1915 года достаточно определенно» [45]. Этим самым Покровский отходил от своих ошибочных взглядов в оценке Февральской революции как революции социалистической. «Письма из далека» он рассматривал как конкретный план перехода от Февраля к пролетарской революции, обратив внимание на те новые моменты исторической обстановки после Февраля, которые послужили для В. И. Ленина объективной основой развития его теории социалистической революции. Однако Покровский не оценил должным образом такого своеобразного явления, созданного в ходе Февральской революции, как двоевластие, хотя очень близко подходил к пониманию этой проблемы.

Несомненной заслугой Покровского является выделение в концепции В. И. Ленина положений о соотношении демократических и социалистических задач Октябрьской революции, о решении буржуазно-демократических задач «походя, мимоходом, как „побочный продукт" нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы» [46].

С позиций ленинской концепции Покровский подверг уничтожающей критике троцкистскую фальсификацию истории Октября. Он был одним из тех профессиональных историков, которым принадлежит заслуга выступления против троцкистской концепции русского исторического процесса еще в начале 20-х годов XX в. Тогда, в 1922 г., Покровский в ожесточенной полемике с Троцким доказал, что последний позаимствовал свою «схему» исторического процесса у буржуазных историков государственной школы. Теперь, в 1927 г., Покровский раскрыл,

---

[41] Там же, с. 73.
[42] Историк-марксист, 1927, № 5, с. 3.
[43] Там же, с. 4.
[44] Там же.
[45] Историк-марксист, 1927, № 5, с. 8.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 147; См.: *Покровский М. Н.* Октябрьская революция в изображениях современников.— Историк-марксист, 1927, т. 5, с. 14—15.

к чему привела Троцкого его идеалистическая антимарксистская методология.

В противоположность В. И. Ленину, у которого в основе анализа революционного процесса от Февраля к Октябрю лежал классовый принцип, исследование соотношения классовых сил в стране, Троцкий считал, что это соотношение не изменялось на всем протяжении 1917 г., менялось-де лишь настроение масс, причем вне связи с объективным состоянием классовой борьбы. Покровский справедливо назвал такую интерпретацию событий «карикатурой на марксизм». «Решает все „настроение", „соотношение сил меняется в зависимости от настроения пролетарских масс",— иронизировал Покровский.— В феврале у пролетариата не было „настроения" — он не взял власти, в октябре „настроение" пришло — он взял власть» [47]. Процессы, которые В. И. Ленин проанализировал в «Грозящей катастрофе...», как и крестьянское восстание в сентябре-октябре 1917 г., Троцкий просто не принимал в расчет, что полностью роднило его идеи с меньшевистской концепцией революции 1917 г. Как верно отметил Покровский, Троцкий игнорировал «объективные сдвиги именно в классовых отношениях» [48].

Покровский показал также, что по вопросу о роли крестьянства в революции позиции Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева совпадали. Оба они считали, что добросовестное оборончество имело своей базой «национально-патриотическую ограниченность деревни» [49]. Принцип классового анализа применялся ими, так сказать, наизнанку. Добросовестное оборончество масс (и не только крестьянства, но и части рабочих) отнюдь не было выражением классовых интересов трудящихся крестьян и тем более рабочих. Оно потому и было названо В. И. Лениным «добросовестным», ибо массы — в классовом смысле — не заинтересованы в войне, в аннексиях, в удушении свободы других народов. В добросовестном оборончестве сказывалась идеологическая зависимость масс от буржуазии, их несознательность, забитость, неорганизованность, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Покровский привел эти положения В. И. Ленина, противопоставляя их взглядам Троцкого и Зиновьева. «Итак,— заключал Покровский,— отсутствие симпатии к классовому анализу, попытки избежать этого анализа и теоретически оправдать такие уклонения тем, что «история строится не только классовыми отношениями»,— все это лишь прояв-

ление спасительного чувства самосохранения: там, где Троцкий пытается классово обосновать свои формулировки, это ему не удается» [50].

Покровский не раскрыл сущности глубокого противоречия концепции Троцкого: при негативной оценке крестьянства как реакционной силы, он именно крестьян-солдат Петроградского гарнизона изображал как главную силу Октябрьского вооруженного восстания. Рабочие, по Троцкому, только с интересом наблюдали, как развивался конфликт солдат гарнизона с командованием штаба округа. А уже когда солдаты восстали, рабочие присоединились к ним. Покровский пытается объяснить такую непоследовательность Троцкого тем, что у него, в отличие от В. И. Ленина, вообще никакой «схемы» не было. «Ленин руководился фактами, которые действительно имели место. Троцкий отправляется от своих впечатлений, созданных фактами, которые иногда действительно имели место, иногда никогда не имели места и являются созданием творческой фантазии»,— писал Покровский [51].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Покровскому вполне удалось доказать методологический порок рассуждений Троцкого — отказ от классового анализа событий 1917 г. Но раскрыть объективный смысл содержания антимарксистской троцкистской схемы истории Октябрьской революции (а эта схема как раз имелась!) Покровский не сумел, хотя подошел он к ее пониманию очень близко. Если судьба революции в России решается в Европе, как утверждал Троцкий, то только цепь случайностей могла помочь силам революции продержаться до победы европейского пролетариата. На это звено концепции Троцкого Покровский указал, но на этом он и остановился. Иными словами, он остановился там, где исторически, логически и политически раскрывалось отрицание Троцким закономерности победы Октябрьской революции. А ведь именно в этом звене смыкалась концепция Троцкого с концепциями меньшевиков.

Заслугой Покровского является его критика двух,

---

[47] *Покровский М. Н.* Октябрьская революция в изображениях современников.— Историк-марксист, 1927, т. 5, с. 17.
[48] Там же, с. 18.
[49] Там же, с. 24, 26.
[50] Там же, с. 31.
[51] Там же, с. 34.

противостоящих марксизму, концепций Октябрьской революции — кадетской (Милюков) и меньшевистско-троцкистской. При всей незавершенности этой критики она была существенной частью общей борьбы ленинизма, партии коммунистов на идеологическом фронте против буржуазной и мелкобуржуазной историографии.

Итоги своей многолетней работы по истории России Покровский подвел в небольшой статье, основанной на стенограмме его выступлений на трех семинарах в Институте Красной профессуры в ноябре-декабре 1930 г. и феврале 1931 г.[52] Эта статья для нас важна, так как в ней автор в значительной мере пересматривает свои взгляды на проблему предпосылок трех революций в России. Она была написана Покровским в условиях тяжкой, смертельной болезни и является свидетельством его беспощадно-самокритичного отношения к ошибочным положениям своих взглядов о предпосылке трех революций в России, пересмотром своей исторической концепции. Он отбрасывает положения о «торговом капитализме», показывает действительное место и роль торгового капитала в экономическом развитии России, раскрывает значение теории социально-экономических формаций. Наряду с положениями о «примитивной экономической основе» развития России он подвергает также критике тезис Н. И. Бухарина о России как о стране со слабым уровнем развития капитализма. Он вносит, опираясь на труды В. И. Ленина, поправку в свое понимание социальной сущности самодержавия в XIX—XX вв. Но главное, что волнует Покровского в этой статье (как и в полемике против Троцкого),— вопрос о социально-экономических предпосылках Октябрьской революции как революции социалистической. И вопрос этот решается им на основе строгой научности.

М. Н. Покровский был связующим звеном между двумя поколениями советских историков. Первое поколение вышло из среды профессиональных революционеров, активных участников борьбы за победу Великого Октября. Для этого поколения историческая наука не была главным делом их жизни, а составляла как бы дополнительное оружие к тому арсеналу, которым они пользовались как партийные и государственные деятели.

Второе поколение формировалось после победы Великой Октябрьской социалистической революции, прошло испытания гражданской войны, накопило огромный по-

литический опыт и постепенно формировалось в кадровый отряд профессиональных историков.

Покровский принадлежал и к тем и к другим. Он еще до Октября был профессиональным революционером и профессиональным историком. Он мог с полным основанием сказать о себе, что принадлежит к тем, кто творил революцию и писал ее историю. Но именно это обстоятельство наложило определенный отпечаток на психологический облик историка. Покровский понимал это. «Как странно,— отмечал он,— писать их историю (историю трех русских революций.— *Е. Г.*) нашему поколению, выросшему под знаком *ожидания революции*» [53].

Нужны были большая прозорливость, методологическая вооруженность, умение критически оценить свой собственный опыт, не смешивая субъективные оценки с объективным ходом исторического процесса. Покровский не всегда справлялся с этой трудной задачей. Полтора десятилетия после победы Октября были для него периодом острых сражений не только с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, но и с самим собой, постоянно преодолевающим ошибки и противоречия своей исторической концепции. И в этом смысле труды талантливого историка и крупного организатора советской исторической науки являются памятником советской исторической мысли.

В последние годы своей жизни Покровский интенсивно работал над пересмотром своей исторической концепции. В работе о 1905 г.[54] он, опираясь на труды В. И. Ленина, пересматривает свою характеристику социальной сущности самодержавия. Он трактует царизм как диктатуру помещиков, которая держится своей монополией на землю. Покровский обращает внимание на недопустимость смешения буржуазной и социалистической революций; подвергает основательной критике троцкистскую «теорию» перманентной революции, вскрывает меньшевистскую суть этой теории, ее главную идею о реакционной роли крестьянства. Он снова, как и в 1922 г., разоблачает троцкистскую «теорию» внеклассового происхождения самодержавия, показав вместе с тем порочность

---

[52] *Покровский М. Н.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России.— Борьба классов, 1931, № 2.

[53] *Покровский М. Н.* Два Октября.— Спутник агитатора, 1925, № 18, с. 30.

[54] *Покровский М. Н.* 1905 год. М., 1930.

и антиисторичность утверждений Л. Д. Троцкого о наносном характере капитализма в России, который якобы был создан самим царизмом.

В работах о 1905 г. Покровский снова обращается к ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Его интересует проблема развития этой теории в трудах В. И. Ленина. В статье «1905 год» [55] он последовательно критикует тех историков, которые отрицали постановку этой проблемы Лениным в 1905 г. Покровский внес также существенные дополнения в критический анализ троцкистских «теорий», показав, что в их основе лежало отрицание руководящей роли пролетариата по отношению ко всем непролетарским слоям трудящихся.

Таким образом, в последние два года своей жизни Покровский значительно продвинулся на пути овладения ленинским теоретическим наследием.

М. Н. Покровский сыграл крупную роль в истории изучения двух революций 1917 г. Он первым взялся за формирование архивных фондов по истории революций и первым же прикоснулся к ним рукой исследователя. В результате появился цикл его работ по истории 1917 г., в известной мере сохраняющий свое значение и на современном этапе. Боевая направленность его историографических работ, его постоянная борьба против кадетской и троцкистско-меньшевистской концепций истории революции служат и сейчас советской исторической науке.

Глава третья

ДИСКУССИИ 20-х ГОДОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИОГРАФИЮ

Развитие советской исторической науки в первое десятилетие ее существования теснейшим образом связано с идеологической борьбой этого времени, опыт которой оказал огромное влияние на разработку истории Октябрьской революции. В этой борьбе сталкивались различные исторические концепции и оценки характера и движущих сил Октябрьской революции, ее значения, как силы, пре-

---

[55] *Покровский М. Н.* 1905 год.— Большевик, 1931, № 1.

образующей общество на социалистических началах, роли Октября в мировом революционном процессе.

Особое место в историографии занимают 1923—1924 гг., когда в центре дискуссий оказались вопросы истории Октября, оценка основных этапов революции, роли большевистской партии, ее Центрального Комитета, ее вождя — В. И. Ленина. Впервые вопросы истории партии, истории революции приобрели такое огромное значение, оказались в центре внутрипартийных дискуссий. Дискуссии явились серьезным испытанием не только для самой партии, проверкой крепости и монолитности ее рядов, но и для марксистско-ленинской исторической науки, проверкой ее зрелости и методологической вооруженности.

Дискуссиям 1923—1924 гг., борьбе партии против троцкизма в эти годы предшествовали литературные выступления Покровского против Троцкого по таким, казалось бы, сугубо академическим вопросам, как социальная сущность самодержавия и характер классов русского общества, особенности русского исторического процесса. Это «частное» идеологическое сражение не всегда связывают с внутрипартийной дискуссией, в центре которой стояли вопросы непосредственной истории Октября. Между тем такая связь была, и ее отчетливо осознавали участники дискуссий. Сам Троцкий утверждал, что с его пониманием русского исторического процесса связана его концепция характера и содержания Октябрьской революции. Покровский позже писал, что он очень скоро понял: «Речь может идти не о случайной фактической ошибке, а только об известном *мировоззрении*, тесно связанном с *практической* политикой Троцкого» [1].

Поводом для дискуссии послужило введение, написанное Троцким к его книге «1905 год». В этом введении, опубликованном в 1922 г., Троцкий развернул свое понимание внеклассового происхождения русского государства, которое возникло якобы только из нужд обороны страны. Государство создало классы русского общества, насадило промышленность и превратилось в самодовлеющую, независимую силу. В результате всего этого классовая структура русского общества оказалась примитивной, рабочий класс внутри страны не имел союзников и мог рассчитывать в случае революционного развития событий

[1] *Покровский М. Н.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России.— Борьба классов, 1931, № 2, с. 79.

только на государственную помощь западноевропейского пролетариата.

Против этой концепции и выступил Покровский. Прежде всего он установил, что историческая концепция Троцкого заимствована им у П. Н. Милюкова и П. Б. Струве. Покровский показал, что у Троцкого «независимость» царизма превращается в надклассовость и бесклассовость, в организацию, стоящую над обществом, возникшую в условиях экономической отсталости России.

В своем ответе Троцкий выдвинул положение, что Россия была колонией западноевропейского капитализма. Таким образом троцкистская концепция социально-экономической примитивности структуры России и отсутствия в ней предпосылок для социалистической революции должна была получить «подпорку». Покровский подверг критике и эти положения. Он показал, что сама Российская империя была колониальной державой. Опираясь на недавние свои высказывания (1920 г.), Покровский назвал предрассудком тезис о медленном историческом развитии России. Напротив, он подчеркнул, что развитие капитализма в России было катастрофически быстрым, что Россия была страной, «не знавшей... постепенных переходов». Все эти вопросы, как справедливо подчеркивал Покровский, подводят «к центральному вопросу всей дискуссии: как была возможна в России пролетарская революция» [2]. Полемизируя, Покровский не всегда стоял на последовательных марксистских позициях, его аргументация иногда строилась на теории борьбы торгового и промышленного капитализма, он не понимал *сравнительной* самостоятельности русского абсолютизма.

Тем не менее ему принадлежит заслуга, что он еще в 1922 г. раскрыл связь исторической концепции Троцкого с его антиленинской политикой, с отрицанием социалистического характера Октябрьской революции.

Между тем события на идеологическом фронте приобрели острый характер. В 1923 г. Троцкий предпринял атаку против партии по вопросам экономической политики, отношению к крестьянству, военному вопросу, внешней политике. В конце 1923 — начале 1924 г. Троцкий опубликовал статью, а затем брошюру «Новый курс», в которой выдвинул ряд положений по вопросам истории большевизма и Октябрьской революции — о расчленении большевизма на две части до 1917 г. и после, когда произошло «идейное перевооружение» большевизма на осно-

ве его, Троцкого, теории перманентной революции. В это же время сторонники Троцкого утверждали, что в Советской России действует «закон первоначального социалистического накопления», в соответствии с которым крестьянство рассматривалось как «колония» для развития промышленности в СССР.

XIII партийная конференция осудила троцкистскую оппозицию, охарактеризовав ее как мелкобуржуазный уклон в партии, как прямой отход от ленинизма [3].

Однако уже после конференции Троцкий опубликовал брошюру о Ленине и статью «Уроки Октября», которые явились фронтальной атакой по основным вопросам ленинизма, истории большевизма и Октябрьской революции. Начался новый этап дискуссии, развернувшейся в 1924 г. на страницах партийной печати.

В передовой статье партийного журнала «Большевик», который начал выходить в 1924 г., партийная дискуссия характеризовалась таким образом: «Не бывает худа без добра. Так, последнее фракционное выступление Троцкого с „Уроками Октября", наносящее несомненный вред партии и Коминтерну, в то же время заставило партийную массу еще и еще раз обратиться к основам ленинизма и к партийной истории, чтобы тем сознательнее и продуманнее оказался ее решительный и абсолютно единодушный отпор троцкизму» [4].

Нельзя сказать, чтобы идеи Троцкого, выдвинутые им в брошюре «О Ленине» и статье «Уроки Октября», были новыми. Легенды о заговорщической тактике Ленина, о недооценке им Советов, о стихийно-крестьянской подоплеке ленинизма были взяты Троцким из старого меньшевистского арсенала, или частично возрождены из его же, Троцкого, опыта антибольшевистской борьбы еще до революции 1917 г. Новым был тезис об идейном перевооружении большевизма в 1917 г., о развитии событий от Февраля к Октябрю по его, Троцкого, плану, и в соответствии с этим была и предложенная Троцким периодизация революции 1917 г.

Чем же объяснить, что вопросы, относящиеся, казалось бы, к сугубо историческим, стали в центре всей идео-

---

[2] *Покровский М. Н.* Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма.— Правда, 1922, 5 июля.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 511.

[4] Большевик, 1924, № 15/16, с. 3.

логической борьбы, в центре партийной жизни того времени? Чем объяснить такой жгучий интерес к вопросам истории не только среди коммунистов, но и в массах народа? Повторилось то, на что неоднократно обращал внимание Ленин: теоретические споры и ожесточенные дискуссии предшествовали выработке исторических решений о дальнейших путях развития социалистического строительства, предвосхищали те мировые проблемы, которые пришлось решать партии, вступившей во второй половине 20-х годов на путь смелого и последовательного преобразования всей социально-экономической жизни страны.

Против Троцкого выступили крупные деятели партии — активные участники Октябрьской революции. Вопросы, поднятые в дискуссии, затрагивали их не только как ленинцев, всегда сражавшихся за чистоту революционной теории, но и как участников, борцов за революцию. Это была их собственная история, история их жизни, их борьбы, что и придало особую остроту идеологическим сражениям, которые развернулись в 1923—1924 гг. В одинаковой степени это относится и к той части профессиональных историков партии и Октября, партийных публицистов, которые также прошли испытания революции и гражданской войны. И. И. Скворцов-Степанов, А. С. Бубнов, Н. А. Скрыпник, М. С. Ольминский, М. В. Фрунзе, И. В. Сталин, Е. М. Ярославский, Я. А. Яковлев, В. И. Невский неоднократно выступали в печати по вопросам истории партии и истории Октября, некоторые из них были авторами книг, статей, исторических исследований.

Борьба с троцкизмом достаточно детально исследована в ряде современных монографических трудов, среди которых выделяются работы В. М. Иванова и А. Н. Шмелева [5]. Нас в данном случае интересуют в первую очередь те аспекты, которые относятся к проблемам исторической науки и в особенности к историко-партийной ее отрасли. Поскольку дискуссия охватывала значительный круг исторических проблем, вопросов истории Октября, истории большевизма, то следует ответить по крайней мере на три вопроса. Во-первых, насколько историческая наука была подготовлена к дискуссии против троцкизма; во-вторых, каковы были непосредственные результаты дискуссии для исторической науки; и наконец, в-третьих, отдаленные результаты дискуссии, ее влияние на разви-

тие фундаментальных исследований во второй половине 20-х — начале 30-х годов.

Отдавая должное серьезной исследовательской работе, проделанной В. М. Ивановым, следует критически рассмотреть его положение о подготовленности историко-партийной науки к дискуссии. В. М. Иванов пишет: «Огромная работа, проводившаяся партией по распространению историко-партийных знаний, существенно тормозилась слабостью исследовательской работы в области истории РКП(б), *отсутствием полноценной и доброкачественной историко-партийной литературы»* [6]. Обращаем внимание на внутреннюю противоречивость этого положения. Партия проводила огромную работу по распространению историко-партийных знаний, а доброкачественной, полноценной литературы не было, она *отсутствовала.* Что же в таком случае распространяла партия? Или распространение шло на холостом ходу? Как, в какой степени историко-партийная наука была вооружена перед лицом идеологического натиска троцкизма?

Необходимо учесть, что партия за 1917—1922 гг. прошла через ряд крупных этапов борьбы с правыми и «левыми» капитулянтами, борьбы, которая велась под непосредственным руководством Ленина. В острейших идеологических схватках — с Зиновьевым, Каменевым, Троцким в 1917 г., с Троцким и Бухариным в период Бреста, с троцкистскими и другими антипартийными группами во время профсоюзной дискуссии — ставились и решались коренные вопросы революции: о ее характере и движущих силах, союзниках пролетариата, сущности и функциях диктатуры пролетариата, путях социалистического строительства и возможности победы социализма в России.

Историческая наука не стояла в стороне от этой борьбы, она активно в ней участвовала. В ходе борьбы крепли и закалялись кадры историков, многие из них освобождались от ошибок и заблуждений. Огромное значение имел тот факт, что ко времени начала дискуссии 1924 г. была закончена в основном публикация первого издания Сочинений В. И. Ленина.

---

[5] *Иванов В. М., Шмелев А. Н.* Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970; *Иванов В. М.* Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма, 1921—1929. Л., 1973.

[6] *Иванов В. М.* Указ. соч., с. 61 (курсив мой — *Е. Г.*).

Еще в 1921 г., при жизни В. И. Ленина, вышли в свет две части XIV тома первого издания его Сочинений, в которые были включены произведения за 1917 г. В 1922 г. на том отозвался В. В. Адоратский, выступив с очень содержательной историко-методологической статьей [7], которая и сейчас не потеряла своего значения.

Когда вышел XV том первого издания Сочинений В. И. Ленина, на него немедленно откликнулся Н. Овсянников, который показал историческое значение борьбы Ленина «против троцкизма и левого коммунизма» в период Бреста [8]. Необходимо решительно отвергнуть представление, бытующее в некоторых историографических работах, что произведения Ленина в эти годы были мало известны и не получили широкого распространения. Н. К. Крупская писала в 1924 г.: «Ленина теперь усердно читают. Спрос на его сочинения громадный. Его не только читают, его изучают» [9]. Крупская напомнила стихотворение Лессинга, которое Ленин процитировал в «Друзьях народа»: «Мы хотели бы, чтобы нас поменьше прославляли и побольше читали».

Нельзя при рассмотрении состояния историко-партийной науки (и исторической науки в целом) исключать из нее основу, фундамент — Сочинения Владимира Ильича. Ни до революции, ни в первые годы Советской власти (1917—1920) партия не имела в своем распоряжении такой сети научных центров, разрабатывавших историко-партийную проблематику, как в 1921—1924 гг. Но не будем ссылаться на существование большой сети учреждений Истпарта,— важна реальная научная разработка историко-партийных проблем к 1923—1924 гг. Боевой орган Истпарта журнал «Пролетарская революция», как и другие истпартовские журналы — «Красная летопись», «Летопись революции», систематически публиковали статьи по истории партии и истории трех русских революций.

Интересно отметить реакцию А. И. Елизаровой, одного из старейших членов партии и руководителей Истпарта, на попытку поставить под сомнение значение журнала «Пролетарская революция». Такая попытка была предпринята на страницах журнала «Былое» в 1923 г. Рецензент рассмотрел первые четыре книги «Пролетарской революции» и стал оспаривать тезис, что это первый исторический журнал пролетарской революции. В своем ответе А. И. Елизарова писала: «„Пролетарская револю-

ция" не претендует, что до нее не было никаких книг и журналов по истории революционного движения, но это не мешает ей быть первым периодическим журналом по истории пролетарского движения»[10].

Ошибочно предполагать, что публикации по истории Октября носили в это время главным образом описательный характер. Опубликованные в 1918—1923 гг. труды таких партийных историков и публицистов, как Н. К. Крупская, И. И. Скворцов-Степанов, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский, В. А. Быстрянский, В. В. Адоратский, Э. И. Квиринг, Н. Н. Батурин, Я. А. Яковлев, К. П. Новицкий, были написаны на высоком идейно-теоретическом уровне и вооружали партию в ее идеологической борьбе. Широко развернулась также публикация источников. Обратим внимание только на важнейшие из них. Еще в 1921 г. в «Пролетарской революции» были помещены «Октябрьские бюллетени ЦК большевиков». К 1923 г. были напечатаны протоколы VI и VII съездов партии, часть протоколов ЦК за октябрьский период 1917 г., протоколы Петербургского Комитета партии за сентябрь — декабрь 1917 г.

В 1918—1923 гг. вышли в свет ценнейшие мемуары участников революции — А. С. Бубнова, К. Е. Ворошилова, Н. Ф. Свешникова, А. В. Шотмана, А. В. Луначарского, Н. И. Подвойского, А. Г. Шлихтера и многих других. В эти годы стали публиковаться научно-вспомогательные издания, и важнейшие из них — хроники революционных событий. В 1923 г. были изданы первые три тома шеститомной хроники «Революция 1917 года».

Конечно, с точки зрения современного уровня науки в литературе того времени легко обнаружить пробелы, ошибки, неточности. Но отвечая на первый из поставленных нами вопросов, мы можем твердо сказать, что весь комплекс историко-партийных трудов и материалов, увидевших свет в 1918—1923 гг., и в первую очередь труды Ленина вооружали партию ленинской концепцией истории Октября как социалистической революции, способствуя последовательной борьбе с троцкизмом.

---

[7] *Адоратский В. В.* Марксистская диалектика в произведениях В. И. Ленина.— Печать и революция, 1922, № 2.

[8] *Овсянников Н.* ЦК РКП(б) и Брест.— Современник, 1922, № 1.

[9] *Крупская Н. К.* Предисловие к книге П. Керженцева «Ленинизм». М., 1924, с. 3.

[10] Пролетарская революция, 1923, № 3, с. 325.

Важную роль в разработке ленинской концепции истории Октября и в борьбе с троцкистскими фальсификациями сыграли статьи, лекции и выступления И. В. Сталина. Еще в 1923 г. он опубликовал статью «Октябрьская революция и вопрос о средних слоях» [11], весь пафос которой был направлен против социал-демократического отрицания роли крестьянства и угнетенных народов как союзника пролетариата в революции. Его лекции «Об основах ленинизма» (1924 г.), выступление на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС «Троцкизм или ленинизм?», предисловие к книге «На путях к Октябрю» («Октябрьская революция и тактика русских коммунистов») [12] нанесли сокрушительный удар по троцкистским фальсификациям истории Октября. Сталин выделил в истории Октября основные факты для каждого из периодов перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции. Его выступления оказали значительное влияние на последующую историографию Октября. В работах Сталина излагались основные идеи Ленина о стратегии и тактике партии в борьбе за диктатуру пролетариата.

Дискуссия по «Урокам Октября» еще раз показала не только организационную, но и идеологическую монолитность ленинской партии. Но так как эта дискуссия носила особый характер — была непосредственно связана с проблемами истории партии, истории Октября, то необходимо ответить на вопросы: что дала эта дискуссия исторической науке? Какой вклад был внесен ее участниками в историографию Октябрьской революции?

Важнейшим итогом дискуссии явилась разработка вопроса о единстве всей истории большевизма. Полностью была разоблачена концепция Троцкого о «расчленении» истории большевизма на две части — до 1917 г., когда Ленин якобы не ставил вопроса о переходе от буржуазной революции к социалистической, и после, когда большевизм якобы «идейно перевооружился» в духе троцкистской теории перманентной революции. Приверженцы этой концепции пытались доказать, что до 1914 г. Ленин разрабатывал тактику, рассчитанную на доведение до конца буржуазно-демократической революции, и только после 1914 г. он поставил вопрос о переходе от буржуазно-демократической революции к социалистической. Этот второй период, утверждали они, отнюдь не вытекал логически из первого. Отсюда следовали имеющие прин-

ципиальное значение вопросы о роли Ленина и партии в революции и непосредственно в вооруженном восстании, о характере вооруженного восстания, о различных типах (формах) перехода власти к Советам.

Наиболее важные, крупные выступления защитников ленинской концепции Октябрьской революции были объединены в сборнике, выпущенном в 1925 г.[13]

Один из важнейших вопросов о соотношении партии и массы трудящихся поставила Н. К. Крупская. Она показала, что именно эта проблема для Троцкого как раз и не существовала. Он подменил ее вопросом об отношениях в руководящих органах партии, но и этот вопрос не смог решить, не прибегая к искажениям. Статья Крупской интересна и как драгоценное свидетельство не только активного участника событий, но и ближайшего к Ленину человека. Находясь в подполье, вспоминала Н. К. Крупская, Ленин знал, что происходит в различных уголках страны. «Ему много писали, писали обо всем, что делалось, чем жила организация. А Ильич умел не только слушать, но и читать, часто между строк. Именно потому, что была спайка между ЦК и всей организацией в целом, можно было победить» [14].

В ходе дискуссии высказывались резко критические оценки книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Н. К. Крупская дала точную характеристику этой книги. «Некоторые думают,— писала она,— что не надо давать больше молодежи Джона Рида. Там есть неточности, легенды. Это верно. По Риду нельзя изучать историю партии. Почему все же эту книжку так усиленно рекомендовал Владимир Ильич? Да потому, что в Джоне Риде не в этом центр тяжести. У Джона Рида прекрасно, художественно изображена психология, настроение солдатских и рабочих масс, делавших Октябрьскую революцию, беспомощность буржуазии и ее прислужников... Молодежи надо знать не только историю партии, не менее важно почувствовать трепет жизни Октябрьской революции и ее веяние» [15].

Важное значение для историографии Октября имели

---

[11] *Сталин И. В.* Соч., т. 5.
[12] Там же, т. 6.
[13] За ленинизм. М.; Л., 1925.
[14] Там же, с. 154.
[15] Там же, с. 155.

статьи И. И. Скворцова-Степанова, А. С. Бубнова, Э. И. Квиринга, Д. Лебедя и других.

Против троцкистской концепции выступил Э. Квиринг. Ссылаясь на ленинские труды «Что такое „друзья народа“...», «Что делать?», на работы 1905—1907 гг., он показал порочность взглядов Троцкого. Реальная действительность подтвердила предвидение Ленина, подчеркивал Квиринг. Расстановка классовых сил оказалась именно такой — сначала со всем крестьянством против средневековья, затем с беднейшим крестьянством, с полупролетариатом — против капитализма. И попытка поставить китайскую стену между этими процессами обречена на провал [16].

И. И. Степанов поставил своей задачей раскрыть родство концепции Троцкого с буржуазными фальсификациями истории 1917 г. Троцкий, так же как буржуазные историки, не рассматривал историю революции как историю движения масс, так же как и они, игнорировал историю руководящей деятельности Ленина и ленинской партии. Степанов показал, что Октябрьская революция была подготовлена длительной историей революционной борьбы масс, «тяжелой, мучительной, кровавой, но в последнем счете оказавшейся великолепною школой» [17]. Полтора десятилетия до Октября были для партии годами, когда она накопила «колоссальный опыт наступлений, отступлений и напряженной борьбы с врагами, попутчиками и путаниками...» [18]. Степанов широко использовал в своей аргументации программные работы Ленина 1915 г., опубликованные в «Ленинском сборнике» (т. II), особенно положения о Советах как органах восстания и революционной власти, о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революций, которые в условиях войны очень сблизились, о программе действий партии на второй день после прихода ее к власти, сформулированной Лениным еще в 1915 г. в статье «Несколько тезисов». Основателен был вывод Степанова о «непрерывной цепи развития» большевизма, «той исторической преемственности, которая связывает декабрь 1905 г. с Октябрем 1917 г. и которая, сохраняясь в партийной организации, дала возможность превратить декабрьское поражение в октябрьское торжество» [19].

Решительно отвергая троцкистскую версию о заговорщической тактике Ленина, участники дискуссии разрабо-

тали вопрос о массовом, народном характере Октябрьского вооруженного восстания. В статьях Д. Лебедя, Э. Квиринга [20] и других были рассмотрены взгляды Ленина на вооруженное восстание, обобщение им опыта революции 1905 г., в частности в статье «Уроки Московского восстания». Именно в этой работе Ленин говорил о вооруженном восстании, что это «великая массовая борьба» [21].

У Троцкого, писал Степанов, история Октябрьской революции «перестает быть историей масс, вступивших в новый этап своего поступательного движения, подготовленный всем предшествовавшим периодом» [22]. Степанов рассматривал Октябрьское вооруженное восстание как основное звено во всей истории революционного движения, истории партии большевиков и с этих позиций разоблачал теорию Троцкого о «рассечении большевизма».

Большой вклад в борьбу с троцкизмом и разработку истории Октября внес А. С. Бубнов. К этому времени Бубнов выпустил ряд историко-партийных исследований. Он являлся автором книги «Основные вопросы истории РКП(б)» (1921). В своих работах он восстановил историю борьбы Ленина, партии против троцкизма в течение 15 лет до революции 1917 г. и в период после победы Октября. Интерес статей Бубнова заключается в том, что он, широко привлекая такие источники, как протоколы ЦК, ПК партии, протоколы МОБ и др., показал полное единство линии Ленина и Центрального Комитета партии, не оставив камня на камне от троцкистской легенды о расколе в ЦК, об изоляции Ленина [23]. Заслуга Бубнова и в том, что он поставил вопрос о необходимости изучения различных типов, способов, форм перехода власти к Советам. Как пример таких различных форм он привел победу Советов в Петрограде, Москве, Иванове, Луган-

---

16 См.: Большевик, 1924, № 11, с. 28.
17 *Степанов И. И.* Кто совершил Октябрьскую революцию? — В кн.: За ленинизм, с. 267.
18 Там же.
19 Там же, с. 272.
20 *Лебедь Д.* О недопустимом искажении исторических фактов; *Квиринг Э.* Ленин, заговорщичество, Октябрь.— В кн.: За ленинизм, с. 248—264.
21 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 376.
22 За ленинизм, с. 267.
23 *Бубнов А. С.* «Уроки Октября» и троцкизм.— В кн.: За ленинизм, с. 210—240.

ске. Бубнов использовал в своей статье исследование Подвойского[24] об активных действиях Военно-революционного комитета 21—23 октября как периода подготовки вооруженного восстания, опровергая тезис Троцкого о «тихом» восстании в эти дни и о «дополнительном» характере вооруженного восстания 24—25 октября.

В 1924 г. в дискуссии приняли участие Каменев, Зиновьев и некоторые из их сторонников. Критика ими троцкистской концепции истории Октября была непоследовательной и сводилась к попытке оправдать свою оппортунистическую, штрейкбрехерскую позицию в 1917 г. В их выступлениях обнаруживаются антиленинские положения, которые вскоре и привели Зиновьева и Каменева к антипартийному блоку с Троцким.

Эти же процессы можно проследить и в выступлениях Бухарина и его сторонников. Так, например, Слепков выступил со своим толкованием ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, толкованием, которое оказывается очень близким к троцкистскому. «Неверно,— писал Слепков,— что тов. Ленин считал неизбежным превращение диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата. Неверно, потому что при задержке мировой социалистической революции — внутренние российские отношения ставили объективную преграду для этого превращения»[25]. Иными словами, внутри страны не было объективных предпосылок для социалистической революции, она могла стать социалистической только при условии победы западного пролетариата. Такая позиция ничем не отличалась от концепции Троцкого, отрицания им социалистического характера Октября.

Итоги борьбы с троцкизмом были подведены на январском пленуме ЦК РКП(б) 1925 г. «В самой общей форме,— говорилось в резолюции пленума,— совокупность выступлений тов. Троцкого против партии можно охарактеризовать теперь как стремление превратить идеологию РКП в какой-то „модернизированный" тов. Троцким „большевизм" *без ленинизма*. Это — *не* большевизм. Это — *ревизия* большевизма. Это — попытка *подменить ленинизм троцкизмом*...»[26] В резолюции пленума ЦК была дана развернутая критика троцкистской фальсификации истории Октябрьской революции.

Дискуссия 1925—1927 гг. с «новой оппозицией», в которой выступили в блоке троцкисты и зиновьевцы, рас-

ширила рамки идеологической борьбы, поставив в центре вопрос о ленинской теории возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. В этой связи и рассматривался вопрос об Октябрьской революции как исходном пункте победоносного строительства социализма [27].

Показателем развития советской историографии Октябрьской революции в ходе и после дискуссий 1924—1925 гг. явился комплекс исследований и публикаций источников к десятилетию Октябрьской революции [28].

Подготовка историков к десятилетнему юбилею Октября началась еще в 1924 г. Значительный интерес представляет дискуссия, которая развернулась на страницах журнала «Пролетарская революция» в связи с подготовкой к юбилею. Ее инициатором выступил активный участник революции и один из первых ее историков И. П. Флеровский [29]. Отметим некоторые положения его статьи, весьма характерные для этого времени. Флеровский не отделял Октябрьской революции от гражданской войны, рассматривая 1917—1921 гг. как единый период. Больше того, он подчеркивал необходимость научной разработки истории всего первого десятилетия Советской власти.

На первое место автор поставил изучение директив партии большевиков и их реализации, взаимодействия партии и масс, вопросы строительства партии и ее структуры. Флеровский предлагал разработать историю деятельности Совнаркома и наркоматов. Результатом исследований, полагал Флеровский, должны быть научные («академические») издания и популярные работы для широких масс.

В этом же номере журнала Г. Лелевич, соглашаясь во многом с Флеровским, упрекал его в узости постановки

---

[24] *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и ВРК.— Красная летопись, 1923, № 6.

[25] *Слепков А.* Рец. на кн.: Сталин И. В. О Ленине и ленинизме. М., 1924.— Большевик, 1924, № 9, с. 103.

[26] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 142—143.

[27] Подробнее см.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 4, кн. 1, гл. 9—10.

[28] Необходимо учесть, что часть юбилейной литературы вышла в 1928 г.

[29] *Флеровский И. П.* Надо быть готовым: (К десятилетнему юбилею Октябрьской революции).— Пролетарская революция, 1924, № 11.

задач. «А куда же девалась история взаимоотношений классов?» — спрашивал он. В предложении Флеровского создать историю деятельности наркоматов Лелевич усмотрел опасность создания «ведомственной истории», подчеркнув, что нужна не столько история Наркомпрода, сколько история продовольственной политики революции, не столько история Наркомвоена, сколько история военной обороны революции. Лелевич поставил также вопрос о том, как организовать работу по истории Октября. Он выделил два направления этой работы: собирание материалов, создание научной истории Октябрьской революции. Собирание материалов Лелевич связывал с их публикацией, хотя и не определял, что собирать и что публиковать. Научную историю Октября Лелевич представлял себе как коллективную многотомную работу, проведенную с большой тщательностью и «в ортодоксально-большевистском освещении» [30].

Дискуссию продолжил М. И. Васильев-Южин. Он также не разделял революцию и гражданскую войну, рассматривая 1917—1921 гг. как единый период. Однако Васильев-Южин обратил внимание на необходимость более широкого фронта изучения, не ограничивая исследование историей вооруженной борьбы. Автор предупредил об опасности «юбилейной хвальбы» и необходимости критического рассмотрения допущенных ошибок. На первое место он предлагал поставить наряду с многотомным изданием подготовку ярких популярных книг, «доступных широким массам рабочих и крестьян всего мира» [31].

В дискуссию включилась молодая исследовательница О. Бош. Она подошла к этим вопросам с позиций профессионального историка. Напомнив об опыте создания сборника «Пять лет Советской власти», вышедшего в 1922 г., Бош отметила, что в этом сборнике только статья Батурина носила исторический характер, другие же сводились к сухим отчетам о решениях Советской власти, «но, в каких условиях и как они проводились на местах, и какие получались результаты, этого мы не знаем» [32].

К проблематике, предлагаемой другими участниками дискуссии, Бош присоединила проблемы: борьба партии за власть Советов (с февраля по октябрь); строительство Советской власти — не указывая хронологических рамок.

Бош поддержала идею создания коллективного труда, но считала, что труд этот должен состоять из отдельных монографий.

Чрезвычайно показательным было включение в дискуссию рядового участника революционных событий В. С. Зуева. Этот крестьянин-бедняк из глухой деревни Пермской губернии прошел большую жизненную и политическую школу. В конце 1917 г. Зуев вернулся домой с фронта и сразу же включился в борьбу с кулаками, организовал бедноту, с февраля 1918 г. возглавил местный Совет. В своем письме в редакцию «Пролетарской революции» Зуев сообщал, что им написана «маленькая история об организации Советской власти после Октябрьской революции в одной волости» [33]. Зуев предложил составить такие «истории» в каждой волости, уезде, губернии, а затем «составить историко-политическую карту в губернском масштабе по истории с датами, обозначая линиями где и в каком месте и когда организовалась власть Советов, указав особыми знаками где и когда было восстание, события политического или экономического характера» [34].

На основании таких карт Зуев предлагал составить карту «во всероссийском масштабе», на которой будет видно, «как волны Октябрьской революции ширились от своего центра или временно откатывались» [35]. Так рядовой крестьянин, фронтовик один из первых выдвинул идею разработки истории революции на местах и составления историко-географических карт Октябрьской революции.

Редакция поддержала этот призыв В. С. Зуева. Почти во всех номерах «Пролетарской революции» за 1924—1925 гг. были помещены различные материалы по вопросам собирания источников, мемуаров, методов их обработки.

В 1925 г. Центральным Комитетом партии была создана Юбилейная комиссия. В комиссию, кроме крупных политических деятелей (В. М. Молотов, М. И. Калинин, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, В. П. Милютин и др.), входили также видные теоретики и историки партии (А. С. Бубнов, М. Н. Покровский, Н. К. Крупская,

---

[30] Пролетарская революция, 1924, № 11, с. 125.
[31] Там же, № 12, с. 285.
[32] Там же, с. 207.
[33] Пролетарская революция, 1924, № 2, с. 291.
[34] Там же.
[35] Там же, с. 292.

В. В. Адоратский, Я. А. Яковлев, С. И. Гусев) [36]. Все эти люди внесли значительный вклад в историографию Октября.

Интенсивная работа в этом направлении проходила в Истпарте. В отчете Истпарта за 1924—1925 гг. отмечено, что план работы к 10-летию Октября передан в Юбилейную комиссию. Испарт составил «Схему для разработки материалов и подготовки очерков по истории Октябрьской революции», которая оказала несомненное влияние на историографию.

Схема предусматривала разработку проблем предпосылок Октябрьской революции в отдельных районах по вопросам: экономика, положение и движение рабочего класса в годы войны, крестьянское движение, организации буржуазии, мелкобуржуазные партии. Большая группа вопросов относилась к Февральской революции и периоду от Февраля к Октябрю. Из крупных переломных моментов этого периода упоминался только июльский кризис в плане откликов на него на местах.

Второй раздел был посвящен Октябрьской революции на местах, роли большевиков, изучению истории Советов, профсоюзов, боевых сил рабочих и крестьян. Выделялся вопрос о силах контрреволюции, их составе и численности. В разделе о деревне ставились вопросы: «Какие слои деревни являлись активными участниками Октября? Какова роль кулака, середняка и бедняка во время Октября?».

Третий раздел был посвящен Советам как органам власти, истории съездов Советов, реализации декрета о земле, комбедам, продразверстке; в разделе о промышленности выделялся вопрос о роли рабочих в организации производства.

Особый раздел был посвящен истории партийных организаций, их роли в революционных событиях.

На IV совещании заведующих истпартами в январе 1927 г. было отмечено, что эта схема была слишком обширной и ее реализация должна была занять ряд лет [37]. Однако сама по себе схема как постановка важных проблем истории Октября свидетельствовала о значительном продвижении советской историографии после дискуссии 1924—1925 гг. Но рекомендации Истпарта о методах и формах подготовки трудов по истории Октября все еще носили расплывчатый характер. В обращении к местным истпартам в начале 1926 г. содержалась рекомендация

вести подготовку монографий, сборников статей, воспоминаний, документов, а также популярных брошюр [38].

Организующее начало во всю работу по подготовке исторической литературы к 10-летию Октября внес план, утвержденный во второй половине 1926 г. Юбилейной комиссией ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР. В нем все исторические труды были разделены на первую и вторую очередь [39]. Работы первой очереди должны были выйти в свет в 1927—1928 гг. Кроме семи томов серии «1917 год в документах и материалах» (об этом см. гл. 6), в план были включены «Очерки по истории Октябрьской революции» под редакцией М. Н. Покровского, монография Я. А. Яковлева «История Октябрьской революции» и ряд других работ, подготовляемых Истпартом и Институтом Советского строительства. План предусматривал выпуск литературы объемом в 1500 печатных листов, солидная часть которых предоставлялась республиканским и губернским организациям. Это свидетельствовало о значении, которое придавалось разработке истории революции на местах.

Однако необходимость экономии средств заставила провести значительные сокращения издательских планов. В марте 1927 г. ЦК партии принял два постановления о подготовке к юбилею. В постановлении от 7 марта содержалось требование «максимальной экономии средств, доступности литературы для широких масс рабочих и крестьян» и повышения качества литературы [40]. 26 марта 1927 г. ЦК и ЦКК принял еще одно постановление, в котором отмечалось, что редакционно-издательские планы в несколько раз превышают «все имевшиеся на этот счет предположения», что некоторые государственные и хозяйственные органы «наметили к изданию объемистые труды», без гарантии доброкачественной их подготовки. ЦК и ЦКК этим постановлением предложили соответствующим органам принять меры «к предупреждению попыток издания недоброкачественной или излишней юбилейной литературы» [41]. Следует отметить, что жест-

---

[36] Пролетарская революция, 1925, № 12, с. 265.
[37] Пролетарская революция, 1927, № 1, с. 262.
[38] Там же, 1926, № 3, с. 268.
[39] ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 1226, л. 4.
[40] Справочник партийного работника. М., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 707.
[41] Там же, 1928, вып. 6, ч. 2, с. 398.

кое сокращение издательских планов почти не коснулось научной исторической литературы. Основные тома серии «1917 год в документах и материалах», «Очерки по истории Октябрьской революции», большой круг историко-партийной литературы и источников, среди них протоколы ЦК РСДРП(б), протоколы Петербургского комитета (ПК) РСДРП(б), а также работы Е. М. Ярославского, А. М. Панкратовой, С. А. Пионтковского, А. В. Шестакова, С. М. Дубровского и др. вышли в свет к юбилею или вскоре после него.

26 августа 1927 г. постановление ЦК ВКП(б) определило основные направления идейно-политической работы в связи с юбилеем. Значительный интерес представляет тот факт, что в постановлении говорилось о необходимости освещения этапов революции, предшествовавших победе в Октябре, и особо выделялся этап сентября-октября 1917 г.[42], т. е. период общенационального кризиса.

Во второй половине 20-х годов в дискуссиях по методологическим проблемам исторической науки утвердилась марксистско-ленинская концепция истории человеческого общества как истории возникновения, развития и закономерной смены социально-экономических формаций [43]. В связи с этим на первый план выдвинулись некоторые важные вопросы перехода от одной формации к другой, вопросы теории революции. Стимулятором для постановки и разработки теоретических проблем явились насущные задачи международного коммунистического движения, а также подготовка и принятие Программы Коммунистического Интернационала.

Среди вопросов теории революции важное место заняла проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Дискуссия по этим вопросам была открыта публикацией серии статей К. А. Попова в ноябре-декабре 1928 — январе 1929 г. в журнале «Большевик» [44]. Размышления К. А. Попова были направлены на обобщение как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане опыта революций 1905—1907 гг. и 1917 г. и проблем его использования в современном революционном процессе.

Опираясь на Программу Коминтерна, К. А. Попов выделил четыре типа стран «по условиям и путям» перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции: страны высокоразвитого капитализма, страны со средним уровнем развития капитализма, коло-

ниальные и полуколониальные страны, еще более отсталые страны.

Охарактеризовав позицию Маркса в 1850 г. и Ленина в 1905 г. по вопросу о непрерывной революции, Попов выделил те моменты, которые объединяли позиции Маркса и Ленина: отрицание руководящей роли буржуазии в завершении демократической революции; роль крестьянства как класса, противостоящего феодально-крепостническим отношениям; роль пролетариата как союзника мелкой буржуазии и всего крестьянства против феодализма. При этом, подчеркивал Попов, Маркс, а за ним Ленин указывали на самостоятельные цели пролетариата — превратить революцию в непрерывную для завоевания диктатуры в союзе с полупролетариями деревни. Отметив общие черты марксистско-ленинской концепции, К. Попов выделил то новое, что внес в теорию революции Ленин. Ленинская концепция создавалась в условиях начала XX в., когда в России уже была организованная и самостоятельная рабочая партия, отмежевавшаяся от мелкобуржуазной демократии. В России пролетариат показал себя на деле, возглавив революционное движение и ведя за собой крестьянство. «Поэтому,— писал Попов,— для России лозунг *гегемонии* пролетариата в буржуазно-демократической революции и лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства были действительными лозунгами, вытекавшими из конкретной политической ситуации 1905 года, а для Германии 1850 года они еще не могли быть поставлены» [45].

В ходе дискуссии особенно острым стал вопрос о соотношении буржуазно-демократического и социалистического этапов единого революционного процессса. Этот вопрос оказался весьма сложным для решения. К. А. Попов показал особенность революции 1905 г. как буржуазной революции без революционной буржуазии, что, впрочем, было характерно и для европейских революций 1848 г. В 1905 г. стала реальной роль пролетариата как гегемона буржуазной революции и крестьянства как его

---

[42] Там же, ч. 1, с. 705.

[43] Подробнее см.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. IV, с. 138—169.

[44] *Попов К.* Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.— Большевик, 1928, № 21/22; 23/24; 1929, № 1.

[45] Большевик, 1928, № 23/24, с. 42.

союзника. В процессе непрерывного развития революции пролетариат, как показал Ленин, присоединяет к себе полупролетариат и деревенскую бедноту для победы социалистической революции. В то же время Попов утверждал, что масса сельской бедноты может обеспечить рабочему классу политическую гегемонию в деревне в буржуазно-демократической революции, но она не может стать его опорой в деревне для социалистического переворота. Причину этого Попов видел в том, что противоречия внутри старого общества (т. е. борьба крестьянства против помещиков) все еще являлись ведущими. Только полное уничтожение остатков крепостничества должно было, по мнению Попова, дать гигантский толчок обострению противоречий в деревне, развязать в ней классовую борьбу против буржуазии, в результате которой массы полупролетариата деревни присоединятся к рабочему классу, что создаст прочную основу для диктатуры пролетариата. Хотя эти рассуждения Попова относились к революции 1905 г., однако очевиден коренной недостаток его схемы. В ней не учитывалась диалектика революционного процесса, в котором переплеталось решение задач различного социального содержания.

Переходя к революции 1917 г., Попов отмечал, что возможность перерастания была в это время неизмеримо большей, чем в 1905 г. «Но и для России 1917 года сохранило свою верность то положение, что окончательное отделение деревенской бедноты от деревенской буржуазии, окончательное присоединение ее *массы* к пролетариату в борьбе за социалистический переворот возможно только после окончательного уничтожения остатков крепостничества в деревне» [46]. Попов ссылался на известное положение Ленина о втором этапе социалистической революции в деревне, но сущность соотношения первого и второго этапов он не раскрыл.

После публикации этих статей дискуссия была перенесена в Институт Ленина и на Всесоюзную конференцию историков-марксистов в конце 1928 — начале 1929 г.

В Институте Ленина докладчиком выступил К. А. Попов, а содоклады сделали Я. Резвушкин и Н. Эльвов. В докладе были изложены основные положения опубликованных ранее статей. Но были здесь и некоторые новые моменты. Во-первых, начало разработки Лениным теории перерастания Попов относил к середине 90-х годов; во-вторых, он подчеркнул в ленинской теории по-

ложение о переплетении двух социальных войн: крестьянской войны против остатков крепостничества и пролетарской — против буржуазии. «В меру обострения противоречий второго уклада,— говорил К. Попов,— усиливаются возможности перерастания революции крестьянской в революцию пролетарскую, социалистическую» [47].

Выступивший с содокладом Резвушкин возразил Попову, что в 1905 г. у Ленина еще не было концепции перерастания, хотя и были мысли, лежащие в основе этой теории. В то же время в противоречие с самим собой Резвушкин утверждал, что «план перерастания 1917 года был лишь видоизменением и разработкой применительно к новым историческим условиям плана перерастания 1905 года» [48]. Различие в этих планах Резвушкин видел в темпах — в 1917 г. в отличие от 1905 г. Ленин говорил о перерастании как о задаче дня. «Здесь уже речь идет не о годах, а о месяцах» [49],— утверждал Резвушкин, хотя и в работах о 1905 г. Ленин нигде не говорил о длительном периоде перерастания. Резвушкин поставил также вопрос о времени завершения процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Правильно указав, что процесс перерастания закончился с момента разрешения основного вопроса всякой революции, именно вопроса о власти, он затем все же отдал дань теории двух революций. «Этот вопрос,—говорил он,— для города был разрешен в октябре 1917 года, а для деревни — летом и осенью 1918 года» [50]. Таким образом, правильно выступив против утверждения троцкистско-зиновьевского блока, что процесс перерастания продолжался в годы гражданской войны и после, Резвушкин не сумел полностью отмежеваться от теории «двуликого Януса».

Проблему соотношения двух социальных войн поставил в своем выступлении И. И. Минц. Он отметил, что учение Ленина предусматривало два возможных исхода для антикрепостнической революции в соответствии с двумя путями разрешения аграрного вопроса в России. Минц критиковал К. Ф. Сидорова и Я. Резвушкина за

---

[46] Там же, с. 78—79.

[47] Отчет о заседаниях научно-исследовательской группы Института Ленина 13 декабря 1928 г., 17 и 31 января 1929 г.— Пролетарская революция, 1929, № 2/3, с. 170.

[48] Там же, с. 172.

[49] Там же.

[50] Там же, с. 173.

их тезис о социалистической революции на Западе как обязательном предварительном этапе перехода к социалистической революции в России. По мнению И. И. Минца, революция на Западе являлась полнейшей гарантией успеха революции в России, но не обязательным этапом [51].

Общую критику в дискуссии вызвало выступление В. Г. Юдовского, который считал, что чем меньше расслоено крестьянство, тем больше условий для перерастания. «Существует определенный предел, степень дифференциации крестьянства, за которым уже никакого перерастания не получится» [52],— говорил В. Юдовский. Участники дискуссии отметили ошибочность этого положения, так как из него следовало, что чем меньше развит капитализм, тем более благоприятны условия для перерастания. Как было отмечено в дискуссии, меньшая степень дифференциации крестьянства соответствует более слабому пролетариату, затрудняет его гегемонию.

В это же время в журнале «Пролетарская революция» появились статьи Д. Кардашева, в которых он рассмотрел ленинскую теорию перерастания в свете его учения о двух путях развития капитализма в России [53]. Кардашев широко использовал ленинские труды, детально изучил генезис теории революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, рассматривая эту теорию как обобщение опыта буржуазных революций XVII—XVIII вв., роли в них крестьянства и городского плебса. Однако Кардашев несколько ограничил учение Ленина о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, связав его непосредственно с борьбой двух путей развития капитализма в России. Характеризуя две социальные войны, Кардашев считал, что именно война между крестьянством и помещиками имеет общенациональное значение. Он не придавал такого же значения борьбе большинства нации — пролетариата и деревенской бедноты против городской и сельской буржуазии. С этой точки зрения понятно, что Кардашев опустил вопрос об особенностях революционного кризиса, охватившего Россию в сентябре-октябре 1917 г.

Первую русскую революцию участники дискуссии характеризовали как революцию крестьянскую, не учитывая других существенных ее сторон — широкое применение пролетарских методов борьбы, завоевание рабочим классом роли гегемона революции.

Кардашев выделил общие объективные условия перерастания: перерастает не всякая буржуазно-демократическая революция, а революция крестьянского типа; процесс перерастания происходит в обстановке относительно развитых капиталистических отношений; наличие благоприятных внешних условий [54].

Во второй статье Кардашев отметил, что перерастание происходит в условиях, когда буржуазно-демократическая революция в основном завершает исторический цикл развития. В этом случае буржуазно-демократическая революция перерастает в социалистическую, которая «походя», «мимоходом» доделывает задачи буржуазно-демократического характера. Кардашев подчеркивал, что эти задачи вообще не могут быть исчерпывающе разрешены «в пределах какой бы то ни было буржуазно-демократической революции, даже при максимальном ее размахе» [55]. С процессом перерастания Кардашев связывал эволюцию Советов, считая, что в них заложено имманентно перерастание из органов революционно-демократической диктатуры в органы пролетарской диктатуры. Эти выводы автора, схематичные по своему характеру, не соответствовали опыту революций 1918—1919 гг. в странах Центральной Европы. Ход событий показал, что такого закона, имманентно присущего Советам, не существует.

Крупным недостатком статей Кардашева, как и некоторых других материалов дискуссии, явилось слабое использование конкретно-исторического опыта перерастания революции в 1917 г. и последующих европейских революций 1918—1919 г.

Значительный интерес представляют материалы дискуссии по этим проблемам на Всесоюзной конференции историков-марксистов в декабре 1928 — январе 1929 г. Участники дискуссии, выступавшие по докладу К. А. Попова, отмечали, что растущий интерес к ним вызывался в значительной степени развитием колониальных революций. В отличие от обсуждений в других центрах на кон-

---

[51] Там же, с. 176.
[52] Там же, с. 180.
[53] *Кардашев Д.* Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в свете ленинской теории «американского» и «прусского» пути развития России.— Пролетарская революция, 1929, № 2/3, 5.
[54] Пролетарская революция, 1929, № 2/3, с. 120—121.
[55] Там же, № 5, с. 19.

ференции обсуждался опыт революций 1917 г. и внутренние условия перерастания. Н. Майорский отметил, что нельзя сводить проблемы перерастания к политическим условиям: достаточно обратиться к работам В. И. Ленина, в которых обосновано положение, что социализм в России созрел и экономически, что Россия была империалистической страной, а российский империализм переживал состояние общего кризиса [56].

Положение о двух социальных войнах было развито в выступлении И. И. Минца. «Говоря о наличии двух социальных войн, сказал он, Ленин особенно напирал на то, что первая социальная война имеет два возможных исхода... задача пролетарской партии бороться за то, чтобы первая социальная война пошла по пути исхода крестьянской буржуазно-демократической революции, которой предстоит перерасти в социалистическую. Это составляет то новое, что Ленин внес в это учение» [57].

По поводу тактических планов в революциях 1905 и 1917 гг. И. И. Минц отметил, что речь идет не о двух планах, а о двух тактических решениях «одной и той же проблемы в разных конкретных условиях» [58]. Он обратил внимание на два фактора, вызвавших изменения в тактическом решении проблемы: «Столыпинская реформа не разрешила... задач буржуазно-демократической революции, не сняла этих задач, но гигантским образом ускорила и усилила расслоение в деревне. С другой стороны, она вызвала процесс развязывания внутреннего рынка, втянувший в индустрию целый ряд новых слоев. Все это усилило степень развития пролетариата, его политическую зрелость и степень его близости к бедняцким слоям далеко ушедшей по пути расслоения деревни» [59]. Вторым фактором Минц считал войну, которая обострила до предела социальные противоречия. Из этого следовал вывод, что процесс перерастания и его темпы приняли совершенно иной характер в 1917 г.

Тезис о том, что у Ленина в 1905 и 1917 гг. было два различных плана перерастания, вызвал возражения со стороны большинства участников дискуссии. Однако при этом выдвигались и другие, крайние точки зрения. Так, например, М. Мишин утверждал, что Ленин вообще в 1905 г. не выдвигал конкретного тактического плана перерастания. «Была только общая ориентировка, общие контуры будущего плана, которые превратились в конкретный стратегический и тактический план только в 1917 го-

ду»[60]. Это утверждение было решительно отвергнуто участниками дискуссии.

Проведенная в конце 20-х годов дискуссия показала возросшую методологическую вооруженность историков Октябрьской революции, постепенное овладение ленинским идейным наследием. Была выработана единая позиция по вопросам об условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, об особенностях революционного процесса в 1905 и 1917 гг. В то же время дискуссия обнаружила непреодоленный еще схематизм, склонность к абстрактному социологизированию и недостаточную конкретно-историческую изученность истории трех русских революций.

Глава четвертая

НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Когда мы обращаемся к анализу созданной Октябрем системы научных центров в области исторической науки, и особенно в историко-партийной ее отрасли, нас поражают темпы и глубокая продуманность, цельность этой системы. Для того чтобы понять ее особенности, необходимо выяснить генезис этой системы.

Партия большевиков, В. И. Ленин всегда придавали большое значение и требовательно относились к проблемам *организации* теоретических и исторических исследований. На всех этапах истории партии большевиков в структуре такой организации в той или иной форме существовали специальные центры по собиранию, хранению и использованию литературы, источников, материалов, архивных документов по истории революционного движения в России, истории различных политических партий и организаций, экономической истории и т. п.

---

[56] *Попов К. А.* Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. М., 1930, с. 18—19.
[57] Там же, с. 23.
[58] Там же, с. 24.
[59] Там же.
[60] Там же, с. 34.

Партия создавала также учреждения по подготовке кадров. Как складывалась и развивалась система этих партийных учреждений?

Первой из них была Женевская библиотека и архив РСДРП, созданная в 1904 г. История ее восходит еще к 1901 г., когда была предпринята попытка организации Центрального русского музея с библиотекой и архивом, для которого основывалось Общество попечения о Русском музее в Женеве. Попытка оказалась неудачной, но для нас представляет интерес проект Устава Общества, в котором были очерчены функции музея. Перед ним ставилась задача сохранения, розыска и приведения в порядок материалов, записок, мемуаров, изданий, рукописей, писем русских писателей, общественных деятелей, «представить возможно более полную картину русской жизни во всех ее проявлениях: в области науки, искусства, истории, литературы, в политико-экономическом и в других отношениях» [1].

Основные идеи этого документа получили организационное воплощение при значительно большей четкости и целеустремленности в постановке задач, в созданной большевиками после II съезда РСДРП Библиотеке и архиве партии. Инициаторами этого дела выступили М. С. Ольминский, В. В. Воровский, В. Д. Бонч-Бруевич, М. Н. Лядов, П. Н. Лепешинский, В. М. Величкина, А. Ф. Ильин и другие. Они же составили группу инициаторов. «Члены этой группы все до одного были членами РСДРП,— писал В. Д. Бонч-Бруевич,— давнишние подпольщики, в силу политических преследований очутившиеся в Швейцарии, в политической эмиграции. Архив и библиотека стали быстро разрастаться, и после Октябрьской революции все материалы из этого учреждения поступили сначала в Истпарт, а потом в Институт Ленина» [2]. Мы еще вернемся к этому важному свидетельству Бонч-Бруевича о передаче материалов в Истпарт. Теперь же отметим, что в «Обращении» группы инициаторов, которое было широко распространено по всем русским колониям Европы и Америки, а также в России [3], были определены функции, цели и задачи Библиотеки и архива. Группа просила комитеты партии в России и за границей пересылать в Библиотеку и архив материалы, книги, документы, старинные русские нелегальные издания. «Наша цель,— говорилось в «Обращении»,— собрать литературу всех стран и национальностей

по разным отраслям знания, о положении и жизни крестьянских и рабочих масс, истории, статистике и этнографии и т. п.» [4] «Обращение» содержало также призыв к революционерам России присылать «издания и документы, относящиеся к истории их организации и деятельности» [5].

Бросается в глаза широкий диапазон в перечне материалов, которыми интересовалась Библиотека. Тут легальные и нелегальные издания, статистические сборники, материалы по истории анархистского, толстовского, студенческого, сектантского, раскольнического и других движений в России. Тут и материалы научных обществ, секций, комитетов, съездов, комиссий и т. п.[6]

В определении задач этого большевистского партийного учреждения принимал самое активное участие В. И. Ленин [7]. Ему принадлежит текст постановления ЦК партии от 29 января 1904 г., в котором содержалось приветствие «прекрасному почину „группы инициаторов"» и призыв ко всем членам партии и сочувствующим «оказать посильное содействие нашим товарищам, взявшим на себя труд организовать это сложное и важное дело» [8].

Постановлением ЦК РСДРП от 7 февраля 1904 г. Библиотека и архив были признаны партийным учреждением, состоящим при Центральном Комитете.

Руководство Библиотекой и архивом было возложено на Библиотечный комитет, который возглавил В. Д. Бонч-Бруевич, помощником его был один из первых историков партии — Н. Н. Батурин. 7 февраля 1904 г. В. И. Ленин подписал «Положение о библиотеке и архиве при ЦК

---

[1] Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970, с. 17.

[2] *Бонч-Бруевич В. Д.* Первые шаги Центрального литературного музея.— Литературное наследство. М., 1932, Т. 3, с. 341. Подробнее о создании и деятельности Библиотеки и архива РСДРП см.: *Бонч-Бруевич В. Д.* Библиотека и архив РСДРП в Женеве.— Красная летопись, 1932, № 3.

[3] Как свидетельствует В. Д. Бонч-Бруевич, из России пришло много литературы и материалов от издательства «Общественная польза», от таких известных издателей, как К. Т. Солдатенков, Ф. Ф. Павленков, О. Н. Попова (Красная летопись, 1932, № 3, с. 110). Особенно много литературы и материалов стало прибывать из России во время и после революции 1905 г. (Там же, с. 129—130).

[4] Красная летопись, 1932, № 3, с. 133.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Литературное наследство, 1932, т. 3, с. 341.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 163.

РСДРП», в соответствии с которым пользование библиотекой было широко доступным, в особенности для членов партии [9].

В Архиве была собрана богатая коллекция заграничных и русских изданий социал-демократов, изданий А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, народников, эсеров, анархистов, «освобожденцев». Много материалов удалось собрать по истории центральных и местных учреждений партии [10].

Меньшевики пытались дискредитировать Библиотеку и архив, выступили с нападками на это партийное учреждение. Ленин назвал их нападки попыткой ввести в обман членов партии [11]. В конце 1904 г. (или начале 1905 г.) после создания Бюро комитетов большинства (БКБ) группа инициаторов, учредившая Библиотеку и архив, единогласно постановила передать это учреждение в ведение БКБ. Заявление об этом было написано В. И. Лениным [12].

Рядом с Библиотекой и архивом, в том же доме на улице Каруж в Женеве, помещалась партийная типография — «Издательство В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина», газета «Вперед». «Все эти учреждения большевиков,— говорится в коллективной монографии, подготовленной Институтом марксизма-ленинизма,— имели в то время (1904 г.— начало 1905 г.) большое значение в жизни нашей партии. Они составляли как бы базу идеологической, политической и организационной работы, проводимой большевиками за границей после выхода Ленина из «Искры» и перехода Совета партии и ЦК РСДРП в руки меньшевиков» [13]. Библиотека и архив принимали активное участие в борьбе против меньшевиков.

В 1908 г. Библиотека и архив стали именоваться Библиотека «Пролетария». В 1910 г. часть материалов была переправлена в Париж в ведение Заграничного бюро ЦК РСДРП.

На базе Библиотеки и архива во Франции сформировался Парижский архив большевиков, в котором хранились материалы и документы «Рабочей газеты», газеты «Социал-демократ», материалы Комитета заграничных организаций РСДРП, Партийной школы в Лонжюмо, Заграничного бюро ЦК РСДРП, материалы Пражской конференции РСДРП 1912 г. и другие фонды.

В начале XX в. за границей сформировался еще один центр собирания и хранения материалов по истории ре-

волюционного движения в России — Библиотека имени Г. А. Куклина в Женеве[14]. Нужно отметить определенную преемственность Библиотеки Г. А. Куклина и Библиотеки и архива РСДРП. По рассказу В. Д. Бонч-Бруевича, значительная часть материалов Библиотеки и архива была передана в конце 1905 г. Библиотеке Г. А. Куклина[15]. При Библиотеке Г. А. Куклина был создан архив по истории РСДРП и освободительного движения в России.

В 1908 г. В. И. Ленин передал в Библиотеку имени Г. А. Куклина много партийных документов, печатных материалов из своего архива и 340 книг.

Авторы коллективной монографии «Фонд документов В. И. Ленина» считают Библиотеку имени Г. А. Куклина «по существу первым научно-исследовательским учреждением партии»[16]. Нам представляется, что первенство здесь должно все же принадлежать Библиотеке и архиву РСДРП. Однако верно то, что с Библиотекой имени Г. А. Куклина связана широкая целенаправленная, организованная работа по собиранию материалов, относящихся к истории революционного движения в России и первой русской революции.

В письме к Ленину в 1909 г. В. А. Карпинский разработал предложения о направлении работы Библиотеки имени Г. А. Куклина. Он предложил, чтобы «все партийные организации посылали бы все свои издания и все вообще документы, касающиеся жизни и деятельности партии», в Библиотеку[17]. Эти материалы Карпинский рассматривал как подготовительные для крупных исторических трудов, требующих продолжительного времени в условиях полного удобства и свободы пользования. По существу стоял вопрос не только о накапливании материалов, но и о создании группы партийных литераторов-

---

[9] Там же, с. 531.
[10] См.: Фонд документов В. И. Ленина, с. 24.
[11] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 119.
[12] См.: Там же, с. 150.
[13] Фонд документов В. И. Ленина, с. 29.
[14] Основатель этой библиотеки Г. А. Куклин умер в 1907 г. По его завещанию библиотека перешла в собственность партии, а заведование ею поручалось большевикам — В. А. Карпинскому и С. Н. Равич. См.: Фонд документов В. И. Ленина, с. 43—44.
[15] Красная летопись, 1932, № 3, с. 130—131.
[16] Там же.
[17] Фонд документов В. И. Ленина, с. 44.

исследователей, для которых предстоящая работа являлась бы существенной частью их деятельности профессиональных революционеров.

Ленин в это время был крайне озабочен необходимостью создания подлинно марксистской истории первой русской революции. В апреле 1908 г. он предлагал группе «каприйцев» в составе А. А. Богданова, В. А. Базарова и А. В. Луначарского «употребить общие средства и силы на *большевистскую историю революции*, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции...», но каприйцы отвергли его предложение, «пожелав заняться не общебольшевистским делом, а пропагандой своих особых философских взглядов» [18].

К организации сбора материалов В. И. Ленин привлек А. М. Горького. По его просьбе Горький в августе 1908 г. обратился с письмом в редакции ряда газет и журналов, в котором писал: «В настоящее время предпринимается ряд коллективных работ по истории общественных движений в России за последние годы. Для успешного выполнения этих работ необходим огромный материал, который может быть добыт только на местах» [19]. В письме Горького был обозначен круг материалов, интересующих Библиотеку имени Г. А. Куклина: «Необходимы материалы, охватывающие эту историю (т. е. историю общественных движений.— *Е. Г.*) в ее целом и характеризующие все действовавшие или действующие в настоящее время течения, группы и партии, то есть включая и крайние правые» [20].

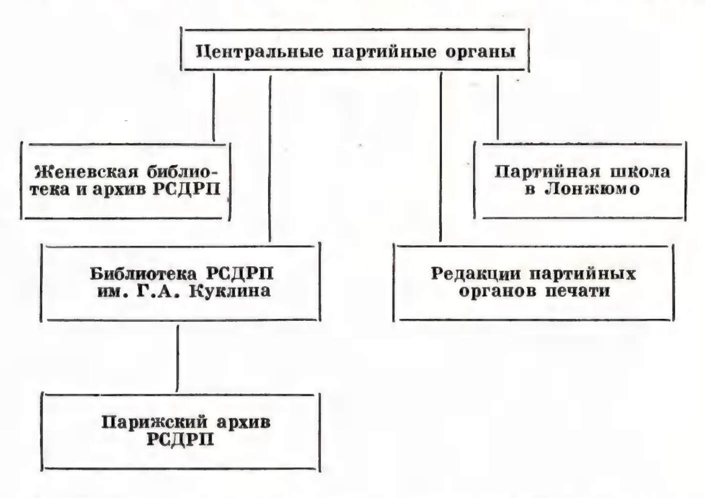
В этом письме Горького, как и в приведенных выше документах, видна общая линия на собирание широкого круга материалов *всех* политических организаций в России — от революционных до крайне правых. Письмо Горького было опубликовано во многих газетах и журналах в России. В Библиотеку имени Г. А. Куклина стали поступать материалы. А. М. Горький выполнял весьма важную и своеобразную роль. Если Библиотека и архив РСДРП и другие партийные учреждения являлись центрами, объединявшими партийную интеллигенцию, функционеров партии, то близкий к большевикам Горький объединял вокруг партии широкие круги русской демократической интеллигенции, организуя их на решение революционно-просветительных задач, а также задач собирания материалов по истории революционного движения в России. Забегая несколько вперед, отметим, что и

после Октябрьской революции, правда не сразу, Горький взял на себя выполнение той же задачи.

Ленин постоянно заботился о пополнении фондов Библиотеки имени Г. А. Куклина. Даже в первые дни после своего возвращения в Россию в апреле 1917 г. он послал В. А. Карпинскому в Женеву для Библиотеки комплект «Правды» и коллекцию вырезок из буржуазных газет [21].

Авторы коллективной монографии так характеризуют значение Библиотеки имени Г. А. Куклина: «Она была местом, где Ленин хранил в период второй эмиграции свой личный архив и архив партии, где было сконцентрировано большое количество революционной литературы, отражавшей взгляды политических партий в России» [22].

Ниже схематически представлена система партийных учреждений научно-исследовательского, архивного и библиотечного типа, а также центра по подготовке кадров.

Обращаясь к системе новых советских научных центров по общественным наукам, в частности по истории революции, изучая процесс ее складывания после победы Октября, мы должны ответить на вопрос: существовала

---

18 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 198.
19 В. И. Ленин и А. М. Горький. 3-е изд. М., 1969, с. 538.
20 Там же.
21 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 436.
22 Фонд документов В. И. Ленина, с. 49.

ли связь этой новой системы с дореволюционным опытом партии большевиков, является ли эта связь генетической, в чем и как она проявилась?

Если в области естественных и технических наук речь шла о максимальном использовании богатого опыта Академии наук, ее Комиссии по изучению естественных производительных сил России, многочисленных проектов русских ученых, не осуществленных в условиях царизма [23], то в области общественных наук положение было совершенно иным. Не говоря уже о том, что как для Академии наук, так и для старой высшей школы проблематика, выдвинутая революционной эпохой, была совершенно чуждой, кадры ученых в области гуманитарных наук были скованы идеалистической философией, а зачастую принадлежали к различным антимарксистским направлениям. Это, конечно, не означало, что опыт дореволюционной науки и ее кадры в этой области не могли быть привлечены к строительству новой жизни, и в первую очередь — к научному строительству. Больше того, новая система научных центров должна была вобрать в себя, использовать и переработать, синтезировать лучшие элементы старой, дореволюционной организации научной деятельности — Академию наук, университеты, отраслевые научные институты, научные общества, краеведческие организации, музеи, выставки. Но процесс синтезирования не мог быть кратковременным, он занял почти два десятилетия. Исходным пунктом этого процесса явилось создание новых научных центров по общественным наукам *вне* сложившейся в старой России системы академических и университетских учреждений и кафедр.

Развитие революции сопровождалось быстрым ростом исторического революционного самосознания. Огромные массы народа, вовлеченные в активное историческое творчество, были охвачены стремлением увековечить революционную историю, сохранить имена участников событий, собрать и сохранить материалы по истории революции.

Первоначально задача собирания материалов по истории революции для использования их в повседневной партийной и государственной работе и в научных целях — для исследований — не разделялась. И здесь партия опиралась на свой дореволюционный опыт.

Центральный Комитет партии стал концентрировать

в своем аппарате материалы по истории Октябрьской революции. 5 июня 1918 г. Секретариат ЦК РКП(б) опубликовал в «Правде» обращение ко всем партийным организациям с просьбой присылать в ЦК «все издания, протоколы собраний и заседаний, резолюции, воззвания, постановления и т. д.». Обращение Секретариата ЦК было вызвано потребностями практической работы и укрепления «тесной связи ЦК и всеми партийными организациями», как говорилось в документе. Однако этот документ пронизан высоким сознанием исторической важности такой концентрации материалов в ЦК. «Для будущего историка великой российской революции,— говорилось далее в обращении,— каждая газета, каждое воззвание самой мелкой организации будет драгоценным материалом. Этот исторический материал не должен пропадать. Присылайте его нам» [24].

Вокруг архивов развернулась острая борьба. В стихийных крестьянских выступлениях против помещиков проявлялась веками накопленная ненависть ко всяким «государственным» бумагам и документам, служившим основанием для закабаления крестьян. С другой стороны, сами помещики, владельцы предприятий стремились или уничтожить, или припрятать и вывезти за пределы страны свои архивы, ценные документальные коллекции. Необходимо было спасать архивы.

Как свидетельствует В. Д. Бонч-Бруевич, Ленин уже в первые дни после победы Октября наметил план госу-

---

[23] Подробнее см.: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973.

[24] Правда, 1918, 5 июня. Обращение Секретариата было опубликовано также в приложениях к стенографическому отчету VIII съезда партии. Это дало основание для многих историков ошибочно относить Обращение к марту 1919 г. Такую неточность допустил и автор этих строк. Несмотря на то что эта ошибка была исправлена в т. III «Переписки Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями» (М., 1967, с. 86), где дана ссылка на «Правду» и на фонд ЦК в ЦПА, неточная дата продолжает кочевать из издания в издание. Даже в изданиях 1976—1977 гг. повторяется эта ошибка (*Кузьмин С. И.* Бесценное ленинское наследие: Поиски и находки. М., 1976, с. 17). В книге «Партия и Великий Октябрь. Историографический очерк» (М. 1977, с. 60) дата публикации Обращения Секретариата ЦК указана почему-то примерная («в начале июня 1918 г.»), а ссылка дана на «Правду» от 22 октября 1918 г. Между тем точная датировка здесь имеет особо важное значение.

дарственной централизации архивного дела[25]. Революционная действительность ускоряла необходимость создания специальных органов как в общепартийном, так и в государственном масштабах по собиранию, хранению и обработке материалов по истории революции.

Впервые упоминание о Государственном архиве мы находим в подписанном В. И. Лениным декрете, опубликованном 30 января 1918 г. о редактировании и печатании законодательных и правительственных актов[26]. Пока это была только общая идея, так как Государственного архива еще не существовало. 26 апреля 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров обсуждался вопрос об организации Центрального управления архивами и библиотеками. Такое объединение двух, казалось бы, разных вопросов снова возвращает нас к дореволюционному партийному опыту, когда Библиотека и архив партии были объединены в одном центре. Конечно, теперь, когда партия стала правящей, эти вопросы решались на новом, общегосударственном уровне. Однако и на этом уровне сохранял свое значение опыт партии по созданию единого центра собирания и хранения материалов по истории революционного и общественного движения. Навстречу этим замыслам шла также разработка проектов централизации архивного дела в среде буржуазных историков[27]. 1 июня 1918 г. Ленин подписал декрет «О реорганизации и централизации архивного дела», в соответствии с которым все архивы составляли Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ) и создавался Государственный центр руководства архивным делом — Главное управление архивным делом (ГУАД)[28]. В структуре ЕГАФ была историко-революционная секция, в которой концентрировались материалы по истории революционного движения и истории партии.

Создание системы научных, архивных и образовательных центров в области исторической науки не было единовременным актом. На это потребовалось несколько лет, но и после своего оформления система находилась в непрерывном движении, в поиске наиболее оптимальных решений и форм, способствующих развитию советской науки и культуры в целом. Нас интересуют те звенья этой системы, которые непосредственно или косвенно занимались проблемами истории Октябрьской революции.

Создание центров, с одной стороны, по охране и собиранию, с другой — научной разработке материалов по

истории Великого Октября развивалось параллельно. Так, в сентябре 1920 г. был образован Архив Октябрьской революции, и в том же месяце Ленин подписал декрет о создании Комиссии для собирания, изучения и издания материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) (Истпарт). Декретом предусматривалась организация сети местных истпартов в губерниях и областях. Первоначально Истпарт находился при Народном комиссариате просвещения, но уже 1 декабря 1921 г. он был включен в систему учреждений ЦК РКП(б) на правах его отдела.

Разработка проблем международного рабочего движения, истории социализма и марксизма была сосредоточена в созданных в июне 1918 г. Социалистической Академии общественных наук и в январе 1921 г. Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Тогда же, в феврале 1921 г., декретом за подписью Ленина был создан Институт красной профессуры для подготовки преподавателей по гуманитарным дисциплинам, в том числе по историческому материализму, развитию общественных форм, новейшей истории и советскому строительству. Почти одновременно (в марте 1921 г.) при факультете общественных наук Московского университета были созданы научно-исследовательские институты общественных наук (впоследствии Российская ассоциация институтов общественных наук — РАНИОН). Если в ИКП шла подготовка партийных кадров, то в РАНИОН была предоставлена возможность подготовки кадров и использования специалистов из среды демократической интеллигенции.

В 1923 г. при МК РКП(б) был создан Институт В. И. Ленина, в котором концентрировалось все литературное наследие Ленина и шла подготовка к научному изданию его сочинений. В мае 1924 г. по решению XIII съезда РКП(б) Институт В. И. Ленина стал научным центром при ЦК партии по собиранию, хранению и изданию сочинений Ленина.

В эти же годы была создана сеть научной общественно-политической периодики, которая не только отражала

[25] *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные сочинения. М., 1967, т. III, с. 336—337.
[26] Декреты Советской власти. М., 1957, т. I, с. 448—449.
[27] Подробнее см.: *Шмидт С. О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти.— В кн.: Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970.
[28] Декреты Советской власти. М., 1959, т. II, с. 383—385.

ход разработки истории Октября, но и активно участвовала в исследованиях истории революции и публикации документов.

Так была сформирована советская система научных центров в области общественных наук. Все ее звенья в той или иной степени занимались проблемами собирания, изучения, публикации материалов и исследований по истории международного и российского революционного движения, по истории Октябрьской революции. Некоторые из звеньев системы занимались распространением исторических знаний по Октябрьской революции и подготовкой научных и преподавательских кадров в этой области.

Систему можно представить в виде следующей схемы:

Если мы сравним эту схему с системой партийных дореволюционных центров (см. с. 233), то сможем установить несомненную генетическую связь советской системы научных центров с большевистским опытом создания Архива, Библиотеки, периодики и партийной школы подготовки кадров в условиях подполья и эмиграции.

Однако ясно и другое — новая система не могла быть простым повторением дореволюционного опыта. Она синтезировала в себе предшествующий опыт и все лучшее,

что могла дать историческая мысль и наука России. В этой системе воплотился тот революционный размах и государственные масштабы, которые придал науке Великий Октябрь.

Важнейшим центром по изучению Октябрьской революции явился Истпарт, который в полный голос заявил о своем существовании на IX конференции РКП(б) в сентябре 1920 г.

23 сентября на конференции выступили М. С. Ольминский и М. Н. Покровский, посвятившие свои речи задачам новой организации. Уже сам тот факт, что конференция, в центре внимания которой находились крупные политические и экономические проблемы, связанные с победоносным завершением гражданской войны, занялась также вопросами истории партии и революции, весьма знаменателен.

М. С. Ольминский, а вслед за ним М. Н. Покровский подчеркнули огромную политически-практическую значимость вопросов истории революции для всей деятельности партии. «Это не академический только вопрос»,— подчеркнул Ольминский [29]. Он подверг критическому рассмотрению многочисленные ошибки в литературе по истории партии и революции и показал, какую опасность таят в себе различного рода неточности — они подрывают доверие к истории и политике партии. С другой стороны, указал Ольминский, незнание истории или ложное знание приводит к тому, что молодые коммунисты теряют правильную ориентировку.

В речах Ольминского и Покровского прозвучала большая тревога, вызванная состоянием архивов, собиранием и хранением материалов по истории партии и революции. Во многих архивах окопались люди, чуждые или враждебные революции. Ольминский потребовал от губернских комитетов партии принять срочные меры к сохранению архивов и установлению контроля над их деятельностью. Мысль об архивах развил в своей речи Покровский. Он обратил внимание на то, что спасать нужно не только революционные документы, но и всякого рода материалы из контрреволюционного лагеря. «Если вам попадется письмо Краснова, то спасайте и

---

[29] Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г.: Протоколы. М., 1972, с. 99.

его,— говорил Покровский,— потому что все это материалы по истории нашей революции»[30].

Не менее важной задачей руководители Истпарта считали собирание мемуаров. Отметив субъективность мемуаров как исторического источника, Ольминский вместе с тем указал на их чрезвычайно важное значение, так как воспоминания участников событий дают психологические и бытовые особенности времени, которые зачастую отсутствуют в других источниках. «Посредством сопоставления, взаимной проверки можно выяснить истину»,— подчеркнул Ольминский[31]. Он указал на две стороны работы Истпарта — «чисто научную и чисто практическую»[32], т. е. пропагандистскую. Из всех проблем по истории партии Ольминский выделил как особо «ударную» историю революции 1917 г. и первых лет Советской власти.

Программный характер носило также выступление Ольминского две недели спустя после IX конференции на заседании Петроградского Совета 7 октября 1920 г. Это выступление не было повторением его речи на партийной конференции, в нем были сформулированы новые мысли, а некоторые положения получили свое развитие.

М. С. Ольминский выступал в городе, который явился колыбелью революции, и естественно, что он в центре своей речи поставил задачу собирания воспоминаний непосредственных участников событий. «Каждый видел один какой-нибудь уголок, одно какое-нибудь дело. Если человек стоял в центре, он знал, что делает центр, но не знал, как и что делают так называемые низы. Историю Октябрьской революции и историю трехлетнего советского строительства можно будет написать только тогда, когда за это дело возьмутся сотни тысяч рядовых работников»,— говорил Ольминский[33]. Он особенно подчеркнул необходимость установления имен и подвигов тех многих тысяч людей, которые совершили революцию и защищали ее завоевания. Ольминский очертил широкий круг проблем, интересующих Истпарт,— это и Октябрьские дни 1917 г., и военное строительство, борьба за поднятие производительности труда, работа заводского комитета, субботники и т. д. Вместе с тем в его выступлении была показана важность исследования преемственности всех этапов борьбы рабочего класса — от первых рабочих союзов до истории трех русских революций.

«Ведь Октябрьская революция не совершилась как-нибудь случайно, моментально,— говорил Ольминский.—

Нет, русский пролетариат готовился к ней, работал для нее приблизительно 40 лет, считая с первого момента, когда рабочие организации задались политическими целями...»[34]. Напомнив о 1905 г., Ольминский сказал, что «этот год дал школу революционному большинству деятелей октябрьских дней»[35]. Ольминский поставил тем самым важную проблему передачи революционных традиций от одного поколения к другому и роли Истпарта в этом процессе.

В выступлениях руководителей Истпарта звучала уверенность, которая современному читателю может показаться наивной, что каждый участник событий *может* и *должен* оставить воспоминания о своей работе. И эта убежденность, подкрепляемая повседневной организационной работой, в какой-то мере воздействовала — воспоминания стали приходить в Истпарт, в редакции газет, в партийные комитеты. Можно только сожалеть, что сотни воспоминаний, которые могли бы осветить многие неясные страницы истории революции, остались ненаписанными.

Состояние всей сети Истпартов (52 республиканских, областных и губернских) за первые три года их деятельности (к октябрю 1923 г.) хорошо отражены в сводной таблице, опубликованной в «Пролетарской революции»[36]. Таблица дает представление об основных направлениях работы Истпартов, проблематике исследований, издательской деятельности, состоянии собирания и хранения материалов по истории большевистской партии, музейной и выставочной работы.

Попытаемся выделить из этой сводки вопросы, относящиеся к истории Октябрьской революции.

Проблематика работы истпартов была связана с той ролью, которую пришлось взять на себя тому или иному району в революции. Так, Донской Истпарт выделил проблему борьбы с калединщиной, Самарский — борьбу с Учредилкой, Енисейский — колчаковщину; Терский — роль казачества в революции; Ярославский — историю белогвардейского мятежа 1918 г.; Татарский — историю

[30] Там же, с. 102.
[31] Там же, с. 99. [32] Там же.
[33] История и историки: Историографический ежегодник, 1973. М., 1975, с. 259.
[34] Там же, с. 260.
[35] Там же.
[36] Пролетарская революция, 1924, № 1 (24), с. 280—309.

крестьянского движения в 1917 г.; Московский Истпарт проявил инициативу в организации работы по истории заводов и подготовил труды по истории завода «Динамо», а также историю борьбы железнодорожников в революции; развернул работу по истории Московской партийной организации в 1917 г. Ряд Истпартов к 1923 г. выпускали свои журналы или сборники («Революционное прошлое» — Уфа; «Помни о прошлом» — Воронеж; «Пролетарская революция на Дону» — Ростов-на-Дону; «Борьба за власть» — Пермь; «Крот» — Кунгур; «Красная летопись» — Петроград; «Красная быль» — Самара; «Красная летопись» — Симбирск; «Сборник Истпарта» — Сиббюро; «Революционное „былое“» — Тула; «Красная летопись» — Ташкент; «Страницы борьбы» — Николаев; «Путь революции» — Киев [37]. Кроме того, в журналах губернских комитетов РКП(б) регулярно печатались материалы Истпарта по истории революции 1917 г., истории революционного движения. Некоторые истпарты издавали сборники биографий погибших участников революции (Москва, Петроград, Гомель и др.).

Истпарты проявили большую активность в организации выставок по истории партии и истории Октябрьской революции. Если в 1922 г. таких выставок было пять, то в 1923 г., к 6-й годовщине Октябрьской революции, было организовано 25 выставок в крупных губернских центрах [38]. Некоторые из таких выставок превращались в музеи.

Сводная таблица отражает развернутое центральными и местными истпартами собирание материалов по истории революции. Эта работа шла по следующим направлениям: 1) комплектование газетных фондов за 1917—1920 гг., собирание листовок, плакатов, фотографий участников; 2) собирание воспоминаний участников революционного движения; организация вечеров-воспоминаний; разработка вопросников для участников событий; распространение анкет о погибших участниках движения.

В первые же годы работы истпартов были выработаны различные формы организации истпартовской деятельности. Возник институт уполномоченных Истпарта в уездных партийных организациях. При некоторых уездных комитетах создавались ячейки содействия истпарту. Практиковались обращения истпартов в местной печати к участникам событий с призывом сдавать документы и воспоминания, фотографии и другие материалы.

Центральные (Москва, Петроград) и местные истпарты активно сотрудничали с Центрархивом и губернскими архивами в деле собирания материалов. Почти все истпарты занимались разбором дел губернских жандармских управлений и составлением архивных описей. Истпарты взяли на себя руководство политсекциями губархивов. Петроградский истпарт к 1923 г. закончил разбор фонда Петроградского Военно-революционного комитета и Губкома партии. Некоторые местные истпарты занялись обследованием архивов органов социального обеспечения, в которых отложились материалы участников революционной борьбы.

Особенно следует подчеркнуть значение работы истпартов по собиранию мемуаров участников революции. Традиция собирания таких мемуаров восходит к ленинским указаниям о необходимости написания воспоминаний и автобиографий рабочими-революционерами, об анкетировании рабочих-массовиков, записи их свидетельств.

Условия, в которых рабочие писали воспоминания, ярко отражены в мемуарном фонде Истпарта. Так, рабочий-революционер А. Г. Васильев начал писать мемуары в 1910 г. в Акатуйской тюрьме. «Берясь за перо,— писал он,— я должен извиниться за те условия, в которых пишу эти строки: лежа на полу под нарами, в темном углу, так как моя работа „противозаконна“ и самое перо, добытое нелегально с трудом, и до того уже старо, что приходится им писать спинкой вниз, а писать нужно мелким бисером, убористо, бумага тонкая, махорочная...» [39] Автор передал свои воспоминания в Истпарт в 1924 г. Мемуарный фонд был систематизирован по основным этапам истории революции: «до 1905 г.», «1905 г.» и т. д.

Воспоминания поступали в Истпарт из различных организаций. Активная роль в этом принадлежала «Правде» и другим партийным газетам, редакции которых, получая от участников событий мемуары, пересылали их в Истпарт [40]. Истпартом был разработан специальный во-

---

[37] Многие публикации в этих местных изданиях не учтены в библиографических указателях. В предисловии к сводной таблице отмечалось, что сборники страдают «теми или иными недостатками», но в общем и целом являются «результатом большой, кропотливой и нелегкой работы» (Пролетарская революция, 1924, № 1 (24), с. 280).

[38] Пролетарская революция, 1924, № 1, с. 280.

[39] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 392, л. 4.

[40] Там же, д. 743—747 и др.

просник, по которому и рекомендовалось писать воспоминания.

Велись также стенографические записи активных участников революционного движения [41]. Присылали в Истпарт различного рода биографические материалы из Секретариата ЦК РКП(б).

Фонд мемуаров Истпарта позволяет сделать вывод, что особенно большой приток воспоминаний приходится на 1924—1928 гг., когда проводились юбилеи — 20-летие первой русской революции и 10-летие Великой Октябрьской революции.

Характерной особенностью этого комплекса мемуаров является внимание их авторов в первую очередь к дореволюционному периоду — подполью, тюрьмам, ссылке, а также участию авторов в трех русских революциях. Истпарт вел и проверку мемуарных материалов. В 1922 г. А. И. Елизарова направила Ем. Ярославскому воспоминания И. Глухова об Октябрьском вооруженном восстании в Москве. «Насколько правильно [автор] описывает события, не преувеличивает ли»,— писала Елизарова [42]. Ярославский ответил 6 декабря 1922 г., что автора воспоминаний он знал короткий период по работе в Военной организации в Москве, что Глухов «производит впечатление большой искренности» [43]. Ответ Ярославского выделил один из важнейших критериев, необходимый при оценке воспоминаний — искренность, правдивость, непосредственность автора.

В фонде Истпарта мы находим большую группу автобиографических материалов участников Октябрьской революции [44]. Автобиографии содержат ценнейшие сведения по истории революции в Петрограде, Москве и других центрах. Все эти люди, обремененные государственной и партийной работой, не очень-то были расположены заниматься составлением автобиографий и мемуаров. Чаще всего Истпарт поручал писать воспоминания и торопил участников, указывая им определенные сроки. Биографии и воспоминания часто сопровождаются замечаниями: «За краткостью срока — два дня, я смог дать только сухой перечень событий, встреч и работы в моей жизни»,— записал Лебедев-Полянский [45]. «Дать более подробно о партийной работе и участии в политических событиях различных периодов — сейчас, за неимением времени — не могу»,— отметил Ф. И. Голощекин [46].

У многих участников Октябрьской революции сохра-

нились различного рода документы революционной эпохи. С этими документами очень неохотно расставались их владельцы. В связи с этим в октябре 1924 г. Центральный Комитет партии принял постановление: «Ввиду утери многих архивных материалов послеоктябрьского периода 17-го и 18-го годов, имеющих значение для Истпарта, ЦК создал комиссию для разработки плана и порядка сдачи отдельными товарищами документов в Истпарт» [47].

Через несколько месяцев — в феврале 1925 г. ЦК снова вернулся к этому вопросу в более широком плане. «Ответственные работники, оставившие у себя документы, связанные с их работой в учреждениях и организациях после революции 1917 года, а равно имеющие на руках дела, переписку и отдельные документы, извлеченные из архивов учреждений дореволюционного периода, должны немедленно возвратить таковые в подлинниках или, в крайнем случае, в копиях по принадлежности учреждениям и организациям, а документы ликвидированных учреждений и организаций подлежат возвращению в местные Истпартотделы» [48].

Весьма характерно, что в руководящие органы Истпарта — сперва Коллегию, а затем Совет — входили видные участники и историки Октябрьской революции — А. С. Бубнов, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, В. А. Быстрянский, Н. И. Подвойский, О. А. Варенцова, Н. Н. Авдеев, Н. Н. Батурин и др.[49]

---

[41] М. И. Калинин продиктовал свои воспоминания в феврале 1924 г. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 842, л. 19.

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 851, л. 160.

[43] Там же, д. 851, л. 159.

[44] Так, например, в фонде имеются автобиографии Ю. П. Бутягина, А. В. Галкина, Ф. И. Голощекина, М. И. Губельмана, А. И. Догадова, П. Дауге, А. Ф. Ильина-Женевского, Д. И. Курского, П. И. Лебедева-Полянского, И. Н. Егорова (Кирилл Орлов) и многих других.

[45] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 853, л. 138.

[46] Там же, д. 851, л. 206.

[47] Известия ЦК РКП(б), 1924, 13 окт., № 2 (7), с. 8.

[48] Там же, 1925, 23 февр., № 8 (83), с. 5.

[49] Подробнее о создании Истпарта см.: *Комаров Н. С.* Создание и деятельность Истпарта (1920—1928).— Вопросы истории КПСС, 1958, № 5. За последние годы появились многочисленные исследования о работе центрального Истпарта, а также истпартов в Ленинграде, на Урале, в Поволжье, Сибири, на Украине, в Грузии, Азербайджане, Армении, в Узбекистане, Эстонии, Латвии, Литве, Казахстане, Молдавии.

Истпарт оказал огромное влияние на развитие советской исторической науки. Как показал в своем исследовании М. С. Волин, Центральный Истпарт и разветвленная сеть его местных учреждений явились важным орудием партии в идеологической борьбе, в становлении марксистско-ленинской исторической науки[50]. Больше того, Истпарт влиял на общекультурную, духовную жизнь страны, на развитие советской литературы и искусства. Здесь начинались произведения Д. Фурманова, Артема Веселого, Н. Асеева, И. Жига; при участии Истпарта готовились киносценарии об Октябрьской революции.

Активное участие принимал Истпарт в создании советской архивной системы. Его заслугой является собирание и публикация мемуаров участников революции, разработка важных проблем советского источниковедения и археографии. Старые кадры историков, привлекаемые Истпартом к деятельной работе, впервые приобщались к революционной проблематике и изучению марксизма.

В нашей литературе были попытки рассмотрения историографии Октября в рамках книжных публикаций, исключая всю журнальную продукцию. Этот принцип представляет известное «удобство» для автора. Однако он не может не привести к искажению реальной картины состояния науки. Журнальная статья была и остается важной формой исторического исследования. Особенно это относится к периоду 20—30-х годов, когда подавляющее большинство статей не превращалось в книги, и именно в таком виде они сохранили свое значение как историографические источники.

Весомый вклад внесли в разработку истории Октября журналы Истпарта — «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Летопись революции», орган Общества историков-марксистов — «Историк-марксист», журналы «Каторга и ссылка», «Большевик», «Красный архив», а также другие партийные общественно-политические и отраслевые периодические органы.

Правда, современники, оценивая вклад исторической периодики за первые месяцы 1927 г., выражали свою неудовлетворенность состоянием разработки истории Октября на страницах журналов. Так, А. В. Шестаков в обзоре за первую половину 1927 г. отметил узость проблематики, скромные количественные показатели, ограниченный круг авторов и отсутствие плановости в разработке проблем истории Октября на страницах журна-

лов[51]. Если же взять журналы за 1927—1928 гг., то эту оценку придется несколько изменить и отметить значительность вклада исторической периодики в историографию Октября.

Первое место по роли этого вклада принадлежит журналу «Пролетарская революция». Авторский состав «Пролетарской революции», «Красной летописи», как и других журналов, включал главным образом участников Октября, многие из которых выступали не как мемуаристы, а как исследователи. Таковы были работы Н. И. Подвойского, М. А. Савельева, А. В. Шестакова, Е. М. Ярославского, Я. А. Яковлева и других участников революции. Некоторые из них стали профессиональными историками. Наряду с ними на страницах журналов и как авторы книг, брошюр, монографических исследований стали выступать молодые историки-профессионалы — З. Б. Лозинский, В. Манилов, В. Владимирова, П. Галузо, М. Г. Флеер, С. А. Пионтковский. Ниже мы коснемся той группы молодых историков-икапистов, которые создали первый коллективный труд по истории Октября.

Именно журналам принадлежит инициатива (и тут большая заслуга журнала «Красный архив») в публикации важнейших источников по истории Октябрьской революции.

Заметное место в историографии Октября принадлежит серии небольших книжек, вышедших к 10-летию революции под грифом: «Библиотечка Октября. Истпарт и Агитпроп ЦК ВКП(б)»[52] Книжки эти выходили объемом 8—10 печатных листов, довольно значительным для того времени тиражом — 25 тыс. экземпляров. В состав авторов входили как представители старшего поколения

---

50 *Волин М. С.* Испарт и советская историческая наука.— В кн.: Великий Октябрь: История. Историография. Источниковедение. М., 1978, с. 189—206.

51 *Шестаков А. В.* Русские исторические журналы середины 1927 года.— Историк-марксист, 1927, т. 5; Подробную характеристику научно-исторической периодики см.: *Алаторцева А. И.* Журнал «Историк-марксист». 1926—1941 гг. М., 1979; *Комаренко Н. В.* Журнал «Летопись революции». Историографический очерк. Киев, 1970 (на укр. яз.); *Шельдешев Э. М.* К вопросу об изучении историко-партийной журнальной периодики 20—30-гг. в советской исторической литературе.— В кн.: Некоторые вопросы истории КПСС и международного коммунистического движения. Хабаровск, 1971.

52 План издания этой серии был утвержден Агитпропом ЦК ВКП(б).— Известия ЦК ВКП(б), 1927, № 2/3, с. 6.

историков-большевиков — Е. М. Ярославский, А. В. Шестаков, так и молодые историки — С. М. Дубровский, А. М. Панкратова, П. О. Горин и др. Были в числе авторов «Библиотечки Октября» и военные историки — Р. Эйдеман, В. Меликов[53]. Каждая из книжек этой серии являлась небольшим исследованием, авторы которых опирались на произведения Ленина и довольно значительный круг архивных материалов и документальных публикаций. Вся серия была рассчитана на массового читателя и носила научно-популярный характер.

В литературе, вышедшей к 10-летию Октября, преобладала проблематика, связанная с ролью В. И. Ленина как вождя и организатора, вдохновителя победы Октября, его характеристикой движущих сил революции, истории Советов. Значительно продвинулось в этой литературе освоение ленинской концепции истории революции 1917 г. Своим острием юбилейная литература была направлена против троцкистской и зиновьевско-каменевской трактовок Октябрьской революции. В книгах Е. М. Ярославского, А. В. Шестакова, статьях О. А. Варенцовой, Я. А. Яковлева, М. Н. Покровского, С. А. Пионтковского и многих других авторов были рассмотрены различные аспекты истории Великого Октября и руководящей роли в революции большевистской партии.

О. А. Варенцова — одна из первых историков взялась за разработку вопроса о ленинской концепции истории начального периода от Февраля к Октябрю. Варенцова отметила, что к 1917 г. Лениным были до конца продуманы и решены «все основные вопросы, связанные с характером исторической эпохи, империалистической бойни и социалистической революции»[54]. Автор выделил исходный пункт ленинского анализа Февральской революции — классовый характер революции и государственной власти, созданной в стране после свержения самодержавия. Раскрытие Лениным сущности такого оригинального в истории явления, как двоевластие, показано автором как важное звено ленинской концепции. Вместе с тем ей удалось поставить и решить вопрос о таком важном элементе ленинской концепции, как законченность, завершенность буржуазной революции в России с переходом власти в руки буржуазии. Через всю статью проходило стремление автора показать значение научного предвидения Ленина; и когда он в первом «Письме из далека» уверенно заявил, что эта первая революция, порож-

денная мировой империалистической войной, не будет последней»; и когда он предвидел недолговечность двоевластия, неизбежность развертывания борьбы между Советами и Временным правительством. Варенцова использовала только ту часть работ Ленина, которые были написаны им еще в Цюрихе, что, конечно, ограничило ее возможности широкого рассмотрения ленинской концепции революции 1917 г.

Истории Февральской революции были посвящены также работы Е. М. Ярославского и Я. А. Яковлева [55]. Ярославский подчеркнул сходство позиций Каменева и Троцкого в оценке Февральской революции, так как оба они считали (при различной аргументации), что переход к социалистической революции неизбежно означает разрыв пролетариата с крестьянством и мелкой буржуазией города. Статьи Яковлева были частью его большой монографии, работу над которой он вел уже несколько лет и в значительной мере опубликовал в периодике 1924—1927 гг. и в предисловиях к публикациям серии «1917 год в документах и материалах» [56].

Интересную попытку анализа соотношения классовых сил в деревне накануне и после Октябрьской революции предпринял А. В. Шестаков. По его подсчетам, выступления крестьян против кулаков достигали примерно уровня 10% всех крестьянских выступлений. Шестаков пришел к выводу, что классовое движение внутри села развертывалось за последние месяцы перед Октябрьской революцией более интенсивно, особенно в центре страны [57]. Он одним из первых историков обратился к ис-

---

[53] *Ярославский Е. М.* Партия большевиков в 1917 году. М.; Л., 1927; *Шестаков А.* Большевики и крестьянство в 1917 году. М.; Л., 1927; *Горин П.* Пролетариат в 1917 году в борьбе за власть. М.; Л., 1927; *Панкратова А.* Фабзавкомы и профсоюзное движение в 1917 году. М.; Л., 1927; *Эйдеман Р., Меликов В.* Армия в 1917 году. М.; Л., 1927; *Дубровский С.* Крестьянство в 1917 году. М.; Л., 1927.

[54] *Варенцова О. А.* Ленин о Февральской революции.— Пролетарская революция, 1927, № 2/3, с. 18.

[55] *Ярославский Ем.* Большевики в февральско-мартовские дни 1917 года.— Пролетарская революция, 1927, № 2/3; *Яковлев Я. А.* Февральские дни 1917 года.— Там же.

[56] Весь комплекс работ Я. А. Яковлева по 1917 году и их место в историографии детально изучены Г. Ф. Сиволаповой. См.: *Сиволапова Г. Ф.* Исследования Я. А. Яковлева по истории Октябрьской революции.— В кн.: История и историки. М., 1976.

[57] См.: *Шестаков А. В.* Большевики и крестьянство в революции 1917 года. М.; Л., 1927, с. 14—17.

следованию различных организаций помещиков и кулаков — союзов земельных собственников, а также к организации сельскохозяйственного пролетариата.

Инициатором изучения истории Петроградского Военно-революционного комитета выступил С. А. Пионтковский [58]. Он построил свою статью на впервые извлеченных из архивов материалах фонда ВРК. Пионтковскому удалось выяснить структуру и функции ВРК, его деятельность как оперативного штаба вооруженного восстания.

Некоторые темы, поднятые историками в юбилейной литературе, на последующих этапах развития исторической науки почти не изучались. Такой теме была посвящена статья Е. Игнатова о Государственном совещании в августе 1917 г.[59]

Один из историографов заметил, что рабочему классу в юбилейных материалах повезло значительно меньше, чем крестьянству. Это замечание свидетельствует только о недостаточной осведомленности автора.

Вопрос о том, какое место занимала эта литература в историографии Октября, представляется нам очень важным. Мало утверждать формулу о гегемонии пролетариата, о его руководящей роли в социалистической революции. Та или иная степень освоения ленинской концепции истории Октября может быть проверена и установлена на конкретно-исторических исследованиях по истории рабочего класса в 1917 г.

Отметим некоторые особенности работ по данной проблематике, выпущенных к десятилетию Октября. Во-первых, они были посвящены наиболее крупным отрядам рабочего класса и таким формам его организации, как фабрично-заводские комитеты. Во-вторых, значительное место в них отводилось истории профсоюзного движения в 1917 г., отдельным союзам и их роли в революционной борьбе. В-третьих, уже в это время намечается тенденция к изучению истории рабочего класса 1917 г. в рамках крупных предприятий, что по сути дела являлось подготовкой к развернувшемуся несколько позже широкому движению за создание истории фабрик и заводов.

Впервые в советской историографии был опубликован общий очерк по истории рабочего класса в 1917 г., принадлежавший П. О. Горину [60]. Значительное место эта тема заняла в работе А. Николаенко [61]. Изучение истории рабочего класса, его руководящей роли в револю-

ционном процессе, публикации документов по этим проблемам захватило районы Центра, Поволжья, Урала, Украины, Баку [62].

Продолжалось исследование таких форм рабочего движения, как фабрично-заводские комитеты [63]. Особенно большой размах получило изучение профессионального движения в 1917 г. В этой области успешно преодолевались меньшевистские концепции и реформистские трактовки, которые были довольно сильны в литературе о профсоюзном движении первой половины 20-х годов.

А. М. Панкратова обратилась к теме борьбы большевиков с меньшевиками в профсоюзном движении [64]. Предметом исследования сделалась история отдельных профессиональных союзов. Интересно отметить, что некоторые советские историки, которые впоследствии работали в области средневековой истории России, начинали свою деятельность как исследователи профсоюзного движения. Так, например, известный впоследствии советский историк К. В. Базилевич написал обстоятельную работу о профсоюзе связи в Октябрьской революции [65]. Большая группа работ была посвящена истории профсоюзного движения в промышленных центрах [66].

---

58 *Пионтковский С. А.* Военно-революционный комитет в Октябрьские дни.— Пролетарская революция, 1927, № 10.

59 *Игнатов Е.* Государственное совещание в Москве 1917 г.— Пролетарская революция, 1927, № 8/9.

60 *Горин П. О.* Пролетариат в борьбе за власть. М.; Л. 1927.

61 *Николаенко А.* Краткая история рабочего класса в России. М.; Л., 1926.

62 *Дианова М. К., Экземплярский П. М.* Иваново-Вознесенский пролетариат в борьбе за власть Советов. Иваново-Вознесенск, 1927; Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах: В 3-х т. Свердловск, 1927; 1917 год в Саратове. Саратов, 1927; Киевский арсенал в пролетарской революции. Харьков, 1928; *Ротгаузер Я. А.* Борьба бакинского пролетариата за коллективный договор в 1917 г. Баку, 1927.

63 *Панкратова А. М.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. М.; Л., 1927; *Шатилова Т. И.* Фабзавкомы и профсоюзы в 1917—1918 гг. Л., 1927.

64 *Панкратова А. М.* Политическая борьба в российском профдвижении 1917—1918 гг. Л., 1927.

65 *Базилевич К. В.* Профессиональное движение работников связи (1917—1918 гг.). М., 1927.

66 *Цыперович Г. В.* Петроградские профсоюзы в Октябре 1917 г. М., 1927; *Зубцова Н.* Самарское профессиональное движение 1917—1918 гг. Самара, 1927; Материалы по изучению истории профессионального движения на Украине. Харьков, 1928. Сб. 1. Профессиональное движение в 1917 году.

К десятилетию Октябрьской революции был опубликован значительный круг источников по истории профессионального движения в таких центрах, как Петроград и Москва, а также подготовлено трехтомное издание документов по истории фабрично-заводских комитетов [67].

Существенным компонентом развития исторической науки является историческое образование. Преподавание истории в средней и высшей школе, программы, учебники наиболее выпукло отражают состояние, уровень и господствующие направления в исторической науке.

В нашей литературе получил распространение тезис о том, что до середины 30-х годов в историческом образовании господствовали социологизм, схематизм, пренебрежение к фактам. При такой трактовке оказываются совершенно неподготовленными и возникшими как бы на пустом месте постановления ЦК об историческом образовании. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо выяснить, от чего отталкивалась в первые годы после Октября новая советская школа в преподавании истории. Важно также определить, какое место в постановке исторического образования занимала проблема революций вообще и история Октябрьской социалистической революции в особенности.

Для характеристики уровня и направления исторического образования накануне 1917 г. мы используем анкетные материалы, распространенные в школах России в 1912 г. Анкету разработала комиссия Организационного комитета по созыву съезда преподавателей истории в составе М. Н. Коваленского, К. В. Сивкова, А. В. Стрельцова, Б. Е. Сыроечковского. Комиссия получила 132 анкеты, из них 81 от гимназий (главным образом женских), 19 — от реальных училищ, остальные от коммерческих, духовных училищ и учительских семинарий.

Отвечая на вопрос о задачах курса истории, преподаватели во многих анкетах писали: «От курса требуется анализ социологический, он должен привести учеников к научно-социологическому мировоззрению, открыть им понимание жизни общества» [68].

Раскрывая содержание этого научного мировоззрения, учителя обнаруживали свою приверженность к концепциям либерально-буржуазной историографии. По их мнению, результатом изучения истории должно быть «укрепление в умах учащихся идеи эволюции культуры», «вера в постепенное совершенствование быта и

нравов людей»[69]. В перечислении наиболее важных тем по русской истории в анкетах значились главным образом реформы Петра I и Александра II. История общественного движения, не говоря уже о революционном, не упоминается. Один из учителей с грустью констатировал, что «ознакомление с общественным движением останавливается обычно на декабристах... в официальные программы эти вопросы не включены, а из их рамок выходить не приходится»[70]. Некоторые учителя считали «непедагогичным вносить в школу политику», а один из них откровенно написал: «Говорить о современности считаю вредным»[71].

Б. Е. Сыроечковский, один из авторов обзора анкетного материала, пришел к такому заключению: «Трудно не признать задачу исторической подготовки к пониманию действительности одной из самых главных (если только не самой главной) задачей школьного курса истории, да и самой исторической науки. Тем ненормальнее, что эта задача может осуществляться только „контрабандой“»[72].

М. Н. Коваленский подвел итоги анкеты по вопросам учебников и пособий. В средней школе в это время по отечественной истории преобладали учебники С. Ф. Платонова, Острогорского, Елпатьевского. Учебники Иловайского были несколько оттеснены представителями либеральной историографии. Интересное обобщение анкетного материала по вопросу о соотношении схемы и конкретно-исторических фактов в преподавании истории дал М. Н. Коваленский. «Готовая схема,— писал он,— в значительной степени утратила свое обаяние над умами преподавателей, конкретизация материала все более вступает в свои права в средней школе. Замечается движение назад — от схемы к факту; однако эпоха господства схемы не осталась бесплодной, нигде не рекомендует-

---

[67] Протоколы Петроградского Совета профессиональных союзов за 1917 г. Л., 1927; Московский Совет профессиональных союзов в 1917 году: (Протоколы). М., 1927; Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. М., 1927—1929. Ч. 1—3.

[68] Анкета по преподаванию истории в средней школе. М., 1913, с. 10.

[69] Там же, с. 13.

[70] Там же, с. 17, 22.

[71] Там же, с. 23.

[72] Там же, с. 24.

ся возвращение к голому факту... в целом ряде ответов схема и факт тесно сплетаются, взаимно ограничивая и дополняя друг друга» [73].

Материал анкеты дает нам достаточно четкое представление о том, с чего начиналось историческое образование в советской школе. Необходимость преодоления отрыва школы от жизни, от реальной действительности, ликвидация господства либерально-буржуазной историографии в преподавании отечественной истории являлись главнейшими задачами. Вместе с тем в наследство от старой школы новой школе достались нерешенные проблемы соотношения «схемы», т. е. концепции, и конкретно-исторических фактов. Социологизм и фактография действительно «дополняли друг друга», не выходя за рамки буржуазно-либеральной историографии. Возникла острая потребность в новых учебных программах, в новых учебниках, в перевоспитании учительских кадров историков и подготовке новых кадров. Без учета всего этого комплекса задач мы не сможем понять значения нового предмета, введенного в школьное образование,— обществоведения, а также необходимость противопоставления старой концепции отечественной истории новой марксистской концепции. Особенно важной задачей явилось введение в преподавание истории революционного движения, Октябрьской революции, Советской Конституции.

Увлечение новшествами в организации и преподавании истории в школе зачастую объясняют влиянием буржуазных педагогических теорий Дьюи, Дальтон-плана и др. Такое влияние, конечно, было, но не оно стало причиной различного рода поспешных реформ школьного исторического образования.

Существовала объективная необходимость устранения разрыва между школой и новой революционной действительностью. После Октября этот разрыв стал особенно нетерпим, но пути его преодоления были далеко не ясны. Постоянный поиск этих путей невозможен был без ошибок.

Когда в 1918 г., вспоминал М. Н. Покровский, он «предложил поставить на конкурс учебники по истории, это было встречено улыбкой и указанием, что это крайне нелепая задача: зачем книга по истории? Будут учиться иначе, будут учить историю методом трудового изучения» [74] (т. е. изучением истории труда). Даже такой авторитет, как старый большевик П. Н. Лепешинский,

на первом всероссийском съезде учителей-интернационалистов в 1918 г. заявил, что «учебник противоречит принципам трудовой школы» [75].

Этим увлечениям противостояла четкая позиция Ленина. В связи с «тезисами о политехническом образовании» Н. К. Крупской В. И. Ленин предложил составить программы обучения по годам: коммунизм, история вообще, история революций, история революции 1917 года, география, литература и т. д.[76]

В. И. Ленин настоятельно требовал создания новых учебников. Он неоднократно ставил этот вопрос в своих статьях и выступлениях. В предисловии к книге И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», высоко оценивая эту книгу, Ленин писал: «Чего нам больше всего не хватает для настоящей (а не чиновнически-бездельной) работы по народному просвещению — это именно вот таких „пособий для школ“ (для всех, обязательно всех школ вообще), как настоящее» [77]. В. И. Ленин требовал, чтобы литераторы-марксисты «засели за такие же пособия или учебники по всем без изъятия общественным вопросам...» [78].

Вопреки распространенному мнению о нехватке кадров для решения этой проблемы Ленин на XI съезде партии подчеркнул: «...у нас сотни марксистских литераторов, которые могут дать учебники по всем общественным вопросам, но не дают потому, что не тем заняты, не туда устремляются» [79].

Еще ранее VIII съезд партии предложил ввести в курс общеобразовательных школ и школ взрослых популярные очерки истории культуры «с особо разработанной частью, посвященной истории Российской Великой революции» [80]. Этим же решением в преподавание включалось изучение Советской Конституции. «Для обоих кур-

---

[73] Там же, с. 51.
[74] Новые программы для единой трудовой школы. Утверждены коллегией Наркомпроса 16 июля 1923 г. М.; Пг., 1923, вып. 1, с. 15.
[75] *Королев Ф. Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики 1917—1920. М., 1958, с. 265.
[76] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 229.
[77] Там же, т. 45, с. 51.
[78] Там же, с. 51—52.
[79] Там же, с. 119.
[80] Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.: Протоколы. М., 1959, с. 433.

сов,— говорилось в решении,— должны быть немедленно созданы образцовые учебники»[81].

В феврале 1919 г. Коллегия отдела реформы школы решила объявить конкурс на составление учебных книг по истории, в том числе по новейшей истории в связи с историей социализма на Западе и в России. В жюри конкурса вошли М. Н. Покровский, А. И. Васютинский, В. П. Волгин, Н. М. Лукин и др. Однако это задание не было выполнено. Тогда же, в феврале 1919 г., отдел реформы школы принял решение о замене преподавания русской истории обществоведением. Много лет спустя критики этого акта утверждали, что он был равносилен ликвидации истории как учебной дисциплины и науки. Однако они не учитывали двух, по крайней мере, важных обстоятельств. Во-первых, в условиях отсутствия марксистских учебников и кадров учителей, подготовленных для новой школы, только обществоведение как комплексная дисциплина могла противостоять буржуазно-идеалистической концепции истории, дать ученикам понятие об истории как закономерном процессе, подвести их к пониманию современности, к пониманию революции. Во-вторых, в рамках обществоведения можно было реализовать решения партии о включении в преподавание истории революций вообще, Октябрьской революции в особенности, а также Конституции.

Введение обществоведения не ликвидировало преподавания истории, а включило эту дисциплину в общую систему знаний по гуманитарным отраслям науки. Об этом свидетельствует постоянная забота партии об уровне преподавания обществоведения и истории, кадрах учителей, историков. Как правильно отмечал Л. В. Черепнин, эта реформа «имела безусловно положительное значение»[82].

Перестройка коснулась не только средней, но и высшей школы. Декрет СНК за подписью В. И. Ленина от 19 ноября 1920 г. «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» отмечал «крайнюю устарелость учебных планов, программ и методов преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР»[83], а также совершенную неприспособленность преподавания к основным потребностям советского строительства. Декрет предусматривал создание комисии при Народном комиссариате просвещения для подготовки новых учебных планов и

детально разработанных программ по соответствующим дисциплинам общественных наук. Следует отметить, что из 13 членов комиссии было 7 историков: В. А. Быстрянский, В. П. Волгин, Н. М. Лукин, Ю. Ю. Мархлевский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов и назначенный председателем комиссии Ф. А. Ротштейн.

В связи с сопротивлением реакционной профессуры, особенно на исторических и филологических отделениях факультетов общественных наук, пришлось пойти на крайние меры. Для преодоления этого сопротивления постановлением СНК от 4 марта 1921 г. за подписью В. И. Ленина исторические и филологические отделения ФОН упразднялись [84]. В составе ФОН создавались общественно-педагогические отделения. Одновременно данным постановлением предусматривалось создание научных институтов для разработки различных отраслей общественных наук и подготовки высококвалифицированных научных работников по основным отраслям общественных наук, в том числе и истории [85].

На основании этого постановления была создана Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН).

Какое место занимала история революции в ходе этой реорганизации? Мы можем судить об этом по программам для школ I и II ступеней по обществоведению, опубликованным в 1921 г.

Программа по обществоведению состояла из двух частей. В подготовительном курсе обществоведения для школ I ступени был раздел «Мировой кризис и революция». В центре раздела была революция 1917 г. Приведем часть этой программы. «Падение монархии. Переход власти к буржуазии. Коалиционная политика. Борьба пролетариата. Октябрьская революция. Переход земли к крестьянам, фабрик к рабочим. Диктатура. Советы — органы классового господства пролетариата города и деревни. РСФСР. Конституция республики» [86].

---

[81] Там же.

[82] *Черепнин Л. В.* Выступление на обсуждении статьи С. М. Дубровского о М. Н. Покровском.— Вопросы истории, 1962, № 3, с. 37.

[83] СУ, 1920, № 93, ст. 503.

[84] СУ, 1921, № 19, ст. 117.

[85] Там же.

[86] Программа для I и II ступени семилетней единой трудовой школы. М., 1921, с. 93—94.

При всех очевидных недостатках этой программы — нечеткости формулировок, неполноте и непоследовательности в изложении важнейших событий — ее никак нельзя обвинить в социологизме. Более детально история революции 1917 г. была раскрыта в основном курсе по обществоведению для школ II ступени. В этой части программы рассматривались объективные предпосылки революции 1917 г., отмечались основные ее этапы от Февраля к Октябрю. Интересно отметить, что в разделе «Внешняя политика» указывалось на потерю Россией самостоятельности в международных отношениях в условиях керенщины. Октябрьская революция характеризовалась как переход от буржуазного строя к социалистическому, как непременное условие победы над экономической разрухой и как «низвержение ига Антанты» [87].

В списке литературы были рекомендованы работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». «Империализм как высшая стадия капитализма», «За 12 лет» и др. Однако работы Ленина послеоктябрьского периода в рекомендательный список не входили. В этом списке были также указаны труды Г. В. Плеханова, М. Н. Покровского, М. И. Туган-Барановского, А. А. Богданова, Н. А. Рожкова, П. И. Лященко.

В 1923 г. Наркомпрос подготовил и опубликовал новые программы по всем предметам начальной и средней трудовой школы, в том числе и по обществоведению. Впервые в этой программе появляется характеристика империализма — тресты, мировой рынок, колонии; более основательно разработан в программе вопрос о советском строительстве, первой Советской Конституции, подчеркнуты отличия Советского государства от парламентарной республики. В программе была дана установка на подведение итогов первых пяти лет существования Советского государства. Февральская революция связывалась с поражением русской армии на фронтах в первой мировой войне. В политике Временного правительства подчеркивался его курс на продолжение войны.

А. В. Луначарский высоко оценил новые программы, в основе которых лежало познание труда, природы, общества. «В программе,— писал он,— лежит необычайное изящество структуры, с какой бы стороны ни подойти к ней, вы видите нечто цельное» [88].

В комментариях к этой программе М. Н. Покровский характеризовал обществоведение, а в нем — историю как

«базис» всего обучения в школе: «Для меня, историка-специалиста, не возникает здесь решительно никаких сомнений»[89].

Новые программы по обществоведению Покровский считал лучшими из всех ему известных по истории. Он отмечал, что программа по истории свободна от шаблонов буржуазной исторической науки и от абстрактных схем. «Изучать экономические формы вне всякой связи с исторической обстановкой, в которой они слагаются, является полнейшим нарушением азбуки коммунизма, т. к. никаких абстрактных исторических условий нет и быть не может»[90].

Эти высокие оценки и правильные методологические установки не снимают того объективного факта, что программа по обществоведению содержала весьма скупые разделы по истории вообще и по истории революции в особенности. Программа в большей степени ориентировала учителя на изучение современности, характеристики современной деревни, роли Советов, союза рабочих и крестьян и т. д.

Недостатки преподавания истории в школе объяснялись прежде всего слабостью учительских кадров. Необходимо было укрепить систему их подготовки. В июне 1926 г. ЦК партии принял постановление о преподавании общественных дисциплин в высших учебных заведениях, рабфаках и техникумах[91]. Постановление предусматривало создание особых обществоведческих кафедр (предметные комиссии), которые объединили бы преподавание отдельных дисциплин. В постановлении говорилось о необходимости использования выпускников ИКП и РАНИОН на преподавательской работе в вузах и рабфаках и о подготовке учебников.

ЦК обратился также к рассмотрению специального вопроса о преподавании обществоведения в школах II ступени, ФЗУ и ШКМ. (Школа крестьянской молодежи). В январе 1927 г. ЦК отметил значительную работу, проведенную Наркомпросом по подготовке программ и мате-

---

87 Там же, с. 103.
88 Новые программы для единой трудовой школы. М.; Пг., 1923, вып. 1, с. 5.
89 Там же, с. 18.
90 Там же.
91 Справочник партийного работника. М.; Л., 1928, вып. 6, ч. 1, с. 712—713.

риалов преподавания обществоведения, но фактически это преподавание, как говорилось в постановлении, все же оставалось «одним из наиболее слабых участков народного просвещения» [92]. На основании этого постановления Наркомпрос сделал шаг в сторону выделения истории из обществоведения. В программе для 8 и 9 годов обучения был введен исторический курс по всеобщей и русской истории.

В результате произошел некоторый сдвиг в подготовке учебников. В 1927 г. был выпущен учебник по русской истории А. В. Шестакова. Значение его заключалось прежде всего в том, что он был посвящен эпохе от падения крепостного права до 1920 г. Из 12 тем 3 отводились изучению 1917—1920 гг.: от Февраля до Октября 1917 г.; Октябрьское восстание; гражданская война. Эти темы были разработаны в конкретно-историческом плане, в строго хронологическом порядке. В теме «От Февраля до Октября 1917 года» были подчеркнуты такие проблемы, как гегемония пролетариата в Февральской революции («главная движущая сила»), двоевластие, апрельская демонстрация, июльское выступление, рабочий контроль, крестьянское движение, ликвидация корниловщины. В теме «Октябрьское восстание» фабзавкомы характеризовались как зачаточный аппарат управления промышленностью. В этом разделе выделялись вопросы большевизации Советов, организации Красной гвардии, вооруженного восстания в Петрограде, Москве, провинции и на фронте. Раздел завершался историей II съезда Советов, образованием СНК и первыми мероприятиями рабоче-крестьянского правительства [93].

Итоги пройденного пути советской школы в 20-е годы были подведены в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «Принципиально иным,— говорилось в постановлении,— стало содержание всей работы школы. Советская школа, ставящая своей задачей „подготовлять всесторонне развитых членов коммунистического общества“, дает детям несравненно более широкий общественно-политический кругозор и общее развитие, чем дореволюционная буржуазная школа» [94]. В то же время в постановлении отмечалось, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний. ЦК потребовал обеспечить в программах «точно очерченный круг систематизированных знаний», в том числе и по истории. Эти идеи получили свое развитие в постановлении ЦК

от 25 августа 1932 г., в котором уже более конкретно указывалось на недостаточность исторического подхода в преподавании, на то, что школа дает крайне слабое представление об историческом прошлом. Однако и в этом постановлении речь шла еще о преподавании истории в рамках обществоведения [95]. Несколько позже, в феврале 1933 г., ЦК осудил решение Наркомпроса об отказе от стабильных учебников [96]. Весь этот цикл документов завершился постановлениями ЦК и СНК 1934—1936 гг.

Напомним, что к этому времени историческая наука значительно продвинулась в изучении отечественной истории, вышли первые крупные коллективные монографии по истории трех русских революций. Таким образом, почва для появления этих постановлений была достаточно подготовлена как рядом предшествующих решений партии, так и самим движением исторической науки и поисками в области преподавания.

В марте 1934 г. нарком просвещения А. С. Бубнов провел совещания историков о необходимости подготовки стабильных учебников по истории и перестройке исторического образования. В это же время в партийной и советской печати развернулась критика учебников по истории за их схематизм, абстрактность в изложении, замену конкретно-исторического процесса социологическими схемами. В этой критике нередко случались и перегибы — призывы к отказу от обобщений. Так, газета «За коммунистическое просвещение» отмечала, что учебники почти на каждой странице разрешают «проблему перерастания», «удельного веса каждого класса в революции», «вскрывают роль движущих сил» [97], считая все это данью социологизму и схематизму.

Постановление ЦК и СНК от 16 мая 1934 г., подвергнув критике схематизм и отвлеченные социологические схемы в преподавании истории, выдвинуло требование соблюдения историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий и на этой основе

---

92 Там же, с. 713.

93 *Шестаков А. В.* Русская история (1861—1920 гг.). М., 1927. Эта работа по сути дела являлась конспектом учебника и была выпущена в серии «Ступени самообразования».

94 Справочник партийного работника. М., 1934, вып. 8, с. 350—355.

95 Справочник партийного работника. М., 1934, вып. 8, с. 350—355.

96 Там же.

97 За коммунистическое просвещение, 1934, 24 апр.

«правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории» [98].

В статье, опубликованной в связи с постановлениями ЦК 1934 г., М. В. Нечкина поставила вопрос о соотношении факта и обобщения в историческом образовании. Автор статьи высоко оценивала обобщения, абстракции, без которых не могло быть и науки. Но обобщения не могут быть предпосланы фактам, они должны вырастать из фактического материала. Отметив, что в преподавании истории была нарушена нормальная связь между фактом и обобщением, М. В. Нечкина указала на две опасности: «Во-первых, опасность схоластики, выхолощенных абстракций. Во-вторых, опасность голой „фактографичности", воскрешение привычных фактов старого учебника, некритическое подражание структуре учебников старой школы, изгнание обобщения» [99].

Мы рассмотрим комплекс постановлений ЦК и Советского правительства середины 30-х годов об историческом образовании и учебниках в аспекте того влияния, которое эти постановления оказали на изучение истории революции 1917 г. Созданная ими атмосфера уважения к историческому факту, преодоления социологизма и схематизма отразилась на всех разделах исторических знаний.

На основании постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. Народным комиссариатом просвещения были организованы пять групп для подготовки учебников по истории СССР и новой истории. Эти группы составили конспекты новых учебников, которые подверглись критике в замечаниях Сталина, Кирова и Жданова, датированных 8 августа 1934 г.

Мы остановимся на той части замечаний, которая относится к истории Октябрьской революции. Авторы замечаний отмечали, что в конспектах учебников по истории СССР осталась немотивированной роль Октябрьской революции как освободительницы народов России от национального гнета, а самой России — от полуколониального положения. В замечаниях по конспекту учебника новой истории было сказано, что в нем недостаточно подчеркнута разница и противоположность между французской буржуазной революцией XVIII в. и Октябрьской социалистической революцией. Эту противоположность авторы замечаний предлагали сделать осью, основной идеей учебника новой истории.

В замечаниях был рассмотрен также вопрос о соотношении революционного процесса России и Западной Европы. Авторы отметили, что конспект не отражает роли и влияния западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование таких движений в России. «Авторы конспекта, очевидно, забыли,— говорилось в замечаниях,— что русские революционеры считали себя учениками и последователями известных корифеев буржуазно-революционной и марксистской мысли на Западе» [100].

Какое место заняли интересующие нас вопросы истории Октябрьской революции во всем этом комплексе документов, видно из постановления Жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов по истории СССР.

В постановлении критиковалась неправильная трактовка некоторыми авторами учебников роли Советов, которые ставились в один ряд с другими массовыми организациями трудящихся. Советы в учебниках не характеризовались как органы власти, органы диктатуры пролетариата. В постановлении подчеркивалось, что в некоторых учебниках не была показана отсталость России в области экономической, военной, культурной и тем самым оставалась немотивированной роль Октябрьской революции и Советской власти в деле превращения России «из убогой и бессильной в страну могучую и обильную» [101].

В постановлении Жюри была подчеркнута необходимость показать в учебниках перестройку общественного строя страны: уничтожение частной собственности на фабрики и заводы, установление социалистической всенародной государственной собственности на промышленные предприятия, банки; национализация земли и передача ее крестьянам; решение национального вопроса; слом старой государственной машины и начало строительства новой на основе Советов [102].

Постановление Жюри несколько принижало уровень экономического развития России, ограничивало сферу ее

---

[98] К изучению истории. М., 1946.

[99] *Нечкина М. В.* Потерянный и возвращенный факт (историческое образование на новом этапе).— Фронт науки и техники, 1934, № 7, с. 99.

[100] К изучению истории. М., 1946, с. 22.

[101] Там же, с. 32.

[102] Там же, с. 35.

подготовленности к социалистической революции. Историческая роль революции, освободившей Россию от возросшей в годы войны иностранной зависимости, была подменена тезисом о полуколониальном положении России. Это не соответствовало реальному положению страны в системе мирового империализма. Тезис о России как полуколонии оказал свое влияние на историографию и сохранился в литературе вплоть до середины 50-х годов, когда он был подвергнут справедливой научной критике.

Глава пятая

ПЕРВЫЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ

К десятилетию Октябрьской революции вышли два тома «Очерков по истории Октябрьской революции» под редакцией М. Н. Покровского. Первое крупное коллективное произведение советских историков подвело итоги десятилетнему изучению этой проблемы и само по себе явилось важной вехой в развитии советской историографии.

На титуле этого труда значилось: «Работы исторического семинария Института красной профессуры». Издание вышло под грифом: «Ист. парт. Отдел ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б)».

Таким образом, перед нами первые результаты деятельности Коммунистической партии по подготовке и воспитанию новых кадров историков, а также итоги развертывания работы новых научных центров — ИКП и Истпарта.

Характерен состав авторов этого коллективного труда. Все они пришли в ИКП с партийной работы или из лекторской группы Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Это были молодые люди, старшему из них было 30 лет, младшей — 23 года.

Семинарий, из которого вышли авторы тома, работал под руководством М. Н. Покровского над двумя большими проблемами: русская историография, история Октябрьской революции. Часть семинария состояла из слушателей приема 1924 г., часть — из приема 1925 г. Как сообщила автору Э. Б. Генкина, большую часть слушателей отобрал М. Н. Покровский из состава лекторской группы

при Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова [1].

О порядке работы семинара рассказал автору этих строк М. А. Рубач [2]. Многие сведения Рубача полностью совпадают с рассказом Э. Б. Генкиной.

Работа членов семинара над статьями для «Очерков...» началась в 1924—1925 гг. План труда обсуждался на семинаре при участии М. Н. Покровского. Первоначально статьи представлялись в виде докладов на семинаре (объемом 150—200 с.), прочитывались членами семинара и Покровским и затем обсуждались. Итоги обсуждения подводил Покровский, иногда он выступал и в ходе прений. Как отмечает М. А. Рубач, «в заключительных резюме Покровского было много импровизации, противоречий, спорных установок. Но они были очень интересны» [3].

Кроме авторов статей, вошедших в I—II тома «Очерков» (А. Л. Сидоров, К. Ф. Сидоров, Д. А. Баевский, Э. Б. Генкина, М. С. Югов, О. А. Лидак, Н. Л. Рубинштейн), в работе семинара принимали участие И. И. Минц, С. М. Дубровский, Б. Б. Граве, М. А. Рубач, Е. Я. Драбкина, М. И. Кубанин и другие икаписты.

Из «Предисловий» М. Н. Покровского к первому и второму томам «Очерков...» можно извлечь существенные данные о ходе их подготовки и общем замысле этого труда. Как отметил М. Н. Покровский, доклады слушателей в результате обсуждений в семинаре «подвергались весьма существенной переработке» [4]. Предполагалось, что каждая статья для «Очерков...» не превысит объем 4—5 печ. листов. В действительности же статьи выросли до 10—12 печ. листов каждая. Предполагалось, что статьи будут носить научно-популярный характер. «Но чтобы популяризировать, надо сначала проработать массу сырого материала...,— писал М. Н. Покровский.— Получилось исследование, «предназначенное для подготовленного уже читателя, начиная с нашего студенчества вузов и комвузов»...[5].

Каждая из статей «Очерков...» по существу является небольшой законченной монографией, а все вместе состав-

[1] Запись беседы автора с Э. Б. Генкиной 27 февраля 1976 г.

[2] Письмо М. А. Рубача автору от 30 апреля 1976 г.

[3] Там же.

[4] Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927, т. I, с. IX (Далее — Очерки...) И. И. Минц принимал активное участие в редактировании «Очерков...».

[5] Там же.

ляют единый по замыслу коллективный труд, все участники которого ясно понимали высокое значение совместной работы по данной проблематике.

Отметив в предисловии огромные масштабы архивных материалов по истории России эпохи империализма и Октябрьской революции, М. Н. Покровский пришел к верному выводу, что «*коллективная разработка архивов* есть единственное средство их использовать для настоящего времени». И далее: «Только много людей при тщательном разделении труда могут использовать архивы в сколько-нибудь обозримое время» [6].

Хорошо зная объем архивных материалов по современной эпохе, Покровский конкретно не ощущал характер этих материалов. Так, например, он был убежден, что весь архивный материал — печатный (т. е. типографский) или машинописный. «О рукописном для наших дней говорить не приходится»,— утверждал он [7]. Между тем огромные толщи материалов дошли до нас именно в рукописном виде. Таков фонд переписки Секретариата ЦК РСДРП(б) с местами — письма рабочих, крестьян, солдат в редакции газет (неопубликованные), анкетные и другие материалы различных советских, профсоюзных организаций, съездов, конференций.

В распоряжении авторов «Очерков...» было в основном законченное к тому времени первое издание Сочинений В. И. Ленина. Это дало возможность резко повысить методологический уровень исследования, широко использовать ленинские оценки и характеристики событий 1917 г., ленинскую периодизацию революционного процесса. Авторы привлекли также к исследованию произведения Ленина, не вошедшие в первое издание Сочинений.

Авторы опирались на большую группу уже опубликованных источников. Значительная часть публикаций партийных документов появилась в ходе борьбы с троцкистами и «новой оппозицией». Были использованы такие крупные публикации, как «Падение царского режима», сборники из серии «1917 год в документах и материалах», в том числе и те сборники, которые еще находились в производстве. Это же относится и к монографиям, которые только еще готовились к печати. Авторы монографий охотно предоставляли участникам «Очерков...» возможность познакомиться с их содержанием. Значительным подспорьем явились публикации документов, ме-

муаров и исследовательских статей в научной периодике — журналах Истпарта и в «Красном архиве». Таким образом публикации стали оказывать обратное влияние на уровень и темпы развития исторической науки.

М. Н. Покровский требовал от своих учеников как можно более широкого использования архивных материалов. Как вспоминала Э. Б. Генкина, он лично поехал с ней в Архив Октябрьской революции, представил ее В. В. Максакову и просил обеспечить автора всеми необходимыми материалами. А. Л. Сидоров ввел в научный оборот впервые извлеченные им из архивов материалы Особых совещаний, особенно совещания по обороне, а также материалы Министерства финансов. Основательно были им же использованы такие журналы, как «Промышленность и торговля», «Вестник статистики», «Вестник финансов, торговли и промышленности» и др. Особенно активно авторы «Очерков...» привлекли газеты — как центральные, так и местные. Правда, в это время в московских хранилищах не было собрано полных комплектов местных газет, а иногда даже и некоторых центральных. Приходилось ограничиваться разрозненными номерами.

О многих важных источниках авторы «Очерков...» еще не знали. Так, в их распоряжении были только отдельные части архива ЦК партии, главным образом периода войны, нет в «Очерках...» никаких следов использования материалов Всероссийского партийного совещания в марте 1917 г., переписки Секретариата ЦК с местами, материалов Военной организации и др.

Можно отметить возросший уровень источниковедческого анализа в «Очерках...». Критическому анализу подверглись источники из враждебного лагеря. Критический анализ и строгая проверка донесений охранки показали, что зачастую в «профессиональных интересах» преувеличивался количественный размах рабочего движения в годы первой мировой войны. Строгий анализ мемуаров и документов позволил авторам сделать вывод о несостоятельности ряда легенд и мифов кадетской и эсеро-меньшевистской историографии, в частности о решении IV Государственной думы «не расходиться» после получения указа Николая II о роспуске или о создании Временного коми-

---

[6] Там же, с. III—IV.
[7] Там же, с. IV.

тета Государственной думы якобы до восстания Петроградского гарнизона [8]. Критически были рассмотрены в «Очерках...» сухановские «Записки о революции», мемуарные свидетельства участников событий, разоблачен миф о добровольном якобы введении предпринимателями 8-часового рабочего дня.

При всем этом научный аппарат «Очерков...» был составлен небрежно, чувствуется отсутствие единых требований к ссылкам на различного типа источники. Некоторые ссылки звучат так: «Архив истпарта», «Дело департамента полиции» [9]. Многочисленные неточности имеются и в других ссылках. Нужно учесть, что многие архивные материалы и неопубликованные мемуары еще не были фондированы и соответственно обработаны в хранилищах Москвы и Ленинграда.

М. Н. Покровский в предисловии к «Очеркам...» охарактеризовал три задачи, стоявшие перед авторами первого тома: «1) как развивалось, под влиянием войны, капиталистическое хозяйство, делая тем переход к социализму объективной необходимостью; 2) как создавала война предпосылки для рабочей революции, объективно изменяя положение рабочего класса; 3) как готовились руководящие кадры революции, как подходила к ней наша партия» [10].

Из постановки этих задач видно, что афористический тезис Покровского о прорыве к социализму вопреки всяким экономическим закономерностям не только не мог оказать влияние на молодых историков, но не был внутренне присущ и самому Покровскому.

Покровский в своем предисловии подчеркнул неразработанность всех трех перечисленных выше проблем, особенно историко-партийной. «Военного периода в истории нашей партии до сих пор исследование в сущности не касалось...» [11] — отметил он. Вот почему он считал, что «роль историка здесь близка к роли хрониста. Но хроника этой эпохи партийной истории чрезвычайно нужна и необходима» [12].

Первый том «Очерков...» может нас интересовать только с одной точки зрения — насколько в нем решены проблемы предпосылок революции 1917 г., как ее первого этапа — свержения самодержавия в феврале 1917 г., так и Великой Октябрьской социалистической революции.

Здесь необходимо предварительное замечание. Для последующих этапов развития советской историографии Ок-

тября проблема социально-экономических предпосылок революции постепенно вычленяется из общей историографии и ею занимаются больше экономисты, чем историки. Однако для первого этапа изучения истории Октябрьской революции проблема эта являлась неотъемлемой частью формирующейся историографии. От того как, в каком направлении будет решаться проблема социально-экономических предпосылок социалистической революции, зависело дальнейшее развитие всей советской историографии.

Можно сделать вывод, что по некоторым важным вопросам этой проблемы М. Н. Покровский не был согласен со своими учениками. Он оговорил это в предисловии к первому тому «Очерков...». Отметив, что он стоит на позициях «оригинальной теории» Крицмана-Ронина, которая утверждала, что Россия в первой мировой войне выступала «как экономический вассал англо-французского империализма», Покровский пытался смягчить полемическую направленность статьи А. Л. Сидорова, оспаривающего эту позицию. «Само собою разумеется,— писал Покровский,— это не мешает тому, что у России в войне были самостоятельные цели, но эти цели понятием капиталистического империализма не покрывались — это были цели „военно-феодального империализма“...» [13].

У авторов «Очерков...», как мы увидим ниже, не было единой и последовательной позиции по этому вопросу.

А. Л. Сидоров выступил против теории Крицмана-Ронина, оставаясь, правда, на позиции Покровского по вопросу о «двух империализмах» в России со своей трактовкой их соотношения.

Здесь следует отметить характерную черту Покровского как научного руководителя и редактора: он не навязывал ученикам своей точки зрения, предоставляя им возможность самостоятельной выработки позиции, иногда противоположной его собственным взглядам.

В первом томе «Очерков...» особо важное, принципиальное значение имела работа А. Л. Сидорова «Влияние империалистической войны на экономику России». Во

---

[8] Очерки... М.; Л., 1928, т. II, с. 90—92.
[9] Там же, т. I, с. 394, 395, 399, 446, 450 и др.
[10] Очерки..., т. I, с. IV.
[11] Там же.
[12] Там же, с. V.
[13] Там же, с. VI.

многом, как уже указывалось, полемическая, эта работа опиралась на исследования Г. Струмилина, Л. Эвентова, С. Ронина, Н. Ванага, Л. Леонтьева, Л. Крицмана, И. Гиндина и других экономистов и историков.

А. Л. Сидоров, по его словам, выделил в литературе «здоровую реакцию против крайних выводов схемы Ванага—Ронина» [14]. Эта схема строилась на преувеличении роли иностранного капитала в экономике России, на утверждении, что Россия была вассалом англо-французского империализма.

В противовес этому И. Ф. Гиндин, Л. А. Леонтьев и другие ученые, на исследования которых ссылался А. Сидоров, утверждали национальный характер монополистического капитала в России, хотя и они не отрицали значительную роль иностранных капиталов.

А. Л. Сидоров, таким образом, сформулировал эти разногласия: «...наметились две точки зрения: «национализации» и «денационализации» русского капитализма. Согласно первой роль туземного капитала и его удельный вес в общей экономике страны имели превалирующее значение, а поэтому экономическое развитие страны шло в сторону обособления и экономической независимости от западноевропейского капитализма. Другая точка зрения защищает противоположное мнение» [15].

А. Сидоров, как и С. Ронин, отмечали, что сторонники обеих позиций основывали свои выводы на тех или иных подсчетах доли иностранного капитала в общей массе акционерных капиталов в 1900 и 1914 гг. «Характер связи, качественную сторону арифметический подсчет не учитывает,— он дает представление только о количественной стороне» [16],— отмечал А. Сидоров. Он присоединялся к позиции «национализации», т. е. национального характера монополистического капитала в России.

Если отбросить неточность терминологии (термины «национализация» и «денационализация» применялись марксистами совсем в ином смысле), то существо спора сводилось к вопросу о степени самостоятельности и зависимости российского империализма. Методологически слабой была позиция спорящих сторон, одинаково связывающих проблему роли иностранного капитала с вопросом о превращении России в страну монополистического капитализма. По весьма важному вопросу о времени перехода России от промышленного к монополистическому капитализму, т. е. о характере эпохи, переживаемой стра-

нои, историки и экономисты не выработали определенной позиции. А. Л. Сидоров утверждал, что «домонополистический капитализм России перерастает в империалистический накануне мировой войны. В этом у нас нет разногласий» [17].

Для России Сидоров считал «переломным» моментом период промышленного подъема 1908—1914 гг., когда «развиваются элементы монополистического капитализма, происходит сращивание банкового капитала с промышленностью» [18]. Он, конечно, знал, что Ленин относил поворот к господству финансового капитала, империализму, к концу XIX — началу XX вв. Но он считал, что это положение Ленина относится только к западноевропейскому капитализму.

Разногласия все же были. В экономической литературе ленинская позиция защищалась Т. Н. Грановским. В рецензии на первый том «Очерков...» было отмечено, что точка зрения А. Сидорова «едва ли верна» [19].

Между тем точное определение времени перехода России от домонополистического капитализма к империализму принципиально важно. От решения этого вопроса зависело и понимание ленинизма как нового этапа в марксизме, определение характера первой русской революции, понимание марксистско-ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В вопросах о роли финансового капитала, о темпах развития промышленности, о концентрации производства и рабочей силы А. Л. Сидоров был не вполне самостоятелен, он использовал работы советских экономистов и историков. Ссылаясь на Н. Ванага, его же словами, А. Сидоров утверждал, что к кануну войны в текстильной промышленности (наиболее «национальной») речь могла идти только об элементах монополистического капитализма, «сама же система еще не господствовала в ней» [20]. Но

---

[14] Там же, с. 24. Более подробно см.: *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964.
[15] Там же, с. 20.
[16] Там же.
[17] Там же, с. 24.
[18] Там же, с. 28.
[19] *Рейхардт В.* Рец. на кн.: Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. I.— Красная летопись, 1928, № 2, с. 234—235.
[20] Очерки..., т. I, с. 32.

в целом, сделал вывод автор, «перед мировой войной промышленный капитализм России превратился в новейший империализм»[21]. Что же касается русско-японской войны, то это было «колониальным предприятием „феодального империализма“»[22].

Несомненной заслугой А. Л. Сидорова является его критический анализ концепции Ронина—Ванага—Крицмана, по которой русского империализма вообще не было, а на территории России действовали «части трех могущественных систем финансового капитализма — французской, германской, английской»[23]. Именно из господства иностранного финансового капитала выводил Крицман мировой характер русской революции»[24].

А. Л. Сидоров сформулировал основные положения своей работы, которые впоследствии с некоторыми изменениями стали отправными для большой группы исследователей.

Это, во-первых, положение о существовании в России капиталистического империализма наряду с военно-феодальным империализмом (который понимался как надстроечное явление, т. е. царизм); во-вторых, положение о национальном характере империализма в России, в-третьих, отрицание, хотя и непоследовательное, тезиса о колониальном или полуколониальном положении России.

Выводы эти сопровождались различными оговорками. Так, например, А. Сидоров утверждал, что процесс колониального подчинения России западноевропейским империализмом начался перед войной[25]. Рассматривая же финансовое положение России в годы войны, этот же автор, исходя из конкретного материала в области англо-русских отношений, пришел к выводу: «Англия чувствовала себя «хозяином» по отношению к России и соответственно с этим своим положением распоряжалась финансами, а через них вооружением и армией»[26]. Он же считал, что английское правительство стремилось превратить Россию «в колониальное государство», закабаляло царское правительство, «лишая его всякой самостоятельности в финансовой политике»[27].

Общий вывод А. Сидорова не оставляет сомнений в его позиции: «Отдельные тенденции экономической зависимости царизма от Антанты, имевшие место еще до войны, теперь (т. е. во время войны.— *Е. Г.*) проявлялись полнее, складывались в систему, характерную для полуколониального государства»[28]. Этот вывод не только кор-

ректирует другие положения Сидорова, но прямо противостоит им.

Весьма ценным в работе А. Сидорова является глубокий анализ нарастающего экономического кризиса в годы войны — в области топливной, металлообрабатывающей промышленности, транспорта, продовольственного снабжения. Обобщающая характеристика этого кризиса была дана А. Сидоровым в заключительных главах его труда.

Причины развала экономики страны А. Л. Сидоров освещал несколько противоречиво. Тем не менее он усматривал их в неспособности царизма вести войну и мобилизовать хозяйство на нужды обороны. В то же время он отмечал, что «дело было не столько в организационных ошибках, в неумении царизма организовать хозяйство, сколько в неизбежном истощении хозяйства вследствие обслуживания им потребностей обороны» [29]. Более глубоких причин развала хозяйства страны автор не касался. Однако нарисованная А. Л. Сидоровым картина экономического развала до 1917 г. противостояла утверждениям буржуазных историков, что этот процесс явился результатом революции.

Работа А. Л. Сидорова, при всех присущих ей противоречиях, дала солидное, конкретно-историческое обоснование для вывода о созревших в России экономических предпосылках для социалистической революции. Она послужила исходной позицией для другого автора — К. Ф. Сидорова, посвятившего свою работу анализу характера и силы рабочего движения в России накануне 1917 г. К. Ф. Сидоров исследовал рабочее движение по основным его профессиональным отрядам, по географическим районам. Он поставил вопрос о закономерностях развития рабочего движения и его подготовленности к революции.

К. Ф. Сидоров начал свое исследование с характеристики рабочего движения кануна первой мировой войны.

---

21 Там же, с. 34.
22 Там же.
23 *Крицман Л.* Предисловие к книге С. Ронина «Иностранный капитал и русские банки» (М., 1926, с. V).
24 Там же.
25 Очерки..., т. I, с. 36.
26 Там же, с. 60.
27 Там же, с. 61.
28 Там же, с. 76.
29 Там же, с. 161.

И в этом ощущался последовательный методологический подход автора: необходимо было выяснить, что прервала война, на каком уровне находился процесс рабочего движения в момент поворота, вызванного войной. Факты истории рабочего движения, его подъема в Петербурге, Баку и других центрах страны позволили автору сделать вывод, что движение было направлено «на нанесение решающего удара самодержавию» и развивалось под большевистскими лозунгами [30].

Война на время прервала этот процесс, но не ликвидировала его основы. К. Ф. Сидоров пришел к выводу, что «годы войны были годами величайшей социально-политической деформации рабочего класса. «Годы войны вызвали в гигантских размерах процесс обновления, количественного и качественного изменения, своего рода деквалификации технической, политической и идеологической. Мы думаем,— заключал автор,— что это один из центральных вопросов» [31]. Если отбросить терминологическую неточность (термины «деформация», «деквалификация» явно не выражают главной мысли автора), то постановка вопроса о необходимости исследования количественных и качественных изменений в составе рабочего класса была весьма ценной. К. Ф. Сидоров выявил динамику этих изменений, однако он несколько преувеличил степень «размывания» основного состава рабочего класса [32]. Приток из деревни, вовлечение женщин и подростков в промышленность К. Ф. Сидоров поставил в один ряд, хотя это были источники различного социального значения. Тем не менее связь между изменениями в составе рабочего класса и волной мелкобуржуазного оборончества в период Февральской революции автором была выявлена и доказана.

В то же время концепция К. Ф. Сидорова противостояла концепции меньшевиков с их утверждениями об отсталости русского рабочего класса, склонности его к анархии, бунту, стихийным взрывам. Он показал, что в годы войны происходил процесс концентрации кадровых слоев пролетариата и вовлечения в движение под руководством этих слоев все новых и новых групп пролетарского населения. Участие в движении этих групп не было однозначным, не сводилось к «разводнению» рабочего класса. Напротив, женщины-работницы и рабочая молодежь явились ферментом революционного брожения, составили существенный элемент революционной ситуации.

Продовольственный вопрос, рост дороговизны, резкое снижение жизненного уровня рабочего класса исследованы К. Ф. Сидоровым как факторы влияния революционной борьбы масс во главе с рабочим классом.

Значительный интерес представляет метод сравнительного анализа стачечного движения в период первой русской революции и в 1915—1916 гг. Хотя количество экономических и политических стачек периода войны не достигло уровня 1905 г., однако количество стачечников на одну забастовку в $2^1/_2$ раза превысило уровень 1905 г. по экономическим стачкам и в 4 раза по политическим. Стачки концентрировались на крупнейших предприятиях-гигантах, и это придавало им особую силу, как подчеркивал К. Ф. Сидоров.

Важно отметить одну особенность работ молодых историков этого времени. Многие из них были очень близки к революционным событиям, а некоторые являлись их участниками. Так, в работе К. Ф. Сидорова мы находим свидетельства мемуарного характера. Он вспоминает о своей работе в начале войны на Шлиссельбургском пороховом заводе и о причинах, вызвавших участие рабочих в антинемецких демонстрациях в начале войны [33].

Автор разработал периодизацию рабочего движения периода войны. Первый период — с начала войны до весны 1915 г.,— период разгрома легальных и подпольных рабочих организаций, опустошения активного состава рабочих мобилизациями. Второй — с апреля 1915 до октября 1916 г.— «характерен вызреванием рабочего сознания для подготовки его к непосредственно революционной ситуации» [34]. Третий — с октября 1916 до февраля 1917 г.— период сложившейся революционной ситуации, бурного подъема политических стачек, переросших в вооруженное восстание, давшее победу над царизмом.

К. Ф. Сидоров подчеркивал, что русский рабочий класс действовал в феврале 1917 г. так, как учил его величайший опыт 1905 г., так, как учила его эпоха «Звезды» и «Правды», как учило его «правдистское направление» [35]. Этот вывод покоится на всем исследовании, определяет

---

30 Там же, с. 193.
31 Там же, с. 203.
32 Там же, с. 217.
33 См.: Там же, с. 276.
34 Там же, с. 321.
35 Там же, с. 327.

ведущую роль большевистской партии в подготовке второй русской революции.

Полностью этой проблеме посвящена третья, последняя статья первого тома «Очерков...» (автор Д. А. Баевский).

История выработки позиции большевистской партии по отношению к войне занимает значительное место в статье Д. А. Баевского. Здесь важно отметить некоторые выводы автора, к которым он пришел на основе изучения большого фактического материала, в значительной степени впервые извлеченного им из архивов.

В самом анализе автор руководствовался указанием Ленина, что партия большевиков учила массы «бороться за социализм и за революцию через все, долгие и мучительные, перипетии империалистских войн и империалистских перемирий» [36]. Конкретно-исторический анализ позволил автору сделать вывод, что «значительное число местных большевистских организаций ответило на объявление войны призывом к рабочим бороться против войны и против царизма» [37]. Были, конечно, в начале войны, шатания, неуверенность, тем не менее «партийные организации в России, еще до получения манифеста ЦК, заняли определенную антивоенную позицию» [38]. Роль того слоя рабочих, который Ленин назвал «правдистским», слоя, проникнутого революционностью и антишовинизмом [39], отчетливо показана в исследовании К. Ф. Сидорова, так же как деятельность думской «пятерки» до ее ареста, политическое значение процесса над депутатами-большевиками.

Шаг за шагом автор проследил, как формировалась позиция большевиков, программа революционного действия против своего правительства и своей буржуазии от первых листков, написанных Выборгским комитетом, до позиции, разработанной Лениным в брошюре «Социализм и война». Д. А. Баевский руководствовался положением, что «лозунги партии не рождаются готовыми» [40]. Процесс формирования и развития большевистских позиций по вопросу о войне — в центре внимания автора. Он проследил, как шло освоение партийными организациями ленинских лозунгов поражения своего правительства и превращения войны империалистической в войну гражданскую.

Однако Д. А. Баевский проявил непоследовательность и недостаточное знание материала при решении вопроса о

времени выхода большевизма на международную арену. Он относил это к началу первой мировой войны. Такая позиция являлась результатом недостаточной разработанности данного вопроса в литературе. Как было доказано позднейшими исследованиями, большевизм с момента своего возникновения становится мировым явлением, а 1905 г. закрепил это положение большевизма, да и России как центра мирового революционного движения.

Проведенный Д. А. Баевским источниковедческий анализ ленинской работы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» [41] позволил ему сделать вывод, что у некоторой части большевиков не было ясного понимания происшедшего краха II Интернационала. Так, например, слова Ленина «измена социализму большинства вождей II (1889–1914) Интернационала означает идейно-политический крах этого Интернационала» [42] интерпретировались таким образом: «частичный идейный крах» [43], что, конечно, меняло смысл ленинского тезиса. Автор привел письмо В. А. Карпинского от 27 сентября 1914 г., в котором было дано «обоснование» такой редакции текста тезисов: «Мы склонны считать происшедшее временной капитуляцией перед оппортунизмом...» — писал Карпинский [44]. В распоряжении Баевского не было всего текста этого документа — впервые он был опубликован полностью в 1929 г.

Д. А. Баевский поставил вопрос об особенностях развития партийной борьбы в России. Он указал на два обстоятельства: отсутствие сколько-нибудь значительного слоя рабочей аристократии и фетишизма легальности. Эти особенности обусловливались экономическим и политическим развитием России. Как отмечал Баевский, борьба против докапиталистических и капиталистических методов эксплуатации придавала русскому пролетариату ярко

---

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 178—179.
[37] Очерки..., т. I, с. 345.
[38] Там же.
[39] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 175.
[40] Очерки..., т. I, с. 367.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 1—7. В первом издании Сочинений В. И. Ленина этот документ был опубликован под названием «Тезисы по поводу настоящей войны» (т. XX, ч. I, с. 464—467).
[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 2.
[43] Очерки..., т. I, с. 374.
[44] Там же, с. 375.

выраженную революционность[45]. Этим объяснялось и особое соотношение сил революционного и оппортунистического крыла в русской социал-демократии.

Детально рассмотрев различные политические течения в рабочем движении, автор подчеркнул, что по существу при всей «многоцветности» в российской социал-демократии боролись два направления — «„оборонческое“ во главе с „Нашим делом“ и пораженческое во главе с большевистским ЦК»[46].

Важная роль в работе Баевского принадлежит разделу об истории разработки В. И. Лениным во время войны марксистской теории революции. В центре внимания автора находились ленинские работы «Несколько тезисов» и «О двух линиях революции». Он справедливо увидел в этих работах обобщение опыта первой русской революции и периода войны, обогащение ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и разработку программы действий партии, «если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне»[47].

Критическое острие работы Баевского было направлено против оппортунистической позиции Каменева, отрицавшего возможность перехода в России от буржуазной революции к социалистической и «теории» Троцкого о реакционной роли крестьянства в революции. Баевский показал, что эти «теории» являлись разновидностью меньшевистских концепций.

Не все вопросы ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую Д. А. Баевский поставил достаточно четко и последовательно. Авторам «Очерков...» пришлось разрабатывать многие из этих вопросов на конкретно-историческом материале впервые. Так, Д. А. Баевский в своей работе дал развернутую критику позиции «левых» по национальному и колониальному вопросам (Ю. Пятаков, Р. Люксембург), показал значение теоретических работ Ленина по этим проблемам, впервые привлекая материалы фонда ЦК партии и неопубликованные документы, характеризующие деятельность Ленина в годы войны. Центральная идея концепции Д. А. Баевского по вопросу о результатах большевистской работы в годы войны выражена так: «Факт быстрой перестройки рядов партии в период февраля — октября, факт несомненной п о д г о т о в л е н н о с т и партии к использованию той исключительной ситуации,

которая в этот период сложилась, говорит за то, что почва для восприятия партией Апрельских тезисов была подготовлена»[48]. Как подчеркивал Д. А. Баевский, деятельность ЦК партии в годы войны по своему значению можно сравнить с организационной и теоретической деятельностью ленинской «Искры».

Хотя М. Н. Покровский в предисловии к первому тому «Очерков...» и охарактеризовал работу Д. А. Баевского как работу «хрониста», но по сути дела автор вышел за пределы рамок хроники и по многим важным вопросам дал серьезные исследовательские выводы.

Обоснован и вытекает из всего изложения его вывод о выработке Лениным и партией большевиков в годы первой мировой войны установки на быстрый переход от буржуазного этапа революции к социалистическому. Наблюдения Д. А. Баевского о роли легальных центров, сложившихся в годы войны под эгидой союза меньшевиков и либерально-буржуазных организаций, подвели его к выводу о рычагах буржуазного влияния на рабочий класс. С этой точки зрения автор рассмотрел историческое значение борьбы большевиков против гвоздевщины.

Вполне обоснован вывод Баевского о руководящей роли большевиков в рабочем движении в годы войны, как и тезис о том, что ослабленные в результате репрессий подпольные партийные организации не были в состоянии охватить своим влиянием широчайшие массы, пришедшие в движение в конце 1916 — начале 1917 г.

Основную идею второго тома «Очерков по истории Октябрьской революции» (статьи Э. Б. Генкиной, М. С. Югова и О. Н. Лидака) можно было бы определить так: формирование и развитие двоевластия, его крах. Не составляет исключения и статья Н. Л. Рубинштейна «Внешняя политика керенщины», в которой также рассмотрен механизм действия двоевластия в области внешней политики Временного правительства и эсеро-меньшевистских Советов.

Конечно, вопрос о двоевластии рассматривался и до «Очерков» в работах многих советских историков. Но с такой широтой в конкретно-историческом плане, приме-

---

[45] См.: Там же, с. 389.
[46] Там же, с. 393.
[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 50; Очерки..., т. I, с. 421—422, 435.
[48] Очерки..., т. I, с. 442. Подчеркнуто в тексте.

нительно ко всем областям общественно-политической жизни и революционного процесса он был изучен впервые. Если в статье Э. Б. Генкиной «Февральский переворот» были исследованы особенности второй буржуазно-демократической революции в России и условия, в которых создавалось двоевластие, то в работе М. С. Югова «Советы в первый период революции» вскрывался противоречивый процесс, нашедший свое выражение в деятельности Советов, уступивших власть Временному правительству, но продолжавших под напором масс, «снизу», осуществлять функции органов власти. В статье О. А. Лидака был рассмотрен весь комплекс вопросов, раскрывающих ход и результаты июльских событий, завершившихся крахом двоевластия и временным торжеством контрреволюции.

Для того чтобы определить вклад, который внесли молодые историки в историографию Октябрьской революции, необходимо детальнее рассмотреть разделы второго тома «Очерков...».

Статья Э. Б. Генкиной непосредственно примыкала к первому тому «Очерков» и связывала оба тома в единое целое. После уже упомянутых работ Я. А. Яковлева — это первое конкретно-историческое исследование истории Февральской революции. Работы Яковлева носили ярко выраженный концепционный характер. Э. Б. Генкина глубоко вошла в конкретику, в огромные пласты источников, до нее еще не тронутые исследователями. Концепционный подход соединился здесь с исследованием больших групп источников (пресса основных политических направлений, материалы Военно-исторического архива, Архива Октябрьской революции).

Исходя из ленинской методологии исторического исследования, автор рассмотрела в движении, в борьбе все классы русского общества накануне свержения царизма. Э. Б. Генкина стояла на традиционной для того времени позиции о существовании двух заговоров против растущей революции — одного в недрах царизма и дворцовой камарильи, другого — в среде буржуазии и военных. Данные и различные свидетельства о втором заговоре, имевшем целью сместить Николая II и предупредить революционный взрыв, внимательно рассмотрены автором. Тут и записи из дневника М. К. Лемке за 1915 г., свидетельства А. И. Гучкова, М. И. Терещенко, М. В. Родзянко. Следует отметить, что большая часть этих свидетельств

относится к периоду после Февральской революции, т. е. тогда, когда буржуазные деятели стремились подчеркнуть свое участие в революции. Это обстоятельство требовало более критического рассмотрения используемых источников. Однако выводы Э. Б. Генкиной о незначительности группы буржуазии, которая активно «приняла» путь подготовки дворцового переворота, вполне обоснован [49].

Прошедший в 1925 г. 20-летний юбилей первой русской революции, вышедшая в это время литература по истории 1905 г. дали возможность авторам «Очерков...» проследить влияние опыта первого штурма самодержавия на революционные события в феврале 1917 г.

Несомненным достижением «Очерков...» следует считать конкретное исследование гегемонии пролетариата, как она проявилась в действиях рабочего класса, в его влиянии на армию, в темпах развертывания событий, завершившихся полной победой рабочих и солдат над самодержавием. Центральная идея Э. Б. Генкиной была ею сформулирована следующим образом: «Пролетариат был именно тем классом, который, защищая свои классовые интересы, выступал вместе с тем как гегемон, как руководитель всех трудящихся, отражая в своей классовой борьбе общенациональные исторические задачи, стоящие перед Россией» [50]. В другом месте своей работы автор еще больше заостряет свой вывод, направляя его против меньшевистской концепции Февраля и Октября как различных этапов «солдатского бунта», взрыва солдатской стихии. «...Гегемония пролетариата в этом движении обеспечила победу, которую бы никогда не одержала сама крестьянская армия. Рабочий класс начал революцию, выступление армии было производным явлением, зависело от рабочего движения, им определялось, из него вытекало» [51].

Вместе с тем Э. Б. Генкина отмечала, что рабочий класс в эти дни февраля «не мог полностью охватить крестьянскую стихию», да и сам «не был в полной мере подчинен организующему влиянию своей партийной организации» [52]. Однако автор не выяснил, что такое «полный охват» или «полная мера», каковы критерии,

---

[49] Очерки..., т. II, с. 27, 32.
[50] Там же, с. 35—36.
[51] Там же, с. 53.
[52] Там же.

уровни для определения этой полноты. С этим связана и некоторая нечеткость в постановке вопроса о стихийности массового революционного движения в февральские дни. С одной стороны, автор (и это характерно для литературы того времени) принимает как факт стихийный характер массового движения, говорит о «самочинном» выступлении рабочих. Однако тут же приводится очень глубокое и важное принципиальное соображение: «Но о совершенно стихийном движении вообще нелепо говорить после почти 20-летнего существования рабочей партии в России» [53]. В подтверждение приводится тот факт, что после ареста руководящих партийных центров в Петрограде движение возглавили кадры рабочих-большевиков, заводские партийные коллективы, сформировавшиеся в период между 1905 и 1917 гг.

Э. Б. Генкиной принадлежит одна из первых попыток исследования истории карательной экспедиции генерала Иванова, условий появления приказа № 1 и его значения.

Статьей Генкиной начинается во втором томе разработка важнейшей проблемы — двоевластия, причин его образования, его классовой сущности. Автор при этом исходит из положений Ленина о «бессознательной доверчивости масс», выросшей на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран [54].

Эта тема получила свое развитие в других разделах второго тома. В статье Югова проблема двоевластия была рассмотрена в плане борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Автор провел реконструкцию деятельности Советов в промышленных и политических центрах, исследовал функции Советов в различных областях экономической жизни, по охране революционного порядка, особенно в таких районах, как Царицын, Кронштадт, Красноярск, раскрыл противоречия этого процесса, проходившего при колебаниях и капитуляциях эсеро-меньшевистского руководства Советами. Он показал этот процесс на материалах первых столкновений Советов с «общественными комитетами» и другими буржуазными органами в связи с их стремлениями максимально сохранить старый государственный аппарат, пожертвовав только его верхушкой [55]. Югов считал, что в основе оппортунистической линии мелкобуржуазного руководства Советами лежала боязнь развития массового движения. Он всячески подчеркивал поли-

тическую аморфность, расплывчатость эсеро-меньшевистского руководства Советами, отражавшего бесформенность промежуточных классов и групп, представленных в Совете [56].

Югов изучил различные проявления двоевластия, легализацию переплетения двух диктатур в апреле, расширение сферы противоречий между Советами и Временным правительством, между массами и Советами. Кризисы в апреле и июне 1917 г. были исследованы в «Очерках...» как кризисы двоевластия. Наблюдения автора о нормах представительства в Советах, о преобладании делегатов от мелких и средних предприятий и солдат были основаны на значительном круге источников. Вместе с тем для Югова характерна тенденция к социологизированию, к обобщению частных фактов. В то же время факты большого принципиального значения остались им незамеченными. Так, например, в главе о I Всероссийском съезде Советов он отметил выступление Церетели и его утверждение, что нет такой партии, которая говорила бы: «...дайте нам в руки власть» [57]. Однако о реплике Ленина «есть», зафиксированной в стенограмме съезда, Югов не упомянул.

В «Очерках...» детально изучены основные этапы развития революционного процесса — от свержения самодержавия до июльского кризиса. Заслуга авторов «Очерков...» заключается и в том, что они сосредоточили свое внимание на переходных ступеньках, на накапливании элементов, ускоряющих движение от одного этапа к другому. Так был рассмотрен период между 18 июня и 3 июля как процесс непрерывного нарастания возмущения масс политикой Временного правительства. В позднейшей литературе грани между этапами более жестко фиксировались.

История контрреволюции к этому времени была еще слабо изучена. Тем более ценными явились наблюдения в «Очерках...» о составе офицерского корпуса, о первых попытках Корнилова в апреле 1917 г. подавить Советы, о консолидации контрреволюционных сил в период подготовки наступления на фронте, а также о различных формах роста анархизма, питающего контрреволюцию.

---

[53] Там же, с. 59.
[54] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.
[55] Очерки..., т. II, с. 126—127, 130.
[56] Там же, с. 123.
[57] Там же, с. 224.

Некоторые аспекты этой последней проблемы как-то ускользнули от последующих исследователей, как, например, создание временного революционного комитета во главе с анархистами на даче Дурново, установление ими же самочинной связи между заводами и воинскими частями.

В «Очерках...» (статья О. А. Лидака) дан детальный анализ июльских событий. Основная линия автора — раскрытие предательской роли эсеров и меньшевиков в июльские дни, открывших начало полосы контрреволюции, и краха двоевластия. Впервые была предпринята попытка дать обобщающую картину июльских событий на местах. О. А. Лидак обнаружил, что в ряде центров (Нижний Новгород, Иваново-Вознесенск, Киев, Астрахань) массовые выступления произошли одновременно или даже раньше Петрограда, в других же районах — как отклик на июльские события в столице. Однако дальше констатации этих фактов автор не пошел. Характеризуя события в Нижнем Новгороде, О. А. Лидак отметил, что они созрели самостоятельно, независимо от Петрограда, но благодаря событиям в столице приняли более упорный характер [58]. Вопрос об общих, глубоких корнях июльского кризиса автор не поставил. Тем не менее важное значение имел вывод автора, что там, где большевистское влияние было сильным, «события носят более организованный характер и не доходят до столкновения» [59].

Специальная глава в работе Лидака посвящена деятельности Ленина в июльские дни. Это была одна из первых попыток изучения политической биографии Ленина в переломный период революции.

В рассматриваемое время еще не была выработана точная научная терминология, некоторые принципиальные вопросы не получили решения в духе ленинской методологии. Вот почему в «Очерках...», при совершенно четкой характеристике июльских событий как проявления революционного кризиса, можно встретить и такое определение, как «полувосстание» [60].

В первых трех статьях второго тома «Очерков...» исследован механизм действия двоевластия в вопросах внутренней политики. Н. Л. Рубинштейн решал ту же задачу применительно к политике внешней. Он рассмотрел общую основу позиций буржуазных и мелкобуржуазных партий в вопросах войны и международных отношений, а также некоторые различия, которые приводили к

перебоям в действии механизма двоевластия. Властное вмешательство масс в эту сферу придавало особую окраску кризисам, как, например, во время апрельских событий. Такой аспект исследования выступал в статье Рубинштейна при анализе внешнеполитической подготовки июньского наступления на фронте.

Характерной чертой работы Рубинштейна было раскрытие тесной связи внешнеполитических акций с ходом революционного процесса и развитием международных отношений.

Следуя схеме М. Н. Покровского о борьбе промышленного капитала с торговым, Н. Л. Рубинштейн рассмотрел противоречия внешней политики Временного правительства. Он отметил, что с приходом к власти русской империалистической буржуазии Временное правительство потеряло тот рычаг воздействия на союзников, который был в руках торгового капитала — угрозу сепаратного мира [61].

Но основным направлением статьи Рубинштейна, главной его идеей было исследование роста экономической и политической зависимости Временного правительства от союзников. Автор показал, как Милюков, а за ним в еще большей степени Терещенко и Керенский «докладывали» свои планы «хозяину» — английскому послу Бьюкенену [62]. Рубинштейн вступил в полемику с Е. В. Тарле по поводу его утверждения, что в вопросах о Персии, Армении и Курдистане Временное правительство вело независимую политику. Критически было рассмотрено положение военного историка А. Зайончковского по вопросу о зависимости Временного правительства от английских кредитов и поставок. По мнению Зайончковского, это правительство не только не следовало приказам из Лондона, но «его желания согласовались с этими приказами» [63]. В то же время Н. Л. Рубинштейн показал, что Временное правительство пыталось ослабить диктат из Лондона, идя на сближение с США.

Однако такое сближение, как считал Рубинштейн, только усиливало зависимость Временного правительства.

---

58 Там же, с. 315.
59 Там же, с. 316.
60 Там же, с. 344—345.
61 Очерки..., т. II, с. 368.
62 Там же, с. 373.
63 Там же, с. 394.

Автор подтвердил это материалами деятельности американской миссии Рута. «В России,— писал Рубинштейн,— укреплялся звездный флаг Уолл-стрита, и под красивой вывеской союза двух демократий происходило закабаление народного хозяйства страны американскими биржевиками» [64]. Главный вывод автора сводился к тому, что при Керенском еще в большей степени, чем при Милюкове, Россия становилась объектом империалистической политики держав Антанты и США.

Представляет интерес попытка автора ответить на вопрос: почему русская буржуазия не могла заключить мир и предотвратить таким образом свой крах? Во-первых, отвечает автор, закабаление России Антантой, переплетение русского банковского и промышленного капитала с англо-французским лишали русскую буржуазию возможности использовать такой выход. Во-вторых, страх перед неизбежным развитием революции после ликвидации войны. «Самостоятельность русского народного хозяйства и гарантия от вовлечения России в империалистическую войну могли быть достигнуты только в случае революционного выхода из войны» [65],— таков был вывод Н. Л. Рубинштейна.

Автор разработал также периодизацию внешней политики Временного правительства. Он выделил три этапа: 1) март-апрель, когда Милюков придал этой политике откровенно аннексионистский характер; 2) май—август, когда Россия перестала играть роль значительного фактора в войне, буржуазия сократила свои притязания, прикрылась полусоциалистическими лозунгами и наметила проамериканскую ориентацию; 3) сентябрь-октябрь — тесный блок и фактическое подчинение меньшевистско-эсеровской верхушки Временному правительству. «Три этапа внешней политики,— заключал Н. Л. Рубинштейн,— отображают диалектическое развитие русской истории, они связаны определенным единством. На всем своем пути... внешняя политика керенщины является политикой империализма. Эта империалистическая внешняя политика, поддерживаемая верхушкой мелкой буржуазии и опиравшаяся на „добросовестное оборончество“, вела к продолжению гибельной для народного хозяйства войны, в результате которой Россия неизбежно должна была стать колонией англо-американского, в меньшей степени — французского и японского капиталов» [66].

Таким образом, выводы по этому вопросу, сделанные

в первом (А. Л. Сидоров) и втором томах (Н. Л. Рубинштейн) «Очерков...», соединились в единую концепцию.

Рассматривая в целом это двухтомное произведение, необходимо отметить, что оно знаменовало собой качественный скачок в развитии советской историографии Октябрьской революции. Впервые появилось коллективное исследование, выполненное на профессиональном уровне, на солидном фундаменте источников, в том числе архивных. В нем ясно обнаружилась преемственность работ молодых историков с историко-экономическими исследованиями, созданными Лениным задолго до революции.

«Очерки...» как бы подводят итог историографическому процессу за период 1917—1925 гг. В это время проходило интенсивное собирание и публикация ленинского наследства, его изучение, результаты которых отразились и в «Очерках...». Выход этого коллективного труда был подготовлен также публикацией таких философских, исторических и экономических трудов, как работы Я. А. Яковлева, В. А. Быстрянского, Е. Л. Грановского, Л. А. Леонтьева, И. Ф. Гиндина и других ученых.

«Очерки...» остались незавершенным трудом. «Второй том, по нашему заданию,— писал М. Н. Покровский в предисловии,— должен был дать картину хода самой революции с февраля до октября включительно. Этот план удалось выдержать лишь по отношению к внешней политике данного периода» [67]. «Невыполнение задания» Покровский объяснял «рядом непредвиденных обстоятельств», не раскрывая их сути. «Таким образом,— писал он,— изображение „большевизации" Советов перед Октябрем становилось введением к III тому, который должен дать изображение самого Октября, картину возникновения Советской власти и диктатуры пролетариата» [68].

М. А. Рубач несколько раскрывает общий замысел третьего тома «Очерков...». «В III том,— пишет он,— были запланированы статьи об Октябрьском вооруженном восстаеси в Петрограде, Москве, на фронте и в союзных республиках» [69]. У М. А. Рубача сохранились тезисы его

---

[64] Там же, с. 416.
[65] Там же, с. 449.
[66] Там же, с. 447—448.
[67] Очерки..., т. II, с. III.
[68] Там же.
[69] Письмо М. А. Рубача автору от 30 апреля 1976 г.

доклада об Октябрьской революции на Украине, которые были обсуждены и одобрены на семинаре, а также стенограмма заключительного слова М. Н. Покровского.

Но значительная часть статей, запланированных в III том, не была написана. Ряд авторов — членов семинара Покровского закончили ИКП и были направлены на практическую работу. Еще до выхода «Очерков»... работы молодых авторов были использованы в партийной печати. Как вспоминала Э. Б. Генкина, в начале 1927 г. М. И. Ульянова пригласила ее в редакцию «Правды» и ей была заказана статья о Февральской революции под названием «Чья революция» [70].

Научная общественность откликнулась на выход «Очерков...» рецензией В. Рейхардта в журнале «Красная летопись». Рецензент подчеркнул антименьшевистскую и антитроцкистскую направленность «Очерков...» и последовательное применение авторами ленинского метода исследования. Он назвал книгу «крупнейшим явлением исторической литературы за последние годы» [71]. В. Рейхардт отметил, что «Очерки...» представляют собой «первый опыт коллективной работы по истории пролетарской революции», который отнюдь не завершает исследовательской работы, а наоборот, и именно в этом, пожалуй, их главное достижение, они начинают эту работу, «закладывая прочный фундамент неизбежно длительной, трудной, но и благодарной постройки научной истории Октября» [72].

Самокритичную оценку «Очерков...» дал М. Н. Покровский. В предисловии ко II тому он писал: «Мы... просим рассматривать нашу попытку лишь как начало марксистской истории революции 1917 года. Мы стремились представить марксистскую схему революции в возможно более конкретном воплощении,— и для этого нам пришлось использовать огромное количество сырого материала, иногда архивного... Мы просим рассматривать наш труд как первый опыт...

Но пройдет еще много времени, прежде чем нам,— ибо мы не думаем останавливаться на этом первом опыте,— или тем, кто пойдет за нами, удастся дать действительно ленинскую историю Октябрьской революции. То, что мы теперь даем, это лишь самый первый эскиз такой работы» [73].

Предвидение М. Н. Покровского оправдалось. Проблематикой «Очерков...» еще многие годы занимались члены его авторского коллектива — А. Л. Сидоров, К. Ф. Сидо-

ров, Д. А. Баевский, Э. Б. Генкина, О. А. Лидак, Н. Л. Рубинштейн. Включились в эту трудную работу и те, «кто пошел за ними»,— новые поколения советских историков.

Одним из крупных достижений советской историографии Октября являлся четвертый том «Истории ВКП(б)» (М.; Л., 1930) под редакцией Е. М. Ярославского. В центре тома — история Февральской и Октябрьской революций. Им отведено пять глав из восьми, а по объему около трех четвертей всего текста. В отличие от «Очерков...» под редакцией М. Н. Покровского, в которых изложение было доведено до июльского кризиса, в четвертом томе авторы разработали весь период революции 1917 г. и эпоху гражданской войны. Достоинство книги прежде всего в том, что она опирается на широкий круг ленинских трудов и архивных источников. В этой крупной коллективной работе основательно была исследована ленинская концепция истории Великого Октября.

В историографической литературе отмечалось, что, «несмотря на серьезные просчеты, в четвертом томе „Истории ВКП(б)" под редакцией Ем. Ярославского подводились итоги изучения историко-партийных проблем Великого Октября на рубеже 20—30-х годов» [74]. Но если недостатки и просчеты детально перечислены, то итоговый характер книги только обозначен. Между тем ее значение в том, что авторы учли результаты дискуссий 20-х годов и в своем исследовании исходили из ленинской концепции истории Октябрьской революции.

Как и «Очерки...» под редакцией М. Н. Покровского, четвертый том «Истории ВКП(б)» вышел из-под пера главным образом бывших слушателей преподавателей ИКП (И. И. Минц, Д. Я. Кин, В. Н. Рахметов, Н. Л. Рубинштейн, Н. Н. Эльвов). Значительная роль в подготовке тома принадлежала С. А. Пионтковскому.

В отличие от «Очерков...» четвертый том «Истории ВКП(б) не являлся результатом работы семинара. Е. М. Ярославскому удалось сплотить коллектив зрелых,

---

[70] В «Правде» были напечатаны по инициативе М. И. Ульяновой статьи и других авторов «Очерков...».
[71] Красная летопись, 1928, № 3, с. 267.
[72] Там же.
[73] Очерки..., т. II, с. IV—V.
[74] Партия и Великий Октябрь, с. 112.

самостоятельных исследователей, обладавших уже значительным опытом научной работы.

«Из небольшой группы, взявшейся за работу первого тома, коллектив историков-марксистов, работающих над историей ВКП(б), вырос до 20 человек» [75],— говорилось в предисловии к книге. О характере своей работы авторы писали, что она построена «в значительной своей части на основании первоисточников. Составители этого тома стремились дать особенно тщательную картину внутрипартийных разногласий периода 1917—1920 гг. по вопросу о ленинской оценке движущих сил революции, потому что только такая оценка уясняет тактический план партии» [76].

Е. М. Ярославский вполне сознавал, что в освещении такой сложной эпохи могут быть допущены те или иные ошибки. Но он выразил уверенность, что на эти ошибки критика добросовестно укажет.

Вскоре после выхода в свет четвертый том «Истории ВКП(б)» подвергся резкой критике, главным образом за преувеличение элементов стихийности в Февральской революции и чрезмерное подчеркивание объединенческих настроений в партии, ошибок каменевского толка. Критика эта в значительной степени была предвзятой и неаргументированной.

Надо сказать, что в современной историографической литературе ошибки, допущенные в четвертом томе «Истории ВКП(б)» подчас характеризуются не совсем точно. Так, в книге «Партия и Великий Октябрь» говорится, что авторы четвертого тома «подчеркивали преобладание «полуцентристских настроений» в руководящих партийных кругах» [77]. В действительности же в томе говорится о полуцентристских настроениях определенной группы — значительной части делегатов мартовского 1917 г. партийного совещания, причем эти настроения авторы относят к конкретному факту — резолюции мартовского совещания о войне [78].

Нельзя согласиться также с тем, что в томе якобы не дана ленинская периодизация истории революции, не выделен период ее мирного развития, не показано изменение тактической линии партии после июльских событий [79]. Между тем разделы «Революция на переломе», «Партия в июльские дни», «VI съезд партии и курс на вооруженное восстание» специально посвящены переходу от мирного к немирному периоду революции. Авторы исходили из известного положения Ленина: «...теперь

мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция»[80].

Правильно отмечая, что элементы стихийности в Февральской революции нельзя отождествлять с хаосом и бессмысленным бунтом, как это утверждала буржуазная историография, авторы подчеркивали, что стихийность определялась широким и глубоким движением самих масс. Однако они делали ошибочный вывод: «...В этом смысле революцией никто не руководил»[81].

Заслугой авторов является критика упрощенного понимания лозунга «Вся власть Советам» как требования министерства из советских партий. Этому противопоставлено ленинское понимание лозунга «Вся власть Советам» как курса на слом старого государственного аппарата снизу доверху и создание нового аппарата из Советов[82].

Новаторской явилась попытка авторов ввести в книгу элемент историографического анализа. Историография понималась как синхронная оценка политическими партиями характера Февральской и Октябрьской революций. Этим проблемам были посвящены специальные разделы: «Буржуазная оценка Февральской революции»; «Февраль в оценке мелкой буржуазии»; «Пролетарская концепция Февральской революции». Для Октябрьской революции рамки историографического анализа сужаются: «Меньшевики и Октябрьская революция»; «Эсеры и Октябрьская революция». К ретроспекции в историографическом анализе авторы прибегали только в отдельных случаях. Своим полемическим острием «История ВКП(б)» была направлена против троцкистско-зиновьевского блока.

Недостатки книги в значительной степени были предопределены нечеткой целевой установкой авторов по вопросу о типе книги. Свою работу они считали научно-популярной, «типа учебника». В то же время коллектив стремился создать исследование на основе большого архивного и опубликованного документального материала,

---

75 История ВКП(б). М.; Л., 1930, т. IV, с. 6.
76 Там же, с. 5.
77 Партия и Великий Октябрь, с. 112.
78 История ВКП(б), т. IV, с. 80.
79 Партия и Великий Октябрь, с. 112.
80 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 29.
81 История ВКП(б), т. IV, с. 20.
82 См.: Там же, с. 49—50.

периодической печати и мемуаров. В книге имеются методические указания, планы, вопросники. Исходя из задач учебника, авторы отдавали дань иллюстративности и хрестоматийному использованию источников. И все же исследовательский подход к историческому материалу в этой работе преобладает.

Характерная особенность книги — стремление осветить роль всех политических партий в революционном процессе, а также раскрыть их исторические концепции, понимание ими сущности революционных событий. Авторы исходили при этом из ленинского методологического требования рассмотрения всей совокупности политических партий в их взаимной борьбе.

Глава шестая

НАЧАЛО СЕРИЙНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Характерной чертой в источниковедении и археографии истории великой революции явилась очень рано обозначившаяся тенденция к собиранию и публикации большого круга источников.

Издание первой серийной публикации «1917 год в документах и материалах», состоявшей из 10 томов (11 книг) служит важной вехой в истории публикации документов по Октябрю (М.; Л., 1925—1931). Опыт этого издания, его состав, структура, полнота, приемы археографической обработки представляют значительный, и не только исторический, интерес.

Между тем в нашей историографической и археографической литературе мы не найдем сколько-нибудь полного и объективного анализа и оценки этой крупной серийной публикации. Исключением является обобщающая работа по истории советской археографии С. Н. Валка, в которой автор дал характеристику отдельных томов серии [1]. Однако в ней это издание не рассматривается как серия, т. е. как цельная, многоплановая публикация документов по истории Октябрьской революции.

В статье «Археография» в «Исторической энциклопедии» эта серия не упомянута. В сборнике «История советской археографии» [2] дается лишь краткая ее характе-

ристика. Причем некоторые тома («Государственное совещание», «Учредительное собрание», «Буржуазия накануне Февральской революции» и «Петроградский Совет Р. и С. Д.») совершенно не упоминаются, а другие («Рабочее движение в 1917 г.», «Крестьянское движение в 1917 г.», «Разложение армии в 1917 г.») авторы безоговорочно относят к хрестоматийному типу издания, хотя они весьма различны по своему характеру. Что касается других археографических работ, то в них еще более скупо говорится об этой серии.

У современников серийная публикация по Октябрю вызвала большой интерес. В научной периодике 20-х — начала 30-х годов появилось 24 рецензии на различные тома серии. Во всяком случае, ни один из десяти томов серии не остался без отклика в печати.

Составители и редакторы серии «1917 год в документах и материалах» не могли опереться на археографический опыт дореволюционной исторической науки. Проект правил издания документов, подготовленный Археографической комиссией в начале XX в., касался только документов XVI—XVIII вв. Требовался самостоятельный поиск в области археографии по истории Октябрьской революции[3]. К середине 20-х годов, когда началась публикация серии, советская историческая наука, и в частности источниковедение, накопили некоторый опыт в исследовании истории Октябрьской революции и издании источников по этой проблематике. Однако серийное издание источников, подготовленное по единому плану, было предпринято впервые. Оно выходило под грифом: «Центрархив. Архив Октябрьской революции».

Первоначально замысел публикации серии источников по истории революции 1917 г. зародился в группе историков, работавших с Я. А. Яковлевым по подбору документов к его монографии «История Октябрьской револю-

---

[1] *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948.

[2] История советской археографии: Учебное пособие. В 6-ти вып./ Под ред. М. С. Селезнева. М., 1966—1967. Вып. 2; *Корнева И. И., Тальман Е. М.* Археография в 1920-е до середины 30-х годов. М., 1966.

[3] Работы С. Н. Валка «О приемах издания историко-революционных документов» (Архивное дело, 1925, № III/IV) и «Проект правил издания трудов В. И. Ленина» (М.; Л., 1926) вышли в свет, когда основная подготовительная работа над томами серии была близка к завершению. Три первых тома серии (см. табл. на с. 298—299) в 1925—1926 гг. уже были опубликованы.

ции». Сам Я. А. Яковлев отмечал: «Из этих подобранных и систематизированных материалов некоторые имеют настолько большое историческое значение, что мы приступили к их публикации»[4]. Еще раньше, в 1923—1924 гг., был создан организационный центр по руководству собиранием документов. Редакционно-издательский комитет Центрархива создал для научного обследования архивных материалов, их описания и издания ряд комиссий, среди них «Комиссию по истории Октябрьской революции» в составе М. Н. Покровского, Я. А. Яковлева, Н. Н. Авдеева, В. В. Адоратского и В. В. Максакова[5].

В ходе выпуска очередных томов серии работа комиссии приобрела самостоятельное значение и развивалась независимо от подготовки Я. А. Яковлевым его монографии. Но он по-прежнему наряду с М. Н. Покровским оставался руководителем этого большого предприятия и неизменным автором предисловий к томам. Предисловия-статьи в своей совокупности являются как бы остовом задуманной монографии. За короткий период Я. А. Яковлев написал предисловия к девяти томам серии. Удивительно, как человеку, который находился в самом центре партийной и государственной работы, удалось выполнить задачу, по сути своей посильную большому коллективу профессиональных историков.

В 1922 г. Яковлевым была опубликована работа «Об историческом смысле Октября», экземпляр которой хранится в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле с дарственной надписью автора. Высокий теоретический уровень этой и последующих работ Яковлева по истории Октябрьской революции объясняется непосредственным влиянием Ленина на талантливого партийного публициста и историка. В 1924 г., т. е. еще до выхода первых томов серии «1917 год в документах и материалах», и в последующие три года Яковлев опубликовал отдельные главы из подготовляемой им монографии[6].

Особенно интенсивно работал Я. А. Яковлев над проблематикой по истории Октября в условиях борьбы с троцкистской и зиновьевской фальсификацией истории. Ему принадлежит большой комплекс статей, которые затем послужили основой для предисловия к очередному тому серии «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.»[7].

В конце 1926 г. Агитпроп Центрального Комитета Коммунистической партии поручил группе крупных

партийных историков подготовить к 10-летию Октября работы по истории социалистической революции. Е. М. Ярославский должен был написать о партии в 1917 г., А. М. Панкратова — о фабзавкомах, Н. Н. Попов — о национальном вопросе, А. С. Бубнов — о Красной гвардии, С. М. Дубровский — о крестьянстве, Я. А. Яковлеву предложили создать общий очерк по истории Октября [8].

Серия была задумана с размахом, достойным самой проблематики по Октябрю. Предполагалось, что она охватит значительные группы источников, характеризующие основные потоки революционного движения, а также состояние контрреволюционных сил (буржуазия, помещики). Мы не сможем полностью и объективно оценить этот замысел, если не учтем, что одновременно Истпартом была проведена работа по подготовке к публикации другого комплекса источников по Октябрю — документов историко-партийного характера: протоколов ЦК, ПК, Петроградской и Всероссийской партийных конференций, VI съезда РСДРП(б), а также источников эпистолярного характера — писем солдат 1917 г. [9] Такой же задачей занимался в это время Институт советского строительства Коммунистической академии, который выпустил два тома, посвященных Советам [10].

Таким образом, при рассмотрении серии «1917 год в документах и материалах» мы должны учесть, что одновременно с этим изданием публиковались или готовились

---

[4] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1925, с. 2.

[5] Редакционно-издательская деятельность Центрархива в 1923—24 году.— Архивное дело, 1925, вып. II.

[6] Об этих трудах Я. А. Яковлева см.: *Сиволапова Г. Ф.* Исследования Я. А. Яковлева по истории Октябрьской революции.— В кн.: История и историки, 1974. М., 1976.

[7] *Яковлев Я. А.* Вопросы Второго Всероссийского съезда Советов.— Пролетарская революция, 1927, № 12; *Он же.* К вопросу о большевистской тактике в Октябре.— Большевик, 1927, № 21; *Он же.* Авангард и массы в Октябрьской революции.— Известия ЦИК СССР, 1927, 5 нояб.; Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.; Л., 1928. Предисловие.

[8] Известия ЦК ВКП(б), 1927, № 2/3, с. 6.

[9] Солдатские письма в 1917 году. М., 1927. Подготовила к печати О. Н. Чаадаева. Под ред. М. Н. Покровского.

[10] Советы в Октябре: Сб. документов/Под ред. и с предисл. С. А. Пионтковского. М., 1928; Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации/Под ред. и с предисл. А. В. Шестакова. М., 1929. Т. I, ч. I—II (март — октябрь 1927 г.).

к печати источники, по своему типу и характеру не входившие в план серии, но составлявшие более широкий комплекс источников по истории Октябрьской революции. Конечно, многие группы источников еще не были выявлены и естественно не вошли в серию. Но было бы ошибкой считать, что включенные в нее документы носили случайный характер, что издавались источники, лежавшие на поверхности. Напротив, нужно подчеркнуть, что при сравнительно несовершенной информации о составе и состоянии источников руководителям серии «1917 год в документах и материалах» удалось отобрать, подготовить и издать на достаточно высоком уровне весьма важные источники по истории революции 1917 г.

Рассмотрим проблематику и темпы выпуска томов серии (в хронологической последовательности выхода в свет) (см. табл. на с. 298—299).

Замысел издания серии получил одобрение Президиума ВЦИК СССР. 8 августа 1924 г. заместитель заведующего Центрархивом В. В. Адоратский обратился с письмом в Президиум ЦИК: «Развивая свою деятельность по изданию архивных материалов по истории революции 1917 года, Центрархив в настоящее время предпринял издание серии «1917 год в документах и материалах» под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева»[11]. В письме отмечалось, что для издания томов серии требуется дотация в сумме 12 тыс. руб. 1 сентября 1924 г. Президиум ЦИК рассмотрел этот вопрос и постановил включить расходы по изданию в смету ЦИК, а также утвердил расширенную редколлегию одного из томов серии — стенографический отчет Первого Всероссийского съезда Советов[12]. К этому времени план всей серии еще окончательно не сформировался, хотя работа над рядом томов шла очень интенсивно. Уточненный план относится ко времени подготовки к десятилетнему юбилею Октябрьской революции. В мае 1926 г. Редакционно-издательский комитет Центрархива в отчет на запрос Истпарта о литературе, подготовляемой к 10-летию Октября, сообщил о плане издания серии «1917 год в документах и материалах», работа над которой началась более двух лет назад. Центрархив заключил с Госиздатом договор на выпуск томов этой серии[13]. К письму был приложен план серии из 18 томов с указанием фамилий составителей по каждому из них. Кроме томов, названных в таблице (см. с. 298), в плане значились: «Разложение

армии в 1917 г.», т. II; «Крестьянское движение в 1917 г.», т. II; «Железнодорожники в 1917 г.», «Февральские дни»; «1917 год в докладах губернских комиссаров Временного правительства»; «Московский Совет в 1917 г.»; «ВЦИК I созыва»; «ВЦИК II созыва»; «Протоколы Совета Народных Комиссаров» [14].

Однако Юбилейная комиссия по празднованию 10-летия Октября при Президиуме ЦИК СССР предложила Центрархиву сократить объем издания из-за отсутствия нужных средств и кадров подготовителей. 28 июня 1926 г. состоялось совещание коллектива, работающего над серией «1917 год в документах и материалах». В протоколе совещания записано: «Из намеченных по плану изданий вышли из печати сборники „Разложение армии в 1917 году", т. I, „Петроградский Совет Р. и С. Д. (протоколы Исполкома)"... Возможности, которые нам представляет Комиссия по изданию материалов к 10-летнему юбилею Октябрьской революции при ЦК ВКП(б), затруднительность Государственного издательства справиться с такой обширной серией и интересы государства заставляют нас издать меньшее количество книг... сжав план серии до минимума» [15].

На этом совещании и было принято предложение Я. А. Яковлева и М. Н. Покровского об исключении из плана ряда томов, подготовка которых мало продвинулась или по своей значимости они могли быть изданы во вторую очередь. Сокращенный план был утвержден Юбилейной комиссией [16].

За сравнительно короткий промежуток времени с 1925 по 1931 г. удалось издать 10 томов серии. Опубликованные тома серии по характеру помещенных в них документов можно разделить на две группы: стенограммы или протоколы различных съездов, совещаний (в таблице это тома под № 1, 5, 6, 7, 8), отражающие кульминационные, переломные моменты в истории революции и контрреволюции; тематические публикации коллекций документов по истории массового революционного движения (№ 2, 3, 4).

---

[11] ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 664, л. 2.
[12] Там же, л. 1.
[13] ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 983, л. 15.
[14] Там же, л. 11.
[15] ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1225, л. 1.
[16] Там же, д. 1226, л. 23.

Таблица

Серия «1917 год в документах и материалах»

№№ п/п	Название тома	Место и год издания	Состав редколлегии	Составитель	Автор предисловия	Тираж	Объем в печ. листах
1	Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК	М.;Л., 1925	М.Н. Покровский, Я.А. Яковлев	Б.Я. Наливайский	Я.А. Яковлев	3000	23
2	Разложение армии в 1917 году	М.;Л., 1925	М.Н. Покровский, Я.А. Яковлев	Н.Е. Какурин	Я.А. Яковлев	7000	12
3	Рабочее движение в 1917 году	М.;Л., 1926	—	В.Л. Меллер, А.М. Панкратова	Я.А. Яковлев	3000	22
4	Крестьянское движение в 1917 году	М.;Л., 1927	М.Н. Покровский, Я.А. Яковлев	К.Г. Котельников, В.Л. Меллер	Я.А. Яковлев	3000	27
5	Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стеногр. отчет	М.;Л., 1927	М.Н. Покровский, Я.А. Яковлев	М.И. Цапенко	Я.А. Яковлев	3000	22
6	Буржуазия накануне Февральской революции	М.;Л., 1927	—	Б.Б. Граве	Не подписано	3000	14

Таблица (окончание)

№№ п/п	Название тома	Место и год издания	Состав редколлегии	Составитель	Автор предисловия	Тираж	Объем в печ. листах
7	Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д.	М.;Л., 1928	М.Н. Покровский, Я.А. Яковлев	К.Г. Котельников	Я.А. Яковлев	3000	12
8	Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. Стеногр. отчет. Т. 1—2	М.;Л., 1930, 1931	М.Ф. Владимирский, А.С. Енукидзе, М.Н. Покровский, Я.А. Яковлев	Т.1 — В.Н. Рахметов. Т.2 — В.Н. Рахметов и Н.П. Мямлин	— —	2000	32 31
9	Государственное совещание (12—15 августа 1917 г.) Стеногр. отчет	М.;Л., 1930	М.Н. Покровский, Я.А. Яковлев	Не указан	Я.А. Яковлев	3000	24
10	Всероссийское Учредительное собрание. Стеногр. отчет	М.;Л., 1930	М.Н. Покровский, Я.А. Яковлев	И.С. Малчевский	—	3000	15

Документы первой группы сохраняют уникальный характер и вряд ли могут быть заменены более поздними публикациями источников. Что же касается изданий второй группы, то документы в них помещены выборочно. Однако это не означает, что все они в одинаковой степени могут быть отнесены к хрестоматийному типу публикаций.

В целом документы серии по своему содержанию раскрывают три комплекса проблем: деятельность Советов, их состояние, функции, политическую борьбу в Советах, превращение Советов в органы диктатуры пролетариата; историю движения революционных масс (рабочего класса, крестьянства, армии); историю буржуазно-помещичьей контрреволюции. Эти три комплекса оказали заметное влияние на последующие исследования по истории Октября. Рассмотрим детальнее каждый из комплексов источников.

Источники по истории Советов. Четыре тома (пять книг) серии посвящены истории Советов от их создания в феврале-марте до победы социалистической революции [17]. Издание документов о Советах в 1917 г. явилось значительным событием в советской археографии и источниковедении в момент выхода этих томов серии и не утратило историографического и научного интереса в настоящее время.

Эти четыре тома соответствуют важнейшим этапам развития революции 1917 г. Возникновение и начальный этап развития Советов в первый месяц их существования получили свое отражение в публикации стенографического отчета Всероссийского совещания Советов, проходившего в конце марта — начале апреля 1917 г. Материалы о последующей деятельности Советов мы находим в протокольных записях заседаний Исполкома и Бюро исполкома Петроградского Совета. Политическая борьба в Советах в период мирного развития революции и июньский кризис ярко запечатлелись в двухтомной публикации стенографического отчета заседаний Первого Всероссийского съезда Советов. И как вершина этого комплекса документов о Советах выступает том, посвященный Второму Всероссийскому съезду рабочих и солдатских депутатов.

Таким образом, история Советов от Февральской к Октябрьской революции получила хотя далеко не полное, но весьма значительное археографическое воплощение в серии «1917 год в документах и материалах». В дальней-

шем публикации документов местных Советов постоянно расширяли границы этого комплекса, но ценность четырех томов серии полностью сохранялась.

Одним из наименее изученных томов комплекса является «Всероссийское совещание Советов»[18]. Публикация воспроизводит текст стенографической записи 10 заседаний совещания с 29 марта по 3 апреля. В приложениях даны стенографическая запись совместного заседания с Петроградским Советом 31 марта, резолюции совещания и статья В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции».

Весьма характерна структура стенограммы совещания. Более половины текста занимают доклады и прения по вопросу о войне и об отношении к Временному правительству. И совсем незначительный объем материалов по «организационному вопросу», т. е. о строительстве Советов. Однако нужно учесть, что вопрос об отношении к Временному правительству, по существу, превратился в вопрос о Советах, об их функциях, о том, следует ли им брать на себя функции власти.

Подлинник стенограммы не сохранился. Публикация воспроизводит оттиск на ротаторе на 365 листах, хранящийся в ЦГАОР. Некоторые резолюции и отдельные речи, пропущенные в стенографическом отчете, взяты из газет и вставлены в стенограмму, что оговорено в примечаниях. Текст стенографической записи был сверен с газетными отчетами. Составитель учел также авторскую правку стенограмм, которая отмечена в подстрочных примечаниях. Так, например, удалось восстановить авторскую правку Церетели, весьма характерную для позиций социал-оборонцев. Церетели сделал в стенограмме своих выступлений более 50 правок, направленных на усиление оборонческих мотивов или завуалирование откровенного шовинизма.

Этот источник совершенно незаменим при анализе характерных черт двоевластия, как оно сложилось в первый же месяц после свержения самодержавия. Он уникален и для характеристики состояния Советов на местах, анализа процесса формирования революционного

---

[17] См. табл. на с. 298—299, № 1, 5, 7, 8.

[18] В 1917 г. была издана брошюра «Всероссийское совещание делегатов от Советов Р. и С. Д. в Петрограде с 28 марта по 2 апреля 1917 г. Резолюции и тезисы». Однако в этой публикации ход работы совещания никак не отражен.

оборончества, анализа тех противоречий, которые выявились в массах: колебаний между бессознательным доверием к Временному правительству и протестом против его контрреволюционной политики.

Публикация стенограммы Всероссийского совещания дает также возможность проследить ход формирования позиций эсеро-меньшевистского блока по вопросам о власти и войне. В вводной статье «От редакции» были опубликованы циркулярные письма Исполкома Петроградского Совета местным Советам и выписки из протоколов заседаний Исполкома с изложением предполагаемой повестки дня совещания. Если сравнить различные варианты предполагаемой повестки дня с реально принятой на совещании, то можно ясно увидеть, как наиболее острые и опасные для эсеро-меньшевистских лидеров вопросы, выдвинутые самим ходом революции, постепенно снимались с повестки дня совещания. Так, были исключены отчеты местных Советов, вопросы организации революционных сил, борьбы с контрреволюцией. Эсеро-меньшевистское руководство предпочло не затрагивать вопросы, которые могли поставить под сомнение их основной курс на поддержку Временного правительства и продолжение империалистической войны. Не обсуждались также на совещании первоначально зафиксированные в повестке дня такие насущные проблемы, как «рабочий вопрос», «солдатский вопрос», «земельный вопрос». По ним были опубликованы «тезисы», не обсужденные совещанием. Тезисы даны в приложениях к публикации «Всероссийское совещание Советов». В названных документах ярко выражена линия эсеро-меньшевистского блока на примирение классовых интересов, на сотрудничество с буржуазией и превращение Советов в придаток Временного правительства.

В источнике содержится и другой слой информации, отражающей объективный процесс складывания системы советских органов, развития их функций, формирования принципов избирательной системы, тенденций к объединению рабочих, солдатских и крестьянских Советов, к созданию организации, охватывающей Советы во всероссийском масштабе.

Материалы совещания не дают сколько-нибудь полного ответа на вопрос о его составе. Так как до нас не дошли данные о партийном и социальном составе делегатов, приходится пользоваться теми справками, которые

содержатся в докладе мандатной комиссии и в материалах Петроградского Совета. При сопоставлении инструкций Исполкома Петроградского Совета о порядке представительства на совещании с действительным его составом бросается в глаза несоответствие замыслов эсеро-меньшевистских лидеров размаху роста Советов. Исполком Петроградского Совета постановлением от 15 марта решил собрать на совещание представителей от Советов 42 городов России [19]. В действительности же, спустя две недели после этого решения, на совещание прибыли представители от Советов 120 городов, шести армий фронта (1, 5, 6, 10, 12-й и Особой армии), 27 отдельных частей фронта и 13 тыловых частей [20].

Противоречия, с которыми столкнулись делегаты совещания при рассмотрении вопроса о власти, особенно отчетливо выступают при сравнительном анализе доклада Ю. М. Стеклова об отношении к Временному правительству, прений по докладу и двух резолюций, предложенных Стекловым.

В докладе Стеклова, принадлежавшего тогда к «внефракционным» социал-демократам, очень выпукло отразилась система двоевластия, которая сформировалась и была зафиксирована в соглашении 2 марта 1917 г. лидеров Совета с думским комитетом. Весь доклад был насыщен фактами о борьбе Совета с Временным правительством, о контрреволюционном характере деятельности правительства Львова, о действиях Совета, который вопреки заверению его лидеров и после соглашения 2 марта осуществлял функции органа власти. Но, доходя до этого признания, Стеклов тут же испуганно шарахался в сторону, утверждая, что никакого двоевластия и в помине нет.

Первый вариант резолюции, предложенный Стекловым, разительно противоречил тональности и основным положениям доклада. В резолюции утверждалось, что Временное правительство представляет «интересы либеральной и демократической буржуазии, проявляет стремление идти по пути, намеченному в декларации, опубликованной им по соглашению с представителями Совета Р. и С. Д..»; говорилось о необходимости «побуждения его (т. е. Временного правительства) к самой энер-

[19] Всероссийское совещание Советов..., с. 16.
[20] Там же, с. 189.

гичной борьбе с контрреволюционными силами», о поддержке Временного правительства Советами «постольку, поскольку» оно будет идти «в направлении к упрочению завоеваний революции и расширению этих завоеваний» [21]. Выступавший на совещании В. П. Ногин указывал, что бессмысленно требовать от Временного правительства борьбы с контрреволюцией, если оно само является контрреволюционным [22].

Стенографическая запись прений по этому докладу обнаруживает всю неустойчивость, шаткость системы двоевластия. Ее противоречия отразились в выступлениях участников совещания. Делегат Кохно, всячески восхвалявший А. Ф. Керенского, требовал арестовать П. Н. Милюкова и посадить его туда же, где находился в это время Хабалов, т. е. в Петропавловскую крепость [23]. Другой делегат, Венцковский, заявил: «Очевидно для каждого из нас, что если какие-нибудь силы разрушают старое, то власть должна вытекать из тех сил, которые, разрушивши старое, стремятся создать что-либо новое... Пролетариат и войска разрушили старое и из недр пролетариата и войск должно быть логически и то правительство, кое должно выражать те силы, которые совершили переворот» [24]. Однако, недоумевал Венцковский, во главе правительства оказались лица, которые «более чем кто-либо не желали этого переворота...» [25].

Эти разноречивые суждения свидетельствовали только о том, что охваченные мелкобуржуазными иллюзиями массы были еще не в состоянии разобраться в сложной и своеобразной политической обстановке, сложившейся в стране после свержения царизма. Однако достаточно ясно было, что многие представители местных Советов и солдатских комитетов питают все растущее недоверие к Временному правительству.

В результате столь очевидных противоречий между докладом Стеклова и им же предложенной резолюцией, а также разноречий в прениях возникла ситуация, которая вызвала к жизни новый документ — вторую резолюцию по вопросу об отношении к Временному правительству, предложенную Стекловым от имени Исполнительного комитета Петроградского Совета и представителей «различных течений» на совещании. В этом документе, как ни старались представители «различных течений», еще более резко обозначились все трещины в системе двоевластия и политике эсеро-меньшевистского блока.

С одной стороны, в новой резолюции говорилось, что Временное правительство «в общем и целом идет по пути выполнения принятых на себя обязательств», с другой — содержался призыв «дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств» [26].

Делегат от Пятигорского гарнизона Петражицкий саркастически заметил по этому поводу: «Если выступает докладчик т. Стеклов с докладом, а затем предлагает резолюцию, коренным образом противоречащую, как это всеми подмечено, докладу, и затем через день предлагает нам другую резолюцию, которая существенным образом тоже пополняет и противоречит первой резолюции, я считаю это признаком дезорганизованности...» [27]. Причины этой «дезорганизованности» лежали, конечно, гораздо глубже, чем это увидел делегат от солдат Пятигорска. Большинство депутатов Советов еще не осознали, что эти органы являются единственным источником революционной власти, а мелкобуржуазные лидеры всячески тормозили и запутывали этот процесс осознания.

Однако в Советах шла глубокая творческая работа по обобщению пока небольшого месячного опыта деятельности их как органов власти. Ценность такого источника, как стенографический отчет мартовского совещания Советов, заключается в том, что здесь, на всероссийской трибуне, шел интенсивный обмен опытом. Он оказался на удивление и многообразным, и единым в самом своем существе. Эсеро-меньшевистские лидеры совещания всячески препятствовали процессу осознания массами роли Советов, их исторического назначения как органов власти. Они немало преуспели в этом (еще не были произнесены слова Церетели о Советах как временных лесах при постройке буржуазного государства, но смысл действий меньшевиков сводился именно к этому). Но преградить путь мощному движению по строительству Советов, движению, бурлившему по всей стране, эсеры и

---

[21] Там же, с. 121.
[22] Там же, с. 137—139.
[23] Там же, с. 146.
[24] Там же, с. 125.
[25] Там же.
[26] Там же, с. 179.
[27] Там же, с. 238—239.

меньшевики не могли. Советы функционировали как органы власти, хотя и в системе двоевластия, в переплетении с органами буржуазной диктатуры.

Этот процесс нашел свое отражение в принятом совещанием документе «Тезисы доклада „Объединение Советов рабочих и солдатских депутатов"» [28]. Факт, что по такому важному вопросу были приняты «Тезисы доклада», а не резолюция, должен был, по замыслу мелкобуржуазных лидеров, подчеркнуть их необязательный характер. Но именно этот документ из всех других, принятых совещанием, оказался наиболее значительным и живучим. История сыграла злую шутку с эсерами и меньшевиками. Они вынуждены были зафиксировать то, что уже существовало в реальной действительности, то, что было создано творчеством миллионных масс. С этим документом произошло примерно то же, что и с приказом № 1 по Петроградскому гарнизону. «Тезисы доклада», принятые Всероссийским совещанием, отражали в значительной мере огромную творческую работу Советов на местах.

Если сравнить документ совещания по «организационному вопросу» с уставами, наказами, анкетами и другими материалами местных Советов,[29] принятыми и записанными до начала Всероссийского совещания, то можно обнаружить источники, из которых черпали идеи составители «тезисов». Эти источники свидетельствуют, что Советы с самого начала своего возникновения стали функционировать как органы власти, хотя и не всегда их члены осознавали свои задачи. Но первая встреча депутатов Советов на всероссийском форуме дала возможность более основательно и глубоко осмыслить эти задачи, правда ограниченные вопросами организационного строительства.

В «Тезисах доклада» предусматривалось повсеместно создать Советы рабочих и солдатских депутатов «по возможности общие» и добиваться включения в их состав «представителей организованного трудового крестьянства» [30]. Советы объединялись в масштабах области (района), областные комитеты Советов избирались на областных съездах. Советы должны объединиться в масштабе всей страны и избрать на Всероссийском съезде Советов свой центр — Всероссийский Исполнительный Комитет Советов. Были выработаны нормы представительства на съезде и определен срок его созыва — «не позже 25 апреля» [31]. Вся страна была предположительно разбита на

районы — Московский, Центральный, Север, Кавказ, Урал, Азиатская Россия, Донецкий, Приволжский, Юг и Запад. Дальнейшее развитие Советов изменит или уточнит это деление, но начало созданию областных советских объединений этим документом было положено.

Конечно, в документе не было главного — определения функций Советов, что объяснялось, как видно из доклада Богданова по организационному вопросу на совещании 2 апреля 1917 г., и недостаточным опытом Советов, и сознательным стремлением меньшевиков и эсеров уйти от острой проблемы. Докладчик дал несколько определений Советов: «органы революционной демократии», «органы неклассовой политики и классовой борьбы», «органы революционной борьбы», «органы, созданные специально с целью отстаивания и защиты дела революции и подталкивания и углубления этого дела» [32]. Все эти определения исходят из старой меньшевистской концепции «подталкивания революции», но ни одно из них не подходит к главному — к характеристике Советов как органов власти. Что касается структуры Советов, их объединения во всероссийском масштабе, создания верховного органа Советов, то тут Богданов только изложил то, что было выработано на секции по организационным вопросам и явилось обобщением опыта местных Советов.

Таким образом, мы можем считать, что принятый совещанием документ об организационном строительстве Советов явился результатом коллективного творчества секции по данному вопросу.

Том, посвященный Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, является одним из наиболее сложных во всей серии с точки зрения его археографической подготовки. Источник, по которому шла подготовка публикации, с трудом поддавался расшифровке. Стенограмм заседаний Исполкома и Бюро Исполкома Петроградского Совета не велось. Сохранились только беглые протокольные записи, сделанные карандашом, с многочисленными пропусками и сокращениями. О состоянии этого источника и условиях его возникновения рассказал участник событий С. Д. Мстиславский: «При исключительной напря-

---

[28] Всероссийское совещание Советов..., с. 294—296.

[29] Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 196, 210, 248, 273, 315, 318, 320, 332 и др.

[30] Всероссийское совещание Советов..., с. 294, 295.

[31] Там же.

[32] Там же, с. 213.

женности работы первых революционных месяцев, при остром недостатке подготовленных к ней работников „бумажное производство“ было сведено до минимума. Телефон, телеграмма, живое слово заменяли „отношения“ и письменные инструкции. И чем напряженнее был момент, тем меньше оставалось после него письменных документов» [33].

С. Д. Мстиславский справедливо отметил отрывочность и неполноту записей в протоколах Петроградского Совета, трудность их расшифровки не только для читателей, но даже для непосредственных участников событий. «В протоколы,— отметил С. Д. Мстиславский,— заносилось далеко не все, проходившее на заседаниях, особенно в марте, когда заседания шли фактически перманентно» [34].

Первая попытка издать протоколы Исполнительного комитета Петроградского Совета была предпринята в 1923 г. Публикация [35] включала протоколы с 3 по 11 марта 1917 г. и сопровождалась примечаниями. Два года спустя появился том серийной публикации [36]. В него вошли протокольные записи заседаний Исполнительного комитета с 3 марта по 9 августа и Бюро ИК с 23 апреля по 17 июня 1917 г.

Чтобы понять значение этой публикации, следует обратиться к структуре Петроградского Совета. Высшим его органом являлось общее собрание (пленум), постоянно действующим — Исполнительный комитет, оперативным — Бюро ИК. В структуру Совета как его составные части входили Рабочая и Солдатская секции. Следовательно, рассматриваемый том серии включал материалы верхушечных органов Совета — Исполнительного комитета и его Бюро, руководящая роль в которых в то время принадлежала меньшевикам и эсерам. Именно здесь, в Исполнительном комитете, формировалась политика меньшевистско-эсеровского руководства, здесь наиболее ярко и откровенно проявлялась его линия на сотрудничество с буржуазией, на сдерживание и ограничение Советов как органов власти. И тем не менее и сюда доходили мощные удары революционной волны, и здесь сильно сказывалась активность, инициатива, творчество масс, которые заставляли Исполнительный комитет Совета предпринимать шаги, свидетельствующие, что на доиюльском этапе Совет вопреки желанию меньшевиков и эсеров выполнял функции органа власти.

Если отчеты о заседаниях пленумов Петроградского Совета, его Рабочей и Солдатской секций публиковались в «Известиях» и других органах печати, то подобные отчеты о заседаниях Исполкома и Бюро ИК в печати почти не появлялись. Это лишний раз подтверждает ценность данного источника.

Ю. С. Токарев назвал протоколы Исполкома и его Бюро «записями для себя», которые делались «без расчета на то, что их будут использовать другие лица» [37]. Ему же принадлежит решение трудной задачи расшифровки протоколов Петроградского Совета и использование результатов этой работы в монографическом исследовании [38].

В группе томов серии, посвященных Советам, стенографический отчет I Всероссийского съезда Советов отражает важный этап в истории революции 1917 г. Съезд проходил в условиях мирного периода революции и на пороге второго этапа, открытого июльским кризисом. Вот почему принципиальное значение имеет публикация стенограмм этого наиболее длительного съезда в истории съездов Советов, проходившего с 3 по 24 июня 1917 г. Все крупные события этого времени: борьба вокруг основного вопроса революции — о власти, ситуация в связи с назначением и затем отменой демонстрации 10 июня, демонстрация 18 июня и начавшееся наступление на фронте, разгром дачи Дурново и реакция на него революционных масс синхронно отразились в работах съезда, в стенограммах его заседаний. Две речи Ленина на съезде, выступления делегатов-большевиков, их упорная борьба за просвещение рядовых делегатов и за отрыв массы делегатов от эсеровской и меньшевистской верхушки, выступления петроградских рабочих на съезде делают сте-

---

[33] *Мстиславский С. Д.* Рец. на сб.: Петроградский Совет Р. и С. Д. М.; Л., 1925.— Печать и революция, 1926, кн. 1, с. 196.

[34] Там же, с. 197.

[35] Пролетарская революция, 1923, № 1, с. 310—348.

[36] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК. М.; Л., 1925.

[37] *Токарев Ю. С.* Протоколы общих собраний, заседаний секций, Исполнительного комитета и Бюро Исполкома Петроградского Совета Р. и С. Д. (март — апрель 1917 г.).— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968, вып. 1, с. 151.

[38] *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976.

нографические записи ценнейшим источником по истории революции 1917 г. В. И. Ленин внимательно следил за работой съезда и посвятил ему ряд статей, написанных в июне 1917 г.

Публикация стенограмм съезда предполагалась в трех томах. Вышло только два. Первый включает стенограммы съезда с 3 по 11 июня, второй содержит стенограммы за 12 и 16—24 июня. Третий (не вышедший в свет) должен был включить материалы секций съезда, которые работали 13—15 июня. Итоги работы секций и их предложения были обсуждены на пленарных заседаниях съезда 16—24 июня, стенограммы которых вошли во второй том.

Мы можем выделить несколько групп материалов в этом источнике. Во-первых, речи В. И. Ленина на съезде по двум важнейшим вопросам — о власти и о войне и примыкающие к ним документы, резолюции и выступления большевиков. Во-вторых, круг материалов о позиции блока мелкобуржуазных партий на съезде, выступления министров-социалистов, лидеров эсеров и меньшевиков, народных социалистов, различных националистических группировок, а также резолюции и другие документы, исходящие от этих партий. В-третьих, большое число документов о положении на местах, о функциях и деятельности местных Советов, о различных проявлениях двоевластия, об остроте противоречий в системе двоевластия. В-четвертых, материалы о состоянии армии, подготовке наступления на фронте, политических последствиях этого события. В-пятых, материалы о подготовке и проведении массовых демонстраций, вызвавших июньский кризис, и в связи с этим выступления рабочих столицы на заседании съезда 19 июня. В особую группу следует выделить материалы обсуждения на съезде итогов работы секций.

В распоряжении публикаторов были неправленые стенограммы. Часть речей, предназначенных для прессы, сохранилась в виде второго экземпляра стенограмм с купюрами и редакторской правкой, некоторые стенограммы имеют и авторскую правку. Редакция этой двухтомной публикации взяла за основу отредактированные стенограммы, сохранив, однако, в сносках указания на первоначальный текст.

Состав редакции двух томов стенографического отчета I Всероссийского съезда Советов был расширен по сравне-

нию с другими томами серии. Кроме М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева, в нее вошли М. Ф. Владимирский и А. С. Енукидзе. Введение в состав редакции этих крупных государственных деятелей подчеркивало политическую значимость издания. Две исторические речи В. И. Ленина явились центральным событием всей работы съезда. Огромную роль сыграли выступления большевиков Н. В. Крыленко, В. П. Ногина, С. Г. Шаумяна, А. С. Киселева, Б. З. Шумяцкого, А. М. Коллонтай, А. Е. Бадаева, М. И. Васильева, И. П. Жукова и др. Эти выступления почти не использованы в советской историографии. На съезде постоянно работала большевистская фракция, состоявшая из более чем 100 делегатов.

Активно действовали на съезде близко стоявшие к большевикам А. В. Луначарский, Б. П. Позерн, П. И. Старостин, вскоре вступившие в большевистскую партию.

Дважды выступал Ленин и дважды сразу же вслед за ним эсеро-меньшевистский блок выпускал Керенского. Этот краснобай должен был, по их замыслу, стереть, смазать впечатление от речей Ленина. Подобную же цель преследовали речи И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе, В. М. Чернова и других лидеров блока мелкобуржуазных партий. Но все их старания были напрасны. И дело было не только в ясности и четкости, железной логике и убедительной аргументации речей Ленина. Дело заключалось прежде всего в том, что Ленин ставил в своих выступлениях коренные вопросы, объективно стоявшие перед революцией, которые невозможно было обойти, как ни старались это сделать лидеры коалиционных партий.

Очень хорошо сказал В. П. Ногин в своем выступлении 7 июня: «...единственным центром внимания всего Съезда был вопрос... о том, прав ли тов. Ленин или нет... какова линия большевиков. Центром внимания всего Съезда были большевики. Мы, понятно, очень вам благодарны за это (рукоплескания), потому что, как-никак, но обсуждение этого вопроса способствует распространению наших взглядов, и, понятно, мы сможем сейчас доказать вам ваши заблуждения» [39]. Следует отметить тот факт, что кроме двух известных речей В. И. Ленина, ленинские документы еще не раз звучали на съезде.

---

[39] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 242—243.

21 июня на съезде при обсуждении вопроса об экономическом положении выступил большевик М. И. Васильев. Он отметил, что вопрос об экономической разрухе и ее страшных последствиях возник давно, с ним не могло справиться царское правительство, первое и второе Временное правительство. А это является свидетельством полной несостоятельности политики соглашательства во время революции. Он предложил резолюцию, «часть которой обсуждалась петроградским рабочим классом, его лучшими представителями... (голос справа: «Первым пулеметным полком») съезда и собрания заводских комитетов» [40]. И дальше Васильев прочитал написанный Лениным текст «Резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой» [41], обсужденной и принятой рабочими собраниями ряда предприятий Петрограда, Москвы и других городов страны, а также I Петроградской конференцией фабрично-заводских комитетов. Когда Васильев закончил чтение ленинской резолюции, прозвучала реплика из зала: «Только вот такие мероприятия могут спасти страну, и никакие ваши резолюции, товарищи, сколько бы вы их ни писали, не помогут» [42]. Меньшевики навязали съезду резолюцию Громана, в которой вся надежда возлагалась на «реформы» и «совещания» под эгидой Временного правительства.

В другой раз ленинский документ прозвучал на съезде в речи Н. В. Крыленко 11 июня, когда он выступил по вопросу об отношении к войне. Он изложил мысли статьи Ленина, опубликованной в 1915 г. в № 47 «Социал-демократа» под названием «Несколько тезисов», в которой говорилось о том, что́ сделает революционный класс, когда революция поставит его у власти [43]. «...Он бы обратился с немедленным предложением мира ко всем воюющим, ко всем союзным странам и этим вдохнул бы тот революционный энтузиазм, посредством которого он мог бы рассчитывать на непосредственное прямое содействие и перенесение войны из плоскости национально-буржуазной в плоскость борьбы классовой пролетариата мирового против мирового капитала»,— говорил Крыленко. «Этот путь вы, товарищи, считаете утопическим, этот путь вы отвергли, отбросили»,— продолжал он. И дальше он показал, что путь, избранный Временным правительством, это путь подготовки наступления на фронте [44].

Значительный интерес с источниковедческой точки зрения представляет авторская правка Лениным стено-

грамм двух своих речей. В текст стенограммы первой речи он внес 244, в стенограмму второй — 132 поправки. Их можно условно разделить на три группы. Во-первых, это уточнение формулировок, поправки, вызванные стремлением сделать доступным для каждого рабочего, солдата, крестьянина самые сложные вопросы революционного процесса. Во-вторых, это тщательное заполнение пропусков, допущенных при стенографировании и последующей перепечатке текста на машинке. В-третьих, это характерное для Ленина выделение принципиально важных положений и отдельных слов, которые Ленин подчеркивал двумя чертами в тексте, а в Сочинениях они воспроизводятся курсивом.

Приведем только несколько примеров ленинской правки.

В стенографической записи	*В отредактированном Лениным тексте*
(т. 1, с. 68) «Далее — учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазном парламенте не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может».	«Советы, это — учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 264).
(с. 71) «Как бы искренни были люди, как бы искренно они ни желали добра трудящимся, дело не изменилось, тот же класс остался у власти».	«Как бы искренни ни были люди, как бы искренне они ни желали добра трудящимся, дело не изменилось — *тот же класс* остался у власти» (Там же, с. 268).
(с. 71) «...азбука демократии нарушается».	«... азбука демократии нарушается претензией центра назначать или утверждать местные власти» (Там же).
(с. 72) «В России эта революция возможна в виде исключения мирной».	«В России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная» (Там же, с. 270).
(с. 73) «...русского рабочего класса и примыкающего к нему полупролетариата, т. е. крестьянства».	«...русского рабочего класса и примыкающего к нему полупролетариата, т. е. беднейшего крестьянства...» (Там же, с. 271).

[40] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 2, с. 219.
[41] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 195—197.
[42] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 2, с. 221.
[43] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 48—51.
[44] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 391—392. В своей речи Крыленко ошибочно отнес этот документ к периоду до первой мировой войны.

(с. 74) «...к братанию союзному».	«... к братанию сознательному» (Там же, с. 273).
(с. 74) «тогда мы возьмем в свои руки власть, тогда мы обуздаем капиталистов и тогда это будет не та война, какая ведется сейчас».	«Когда мы возьмем в свои руки власть, тогда мы обуздаем капиталистов и тогда это будет *не та* война, какая ведется сейчас» (Там же).
(с. 75) «Войну нельзя кончить только естественным развитием революции».	«...войну нельзя кончить иначе, как только дальнейшим развитием революции» (Там же, с. 274).

Принципиальное значение имеет поправка, внесенная Лениным в стенограмму второй своей речи, где говорится о расколе мира на основные империалистические группировки. В стенограмме было записано, что империализм «расколол весь мир на две группы гигантски богатых хищников». В. И. Ленин поправил: «на три группы» [45], и обозначил страны, стоявшие во главе этих трех групп — Англия, Германия, Америка. «Борьба с империалистической войной невозможна иначе, как борьба революционных классов против господствующих классов во всемирном масштабе» [46],— заключил Ленин.

Мы видим, как наряду с исправлениями редакционного характера Ленин вносит поправки, усиливающие энергичность текста, отражающие те смысловые интонации, которые не могли быть зафиксированы в стенограмме, или разъясняющие вскользь брошенную мысль.

При изложении сложных вопросов мировой политики перед массовой аудиторией В. И. Ленин часто обращается к источникам, исходящим из самых глубоких низов народа. В своей речи на I Всероссийском съезде Советов Ленин привел цитату из письма крестьянина П. Андреева, опубликованного в большевистских газетах «Социал-демократ» и «Правда». «Нужно побольше напирать на буржуазию,— писал Андреев,— чтобы она лопалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет» [47].

В нашей литературе неоднократно упоминалось о реплике Ленина во время речи Церетели. Эти упоминания не всегда связываются с той обстановкой, которая сложилась на съезде, и с реакцией съезда и его президиума на реплику Ленина. Между тем источник — стенографическая запись — дает большие возможности для характеристики этого исторического эпизода.

Многословная речь Церетели 4 июня, которая продол-

жалась около часа, шла к концу. Оратор пытался оправдать вступление эсеров и меньшевиков в буржуазное Временное правительство и доказать необходимость поддержки этого правительства со стороны Советов. Речь Церетели была полемически заострена против большевистского лозунга: «Вся власть Советам!». «...Отказ от признания единой революционной власти (т. е. Временного правительства.— *Е. Г.*), объявление себя самочинной верховной организацией, если это начнется, и если власть не сможет с этим справиться... если она не справится с этими затруднениями, то все остальные будут сметены гражданской войною и развалом революции. В этом отношении, товарищи, мы особенно чутки. Мы знаем, что в настоящий момент в России происходит упорная, ожесточенная борьба за власть. В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет» [48]. Вот тут Ленин и бросил свою знаменитую реплику: «Есть!» [49].

---

[45] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 317.
[46] Там же; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 279, 280.
[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 291; Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 325. Процитированное Лениным письмо — яркий человеческий документ. П. Андреев работал на Прохоровской мануфактуре, летом же уезжал в деревню на полевые работы. Политические партии П. Андреев, исходя из своего крестьянского опыта, сравнил с деревенским сходом. Приведем некоторые положения из этого письма: «Земского начальника я применяю к кадетам, которые защищают капитал и всю буржуазию... Старосту применяю к меньшевикам. Он говорит: „Братцы, нужно же нам как-нибудь закончить войну: не мы ее начали, но кто начал, тот пусть первый кончит..." Мужика-глота (побогаче) я применяю к социалистам-революционерам. Насчет войны он говорит, подобно меньшевикам, а насчет земли он все шел дальше и дальше, а как дошел до земли,— встал и думает: как мне быть? Сейчас ее брать или подумать до Учредительного собрания.

Возьму мужика бедного. Его я применю к социал-демократам большевикам: насчет войны думают не так, как староста или мужик-глот: раз война не нужна народу, то народ должен ее кончить не тяп да ляп и не должны ставить свои головы под пули... Не должны останавливаться и ждать, когда кто-то придет откуда-то с неба, да и кончит нам войну. Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам, и тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет» (Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 469). Последние две фразы и были процитированы Лениным.
[48] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 65.
[49] Там же.

Как же реагировал на эту реплику Церетели и съезд?

Церетели был ошеломлен. Куда девался весь его претенциозный, высокопарный стиль речи? Он пытался разъяснить делегатам не свою позицию, а... позицию Ленина и большевиков: «Я заявляю, что в настоящий момент сторонники захвата власти, и тов. Ленин в том числе, заявляют, что они понимают эту борьбу, как подготовку в среде демократии соответствующей организации, соответствующего сознания. Они говорят: когда мы станем большинством, или когда большинство станет на нашу точку зрения, тогда надо захватывать власть» [50]. И тут совершенно запутавшийся Церетели обратился за помощью к самому... Ленину! «Тов. Ленин, вы так говорили?» [51]. Ленин же, не отвечая на вопрос Церетели, уже шел к трибуне, чтобы ответить съезду. А Церетели, забыв об обращении «товарищи», кричал: «Итак, господа, до сих пор в России не было ни одной партии, которая заявляла бы притязания на захват власти немедленно...» [52]. «До сих пор...» и «немедленно» — это уже было беспорядочным отступлением. Съезд довольно холодно проводил докладчика, стенографистки, которые очень точно отмечали реакцию зала, на этот раз не зафиксировали аплодисментов. Это не помешало Церетели или редактору внести в в стенограмму слова «бурные и продолжительные аплодисменты» [53].

Ленин начал свою речь с «основного вопроса»: «...*где* мы присутствуем,— что такое те Советы, которые собрались сейчас на Всероссийский съезд, что такое та революционная демократия, о которой здесь так безмерно много говорят, чтобы затушевать полное ее непонимание и полнейшее от нее отречение» [54]. И далее Ленин показал, что Советы — это новый тип государства, это органы власти, которые созданы творчеством революционных масс. Единственный выход для решения всех острых проблем революции — переход всей власти к Советам. В ходе своего выступления Ленин ответил на вопрос Церетели: «...те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно ввести, что их надо особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов,— эти меры вполне ясны. Он говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: „есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каж-

дую минуту она готова взять власть целиком". (Аплодисменты, смех). Вы можете смеяться, сколько угодно, но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ»[55].

Но эсеро-меньшевистским лидерам было не до смеха. Вслед за Лениным на трибуну съезда поднимались Керенский, Скобелев, Чернов, Церетели, речи которых были главным образом направлены на то, чтобы оспорить программу, выдвинутую Лениным.

Стенографический отчет раскрывает перед нами тот основной стержень, вокруг которого развертывалась аргументация мелкобуржуазных лидеров. Керенский: «Я уверен, что вы скажете: „Нет, мы еще не созрели для такой идеальной программы"»[56]. Скобелев: «Но мы на его (Ленина.— *Е. Г.*) книгах учились экономическим вопросам, и я спрашиваю у него: Россия созрела в хозяйственном отношении, чтобы заменить капиталистическое производство социалистическим, или не созрела? По книгам тов. Ленина, старого, не теперешнего, можно сделать вывод, что не созрела»[57]. Как видим, авторитет Ленина был так велик, что его критики обращались к самому Ленину, пытаясь разделить его на «старого» и «нового» и найти недоказуемые противоречия.

Значительный материал дают стенограммы съезда о событиях 10—18 июня. Эти вопросы достаточно изучены в литературе. Слабее исследована реакция съезда на демонстрацию 18 июня.

19 июня Церетели сообщил съезду о начавшемся наступлении на фронте. Речи выступивших вслед за ним эсера «интернационалиста» Чернова и меньшевика-министра Скобелева были полны шовинистического угара, лицемерных причитаний о «тяжелом, проклятом долге — лить свою и чужую кровь»[58]. Наступление на фронте

---

[50] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 65.
[51] Там же.
[52] Там же, с. 65—66.
[53] Там же, с. 67, примеч. 13.
[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 263. В стенограмме Ленин подчеркнул слово «где» двумя чертами (Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 67).
[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 266—267.
[56] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 81.
[57] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 1, с. 89.
[58] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 2, с. 87.

они изображали как наступление революционной армии во имя революционных целей.

Этой шовинистической волне противостояли большевики, которые повели за собой подлинно интернационалистские элементы других партий. Стенографический отчет заседаний съезда интересен и тем, что он показывает, как проходил процесс сближения таких интернационалистов, как Луначарский, Позерн, Старостин, и других с большевистской партией.

Церетели и другие лидеры меньшевиков и эсеров добивались от съезда единодушного принятия резолюции, одобряющей наступление на фронте. Они спекулировали на том, что десятки тысяч солдат проливают сейчас кровь на фронте, они запугивали делегатов, что не поддержать это наступление — значит совершить преступление против солдат. Против такой резолюции выступил Ногин. Он напомнил, что вчера, т. е. 18 июня, петроградский пролетариат демонстрировал под большевистскими лозунгами. «То, что мы не одни, что это... не ничтожная кучка, это показывает, что это — сила революционного пролетариата,— говорил Ногин.— Мы говорим не от всей демократии, но мы говорим от революционного пролетариата, а наш голос громко звучит. Мы считаем, что вы делаете преступление сейчас, а не мы. В течение долгих часов вы убеждали нас, вы говорили больше, чем мы. Мы слушали внимательно, но вы нас не убедили. Позвольте честно голосовать против вас» [59].

В своем выступлении от социал-демократов интернационалистов Позерн сказал, что нужно «обсуждение этого вопроса поставить в рамки объективной действительности, где не будет этих сияющих слов и этих сияющих лиц, а будут только зияющие раны. Нужно спокойно и хладнокровно продумать этот вопрос» [60]. Он предлагал не принимать определенной резолюции. Однако несколько позже тот же Позерн предложил от имени фракции объединенных социал-демократов интернационалистов *и фракции большевиков* текст специального заявления. Если вчитаться в текст, становится ясным, что заявление было составлено большевиками, а объединенные интернационалисты только присоединились к нему. Об этом говорит хотя бы такая фраза: «Демонстрация 18 июня в Петербурге показала с полной очевидностью, что авангард русской революции — петроградский пролетариат и петроградский революционный гарнизон — де-

монстрировал свою солидарность с высказанной *нашей партией* точкой зрения» [61]. И далее: «Мы заявляем, что вся ответственность за эту политику падает на Временное правительство и поддерживающие его партии меньшевиков и эсеров» [62].

От имени меньшевиков-интернационалистов Орлов заявил, что они будут голосовать против резолюции, предложенной меньшевиками и эсерами, так как нет гарантии, что начавшееся наступление не служит захватническим целям англо-американского империализма, но в то же время в противоречии с собой же заявил о приветствии «революционной армии, ныне поставленной перед новыми тяжелыми испытаниями» [62a], и все же единства в поддержке июньского наступления на фронте, которого так добивались меньшевики и эсеры, не получилось [63].

Стенографическая запись заседания съезда 19 июня является весьма важным источником, так как в этом документе мы, с одной стороны, слышим голос рядовых рабочих Петрограда, пришедших на съезд, а с другой — можем наблюдать, как под флагом борьбы за поддержку наступления на фронте меньшевики и правые эсеры поворачивают к прямой контрреволюции, к требованиям применить оружие против революционных рабочих и солдат, требованиям их разоружения. Все это было предвестником того поворота, который произошел две недели спустя в июльские дни. Но грозным предостережением им прозвучал голос рабочих, выступивших на заседании съезда 19 июня. Рабочие пришли на съезд в связи с разгромом в ночь с 18 на 19 июня контрреволюционными отрядами массовых организаций трудящихся на даче Дурново. Этому предшествовала провокация, факт которой вынужден был признать Церетели. Из тюрем было выпущено в ночь на 19 июня более 400 уголовных преступников, и, как заявил Церетели, администрация пересыльной тюрьмы проявила «по меньшей мере бездей-

[59] Там же, с. 103.
[60] Там же, с. 95.
[61] Там же, с. 96 (курсив мой.— *Е. Г.*).
[62] Там же.
[62a] Там же.
[63] В стенографическом отчете записано только число голосовавших против меньшевистско-эсеровской резолюции (74 голоса). Ни количество воздержавшихся, ни число голосовавших «за» — не зафиксированы (*Е. Г.*).

ствие власти, а быть может, преступное попустительство по отношению к преступникам» [64]. По замыслу провокаторов уголовники должны были дать повод для активных действий против сил революции. Разгром дачи Дурново и был первым актом таких действий. Выступления рабочих на съезде явились их ответом контрреволюции.

Представитель завода «Эриксон» Жуков сказал: «Мы видим, правительство капиталистов желает от времени до времени пускать рабочим кровь. Кровь была уже пущена 21 апреля, когда рабочие шли со знаменами, а теперь вторично. Товарищи, они создают контрреволюцию и кричат о контрреволюции слева. Они говорят, что у нас была анархия в Кронштадте, в Шлиссельбурге и на Выборгской стороне. Товарищи, где настоящая анархия? Они сами создают ужасы анархии» [65].

Представитель завода «Старый Парвиайнен» Ефимов заявил: «Кровавый Николай не допускал таких приемов, которые сейчас допускает наше Временное правительство. Нам сегодня еле-еле удалось сдержать завод, и я говорю Всероссийскому съезду, что мы больше терпеть не в силах и мы по первому призыву ПК РСДРП все как один пойдем на борьбу с контрреволюцией» [66]. Другие рабочие с трибуны съезда отмечали, что наступление на фронте и наступление контрреволюции внутри страны совпали и это является свидетельством политического характера наступления армии. Понадобилось много сил, подчеркнул представитель Выборгского района, чтобы удержать рабочих от выступлений протеста. «Если бы его не удержали, то целые потоки крови пролились бы» [67].

Выступления рабочих на заседании съезда 19 июня являются весьма важным источником для понимания закономерности и неотвратимости того кризиса, который разразился в начале июля 1917 г.

Мы уже отмечали, что в очень немногих работах по истории революции 1917 г. найдется упоминание о выступлениях делегатов-большевиков на съезде. Между тем без привлечения этой группы источников не могут быть вполне поняты и две речи Ленина на съезде. Внимательный анализ выступлений большевиков дает нам возможность рассмотреть их как единое целое: ленинские речи по двум центральным вопросам — о власти и о войне — были программными. Крупные деятели большевистской партии выступали по вопросам, которые хорошо знали практически и теоретически: Н. В. Крыленко — об

армии, ее состоянии, об отношениях солдат и офицеров, революционизировании армии, политическом смысле наступления на фронте, как замысле контрреволюции; С. Г. Шаумян — по вопросам войны и мира без аннексии, он предложил большевистскую резолюцию. В. П. Ногин выполнял на съезде «оперативные» функции. Он входил в президиум съезда, часто высказывался по текущим вопросам, защищал и разъяснял тактику большевиков. А. Е. Васильев сосредоточил свое внимание на экономических вопросах. Он же и предложил ленинскую резолюцию о мерах борьбы с экономической разрухой. А. М. Коллонтай отстаивала большевистские позиции по национальному вопросу. Она предложила резолюцию, полный текст которой не сохранился, но, как показывают отдельные абзацы этой резолюции, опубликованные в газетных отчетах, в основу ее был положен ленинский текст резолюции по национальному вопросу, принятой Апрельской партийной конференцией 1917 г.

Многие большевики выступали на съезде с обобщением опыта местных Советов, которые они представляли, с разоблачением клеветы буржуазной печати об «отложении от России» тех Советов, которые выполняли функции органов власти. Так, Б. З. Шумяцкий рассказал съезду, что́ в действительности представляет собой так называемая Красноярская республика, показал, как решительные действия Красноярского Совета обеспечили нормальную жизнь города, работу железнодорожного и водного транспорта, перевозку продовольственных грузов и воинских частей.

Значение съезда велико еще и потому, что именно здесь был впервые создан центральный, всероссийский советский орган — ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет). Название родилось по аналогии с Исполнительным комитетом Петроградского Совета, который до съезда фактически выполнял функции всероссийского советского органа.

Стенографическая запись доклада Организационной секции на съезде точно отражает стремление мелкобуржуазных лидеров всячески ограничить функции ВЦИК. В перечислениях этих функций мы находим, что ВЦИК

[64] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 2, с. 106.
[65] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. 2, с. 114.
[66] Там же, с. 115.
[67] Там же, с. 117.

«охраняет завоевания революции», «расширяет их область», «ведет дело революционной пропаганды», «организует силы революции...». Нет только главного — определения функций ВЦИК как органа власти.

Материалы съезда, работа на нем большевиков, речи представителей местных Советов, материалы секционных работ [68] дают обильную информацию о положении почти во всех районах страны, о советском строительстве, о кризисе 10—18 июня и подготовке того перелома в развитии революции, который произошел в начале июля 1917 г.

Публикация отчета о заседаниях II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов по своему содержанию как бы венчает собой всю группу томов серии, посвященных Советам. Этот том серии имеет особое значение — историческое, так как речь идет о съезде, основавшем Советское государство, и археографическое, так как впервые был применен опыт публикации материалов о событии мирового значения, о котором сохранились только газетные отчеты.

В основу публикации составитель (В. Н. Рахметов) положил отчеты о заседаниях съезда, которые публиковались в «Правде», справедливо считая, что эти отчеты наиболее полно и достоверно отразили ход заседаний съезда. Возможно, что в основе отчетов «Правды» лежали секретарские записи, однако они до нас не дошли.

В центре всей работы съезда и соответственно в отчете «Правды» о его заседаниях находятся доклады В. И. Ленина о мире и земле, а также декреты по этим вопросам, написанные Лениным, обращение от 25 октября «Рабочим, солдатам и крестьянам» и «Постановление об образовании Рабочего и Крестьянского правительства», тексты которых также принадлежат Ленину [69]. Таким образом, отчет «Правды» (а также «Известий»), в которых публиковались все эти ленинские материалы, имеет прочную, добротную основу.

Однако, кроме отчета «Правды», составитель сконструировал еще так называемый сводный отчет, который включает тот же отчет «Правды», дополненный отчетами других газет. Причем эти дополнения даны не в виде подстрочных примечаний, а введены в текст основного отчета с указанием в каждом случае источников такого «введения». Таким образом, составитель «создал» по сути дела новый документ, введя в текст отчета «Правды» от-

дельные фразы, абзацы и даже слова из других отчетов. Этот «сводный отчет» по объему в два раза превышает объем отчета «Правды».

Как показывают материалы редакции серии, этот метод вызывал сомнения уже в ходе подготовки тома о Втором съезде Советов. На заседании редакции 28 мая 1927 г. было высказано опасение, что сводный отчет может оказаться субъективной компиляцией [70]. Однако решение по этому вопросу не было принято, и, видимо, из-за отсутствия времени для переработки подготовленного текста том был выпущен в составе отчета о заседаниях съезда, опубликованного в «Правде», и так называемого «сводного отчета».

Следует отметить, что «сводный отчет» в ряде случаев отходит от основного. Так, в «сводном отчете» пропущено выступление представителя группы крестьянских депутатов, которое имеется в отчете «Правды» [71]. В начале «сводного отчета» о заседании 26 октября пропущена фраза: «Слово предоставляется тов. Ленину для оглашения декларации» [72].

Отдельными разделами в этом томе были даны очень ценные приложения — декреты и постановления съезда, список делегатов, составленный на основе четырех архивных списков, сводные данные об отношении местных Советов к проблеме организации власти, составленные на основе анкет, заполненных представителями Советов на съезде. Принципиальное значение этих приложений состоит в том, что они убедительно показывают, что подавляющее большинство Советов страны накануне съезда стояло на большевистских позициях [73]. Анкеты делегатов

---

[68] Они хранятся в ЦГАОР, в фонде ВЦИК первого созыва.
[69] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 7—29.
[70] ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1226, л. 1. Сохранился только черновой набросок протокола. На заседании присутствовали В. В. Максаков, В. Л. Меллер, К. Г. Котельников, С. Н. Валк, В. Н. Рахметов и др.
[71] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., с. 25, 76.
[72] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., с. 13, 57.
[73] Десять лет спустя, в 1937 г., в журнале «Красный архив» П. И. Анисимова опубликовала анкеты делегатов-большевиков, затем в 1957 г. эти же анкеты вошли в сборники «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.» и «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (М., 1957). Анкеты являются первоклассным источником для характеристики функций Советов и их социальной структуры. Отчеты о заседаниях съезда после 1928 г. не переиздавались.

съезда существенно дополняют отчет о заседаниях съезда. Они дают широкую картину состояния Советов к моменту Октябрьского вооруженного восстания.

Материалы мандатной комиссии II съезда Советов, взятые в сравнении с материалами I съезда Советов, отчетливо показывают коренные изменения, происшедшие в составе Советов, их функциях, настроении масс. Если на I съезде Советов большевики объединяли 10% всех делегатов, то на II — 52,1%, а за ними шла довольно большая группа левых эсеров — более 15% делегатов съезда. Правые эсеры и меньшевики, составлявшие на I съезде Советов 84% делегатов, на II имели только 26%. Такова была кривая резкого падения влияния соглашательских, реформистских партий в Советах.

Нам необходимо выяснить правомерность приема составления «сводного отчета» о заседаниях съезда. Первым обратился к критическому рассмотрению этого метода В. Селиванов. Его аргументация была продуманной и содержала попытку позитивного решения проблемы публикации материалов II съезда Советов [74]. Составление «сводного отчета» Селиванов считал ошибкой. При отсутствии архивных документов о заседаниях съезда газетные отчеты, отметил он, приобретают первостепенное значение. Однако это не означает, что можно составить какой-то идеальный отчет из различных газетных публикаций. Речь должна идти о другом: необходимо публиковать полностью отчеты различных газет, не потому, что они дополняют отчет «Правды», а главным образом потому, что сами они являются документами политической борьбы вокруг съезда и на съезде.

Спустя 20 лет, в 1948 г., к этому же вопросу обратился С. Н. Валк в своей книге «Советская археография». Заслуга Валка заключается в том, что он частный вопрос о приеме публикации материалов II съезда Советов поднял до уровня общего вопроса о значении приема, который он назвал «контаминацией текста».

Валк со всей решительностью отверг и справедливо осудил этот прием. Однако он не ответил на вопрос о позитивном решении проблемы. Как нужно поступать, если от великого исторического события не осталось ни стенограмм, ни протоколов, ни секретарских записей, а только одни газетные отчеты и мемуарные свидетельства?

Составители и редакторы тома «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.» допустили ошибку, создав из

кусочков газетных отчетов один «сводный отчет». Это несомненно. Тем не менее заслуга их заключается в том, что они впервые дали научную публикацию отчета «Правды». Решение же этой проблемы в целом, как нам представляется, заключается в собирании и публикации всех материалов о II съезде Советов.

Подведем итоги рассмотрения этой группы томов серии, посвященных Советам.

Стенографический отчет Всероссийского совещания Советов в марте 1917 г. дает картину рождения Советов и первых шагов их деятельности. Протокольные записи заседаний Исполкома и Бюро Исполкома Петроградского Совета отражают противоречия в системе двоевластия, проливают свет на тот гибельный путь, по которому вели Советы меньшевики и эсеры, стоявшие тогда во главе Петроградского Совета. Стенографический отчет I Всероссийского съезда Советов вводит нас в сердцевину тех же противоречий, но уже на материале Советов всей страны. Материалы этого отчета очень ярко отражают существенные стороны июньского и преддверия июльского кризисов.

Отчеты о заседаниях II Всероссийского съезда Советов раскрывают перед нами триумф развития Советов от Февраля к Октябрю, к торжеству Советской власти. Две речи В. И. Ленина на съезде и декреты, написанные им и принятые съездом, два закона всемирно-исторического значения — о мире и земле — концентрируют в себе смысл и содержание всего процесса развития Советов, их большевизации в 1917 г.

Источники по истории массового революционного движения. Группа томов, посвященных массовому рабочему, крестьянскому и солдатскому движениям, составляет важную часть серийной публикации [75]. Перед составителями этих томов стояла особенно сложная и ответственная задача выявления, отбора и систематизации источников. Архивы по проблемам массового революционного движения еще не были достаточно широко и всесторонне исследованы. Однако среди составителей были молодые, но уже достаточно опытные историки (А. М. Панкратова, Н. Е. Какурин), которые с энтузиазмом взялись за эту трудную работу.

---

[74] Красная летопись, 1929, № 2, с. 236—238.
[75] См. табл. на с. 298—299, № 2, 3, 4.

Подготовка тома по рабочему движению была поручена А. М. Панкратовой, ей помогал В. Л. Меллер. Работа Панкратовой над сбором материалов проходила параллельно с подготовкой ею монографии о фабзавкомах в 1917 г.[76] Монография была закончена раньше и вышла в свет в 1923 г. А работа над томом «Рабочее движение» продолжалась, она была завершена осенью 1924 г., в 1926 г. том был издан. Вслед за ним, в 1927 г., вышли в свет еще две работы Панкратовой по истории профессионального движения в 1917—1918 гг.[77] Таким образом, мы можем сделать вывод, что работа над подготовкой к печати источников шла одновременно с исследовательской деятельностью историка.

Как пишут в предисловии к сборнику «Рабочее движение» составители, они «ставили своей целью дать *в наиболее типичных документах* историю роста рабочего движения от Февраля к Октябрю по основным его этапам» [78]. Сформулированный таким образом принцип ясно свидетельствовал, что речь шла о подготовке публикации хрестоматийного типа.

Хрестоматийный тип издания позволил составителям сочетать архивные документы с сообщениями прессы, выдержками из газетных статей, журнальных публикаций и т. д. И все это скреплялось и дополнялось иногда довольно обширным авторским текстом, который не комментировал документы, а восполнял пробелы в них. С. Н. Валк признал такой прием вполне допустимым. Он отметил, что авторский текст носит «характер сводного исторического труда» [79]. В целом этот тип публикации можно было бы назвать хрестоматией-исследованием, так как значительную часть тома занимает авторский текст исследовательского характера. Один из рецензентов назвал такой тип издания «черновиком исторической работы» [80], отметив, что составители дали превосходный арсенал фактов для всякого пропагандиста и агитатора, имея в виду борьбу, которая развернулась в это время против троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Особо важное значение имеет то обстоятельство, что том о рабочем движении содержит богатый материал для ответа на вопрос о формах осуществления пролетариатом своей гегемонии в революционной борьбе 1917 г. В первую очередь это относится к проблемам влияния рабочего класса на солдатское движение, а также на борьбу крестьянской бедноты. Наиболее полно представлены в томе

материалы по истории экономической борьбы рабочего класса, тарифной кампании, о профсоюзном движении, борьбе большевистской партии против меньшевизма в различных его проявлениях. Значителен также материал о политике буржуазии и Временного правительства по рабочему вопросу. Местные материалы (за исключением Донецкого бассейна и Урала) были использованы мало, составители не обратились к таким важным архивным документам, как фонд иногороднего отдела Петроградского Совета, не дали документов о крупных стачках в сентябре-октябре 1917 г.: Сормовской, Бакинской, волжских речников и др. Список такого рода претензий можно было бы продолжить. Тем не менее этот том серии оказал большое влияние на исследования по истории рабочего класса. Автор многих трудов по истории рабочего класса Б. М. Фрейдлин в своем посмертно опубликованном труде обобщающего характера назвал этот том лучшим «из имеющихся собраний документов по этой теме» [81]. Другой известный исследователь рассматриваемой проблемы Л. С. Гапоненко отметил, что том «в течение многих лет был почти единственной публикацией по данной теме» [82].

На современном этапе развития исторической науки том, посвященный рабочему движению в 1917 г., представляет скорее историографический интерес как археографический и источниковедческий факт своего времени, свидетельствующий об уровне и приемах документальных публикаций хрестоматийного типа. И все же этим не ограничивается значение тома. Исследователи истории рабочего движения и в настоящее время пользуются источниками, опубликованными А. М. Панкратовой и В. Л. Меллером, хотя общий комплекс публикаций по

---

[76] *Панкратова А.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923.

[77] *Панкратова А. М.* Политическая борьба в российском профдвижении 1917—1928 гг. М., 1927; *Она же.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. М.; Л., 1927.

[78] Рабочее движение в 1917 году, с. 11 (курсив мой.— *Е. Г.*).

[79] *Валк С. Н.* Советская археография, с. 260.

[80] *Дивильковский А.* Рец. на кн.: Рабочее движение в 1917 г. М.; Л., 1926.— Печать и революция, 1927, № 1, с. 142.

[81] *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М., 1967, с. 10.

[82] *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, с. 13.

истории рабочего движения в 1917 г. возрос во много раз.

Несколько иной характер носит том серии, посвященный крестьянскому движению в 1917 г.[83] Некоторые археографы безоговорочно относят его к изданиям хрестоматийного типа. Ниже мы попытаемся опровергнуть это мнение.

Составители включили в том «сведения» о фактах крестьянского движения, поступавшие с мест в Главное управление по делам милиции Министерства внутренних дел Временного правительства. Для того чтобы понять характер этих «сведений», проследим путь, который они проходили.

Поступавшие в Главное управление милиции телеграммы, донесения, письма, сообщения подвергались первичной обработке в секретарской части Управления милиции. Оттуда этот материал передавали в информационный отдел Управления милиции в виде отредактированных выписок из документов. Информационный отдел также сокращал и редактировал этот материал и объединял его в сводки под названием «Поступившие в Главное управление по делам милиции сведения о выдающихся происшествиях, правонарушениях и об общем положении дел на местах». Составители тома использовали этот источник, проведя, в свою очередь, сокращения и систематизацию «сведений» по хронологическому принципу и по основным районам страны.

Можно ли подобного типа публикацию отнести к документальным изданиям хрестоматийного типа? Мы полагаем, что нельзя. Во-первых, потому что в этой публикации даны по сути дела не документы, а *изложение* материалов «сведений». Во-вторых, составители тома не ставили своей целью дать по документам общую картину крестьянского движения в 1917 г., а именно эта цель характерна для хрестоматийных изданий. Расположенные в строго хронологическом порядке сведения о крестьянском движении по сути дела являются *хроникой*, составленной по одному источнику, но источнику очень важному, так как в нем нашли отражение тысячи документов о крестьянском движении, поступавших со всех концов страны в единый центр — Главное управление по делам милиции.

Тот факт, что «сведения» составлялись ежедневно по свежим следам событий, что в них отражены день за днем формы крестьянских выступлений, их требования,

настроения, а также реакция землевладельцев и органов Временного правительства на эти требования, придает этим хроникальным записям весьма важное значение.

В исторической литературе уже неоднократно отмечались недостатки этого источника: сообщения, исходящие из лагеря помещиков, всячески преувеличивали неорганизованность крестьянских выступлений. Материалы, исходящие от комиссаров и различных органов Временного правительства, стремились преуменьшить масштабы движения.

Составители тома прекрасно понимали уязвимость и несовершенство подобной публикации. И тем не менее они пошли по этому пути, считая, что единственный в своем роде сводный материал должен стать достоянием историков и широкого круга читателей. Из предисловия составителей к тому видно, что они обращались к первоисточникам, т. е. к тем телеграммам и донесениям, на основе которых создавались «сведения».

О ценности материалов тома свидетельствует тот факт, что все современные исследователи, почти без исключений, используют с теми или иными коррективами материалы, включенные в том «Крестьянское движение в 1917 году». Можно назвать работы И. И. Минца, П. Н. Першина, Н. А. Кравчука, В. И. Кострикина, Т. В. Осиповой, А. С. Смирнова и др.

И. И. Минц в своем фундаментальном труде приводит ряд новых данных о крестьянском движении, но все же приходит к выводу, что, пока историки не изучат все местные архивы, они будут вынуждены пользоваться материалами тома «Крестьянское движение в 1917 году»[84].

П. Н. Першин также отметил, что «сведения», опубликованные в томе, являются «общим для всей страны источником»[85], хотя размах крестьянского движения в них явно преуменьшен. По подсчетам Першина, это уменьшение весьма значительно: в среднем примерно в 3 раза, а по отдельным губерниям — в 8 раз[86]. Тем не менее этот том сохраняет свое значение как материал для характеристики различных форм крестьянского движения,

---

[83] Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л., 1927.

[84] *Минц И. И.* История Великого Октября: В 3-х т. М., 1967, т. 1, с. 847.

[85] *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. М., 1966, кн. 1, с. 407.

[86] Там же, с. 408.

их состношения и уровня крестьянской борьбы на различных этапах революции.

П. Н. Першин провел сравнительный анализ количественных данных о крестьянском движении по тому «Крестьянское движение в 1917 году» и четырехтомной «Хронике»[87], составители которой использовали местные архивы. Оказалось. что в томе зафиксированы около 6 тыс. выступлений крестьян, а в «Хронике» только 2618 (по подсчетам П. Н. Соболева, И. В. Игрицкого и П. Н. Першина)[88]. При этом в «Хронике» учтены 1120 крестьянских выступлений, не зафиксированных в «сведениях». Следовательно, около 1500 случаев крестьянских выступлений составители «Хроники» заимствовали в томе «Крестьянское движение в 1917 году». Нам представляются эти наблюдения П. Н. Першина очень важными. Естественно, что составители «Хроники» исключали мелкие факты. Однако более половины значительных фактов крестьянских выступлений *совпадает* с данными, приведенными в томе серийной публикации. Это ясно свидетельствует, что ценность данной публикации и в настоящее время сохраняется при критическом к ней отношении.

Наиболее интересную источниковедческую характеристику этого тома дал С. Н. Валк. Он отметил, что перед составителями тома «Крестьянское движение в 1917 году» встала проблема: дать документы о крестьянском движении из фонда Главного управления милиции полностью — это заняло бы много томов и практически было бы неосуществимым; выбрать какую-либо группу документов, оставив без внимания остальные,— это внесло бы значительный элемент субъективизма; наконец, выбрать «среди всей массы материалов по истории крестьянского движения такой вид документов, который содержал в себе краткую сводку сведений, имевшихся в донесениях о крестьянском движении, поступивших с мест в центральное учреждение»[89]. Такой материал составители нашли в виде сводок, которые составлялись в Главном управлении милиции. Валк отметил, что при избранном приеме достигалась некоторая степень количественной полноты сведений о крестьянском движении, хотя и возникла другая опасность — воспроизведения искажений, которые допускались авторами сводок в милиции Временного правительства. Можно считать верным вывод Валка, что «издания, в основу составления которых положен прием отбо-

ра документов с точки зрения их разновидности, надо считать вполне оправданным типом выборочных изданий»[90]. Непременным условием применения такого приема Валк считал предварительную историко-критическую оценку значения каждой разновидности документов.

Мы можем отметить, что в обширной литературе по данной проблеме всегда отмечается количественная неполнота «сведений», но ни один из исследователей не указал на какие-либо факты воспроизведений в томе «Крестьянское движение в 1917 году» искажений, допущенных в Управлении милиции. Это дает нам основание для вывода, что составители провели историко-критическую проверку материалов тома.

К этой же группе относится том «Разложение армии в 1917 году». Документы, включенные в его состав (донесения и сводки штабов армий и фронтов), неопровержимо доказывают, что разложение армии как боевой силы началось задолго до Февральской революции и тем более задолго до Октябрьской революции. Именно в этом главное достоинство материалов тома. Том отличается от последующих своей структурой. Он разбит на тематические главы, что еще более подчеркивает его хрестоматийный характер[91].

Принципы отбора материала были обозначены в небольшом предисловии «От редакции». «Несмотря на всю свою сложность и многообразие, процесс распада старой армии на всех фронтах проходил почти одни и те же этапы, поэтому в настоящем сборнике мы ограничились приведением лишь *наиболее характерных документов*, иллюстрирующих положение дел на участках всех армий»[92].

Таким образом, иллюстративный метод, столь характерный для хрестоматийных публикаций, был положен в основу при подготовке этого тома. Тем не менее его составитель Н. Е. Какурин с таким знанием дела и так умело провел отбор наиболее важных, значительных, типичных документов, отличающихся высокой степенью ре-

---

[87] Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. М., 1957—1961, тт. I—IV.
[88] *Першин П. Н.* Указ. соч., с. 407.
[89] *Валк С. Н.* Советская археография, с. 79.
[90] Там же, с. 80.
[91] По такому же принципу, как отмечено выше, был составлен том «Рабочее движение в 1917 году».
[92] Разложение армии в 1917 году, с. VIII (Курсив мой.— *Е. Г.*).

презентативности, что том в целом следует отнести к лучшему типу хрестоматийных публикаций. Именно эту черту публикации подчеркнул в своей рецензии такой крупный военный специалист, как В. Путна. Он отметил, что документы сборника «избраны из бесчисленного множества им подобных в архиве», но отобраны так, что «дают полную картину разложения армии, начавшегося вовсе не в 1917 году, а значительно раньше». Книга, заключал В. Путна, «представляет из себя миниатюрный архив, который для учащихся и части военных исследователей сможет послужить подспорьем при анализе вопроса о разложении царской армии» [93].

Крупный историк Е. А. Мороховец так же оценил этот том, подчеркнув классовую характеристику. Материалы тома, писал он, «дают яркую картину разложения царской армии, как боевой силы, и распадения ее на составные классовые части» [94].

Таким образом, ценность публикации с точки зрения соответствия документов процессам разложения старой армии не подвергалась сомнению.

В научной печати отмечалось, что рассматриваемый том менее всего пригоден для выяснения истории завоевания армии большевиками. Это, конечно, верно. Но редакция издания решала совсем другую задачу и решила ее основательно. Большой комплекс документов тома вполне доказал, что разложение армии, которое началось еще до 1917 г., отразило общий процесс разложения государственного аппарата царской России. Том ценен именно тем, что источники, его составляющие, дают возможность раскрыть закономерность краха самодержавия, исследовать условия, в которых большевики повели борьбу за армию.

Конечно, состояние царской армии далеко не исчерпывалось разложением ее частей. Происходил постоянный процесс революционизирования солдат, который в конечном счете и привел большую ее часть на сторону социалистической революции. Между тем документы о революционизировании армии, ее нарастающей большевизации почти не были использованы составителями. Вот почему понадобились дополнительные издания источников по этим проблемам, которые и восполнили недостатки серийной публикации [95].

Тем не менее было бы ошибкой считать, что процессом разложения армии исчерпывается содержание докумен-

тов данного тома серии. Последние две главы содержат документы о состоянии армии в период Октябрьской революции и Брестских переговоров. Значительный интерес представляют телеграммы и переговоры по прямому проводу высших офицеров, сводки командования с различных фронтов, в которых процесс большевизации армии рассматривается глазами контрреволюционного командования. Эти последние главы выводят материалы тома за пределы процесса разложения армии и раскрывают ее революционизирование в исторический момент перехода власти к Советам.

Хотя в томе, строго говоря, не соблюден хронологический принцип, внутри глав документы расположены по датам, что дает возможность проследить процессы, происходившие в армии, в их исторической последовательности.

Подавляющее большинство документов из таких разделов, как «Нарастание продовольственного и фуражного кризиса. Расстройство транспорта», «Комитеты, дисциплинарные суды, институт комиссаров», «Формирование добровольческих ударных частей», «Формирование национальных частей», «Карательная политика Временного правительства в борьбе с разложением армии», не вошли в последующие издания [96]. Видимо, такого типа документы, содержащие ценные сведения о продовольственном и

---

[93] Печать и революция, 1926, кн. 1, с. 198.

[94] Пролетарская революция, 1926, № 3, с. 263.

[95] Большевизация Петроградского гарнизона/Под ред. А. К. Дрезена. Подготовили к печати М. М. Ахун, Б. М. Кочаков, М. Л. Лурье. Л., 1932; Революционное движение в русской армии 27 февраля — 24 октября 1917 года/Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1968.

[96] Например, в сборник «Революционное движение в русской армии...». Этого типа документы не были включены и в документальные публикации 50—60-х годов. Известная десятитомная публикация документов по Великому Октябрю (Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы. М., 1957—1963, т. 1—10) привлекла значительно более широкий круг источников, чем в рассматриваемой нами серии. Тем не менее подавляющая часть документов серии не вошла в издание 1957—1963 гг. Особенно это относится к стенографическим отчетам съездов и совещаний, из которых в издание 1957—1963 гг. были включены только резолюции. Из стенографического отчета Государственного совещания в августе 1917 г. в том «Революционное движение в августе 1917 года. Разгром корниловского мятежа» (М., 1959) вошла только речь Корнилова.

транспортном кризисе в армии, не были включены в издание 1968 г., так как они непосредственно не относились к теме «Революционное движение в армии». Но и из тех разделов серийного сборника, которые были посвящены процессам революционизирования солдат, многие документы не вошли в последующие издания. Таковы сводка командования Западного фронта «Мнения начальствующих лиц о настроении войск в армиях Западного фронта» (№ 24), письмо ген. Алексеева военному министру Гучкову от 12 марта 1917 г. и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что данный том серийной публикации сохраняет свое значение и по сей день [97].

Источники по истории буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции. Эта часть серии состоит из трех томов [98]. Первый из них дает как бы предысторию буржуазной контрреволюции 1917 г. Второй раскрывает картину политической концентрации контрреволюционных сил в августе 1917 г. И, наконец, заключительный том воспроизводит «деятельность» такого центра контрреволюции, каким являлось Учредительное собрание.

По своей структуре и характеру материалов том «Буржуазия накануне Февральской революции» принадлежит к типу хрестоматийных изданий.

Он состоит из 12 глав, построенных по тематико-хронологическому принципу. Документы в основном взяты из фондов департамента полиции. Кроме того, включены и некоторые другие материалы — газетные статьи, письма буржуазных общественных деятелей, телеграммы и письма министра внутренних дел и других министров царского правительства. Большая часть документов носит специфический характер — это сводки Московской и Петроградской охранки, донесения агентуры, письма и телеграммы о настроениях и деятельности буржуазных организаций. Конечно, они весьма тенденциозны, в них крайне преувеличивается оппозиционность буржуазных организаций и даже приписывается им «революционная направленность». Но, как верно отмечается в предисловии, в этих документах дан «интересный материал для характеристики фактической стороны деятельности буржуазных организаций» [99]. Обильный материал дает и печать периода войны, но осведомители охранки сообщали такие сведения, которые в печать обычно не просачивались.

Наибольшее внимание, с точки зрения общей задачи серии, привлекают последние три главы тома: «Буржуазная оппозиция осенью 1916 года», «Разгон декабрьских съездов» и «Буржуазия в январе-феврале 1917 года».

Сводки охранки и жандармского управления департамента полиции за 1916 г. полны предупреждений о близкой катастрофе. В донесениях явно преувеличиваются сила и влияние кадетской партии, однако подлинная опасность усматривается «в низах».

Документы сборника разрушают легенду, созданную белой и зарубежной историографией, об активной борьбе буржуазии против самодержавия. Все действия буржуазных партий и организаций были лимитированы страхом перед революцией и стремлением к «безболезненным» изменениям в структуре власти.

Следующий том рассматриваемой группы переносит нас в 1917 г., в тот момент, когда буржуазная контрреволюция готовила корниловский мятеж. В томе воспроизводится стенографический отчет Государственного совещания.

Перед нами сразу же встает вопрос об объеме и характере той массы информации, которая содержится в этом источнике. На Государственном совещании контрреволюция выступила с открытым забралом. Корнилов и Каледин, Милюков и Рябушинский в предвидении близкой «победы» не считали нужным скрывать свою программу разгрома Советов и установления военной диктатуры. В открытости и прямоте их выступлений — главная ценность материалов как источника по истории 1917 г. На эту сторону и обратили прежде всего внимание исследователи истории корниловского мятежа. Однако ценность стенографического отчета Государственного совещания данным обстоятельством далеко не исчерпывается.

Материалы Государственного совещания, рассмотренные в целом, очень точно отражают состояние *всех сил*, входящих в так называемую коалицию: внутренние противоречия, раздирающие эту коалицию, ее бессилие ре-

---

[97] Это тем более необходимо подчеркнуть, что некоторые современные исследователи (например, *Якупов Н. М.* Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия. Киев, 1972) даже не упоминают документальную публикацию «Разложение армии в 1917 году».

[98] См. табл. на с. 298—299, № 6, 9, 10.

[99] Буржуазия накануне Февральской революции, с. III.

шить основные проблемы, стоящие перед страной, страх перед растущей революцией и дикую ненависть к народным массам, к большевикам, возглавляющим борьбу масс.

Вопреки утверждениям современных буржуазных фальсификаторов о «демократизме» и «законности», якобы господствовавших во времена Керенского, материалы тома показывают, что страна переживала экономическую катастрофу, развал армии, разгул насилия со стороны контрреволюционных банд.

Выступавших на «совещании» можно условно разделить на пять групп. Это представители деловой буржуазии, торгово-промышленные хозяева капиталистической России; различных политических партий контрреволюционного фронта; члены Временного правительства, ведающие проблемами промышленности, сельского хозяйства, финансов, снабжения; представители генералитета и верхушечных армейских комитетов, а также буржуазных национальных организаций. Все эти группы, объединяемые единой целью (подавление растущей пролетарской революции), находились в постоянной борьбе и столкновениях между собой, взаимно разоблачали друг друга. В обвинениях содержится немало ценного фактического материала, весьма важного для характеристики состояния контрреволюционного фронта.

Попытаемся прежде всего выяснить те политические и идеологические концепции, которые объединяли различные контрреволюционные силы. Стенограмма «совещания» дает обильный материал для ответа на вопрос.

Возьмем для сопоставления два ряда выступлений — буржуазных и «социалистических» лидеров. А. А. Бубликов, А. И. Гучков, М. В. Родзянко, В. А. Маклаков и другие буржуазно-помещичьи лидеры готовы были «признать» революцию «во имя победы» над внешним врагом и создания «великой России». Вот как эта концепция выглядела в изложении Родзянко: «...руководящей идеей революции была, несомненно, идея необходимости победы над германским милитаризмом, идея уничтожения в корне и навсегда угрозы германской гегемонии над нами, была великая мощная идея создать сильную и мощную Россию. И идея революции была тогда идеей патриотической, и революция, бесспорно, должна быть названа всенародной»[100]. Родзянко говорил о «революции» в прошедшем времени — его концепция «патриотической революции» рухнула под напором масс. «Нам чудилось

тогда (т. е. в феврале.— *Е. Г.*), что мрак перед нами рассеялся...» Но «мрак» сгустился, и страна, по его словам, оказалась на краю гибели в результате действий Советов и комитетов.

Что же ответил на это «левый» фланг контрреволюции?

Церетели успокаивал буржуазию и уговаривал ее не бояться Советов, так как это «временные леса», которые легко можно убрать, когда будет достроено здание буржуазного государства [101]. А в методах этой «достройки» Церетели не отличался не только от Керенского, но и от Корнилова. Широко известна сцена символического рукопожатия капиталиста Бубликова и «социалиста» Церетели на сцене Большого театра, в котором проходило Государственное совещание. Но гораздо более весомой была ясно выраженная солидарность Церетели с Корниловым. «Очень образно и очень сильно, ударив по всем сердцам, верховный главнокомандующий сказал: „Если нам ценою потери части нашей территории достается порядок в тех или иных отраслях народного управления, если ценою потери Риги будет восстановлен порядок железнодорожного сообщения и ценою других потерь другие отрасли жизни будут приведены в порядок, то это ужасно“». «Да, это ужасно,— комментировал Церетели,— но все же при этих условиях, если, получая удары кровавые, народ смыкает свои ряды, все-таки есть надежда, что будут взяты обратно и Рига и утраченные части территории» [102].

Из всей серии «1917 год в документах и материалах» только один том — «Всероссийское Учредительное собрание» — подвергся источниковедческому рассмотрению в интересной статье О. Н. Знаменского [103]. Отметим, однако, что Знаменский ограничил себя источниковедческим анализом стенограммы заседания Учредительного собра-

---

[100] Государственное совещание, с. 103.

[101] Государственное совещание, с. 122.

[102] Там же, с. 121. В стенографической записи выступления Корнилова этих слов, процитированных Церетели, нет. Видимо, Церетели пользовался другим источнком. В стенограмме же мысль Корнилова звучит более энергично и целенаправленно: «Враг уже стучится в ворота Риги, и если только неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережьи Рижского залива, дорога к Петрограду будет открыта» (Государственное совещание, с. 62).

[103] *Знаменский О. Н.* О стенограмме заседания Всероссийского Учредительного собрания 5—6 января 1918 г.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. II.

ния, оставив в стороне вопрос о томе в серийной публикации, его археографическую характеристику.

Между тем этот том представляет собой самостоятельное археографическое явление и заслуживает особого рассмотрения. Том содержит редакционное введение с описанием использованных архивных фондов, два варианта списков депутатов Учредительного собрания с указанием избирательных округов и номера списка, по которому был избран депутат. Кроме того, том снабжен многочисленными документальными приложениями: материалы Временного правительства, программные заявления политических партий, документы ВЦИК, Совнаркома, а также массовых организаций рабочих, крестьян, солдат. Этому изданию были предпосланы ленинские работы «Тезисы об Учредительном собрании» и «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата».

Основная ценность стенографического отчета заседания Учредительного собрания 5—6 января 1918 г. заключается в том, что в нем с максимальной полнотой отразились позиции различных политических партий на ответственном этапе развития социалистической революции, когда завершалось триумфальное шествие Советской власти.

Конечно, существует большое количество других источников: партийная пресса, материалы съездов и конференций различных партий, по которым мы можем судить о их политических позициях и делах. Но речи на Учредительном собрании имеют особый интерес как политическая «вывеска», официальная витрина партий.

Кроме того, значение выступлений представителей политических партий состоит в том, что на их основании можно подвести определенный итог развитию мелкобуржуазных и националистических организаций на первом этапе Октябрьской революции, когда пришло время вынести окончательный приговор Учредительному собранию.

Если из словесной шелухи речей меньшевиков, правых эсеров и представителей националистических партий извлечь существенное содержание, то окажется, что никто из них не смог выдвинуть никакой позитивной программы. В той или иной форме они вынуждены были исходить из факта реального осуществления Октябрьской революцией чаяний трудящихся масс в вопросах о мире, земле, национально-государственном строительстве. Но «признание» это носило «зеркально-вогнутый» характер.

Отвергая Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, резко критикуя декреты, принятые ВЦИК и Совнаркомом, такие златоусты мелкобуржуазных партий, как Чернов и Церетели, делали вид, что именно Учредительному собранию принадлежит инициатива и право принятия законов о земле, мире, о федеративном государственном устройстве.

Речи меньшевиков и эсеров, застенографированные во время первого и единственного заседания Учредительного собрания — это источник с двойным дном. На поверхности — формальное признание необходимости революционно-демократических преобразований и их запоздалое «законодательное декретирование», а вторым слоем лежит главное — отрицание Советской власти, диктатуры пролетариата и всех революционных социалистических преобразований, проведенных Октябрем.

Позиция большевиков была сформулирована предельно четко в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и в программных выступлениях Я. М. Свердлова. Речи И. И. Скворцова-Степанова, Н. Н. Крестинского дают богатый материал для понимания тактики большевиков на заседании Учредительного собрания. В. И. Ленин дал высокую оценку первому выступлению И. И. Скворцова-Степанова в самом начале заседания. В своей незаконченной статье «Люди с того света» Ленин писал: «Прав был тов. Скворцов, который в двух-трех кратких, точно отчеканенных, простых, спокойных и в то же время беспощадно резких фразах сказал правым эсерам: «„Между нами все кончено. Мы делаем до конца Октябрьскую революцию против буржуазии. Мы с вами на разных сторонах баррикады“» [104]. Ленин пользовался собственной записью выступления Скворцова-Степанова или воспроизвел его речь по памяти и довольно точно. В стенографической записи это место выступления Скворцова-Степанова выглядит так: «Граждане, сидящие направо, разрыв между нами давно уже совершился. Вы были по одну сторону баррикады с белогвардейцами и юнкерами, мы были по другую сторону баррикады с солдатами, рабочими и крестьянами... Между нами все покончено. Вы в одном мире — с кадетами и буржуазией; мы в другом мире — с крестьянами и рабочими» [105].

---

[104] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 229—230.
[105] Всероссийское Учредительное собрание, с. 7.

Стенографический отчет сохранил нам еще два выступления Скворцова-Степанова. Одно из них было вызвано предложением свернуть прения по вопросу о порядке дня и ограничить регламент для выступлений 10 или даже 5 минутами. Это предложение было внесено после пространных, почти часовых речей Чернова и Церетели. Выступление Скворцова-Степанова опровергает мнение, существующее в литературе, что большевики на всех этапах этого заседания были против развертывания прений. Скворцов-Степанов заявил: «И вот в то время, когда констатировано, что прения приобретают программный характер, в то время, когда с вызовом обратились к той фракции, к которой я имею счастье принадлежать с самого ее возникновения, с вызовом ответить на заданные вопросы, в это время вдруг вы хотите применить гильотину. Это ваша свобода слова, это ваше уважение к парламентской трибуне? Мы протестуем против того, что именно в этот момент вводится гильотина (Аплодисменты слева)» [106]. Это выступление свидетельствует о гибкой тактике большевистской фракции, не упускавшей случая разоблачить мнимый демократизм эсеровского большинства Учредительного собрания.

Третье выступление Скворцова-Степанова было более пространным. Он подверг критике речь Церетели, в которой этот «марксист» отказался от классового анализа и пытался выдать волю свергнутых революцией классов за „общенародную волю“ [107]. Когда Скворцову-Степанову пытались помешать и сорвать его выступление, он заявил: «Белогвардейцы и их союзники, выслушайте слово правды... вы хотите закрепить свое положение, и вот свой голос контрабандистов, голос кадетов, ваших союзников, вы выдаете за общенародную волю...» [108]. Эти положения Скворцова-Степанова полностью совпадают с основным тезисом статьи Ленина «Люди с того света»: «Ни капли мысли у Церетели и Чернова, ни малейшего желания признать факт классовой борьбы, которая не случайно, не сразу, не по капризу или злой воле кого бы то ни было, а неизбежно, в долгом процессе революционного развития, превратилась в гражданскую войну» [109].

Записанное в стенографическом отчете выступление Н. Н. Крестинского знаменовало переломный момент в ходе заседания, когда большинство депутатов проголосовало за предложенный правыми эсерами порядок дня, которым отвергалось обсуждение Декларации прав тру-

дящегося и эксплуатируемого народа. «Граждане,— заявил Крестинский,— ЦИК в своей декларации поставил перед вами определенный вопрос. Считая, что на этот вопрос, вопрос революционно-социального преобразования России, Учредительное собрание должно дать ответ прямой и немедленный, мы, фракции большевиков и левых с.-р., предлагаем первым пунктом порядка дня поставить обсуждение декларации ЦИК. Своим голосованием... (шум) вы показали, что правое большинство Учредительного собрания уклоняется от прямого ответа на поставленный ему пролетариатом и крестьянством вопрос. Поэтому фракция большевиков считает необходимым обсудить создавшееся положение и требует перерыва заседания» [110].

Предложение Крестинского было принято. Как известно, большевики после этого перерыва в зал заседаний Таврического дворца не вернулись. По поручению большевистской фракции была оглашена написанная Лениным Декларация [111]. Стенографическая запись Декларации не полностью воспроизводила этот документ, однако составители публикации «Всероссийское Учредительное собрание» восстановили недостающий текст по газете «Правда» (по которой опубликована Декларация и в Сочинениях В. И. Ленина). Ценность стенографической записи заключается в том, что в ней отражена живая реакция аудитории на декларацию. Каждый абзац Декларации встречался бурными аплодисментами рабочих, солдат и матросов, сидящих на хорах. Правая часть Учредительного собрания пыталась прервать оратора криками: «Долой!», «Ложь!», «Довольно!» — и различными оскорбительными возгласами, точно зафиксированными стенографистками [112].

Таким образом, стенографический отчет является важным источником для воспроизведения выступлений большевиков в Учредительном собрании, для понимания тактики большевистской фракции.

При подготовке к печати стенографического отчета редакция серии использовала: а) сохранившийся неполный

---

[106] Там же, с. 53—54.
[107] Там же, с. 59.
[108] Там же, с. 60.
[109] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 230.
[110] Всероссийское Учредительное собрание, с. 65.
[111] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 227—228.
[112] Всероссийское Учредительное собрание, с. 89—90.

экземпляр стенографического отчета, подписанный М. Урицким — этот экземпляр взят за основу; б) второй архивный экземпляр, по которому восполнялись недостающие страницы основного экземпляра стенографического отчета; в) печатное издание стенографического отчета 1918 г.

Как установили составитель и редакция, публикации стенографического отчета «Всероссийское Учредительное собрание» (1930), издание 1918 г. и текст стенографической записи не идентичны. Составитель И. С. Малчевский скрупулезно сличил два эти текста и оговорил в подстрочных примечаниях все разночтения.

О. Н. Знаменскому принадлежит заслуга установления истории издания 1918 г., роли в этом правого эсера, секретаря Учредительного собрания М. В. Вишняка, который своей редакцией «исправил» и подчистил подлинный текст стенографической записи. Знаменский предпринял также попытку установить численность и партийный состав депутатов, присутствовавших на заседании Учредительного собрания 5—6 января 1918 г. При этом он почему-то не упомянул о подсчетах, опубликованных составителем и редакторами издания «Всероссийское Учредительное собрание» 1930 г.[113] Правда, задачи, которые поставили перед собой составитель публикации 1930 г. и О. Н. Знаменский, разные. Составитель пытался выяснить общее число и партийный состав всех избранных в Учредительное собрание депутатов. Знаменский же решил определить число и партийный состав депутатов присутствующих на заседании 5—6 января.

Составитель пользовался при решении своей задачи «Алфавитным списком членов Учредительного собрания», сохранившимся в архиве Комиссии по выборам, рукописным списком из «Дела о регистрации членов У. С.» и списком регистрации фракции эсеров. На основании этих трех списков был составлен общий список членов Учредительного собрания из 601 депутата, дополненный списком по материалам избирательных округов, охватывающим еще 106 депутатов, всего 707 депутатов. На основании депутатских списков в публикации 1930 г. приведены данные о партийном составе избранных депутатов: 370 правых эсеров, 40 левых эсеров, 175 большевиков, 16 меньшевиков, 86 от национальных групп, 17 кадетов, 2 энеса. Партийность одного депутата не определена[114].

Стенограмма является важным источником для вос-

становления картины острой политической борьбы, развернувшейся в ходе заседания. Мы приведем некоторые образцы диалога, который непрерывно шел между левой и правой частью собрания, между наполнявшими хоры рабочими, солдатами, матросами и эсеровским большинством.

Вот как выглядит место в стенографической записи речи Чернова, где он говорил о земле: «Вам предстоит выговорить то и облечь в продуманные и величественные формы и претворить в конкретную действительность то, что давно уже высказано волей громадного большинства трудового земледельческого населения России: „Вся земля, без всякого выкупа — общенародное достояние (шум, аплодисменты)".

Голос слева: „Да здравствуют Советы, передавшие землю крестьянам; это сделано Советами".

Другой голос слева: „Вам не удастся это с калединцами".

Чернов: „Этот голос народной воли был так силен, что перед ним должны были склониться все партии".

Голос слева: „Даже Черновы".

Чернов: „...как бы они ни относились к этому лозунгу ранее. Граждане, в этой области перед вами колоссальная задача: из области голых лозунгов и общих формул перейти в область осуществления...".

Шум слева и голоса: „Поздно".

Чернов: „...в область реального, действительного, общегосударственного...".

Голос слева: „Не вы ли расстреливали крестьян?".

Чернов: „...уравнительного, трудового землеустройства (шумные аплодисменты справа). Ибо, граждане, я думаю, что если где-нибудь за стенами этого Учредительного собрания могут по этому поводу существовать какие-нибудь недоразумения...".

Голос слева: „Вам не верят".

Чернов: „...То здесь, в этом собрании, всякий, надо полагать, понимает, что всеобщая передвижка земельного пользования...».

Голос слева: „Без пули не обойтись вам".

Чернов: „...не делается одним росчерком пера, не де-

---

[113] Всероссийское Учредительное собрание, с. 114—115.

[114] Там же, с. 115. Общее число депутатов составитель ошибочно определил 715, а не 707 человек.

лается никакими плакатами, какими бы именами эти плакаты ни назывались".

Голос слева: „При содействии калединцев".

Чернов: „Вся Россия, в лице своих демократических органов управления...".

Голос слева: „Советсв Рабочих и Солдатских депутатов"» [115].

Стенограмма, зафиксировавшая этот до предела накаленный поединок, является важным источником для понимания политической атмосферы, настроения враждующих сторон. «Голоса слева» от начала до конца заседания срывали маску с велеречивых черновых и церетели, разоблачали их лицемерие, ханжество, политическое двурушничество.

Стенограмма запечатлела такой момент, когда председатель Учредительного собрания предложил «почтить память всех тех, кто пал в борьбе с произволом старого строя, в борьбе за Учредительное собрание, почтить память тех борцов, которые пали в борьбе за русскую революцию, вставанием» [116].

«Голос слева: „Мы встаем за тех, кто погиб за власть Советов, за тех, кто погиб в борьбе с Рудневым и юнкерами... За тех, кто погиб в борьбе против Чернова, Руднева и Керенского"» [117].

Затем еще раз прозвучал голос: «Я предлагаю почтить память жертв 18 июня».

Правая часть собрания не сдвинулась с места...

«Голос слева: „Вы не встаете: палачи всегда сидят на своих местах"» [118].

Опытные стенографистки быстро схватывали и фиксировали эту постоянную острую схватку, отражавшую, хотя и в незначительной степени, те великие битвы периода триумфального шествия, которые проходили за стенами Таврического дворца, за пределами этого мертворожденного «парламента».

Мы рассмотрели первую серийную публикацию источников по истории Великого Октября. Она содержит обильный материал по истории Советов, массового рабочего и крестьянского движения, состояния армии и процесса ее революционизирования. Важное значение имеют документы серии по истории буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции.

Несмотря на разнородный характер томов серии, все они составляют единое целое. Документы, отражающие

процесс большевизации Советов, армии, революционное движение рабочих и крестьянских масс, являются стержнем серии. С другой стороны, материалы серии отражают процессы размывания лагеря буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции, и это также составляет основу единства всей серии.

Основные тома отличаются высокой степенью репрезентативности. Всероссийское совещание Советов в марте 1917 г., I Всероссийский съезд Советов в июне 1917 г., II Всероссийский съезд Советов отражены в серии в наиболее представительных документах. Последующие публикации источников по истории съездов Советов дополняли серийное издание, но отнюдь не снижали его значения. Такой же репрезентативностью и полнотой отличаются тома серии по истории Государственного совещания и Учредительного собрания.

Несколько по-иному обстоит дело с томами, посвященными рабочему, крестьянскому движению и состоянию армии в 1917 г. Несомненно, можно подготовить более полное издание документов по рабочему движению, но, к сожалению, такая возможность до настоящего времени не реализована.

Публикации 30—70-х годов по революционному движению в армии в 1917 г. отодвинули том «Разложение армии в 1917 году» на более скромное место, хотя его значение сохранилось. То же самое относится к тому о крестьянском движении. Этот том является документальной *хроникой*, основанной на архивных материалах из фонда Главного управления милиции Временного правительства. Многочисленные новые публикации по истории крестьянского движения дают более точные количественные подсчеты размаха крестьянского движения, но отнюдь не заменяют первой сводной хроникальной публикации.

Тем самым мы можем сделать вывод о высокой степени долговечности первой серийной публикации источников по истории Октября. Она не только «работает» и по сей день, спустя полвека после выхода первых ее томов, но содержит в себе еще богатейшие неиспользованные

---

115 Всероссийское Учредительное собрание, с. 16—17.
116 Там же, с. 22.
117 Там же.
118 Там же, с. 23.

информационные возможности для современных и будущих исследователей истории Октябрьской революции.

В ходе подготовки томов серии был накоплен значительный опыт в решении проблем археографии: методы подготовки документов к печати, способы наиболее точного воспроизведения таких источников, как стенограммы, характер научного аппарата, комментарий, справочные указатели и т. д. Это был поиск в совершенно новой области — серийной научной публикации документов революционной эпохи. И результаты этого опыта, при всех его недостатках и ошибках, оказали большое влияние на последующие работы по советской археографии и источниковедению.

Серийное издание документов по истории революции 1917 года, включенное в широкий комплекс материалов по этой проблематике, сыграло крупную роль в идеологической борьбе с троцкизмом, с различными проявлениями ревизионизма и буржуазной фальсификацией истории Великого Октября.

Нельзя требовать от первой серийной публикации, чтобы она была всеобъемлющей. Документальные публикации по истории Октября составляют огромный массив. По этой проблематике зарегистрировано только за период с 1917 по 1960 г. более двух тысяч названий [119]. Постоянное, закономерное стремление к созданию корпуса источников по истории Великого Октября является характерной чертой советской археографии и источниковедения. И у истоков этого процесса, одним из крупных камней в его фундаменте, лежит серийная публикация «1917 год в документах и материалах».

Глава седьмая

ПОДГОТОВКА ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА

В июле 1931 г. Центральный комитет партии принял постановление о подготовке издания истории гражданской войны в СССР. В постановлении говорилось: «Одобрить инициативу т. А. М. Горького и приступить к изданию для широких трудящихся масс „Истории гражданской войны“ в 10—15 томах в виде сборников научно-истори-

ческих статей и литературно-художественных произведений» [1]. Этим постановлением была создана Главная редакция издания в составе: А. М. Горький, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник, И. В. Сталин. В историческую редакцию вошли М. Н. Покровский, А. С. Бубнов, А. М. Горький, Е. М. Ярославский, Я. А. Яковлев, Н. Н. Попов, А. И. Стецкий, Я. Б. Гамарник. Была создана разветвленная сеть комиссий содействия созданию истории гражданской войны при партийных организациях, в армии, на предприятиях.

Выше уже упоминалось о дооктябрьском опыте, когда Горький проявил инициативу в собирании материалов по истории революционного движения в России. В начале 30-х годов великий пролетарский писатель снова встал в центре огромной организационной, творческой работы по созданию истории революции и гражданской войны.

Работа Горького проходила в трех направлениях. Во-первых своими обращениями к участникам революции и гражданской войны, призывами собирать документы и воспоминания он активно содействовал движению, которое развернулось в стране под лозунгом — массы должны написать свою историю. Во-вторых, он явился душой того небольшого коллектива, который вел все дело создания истории революции и гражданской войны. В-третьих, он тщательно рецензировал и редактировал подготовленные для издания рукописи, критически их анализировал, требовательно, придирчиво относясь как к научному уровню, точности изложения, так и ясности, простоте, доступности истории для широких масс читателей. Многочисленные письма Горького в республиканские и областные партийные организации об организации работы по собиранию материалов, обращения Горького в Коминтерн и Народный комиссариат иностранных дел с просьбой собрать материал за границей об интервенции и движении солидарности с Советской республикой оказали большое влияние на создание документальной базы истории революции.

---

[119] Великая Октябрьская социалистическая революция: Библиографический указатель документальных публикаций/Сост. В. В. Филагина. М., 1961.

[1] История гражданской войны: План издания, утвержденный Главной редакцией 27 марта 1932 г. М., 1932, с. 3.

Большой интерес представляют отзывы Горького на первые варианты глав первого тома. Он требовал от авторов поставить в центр исследования рабочий класс, так как история революции есть прежде всего «история революционного роста и творчества пролетариата» [2]. Горький предупреждал авторов о недопустимости недооценки сил врагов революции. «В необычных и тягостных условиях, созданных поражением на войне и революционным возбуждением масс, капиталисты боролись против пролетариата достаточно стойко»,— писал Горький [3]. Он критиковал авторов за «избыток революционной фразы и недостаток фактов, документов» [4]. Его требования показать массу «живой, говорящей и действующей» сопровождались указаниями о необходимости учета «личного начала», раскрытия роли революционеров-большевиков.

В этот момент еще не был ясен вопрос о том, какую форму примет это научно-популярное издание. Опубликованный в 1932 г., утвержденный Центральным Комитетом план издания и вышедшие затем первые два тома свидетельствовали, что была найдена удачная форма: не сборника статей, а коллективного монографического научного исследования в сочетании с увлекательным, живым рассказом о событиях революции 1917 г.

Выработке плана предшествовала большая работа, которая началась еще до принятия постановления ЦК ВКП(б). 7 августа 1931 г., т. е. через несколько дней после постановления ЦК, был опубликован проект плана [5]. Сравнение проекта с утвержденным планом говорит о характере и объеме проделанной работы. По проекту первый том должен был включать введение и шесть глав — от Февральской революции до Октябрьского вооруженного восстания. Главы были посвящены свержению самодержавия, борьбе большевиков за армию, июльским дням, корниловщине, организации штурма, вооруженному восстанию.

Второй том по проекту начинался главой о Бресте и завершался главами: «Первые вспышки кулацкой контрреволюции» и «Революция и контрреволюция в Финляндии».

По утвержденному плану первый том оставался в тех же хронологических границах, однако в структуру и содержание глав были внесены серьезные изменения. Они шли, главным образом, по линии развертывания анализа руководящей роли партии, Ленина в революции и иссле-

дованию соотношения классовых сил на различных этапах революции. Появились главы, которых не было в проекте: приезд Ленина в Россию; Апрельская конференция; Шестой съезд партии большевиков; Хозяйство страны и экономическая программа большевиков; Расстановка сил революции и контрреволюции накануне Октября. Второй том, по утвержденному плану, был полностью посвящен триумфальному шествию Советской власти, т. е. хронологические рамки второго тома основательно сузились.

Прошло только пять лет со времени появления двухтомных «Очерков по истории Октябрьской революции» под редакцией М. Н. Покровского. Но за этот сравнительно короткий промежуток времени историография Октября прошла большой путь углубленной внутренней работы, о чем свидетельствовали план издания и вышедший в 1935 г., т. е. через три года после утверждения плана, первый том «Истории гражданской войны в СССР».

Авторы «Очерков» под редакцией М. Н. Покровского зачастую шли по целине, брали на себя инициативу в разработке крупных проблем истории революции. Авторы первого, как и второго томов «Истории гражданской войны в СССР» могли опереться не только на обширный круг опубликованных к этому времени источников, но и — что самое важное — на результаты широкой мобилизации архивных фондов, обследование которых в центральных и местных хранилищах было проведено по заданию Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР». Наконец, необходимо отметить еще одно важное обстоятельство: редакция опиралась на общественное движение, развернувшееся по призыву Центрального Комитета ВКП(б) ко всем участникам революции и гражданской войны — собирать материалы, писать воспоминания, активно участвовать в создании исторического труда, документальных и мемуарных сборников.

5 апреля 1934 г. в письме в Центральный Комитет ВКП(б) А. М. Горький отметил, что закончена работа над первым томом «Истории гражданской войны в СССР», который «содержит много новых и очень ценных данных»; том представляет собой первую сводную работу «по

---

[2] Вопросы истории, 1958, № 8, с. 78.
[3] Там же, с. 79.
[4] Там же.
[5] История гражданской войны: Проект плана издания. М., 1931.

одному из самых величественных моментов истории»[6]. В ноябре 1934 г. том был направлен в Главную редакцию. В сопроводительном письме Горький писал: «Готов только один том, но это, по-моему, добрая треть всего издания: приобретен большой опыт, проделана огромная подготовительная работа, нащупан как будто верный тип книги для всего издания»[7].

Том, о котором говорил Горький, включал в себя материалы и будущего второго тома, выход в свет которого был отделен от первого почти семью годами. Но по содержанию и характеру изложения, по своей концепции первый и второй тома — единое произведение. Именно как единый том эта работа и была представлена в Главную редакцию. Однако из-за слишком большого объема книги она была разделена на два тома. Таким образом, готовый уже в 1935 г. второй том в связи с чрезвычайной занятостью членов Главной редакции ждал своей очереди и вышел в свет в 1942 г., к 25-й годовщине Октябрьской революции, в разгар Великой Отечественной войны.

По сути дела, промежуток между выходом первого и второго томов не так велик. Дело в том, что часть материалов второго тома была опубликована в виде отдельных статей еще в 1937—1940 гг.[8]

Достоинством первых двух томов «Истории гражданской войны в СССР» являлось сильное звучание ленинской темы, разработка в них проблем, связанных с деятельностью Ленина как теоретика, вождя, организатора и вдохновителя революции. Сказались заметные успехи, достигнутые советской историографией в изучении ленинского научного наследия, в овладении ленинской концепцией истории революции 1917 г.

В томах «Истории гражданской войны в СССР» Ленин был показан как великий революционный стратег. С этих позиций исследованы «Апрельские тезисы» Ленина, его план борьбы за переход к социалистической революции, значение Апрельской конференции партии большевиков, фактическое руководство Лениным, находившимся в подполье, VI съездом партии. Впервые в таком объеме была раскрыта роль Ленина как теоретика и руководителя вооруженного восстания, как основателя Советского государства.

Значение издания заключается также в том, что в нем подверглись аргументированной критике троцкистско-меньшевистские фальсификации истории революции

1917 г. и различного рода модификации этих «историй» — о характере и движущих силах Февральской и Октябрьской революций, о роли Советов, рабочего класса.

По стилю и методу изложения тома представляют собой научные исследования, рассчитанные на широкие читательские массы. Яркие характеристики деятелей революции и контрреволюции, раскрытие конфронтации враждебных классовых сил, анализ противоречий в лагере буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции, постоянно нарастающее движение масс, идущих под руководством рабочего класса и партии большевиков к самым высоким и острым формам классовой борьбы — к вооруженному восстанию и, с другой стороны, все углубляющийся кризис верхов общества — таковы основные направления исследования. Издание отличается соединением живой формы повествования с важными теоретическими обобщениями.

Динамический стиль изложения событий держит читателя в напряжении. Его вводят в гущу масс, осаждавших Зимний дворец, он как бы присутствует в штабе революции и штабе контрреволюции, он переносится в Ставку Главковерха и в штабы фронтов, он входит в захваченные большевиками министерства и наблюдает первые шаги новой революционной власти.

Хотя авторы не заняли четкой позиции по вопросу о месте российского империализма в мировой системе монополистического капитализма и склонны были считать, что Россия была полуколонией западноевропейского империализма, в книге все же подчеркивалась самостоятельная роль России в войне. Отметив тяжкое бремя союзнических обязательств для России, вынужденной бросить свою неподготовленную армию в Пруссию, авторы отмечали: «Было бы, однако, неправильно думать, что командующие классы России ввязались в мировую бойню только

---

[6] Вопросы истории, 1958, № 8, с. 81.

[7] Там же, с. 82.

[8] [*Минц И. И.*] Подготовка Великой социалистической революции 1917 года (По материалам «Истории гражданской войны в СССР»).— Большевик, 1937, № 19; [*Минц И. И.*] Победа Великой социалистической революции 1917 года (По материалам «Истории гражданской войны в СССР»).— Большевик, 1937, № 20; *Минц И. И.* Октябрьское вооруженное восстание в Москве.— Большевик, 1939, № 20—21; *Городецкий Е. Н.* Организация Советской власти.— Большевик, 1940, № 19/20.

в угоду англо-французскому капиталу, что русская буржуазия не преследовала своих империалистических целей»[9].

Особенно детально были исследованы в томах социально-экономические предпосылки революции. Растущая экономическая разруха в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, провал попыток сначала царизма, а затем и Временного правительства регулировать народное хозяйство в интересах ведения войны, растущий продовольственный и финансовый кризис и невозможность выйти из грозящей катастрофы обычным, не революционным путем — все эти вопросы находились в центре внимания авторов.

Впервые в советской историографии в одном коллективном труде вторая и третья революции были показаны в масштабах всей страны, с общими и особыми чертами, характерными для каждого из крупных регионов. Такой масштаб мог быть взят в результате успешного развития исследований по истории революции на местах. При этом авторы строго придерживались ленинской концепции о новой расстановке классовых сил после свержения царизма, о линии партии большевиков на союз рабочего класса с деревенской беднотой для совершения социалистической революции. Вместе с тем авторы выступали против понимания нейтрализации середняка как «пассивного нейтралитета», подчеркивая, что большевики добивались дружественного нейтралитета середняцких слоев деревни в той борьбе, которую вел рабочий класс за победу социалистической революции.

Рассмотрим некоторые черты исследования основных этапов революции в первом и втором томах «Истории гражданской войны в СССР». Авторы придерживались периодизации, разработанной в трудах В. И. Ленина, в основе которой лежала та грань между мирным и немирным периодами революции, которую положил июльский кризис.

В исследовании мирного периода авторы проследили, как возникло двоевластие, каково было соотношение сил внутри системы двоевластия во время апрельского и июньского кризисов. Интересной и перспективной явилась попытка авторов связать лозунг «Вся власть Советам!» с борьбой масс за слом буржуазно-помещичьего государственного аппарата, за создание нового аппарата из самих Советов.

Новые материалы были использованы почти во всех главах обоих томов «Истории гражданской войны в СССР». Документально подтверждена преднамеренная, предательская сдача корниловцами Риги, планы контрреволюции подавить Советы при помощи германских штыков.

В центре второго тома авторы поставили события осени 1917 г., когда страна переживала общенациональный кризис. Вкладом в советскую историографию Октябрьской революции следует считать то, что авторы показали различные стороны кризиса, подготовки и осуществления в стране ленинского плана вооруженного восстания. Однако вопросы общенационального кризиса рассмотрены главным образом с позиций выяснения того, как проходила организация штурма старого строя в масштабах всей страны. Это, с одной стороны, чрезвычайно расширяло диапазон издания, так как революционные процессы брались в их общих и специфических проявлениях в различных районах империи. Однако задача исследования несколько сужалась. Объектом изучения была главным образом деятельность большевиков по организации штурма, слабее были раскрыты объективные факторы общего кризиса.

Для характеристики общенационального кризиса авторы изучили процесс растущего развала верхов и быстрый рост большевизации Советов, а также таких массовых организаций, как профсоюзы, солдатские комитеты, женские и молодежные организации. Впервые в историографии Октября были фронтально представлены партийные и советские областные и губернские съезды, показано их значение в подготовке победы социалистической революции, а также проведение Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и Москве. Впервые в таком объеме изучена история борьбы с первым антисоветским мятежом Керенского—Краснова. В заключительной главе второго тома «Истории гражданской войны» исследован процесс формирования нового Советского государства, борьба партии с правыми капитулянтами, преодоление саботажа, ускорившего слом старого аппарата и создание новых кадров управления всеми областями государственной и общественной жизни.

---

[9] История гражданской войны в СССР. 2-е изд. М., 1938, т. 1, с. 11.

Рассмотрение вопросов, связанных с апрельским, июньским и июльским кризисами, было довольно традиционным, и авторы могли опереться на труды О. Н. Чаадаевой, О. А. Лидака, Е. П. Кривошеиной и других историков. По другим вопросам они выступали инициаторами постановки и решения новых проблем. Таковы были проблемы хозяйственного положения страны и экономической политики различных классов, состояние и расстановка сил революции и контрреволюции, проблемы общенационального кризиса.

В итоговом разделе главы второго тома «Восстание в Петрограде» подчеркнут вывод о народном характере революции: «Октябрьская социалистическая революция была *народной* в том смысле, в каком понимал ее Маркс. Большевикам удалось отвоевать массы у эсеров и меньшевиков» [10].

Авторы привели материал, свидетельствующий о развитии Лениным идеи о народном характере социалистической революции. Так, в письме Ленина «Марксизм и восстание» говорилось: «За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами *большинство* народа...» [11]. Ленин пояснял далее, что «гвоздь общенародного характера революции» состоит в том, что только социалистическая революция передаст землю крестьянам.

Выход в свет первого и второго томов «Истории гражданской войны в СССР» вызвал широкий общественный отклик. Почти во всех научных журналах гуманитарного профиля, в общественно-политических журналах, во многих газетах были опубликованы рецензии, авторами которых выступили крупные ученые (А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров, О. Н. Чаадаева, Г. Крумин, О. А. Шекун, А. Пясковский и др.). В рецензиях отмечался крупный вклад, внесенный Главной редакцией и коллективом авторов в научную разработку истории Великого Октября, в дело воспитания революционных традиций советского народа.

Некоторые рецензии были неумеренно восторженными, критических замечаний и конструктивных предложений они почти не содержали. Можно понять глубокое удовлетворение научной общественности: ведь после издания двухтомных «Очерков по истории Октябрьской революции» в 1927 г. это была новая крупная коллективная работа, основанная на ленинской концепции истории Ок-

тября. Важность изданию придавало то, что в его подготовке принимали участие видные деятели революции и А. М. Горький.

Период, когда создавалась эта работа, наложил на нее отчетливый отпечаток. Деятельности Сталина, который играл видную роль в революции, было придано особое значение, его выделили из всего состава Центрального Комитета партии, поставили рядом с Лениным, как равного ему руководителя партии, каким он в действительности не был. Сталину в этих томах приписывали руководящее участие в событиях, в которых он играл более скромную роль одного из членов ЦК или даже вообще не участвовал, как, например, в принятии решений ЦК утром 24 октября. В то же время некоторые деятели революции, с именами которых были связаны крупные революционные события, вообще не упоминались в томах. Такое отступление от исторической правды не могло не сказаться на уровне и характере историографии Октября 30—50-х годов, испытавшей на себе заметное влияние первых двух томов «Истории гражданской войны в СССР». Но было бы ошибочным делать вывод, что это влияние было однозначно негативным. Во-первых, книга о борьбе миллионов и написанная для миллионов сыграла крупную роль в распространении научных, марксистско-ленинских знаний об Октябрьской революции. Во-вторых, мобилизованный в двух томах огромный документальный материал, научно обработанный авторами, оказывал благотворное влияние на последующую историографию Октября, предъявляя к ней все более и более высокие требования.

---

[10] История гражданской войны в СССР. М., 1942, т. 2, с. 161.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 244; История гражданской войны в СССР, т. 2, с. 161.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего исследования обнаружилась неправомерность односторонних оценок историографии Великой Октябрьской социалистической революции 20—30-х годов как якобы цепи сплошных ошибок и заблуждений. Такие оценки игнорируют подлинное состояние советской исторической науки в эти годы, достижения, заложившие фундамент для ее развития на последующих этапах. Миф о слабом изучении сочинений В. И. Ленина опровергается целым комплексом работ по историографии, источниковедению, археографии Великого Октября. Достаточно указать на труды М. С. Волина, А. Г. Черных, Л. М. Спирина, Т. А. Игнатенко, В. П. Шерстобитова, Л. В. Ивановой, А. И. Алаторцевой, Г. Ф. Сиволаповой, Г. Д. Алексеевой, В. В. Баженова, В. Д. Поликарпова, Л. В. Бади, Р. М. Савицкой, В. В. Горбунова, В. Н. Котова, В. Г. Сарбея, Г. Ф. Дахшлейгера и других историков, в которых аргументированно показано постепенное и успешное освоение ленинского идейного наследия историками 20—30-х годов.

Конечно, уровень освоения ленинской концепции исторического процесса нельзя оценивать с позиций современных достижений науки. Этот вопрос может и должен решаться с позиций историзма.

Именно в рассматриваемые годы были заложены основы системы научно-исследовательских учреждений, научной периодики, архивов Октябрьской революции, центров по подготовке кадров историков, в том числе и историков Октября. Изучение проблемы показало генетическую связь этой системы с характером и направлением деятельности дореволюционных научных центров партии большевиков и в то же время постепенное сближение, а затем и слияние новых научных центров с обновленной системой Российской Академии наук, а затем Академии наук СССР.

В 20—30-е годы получила заметное развитие источни-

коведческая и археографическая деятельность, особенно в Институте Ленина, Истпарте, Коммунистической академии. Важнейшим ее результатом явились подготовка и опубликование правил издания сочинений В. И. Ленина, практика публикаций источников по истории Октября, особенно серийных публикаций. Впервые собирание материалов по истории Октябрьской революции стало проводиться по широко задуманному плану — как документальных источников, так и мемуаров, прессы всех направлений. Важное значение приобрели различного рода опросы, анкетирование, коллективные вечера воспоминаний. Ни одна эпоха до Октябрьской революции не знала такого подлинно народного движения по собиранию материалов истории революции, как период 20—30-х годов, движения, в котором принимали участие сами массы. Вместе с тем многие материалы, записи активных участников революции не были выявлены. Некоторые источники в ходе гражданской войны и последующих событий оказались утерянными или уничтоженными. Однако, как показывает опыт, до сих пор еще не исчерпаны возможности поисков и находок ценнейших материалов в партийных и государственных архивах, а также в личных архивах участников революции. Этот поиск должен продолжаться.

Из всей сокровищницы ленинских трудов по Октябрьской революции автор выделил методологические проблемы и концепцию периодизации истории Октября. Стимулом развития ленинской концепции истории Октябрьской революции послужили интересы идеологической борьбы того времени. Закономерности развития классовой борьбы выдвигали на первый план ту или иную задачу в исследовании истории революции. Активным стимулятором была также необходимость осмысления опыта, его обобщения в интересах науки и практики социалистического строительства.

Ленинская историческая концепция как основа познания истории Октября складывалась в ходе борьбы против народников, экономистов, легальных марксистов, меньшевиков, троцкистов. Одним из центральных вопросов этой концепции было определение места России в мире — пойдет ли развитие страны по пути, по которому прошли западноевропейские страны, или ей предназначен судьбой свой, особый путь? Выявление и научная разработка Лениным закономерностей развития России по магистральным направлениям мировой истории отделяло маркси-

стско-ленинскую концепцию от народнической. Размежевание с либеральной и меньшевистской концепцией проходило по другой линии. Здесь в центре находился вопрос о революции — пойдет ли развитие России путем революционных преобразований или путем медленного реформирования? Именно эта проблема, а не вопрос о капитализме, отделял марксистов от кадетского и реформистского направлений русской общественной мысли. Разработка Лениным учения о революционной ситуации, революционном общенациональном кризисе, основных этапах перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической получила полное подтверждение на историческом опыте революции 1917 г. Последовательное применение Лениным принципа классового анализа позволило ему обнаружить все проявления закона взаимосвязи величины массы, втянутой в историческое творчество, и глубины, основательности исторического действия, темпов развития человеческого общества.

Мы можем выделить три типа периодизации революционного процесса, применяемых Лениным. Во-первых, это периодизация-прогноз, которая, опираясь на точный научный анализ истории и действительности, намечает возможные этапы грядущей революции. Во-вторых, периодизация, синхронная самим событиям, которая, раскрывая их суть, содержание, внутренне противоречивый характер, ставит эти события в исторический ряд, выделяя определенное звено, этап в революционном процессе. В-третьих,— периодизация ретроспективная, которая синтезирует первые два типа членения исторического процесса. Она отличается масштабностью, широтой характеристики революционных событий, определением их места во всемирной истории.

Критерием периодизации В. И. Ленин выдвигал то или иное соотношение классовых сил. Все другие признаки — изменения в сознании и психологии масс, социальной структуре и состоянии государственной власти, как показано в монографии, тщательно им учитывались, но в тесной связи с основным, определяющим фактором — соотношением классовых сил в стране. Научная периодизация в ленинских трудах являлась историческим обоснованием революционного действия, средством углубления революции и борьбы за ее победу.

В. И. Ленин ввел в науку революции понятие определенных циклов «развития классовой и партийной борь-

бы»[1]. Каждый такой цикл характеризуется особым соотношением классовых и политических сил. Цикл, по Ленину,— более широкое понятие, чем этап в развитии революции, так как он предполагает более или менее завершенный процесс развития каждого класса и отношения между ними. Такой цикл сменяется другим, новым циклом, в который входят партии и классы, «обновленные огнем борьбы»[2].

Но даже «завершенный цикл», каким был доиюльский этап, не означал, как подчеркивал Ленин, завершения задач буржуазной революции. Противоречия, неизбежность новых кризисов и начало нового цикла диктовались тем, что контрреволюция добилась только «полурешения» вопроса о власти, так как силы революции не были разбиты.

Существенная черта ленинского метода периодизации — определение тех элементов революционного процесса, которые, постепенно накапливаясь, подготавливают переход от одного этапа к другому. Граница перехода к новому этапу обозначается определенно и четко, например июльский кризис. Но эта граница формируется постепенно и взрывчатость ее проявления — только видимая. К новому циклу развития революции после июля вели не только такие крупные события, как апрельский кризис, формирование коалиционного правительства, июньский кризис и наступление на фронте, но и карательные экспедиции в деревне, преследования Временным правительством солдатских комитетов, легальные и нелегальные формирования сил внутренней контрреволюции, капитуляция эсеров и меньшевиков перед буржуазией.

Важное место в ленинской концепции занимает проблема темпов развития революционного процесса. Она выдвигается Лениным и при характеристике революционных кризисов, и при исследовании общенационального кризиса. Ускорение темпов революционного процесса — объективный фактор, но направление его результатов, сознательное использование революционного вихря или урагана — это область действия субъективного фактора — борьбы пролетариата и его партии, ее стратегии и тактики.

Ленинская концепция истории Великого Октября является центром его концепции всемирной и отечествен-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 17.
[2] Там же.

ной истории. Исследование показывает, как на фундаменте, созданном ленинскими трудами еще до 1917 г., строилась и развивалась его концепция истории революции в России как революции социалистической, народной, открывшей новую эру в истории человечества. Важнейшим элементом этой концепции был тезис о созидательной силе революции, рождающей новые отношения между людьми, построенные на общенародной собственности на средства производства и потребления, на ликвидации эксплуатации человека человеком.

В 20—30-е годы перед нами проходят три поколения историков Октября. Первое из них вышло из недр ленинской партии, из подпольной революционной работы, тюремных университетов, царской ссылки и каторги. Многие представители этого поколения историков Октября, находясь в вынужденной эмиграции, в крупных центрах европейской культуры, приобщились к опыту революционного движения на Западе, к последним достижениям марксистской мысли. После победы революции они выступили не только как ее историки, но и как организаторы новых научных центров — Истпарта, Института Ленина, системы архивных учреждений, центров по подготовке кадров историков.

Второе поколение историков Октябрьской революции прошло школу революционной борьбы и гражданской войны. Его представители пришли в науку из Красной Армии, с партийной, профсоюзной и советской работы. Они формировались в семинарах Института красной профессуры, в Коммунистических университетах, в РАНИОН, на исследовательской и практической работе в центральных и местных истпартах, в научных институтах, на работе в исторической периодике. Их деятельность и возмужание проходило под руководством первого поколения советских историков.

Вместе с тем в научной подготовке историков второго поколения важную роль сыграли лучшие представители старых кадров русских историков или их ученики, постепенно переходившие на позиции марксизма.

Третье поколение сформировалось из воспитанников исторических факультетов университетов, из аспирантуры высшей школы конца 20-х — начала 30-х годов. У них не было опыта революционной работы, они не прошли сквозь годы гражданской войны, но воспитаны были представителями первого и второго поколений, что и придавало

деятельности всех трех поколений историков Октября единство и целеустремленность.

Историографическое изучение темы позволило выявить результаты творческой работы историков Октябрьской революции первого и второго призывов. Можно отметить два кульминационных пункта в их деятельности. Первый — это издание двухтомного исследования под редакцией М. Н. Покровского «Очерки по истории Октябрьской революции». К этой же работе примыкает, как бы продолжая ее, «История ВКП(б)», том IV, под редакцией Е. М. Ярославского. Вокруг «Истории ВКП(б)» объединились участники революции, ставшие ее историками, слушатели ИКП, научные работники Истпарта и Института Ленина. Благодаря их содружеству был создан фундаментальный труд, ставший заметной вехой в советской историографии.

Второй кульминацией стал выход в свет двух томов «Истории гражданской войны в СССР». Их создавали историки всех трех поколений. Этот труд воплотил в себе как их лучшие черты и достижения, так и противоречия, заблуждения, недостатки, присущие рассматриваемому периоду.

Каждая такая кульминация — новая ступень в овладении ленинской концепцией истории Октябрьской революции, а также в источниковедческой и археографической работе по этой проблематике.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ефим Наумович Городецкий

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

(1917— середина 30-х годов)

Очерки

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. М. Черемных*
Художник *В. Н. Тикунов*
Художественный редактор *Н. А. Фильчагина*
Технический редактор *Т. А. Калинина*
Корректоры *Р. В. Молоканова, Б. И. Рывин*

ИБ № 22061

Сдано в набор 12.03.81. Подписано к печати 17.06.81.
Т-10234. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр. отт. 19,3.
Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 3000 экз. Тип. зак. 335
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

n-3

2 р. 80 к.

Е.Н.Городецкий СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ